ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Кейт Лаумер

ЗАМОРОЖЕННАЯ ПЛАНЕТА

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 1

серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год

Публикации и иллюстрации:

If, November 1961
Gambler's World •
interior artwork by Jack Gaughan

If, September 1961
The Frozen Planet •
interior artwork by uncredited

If, January 1962
The Yillian Way •
interior artwork by Francis

If, July 1962
Aide Memoire •
interior artwork by Burns

If, March 1962
The Madman from Earth •
interior artwork by T. A. Smith

If, September 1962
Cultural Exchange •
interior artwork by R. D. Francis

If, May 1962
Retief of the Red-Tape Mountain •
interior artwork by Jack Gaughan

If, March 1963
Saline Solution •
interior artwork by Virgil Finlay

If, October 1964
The Castle of Light •
interior artwork by Jack Gaughan

If, March 1964
The City That Grew in the Sea •
interior artwork by Jack Gaughan

If, September 1965
Giant Killer •
interior artwork by Jack Gaughan

If, August 1965
Trick or Treaty •
interior artwork by Jack Gaughan

If, January 1965
Retief, God-Speaker •
interior artwork by Jack Gaughan

If, November 1966
Truce or Consequences •
interior artwork by Jack Gaughan

If, April 1967
Retief, War Criminal •
interior artwork by Jack Gaughan

If, February 1967
Forest in the Sky •
interior artwork by Hector Castellon

В ПЕРЕВОДЕ:

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ / В. Фёдоров, И. Рошаль /

ЗАМОРОЖЕННАЯ ПЛАНЕТА / И. Павловский /

ПРОТОКОЛ / В. Фёдоров, И. Рошаль /

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА / В. Фёдоров, И. Рошаль /

ПОЛИТИКА / В. Фёдоров, И. Рошаль /

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН / В. Фёдоров, И. Рошаль /

ЗАПЕЧАТАННЫЙ ПРИКАЗ / В. Фёдоров, И. Рошаль/

ДВОЙНОЙ ТРЮК / А. Флотский /

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК / А. Флотский /

ПЛЕТЕНАЯ СТРАНА ЧУДЕС / А. Флотский /

ГИГАНТСКИЙ УБИЙЦА / В.А. Смирнов /

ФОКУСЫ—ПОКУСЫ ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ДИПЛОМАТИЯ / И. Рошаль /

БРОНЗОВОЕ БОЖЕСТВО / А. Флотский /

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ / И. Павловский /

ПРЕДКИ ГЕРОЕВ / И. Павловский /

ЛЕС НА НЕБЕСИ / В.А. Смирнов /

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Работа с текстом и иллюстрациями: by formally

«...Зачастую мастерство, проявленное опытными главами земных миссий при анализе местных политических течений, давало этим преданным своему делу работникам высшего дипломатического эшелона возможность добиться реализации коммерческих программ Корпуса при условиях, казалось бы, непреодолимой враждебности. Виртуозное лавирование посла Кродфоллера в примирении соперничающих элементов на Петрике добавило нового блеска престижу Корпуса...».

Т. VIII, катушка 8, 489 г. а. э. (2950 г. н. э.)

Ретиф остановился перед высоким, в рост человека, зеркалом, чтобы проверить, правильно ли перекрещиваются четыре пары лацканов, украшавших ярко-красную визитку первого секретаря и консула Земной Миссии.

— Давайте, Ретиф, — поторопил его Маньян. — Посол должен сказать сотрудникам несколько слов, прежде чем мы войдем в салон.

— Надеюсь, он не собирается вносить изменений в речь, которую планирует экспромтом произнести, когда Властелин так же экспромтом предложит заключить торговое соглашение, которое они обсуждали последние два месяца.

— Ваша ирония, если не сказать несерьезное отношение, совершенно неуместна, Ретиф, — резко сказал Маньян. — Думаю, вы прекрасно понимаете и сами, что именно это и задержало ваше продвижение по служебной лестнице Корпуса.

Ретиф бросил последний взгляд в зеркало.

— Не уверен, что хочу продвинуться. Это будет означать появление новых лацканов.

Посол Кродфоллер, поджав губы, подождал, пока Ретиф с Маньяком последними заняли места в окружавшем его кольце земных дипломатов:

— Только одно предостережение, господа. Прежде всего, никогда не забывайте о необходимости нашего отождествления с кастой ненни. Даже намек на панибратство с низшими слоями может означать провал нашей миссии. Помните: здесь, на Петрике, ненни представляют собой власть, и их традиции надо соблюдать, невзирая ни на какие наши личные предпочтения. А теперь идемте, выход Властелина может начаться в любую минуту.

Когда они двинулись к салону, Маньян пошел рядом с Ретифом.

— Замечания посла адресовались в основном вам, Ретиф, — сказал он. — Ваша небрежность в подобных вопросах общеизвестна. Естественно, сам я твердо верю в демократические принципы.

— Господин Маньян, у вас когда-нибудь возникало ощущение, что здесь происходит много такого, о чем мы даже и не подозреваем?

Маньян кивнул.

— Именно так. Вот на это-то и указывал посол Кродфоллер. Нас не должны волновать дела, не волнующие ненни.

— А еще у меня возникло ощущение, что ненни эти не очень-то толковый народ. А теперь давайте предположим...

— Я не падок на предположения, Ретиф. Мы здесь находимся для неукоснительного проведения политики главы миссии. И мне было бы очень неприятно оказаться на месте сотрудника, чье неразумное поведение подвергает опасности соглашение, которое должно быть наконец-то заключено сегодня вечером.

Из-за витой колонны неожиданно вынырнул слуга, несущий поднос с напитками, шарахнулся в сторону, избегая столкновения с дипломатами, вцепился в поднос, не удержал его ровно, и один бокал со звоном отправился на пол. Маньян отпрыгнул назад, хлопнув пурпурной тканью

штанин. Рука Ретифа метнулась вперед и ловко выровняла поднос. Слуга в ужасе выкатил глаза.

— Я возьму один бокал, раз уж ты здесь, — небрежно произнес Ретиф, выбирая напиток с подноса. — Ничего страшного не случилось, господин Маньян просто разогревается перед большим танцем.

Подбежал мажордом-ненни, вежливо потирая руки.

— Какие-то неприятности? Что здесь случилось, достопочтенные, что, что...

— Этот неуклюжий идиот, — брызгал слюной Маньян. — Да как он посмел...

— Вы отличный актер, господин Маньян, — похвалил Ретиф. — Если бы я не знал о ваших демократических принципах, то подумал бы, что вы действительно разгневаны.

Слуга втянул голову в плечи и шмыгнул прочь.

— Этот малый вызвал ваше недовольство? — пристально поглядел вслед удаляющемуся официанту мажордом.

— Я уронил свой бокал, — сказал Ретиф. — И господин Маньян расстроился, так как терпеть не может вида зря пропавшей выпивки.

Ретиф повернулся и оказался лицом к лицу с послом Кродфоллером.

— Я все видел! — прошипел посол. — По милости провидения, Властелин и его свита еще не появились, но могу вас заверить, слуги вас хорошо разглядели. Мне трудно даже вообразить более нененниподобное поведение.

Ретиф изобразил на своем лице выражение глубокого интереса:

— Более нененниподобное, сэр? Не уверен, что я...

— Ба! — прожег взглядом Ретифа посол. — Ваша репутация вас опередила, мистер. Ваше имя связывают со множеством самых экстравагантных происшествий в истории Корпуса. Предупреждаю вас, здесь я не потерплю ничего подобного.

Он повернулся и отошел прочь.

— Дразнить посла — опасная забава, Ретиф, — заметил Маньян.

Ретиф сделал большой глоток из бокала.

— И все же лучше, чем вообще никаких забав.

— Вы бы полезнее провели время, наблюдая за манерами ненни; честно говоря, Ретиф, вы не совсем удачно вписываетесь в эту группу.

— Буду с вами тоже откровенен, господин Маньян. Эта группа вызывает у меня просто-таки нервную дрожь.

— О, допускаю, ненни немного легкомысленны. Но вести дела нам приходится именно с ними. И вы бы внесли свой посильный вклад в общие усилия миссии, если бы расстались со своими довольно надменными манерами, — Маньян окинул Ретифа критическим взглядом. — С ростом вам, конечно, ничего не поделать, но разве вы не могли бы чуть-чуть согнуть спину и, может быть, принять более располагающее выражение лица? Просто ведите себя чуть более... э...

— Женственно?

— Именно, — кивнул Маньян и остро поглядел на Ретифа.

Тот допил свой бокал и поставил его на проносимый мимо поднос.

— Мне лучше удается вести себя женственно, когда я хорошенько нагружаюсь, — сказал он. — Но, боюсь, я не смогу вынести еще одно сорго с содовой. Полагаю, будет нененниподобным сунуть кредит одному из слуг, попросив шотландского виски.

— Решительно невозможно, — Маньян оглянулся на звук, раздавшийся с противоположной стороны зала. — А вот, наконец, и Властелин...

Ретиф некоторое время наблюдал, как суетятся официанты, принося подносы, нагруженные выпивкой, и унося пустые. Теперь в попойке наступило временное затишье, так как дипломаты собрались вокруг украшенного торжественным париком главы государства и его придворных. Официанты мешкали около служебной двери, глазея на знатных особ. Ретиф неторопливо прогулялся до нее и протиснулся в

узкий, отделанный белым кафелем коридор, наполненный запахами кухни. Безмолвные слуги удивленно глазели на него, когда он проходил мимо.

Он подошел к двери на кухню и шагнул внутрь.

Вокруг длинного стола в центре помещения собралась дюжина с чем-то петриков низшей касты. На столе была навалена целая куча разных ножей: хлебных, с длинными лезвиями, кривых разделочных и больших мясницких. Не меньшее количество находилось за поясами или в руках собравшихся. При появлении землянина аборигены пораженно замерли. Толстяк в желтом саронге повара, отвесив челюсть, застыл в немой сцене торжественного вручения двенадцатидюймового ножа для нарезки сыра высокому одноглазому уборщику.

Ретиф бросил один-единственный скучающий взгляд на собравшихся, а затем разрешил своим глазам посмотреть в противоположный угол помещения. Беззаботно насвистывая какой-то мотивчик, он вразвалочку подошел к открытым полкам с выпивкой, выбрал крикливо-зеленую бутылку, а затем не спеша направился обратно к двери. Компания, затаив дыхание, следила за ним.

Когда Ретиф уже добрался до двери, та резко распахнулась ему навстречу. В дверях, глядя на него, стоял Маньян.

— У меня возникло дурное предчувствие, — заявил он.

— Держу пари, оно, как всегда, блестящее. Вы обязательно должны подробно рассказать мне о нем — в салоне.

— Нет. Расставим все точки над «и» прямо здесь, — отрезал Маньян. — Я предупреждал вас...

Голос его оборвался, когда он воспринял, наконец, сцену вокруг стола.

— После вас, — вежливо подтолкнул Маньяна к дверям Ретиф.

— Что здесь происходит? — рявкнул Меньян. Он уставился на собравшихся и начал было обходить Ретифа, но тот попридержал его.

— Идемте, — повторил Ретиф, подталкивая Маньяна к коридору.

— Эти ножи! — заголосил Маньян. — Да отпустите же меня, Ретиф! Что это вы затеяли, любезные..!

Ретиф оглянулся. Толстый повар внезапно сделал неуловимый жест, и собравшиеся растаяли на заднем плане. Повар встал, вскинув руку с зажатым в ней тесаком.

— Закройте двери и ни звука, — тихо приказал он челяди.

Маньян прижался спиной к Ретифу.

— Бе-бе-жим... — заикнулся он.

Ретиф медленно повернулся и поднял руки.

— Я не очень хорошо бегаю с ножом в спине, — ответил он. — Стойте смирно, господин Маньян, и точно выполняйте все его приказы.

— Выведите их черным ходом, — распорядился повар.

— Что он имеет в виду? — забрызгал слюной Маньян. — Послушайте, вы...

— Молчать! — почти небрежно обронил повар. Маньян ошалело уставился на него, разинув рот, а потом закрыл его.

Двое слуг с ножами подошли к Ретифу и сделали знак, широко усмехаясь:

— Пошли, павлины.

Земляне молча пересекли кухню, вышли через заднюю дверь, остановились по команде конвоиров и стояли, ожидая дальнейшего развития событий. В ночном небе блистали яркие звезды, легкий ветерок шевелил в саду верхушки деревьев. За их спиной о чем-то шептались слуги.

— Ты тоже иди, Дурни, — приказывал повар.

— Да брось ты, давай сделаем это прямо здесь, — отнекивался официант.

— И потащим их вниз?

— А чего тащить-то, бросим их за ограду, во делов-то.

— Я сказал — в реку. Вас троих и так много для пары пижонов-ненни.

— Они иностранцы, а не ненни. Мы не знаем...

— Значит, они иностранные ненни. Без разницы. Видал я их. У меня здесь на счету каждый человек, так что теперь идите и постарайтесь управиться побыстрее.

— А как насчет рослого парня?

— Этого-то? Он провальсировал на кухню и умудрился вообще ничего не заметить. Но за другим следи в оба.

Понуждаемый острием ножа, Ретиф тронулся по дорожке, двое конвоиров шли позади него с Маньяном, а еще один разведывал путь впереди.

Маньян придвинулся поближе к Ретифу.

— Послушайте, — прошептал он. — Этот парень впереди... Это, случайно, не тот тип, что уронил бокал? Вину, которого, вы взяли на себя?

— Он самый, спору нет. Как я замечаю, он больше не выглядит испуганным.

— Вы спасли его от серьезного наказания, — сказал Маньян. — Он будет благодарен; он отпустит нас...

— Прежде чем действовать, рассчитывая на это, лучше подумайте о том, как на это посмотрят вон те парни с ножами.

— Ну скажите же ему хоть что-нибудь! — взмолился Маньян. — Напомните ему...

Шедший впереди официант замедлил шаг и поравнялся с Ретифом и Маньяном.

— Эти двое олухов вас побаиваются, — усмехнулся он, ткнув большим пальцем в сторону ребят с ножичками. — Каково, а? Впрочем, они не работали в окружении ненни, как я, и ничего не знают о вас.

— Неужели вы не узнаете этого господина? — обратился к нему Маньян. — Он...

— Он оказал мне услугу, — подтвердил слуга. — Как же, как же, помню.

— Что все это значит? — спросил Ретиф.

— Революция. Теперь берем власть мы.

— Кто это «мы»?

— Народная Антифашистская Истинно Героическая Ассоциация.

— А для чего все эти ножи?

— Для ненни, ну и для вас, иностранцев, тоже.

— Что вы имеете в виду? — взвизгнул Маньян.

— Мы решили перерезать все глотки разом, уберегая себя тем самым от долгой беготни.

— Когда это произойдет?

— Сразу на рассвете, а рассвет наступает рано в это время года. Когда займется день, у кормила власти будет стоять НАФИГА.

— Вам никогда в этом не преуспеть, — заявил Маньян. — Несколько слуг с ножиками... Да вас всех схватят и казнят без разговоров.

— Кто, ненни?! — рассмеялся официант. — Да ты, ненни, — просто чудила.

— Но мы не ненни...

— Ладно-ладно, мы наблюдали за вами; вы такие же. Принадлежите к одному классу кровопийц, сидящих на шее у трудового народа.

— Есть же лучшие способы, — лихорадочно говорил Маньян. — Это массовое убийство вам ничем не поможет. Я лично позабочусь о том, чтобы ваши жалобы были заслушаны в Суде Корпуса. Могу вас уверить, что тяжелое положение задавленного пролетариата будет облегчено. Равные права для всех.

— Угрозы тебе не помогут, — отозвался официант. — Меня ты не напугаешь.

— Угрозы? Я же обещаю облегчение эксплуатируемым классам Петрика.

— Ты, должно быть, спятил от страха. Пытаешься расшатать систему или еще чего хуже? Ну, ты оригинал!

— Разве не в том заключается цель вашей освободительной революции?

— Слушай, ненни. Нам надоело смотреть, как вы, ненни, получаете все взятки. Мы тоже хотим свою долю. Теперь

наша очередь. Какой нам толк управлять Петриком за здорово живешь, если не будет никакой добычи?!

— Вы хотите сказать, что намерены угнетать народ? Но ведь эти люди принадлежат к вашей же группе.

— Группе, шмуппе! Весь риск берем на себя мы; всю грязную работу, опять же, делаем мы. Так что именно мы, а не кто другой, заслуживаем вознаграждения. Думаешь, мы бросаем непыльную работу забавы ради?

— И на таких циничных предпосылках вы основываете свое восстание?

— Постарайся хоть немного напрячь мозги, ненни. Ни по какой иной причине никогда не бывало ни одной революции.

— Кто стоит во главе этого дела? — поинтересовался Ретиф.

— Шоук, шеф-повар.

— Я имею в виду большого босса. Кто указывает Шоуку, что делать?

— А, тогда это Цорн. Осторожней, вот тут мы начнем спускаться по склону. Он скользкий.

— Послушайте, — сказал Маньян. — Вы... Это...

— Меня зовут Дурни.

— Господин Дурни, этот человек проявил к вами милосердие, когда мог устроить вам экзекуцию.

— Не останавливайся, ненни. Да, я уже сказал, что благодарен.

— Да, — с трудом сглотнул Маньян. — Благородное чувство благодарность.

— Всегда стараюсь отплатить за добрую услугу, — отвечал Дурни. — А теперь осторожненько ступайте по этому волнолому, смотрите не упадите.

— Вы никогда об этом не пожалеете.

— Дальше не надо, — Дурни знаком подозвал одного из ребят с ножом. — Дай-ка мне свой нож, Вуг.

Парень передал свой нож Дурни. Воздух был насыщен запахами морского ила и водорослей. Небольшие волны тихо

плескались о камни волнолома. Ветер здесь дул чуть сильнее.

— Я знаю отличный удар, — сказал Дурни. — Практически безболезненный. Кто первый?

— Что вы имеете в виду? — переспросил срывающимся голосом Маньян.

— Я же сказал, что благодарен, и поэтому выполню все сам. Проделаю работу красиво и чисто. Вы же знаете этих дилетантов: напортачат за милую душу, так что парень носится, орет и забрызгивает всех кровью.

— Я первый, — вызвался Ретиф. Он подошел, задев мимоходом Маньяна на узком волноломе, резко остановился и вогнал прямой удар Дурни в челюсть.

Длинное лезвие безобидно свистнуло над плечом Ретифа, когда Дурни упал. Ретиф ухватил одного из слуг, как раз оставшегося без ножа: одной рукой за горло, а другой — за ремень; поднял повыше и размашисто врезал им по третьему. Оба завопили, кувыркаясь с волнолома, и исчезли с громким всплеском в волнах. Ретиф снова повернулся к Дурни, сиял с него ремень и связал им ему руки.

Маньян наконец обрел голос:

— Вы... мы... они...

— Знаю.

— Мы должны вернуться, — сказал Маньян. — Надо же предупредить их.

— Нам никогда не пробраться сквозь кордон мятежников вокруг дворца. А если и проберемся, то попытки поднять тревогу лишь запустят машину убийств раньше срока.

— Но не можем же мы просто...

— Нам придется отправиться к истоку: к этому самому Цорну — и заставить его дать отбой.

— Но нас же могут убить! Здесь мы, по-крайней мере, хоть в безопасности!

Дурни застонал, открыл глаза и с трудом сел.

— Вставай, соня, — предложил ему Ретиф.

Тот огляделся кругом, с трудом ворочая головой.

— Мне дурно.

— Просто влажный воздух для тебя вреден, — назидательно сказал Ретиф, поднимая официанта на ноги. — Пошли. Где останавливается этот Цорн, когда бывает в городе?

— Что случилось? Где Вуг и…

— С ними произошел несчастный случай. Упали в воду.

Дурни с отвращением глянул на неспокойные черные воды.

— Полагаю, я недооценил вас, ненни.

— У нас, ненни, есть скрытые качества. Давай-ка двигать отсюда, пока твои Вуг да Слуг не добрались до берега и не начали все сначала.

— Нечего спешить, — буркнул Дурни. — Они не умеют плавать.

Он сплюнул в воду.

— Пока, Вуг. Пока, Тоскин. Глотните из Адского Рога за меня, — он отвернулся и пошел по волнолому на звук прибоя. — Раз вы хотите повидать Цорна, я отведу вас повидать Цорна. Я тоже не умею плавать.

* * *

— Как я понимаю, — сказал Ретиф, — это казино служит прикрытием его политической деятельности.

— Вдобавок, он получает с него приличный навар. Эта НАФИГА — новомодная штука. Я прослышал о ней лишь пару месяцев назад.

Ретиф показал на темный сарай с закрытой дверью.

— Мы остановимся здесь, — сказал он. — На достаточно долгий срок, чтобы снять побрякушки с этих мундиров.

Дурни, со связанными за спиной руками, стоял рядом и следил, как Ретиф и Маньян удаляли с официальных дипломатических нарядов медали, ленты, ордена и знаки различия.

— Возможно, это чуть-чуть поможет, — прикинул Ретиф. — Если разнесется слух, что два дипломата на воле.

— Ерунда, — возразил Дурни. — Мы тут то и дело встречаем павлинов в пурпурно-оранжевых фраках.

— Надеюсь, ты прав, — согласился Ретиф. — Но, если нас задержат, не сомневайся, что первым на тот свет отправишься ты, Дурни.

— Странный ты какой-то ненни, — протянул Дурни, глядя на Ретифа. — Тоскин и Вуг, должно быть, на том свете до сих пор гадают, что с ними приключилось.

— Если ты думаешь, что я мастер топить людей, то тебе следовало бы поглядеть, как я орудую ножом. Пошли.

— Теперь уже совсем недалеко. Но вам лучше развязать меня. Кто-нибудь обязательно заметит мои связанные руки, начнет задавать вопросы и доведет меня до смерти.

— Ничего, я готов этим рискнуть. Как нам попасть в казино?

— Последуем по этой улице. Когда доберемся до Лестницы Пьяницы, то подымемся, и оно как раз будет перед нами. Розовый фасад с вывеской, похожей на большое колесо удачи.

— Дайте-ка мне свой ремень, Маньян, — попросил Ретиф.

Маньян покорно подчинился.

— Ложись, Дурни.

Слуга посмотрел на Ретифа и лег.

— Вуг и Тоскин будут рады меня видеть. Но они мне ни за что не поверят.

Ретиф связал ему ноги и запихал в рот носовой платок.

— Зачем вы это делаете? — спросил Маньян. — Он нам нужен.

— Мы теперь знаем дорогу и не нуждаемся ни в ком, уведомляющем о нашем прибытии.

Маньян посмотрел на связанного.

— Может быть, вам лучше... э... действительно перерезать ему горло?

Дурни закатил глаза.

— Это очень нененниподобное предложение, господин Маньян, — попенял ему Ретиф. — Но если у нас возникнут какие-то трудности с отысканием казино по его указаниям, то я серьезно подумаю над ним.

Народу на узкой кривой улочке было немного. Витрины лавок закрывали ставни, а в окнах не горел свет.

— Возможно, они прослышали о перевороте, — предположил Маньян. — Вот и сидят тихо?

— Вряд ли, скорей всего они сейчас во дворце — точат ножи.

Земляне завернули за угол, перешагнули через свернувшегося клубочком и громко храпящего любителя спать в водостоке и оказались у подножья длинного марша замусоренной лестницы.

— Лестница Пьяницы отмечена четко, — фыркнул Маньян.

— Я слышу там наверху шум...

— Может, нам лучше вернуться, пока не поздно?

— И это, определенно, шум веселья. Веселье, Маньян, меня не пугает. Если поразмыслить, я и не знаю толком, что значит это слово, — Ретиф начал подниматься по лестнице, и Маньян последовал за ним.

Самый верх длинной лестницы заканчивался в смахивающей на переулок улочке, там кишела густая толпа, а над ней медленно вращалось ярко иллюминированное колесо рулетки. Громкоговорители на всю округу призывно трубили песнь крупье со столов казино. Маньян с Ретифом с трудом пробились сквозь толпу к распахнутым настежь дверям.

Маньян нервно дернул Ретифа за рукав.

— Вы уверены, что нам следует переть так вот, напролом? Может, лучше немного выждать, поосмотреться...

— Когда находишься там, где тебе вовсе не положено находиться, — наставительно сказал Ретиф, — всегда целеустремленно шагай вперед. Если замешкаешься, то публика наверняка начнет любопытствовать.

Широкий зал казино, с низким потолком, был битком набит петриками, теснящимися вокруг игорных автоматов в виде башен, столов и бассейнов.

— Что теперь? — спросил Маньян, нервно озираясь.

— Сыграем, конечно. Сколько денег у вас в карманах?

— Да так... несколько кредитов... — Маньян отдал деньги Ретифу. — Но как же насчет Цорна?

— Пурпурная визитка, даже если мы и не будем игнорировать столы, сама по себе достаточно бросается в глаза. Придет время, доберемся и до Цорна.

— Рад помочь, господа, — обратился к ним длинноголовый субъект, масляно глядя на колоритную вечернюю одежду дипломатов. — Надо полагать, вы захотите попробовать счастье в Башне Цупа? Игра для настоящих спортсменов, смею вас уверить.

— Да мы... э... — замялся Маньян.

— Что это за Башня Цупа? — поинтересовался Ретиф.

— А, господа приезжие, — длинноголовый переместил наркопалочку в другой уголок рта. — Цуп отличная настольная игра. Две команды игроков сбрасываются в банк; каждый игрок берет по рычагу: цель — заставить шар упасть с вершины башни в вашу сетку. Идет?

— Какова начальная ставка?

— У меня сейчас действует стокредитный банк, господа.

Ретиф кивнул:

— Попробуем.

Зазывала провел их к восьмифутовой башне на универсальных шарнирах. Двое потных мужчин в свитерах касты ремесленников сжимали два рычага, контролировавших крен башни. На толстой прозрачной платформе сверху лежал в выемке белый шар. От этой центральной выемки к краям расходился сложный узор концентрических и радиальных желобков. Ретиф и Маньян заняли стулья перед двумя свободными рычагами.

— Когда загорится лампочка, господа, действуйте рычагом, накреняя башню. У вас есть три режима, для действий

в высшем режиме требуется умелая рука. Кнопка — вот здесь... Вот эта маленькая шарообразная рукоятка задает направление. И пусть победит достойнейший. А теперь, с вашего позволения, я приму сто кредитов.

Ретиф вручил деньги. Вспыхнула красная лампочка, и он попробовал рычаг. Тот мягко двигался с легким шелестящим звуком. Башня задрожала и медленно накренилась в сторону двух потеющих рабочих, неистово налегавших на свои рычаги. Маньян начал потихоньку, но заторопился, увидев, куда клонится башня.

— Быстрее, Ретиф, — занервничал он. — Так они могут и выиграть.

— Игра идет на время, господа, — сообщил длинноголовый. — Если никто не выигрывает, когда гаснет лампочка, то все получает заведение.

— Поворачивай налево, — скомандовал Ретиф Маньяку.

— Я устал!

— Перейди на режим пониже.

Башня накренилась еще больше. Шар шевельнулся и скатился в один из концентрических каналов. Ретиф переключился на средний режим и активно заработал рычагом. Башня с треском остановилась и вновь начала выпрямляться.

— Ниже режима нет, — охнул Маньян.

Один из пары по другую сторону башни перешел на средний режим, другой последовал его примеру. Теперь они трудились еще упорнее, налегая на неподатливые рычаги. Башня дрогнула, а затем медленно двинулась в их сторону.

— Я истощил все силы, — Маньян выронил рычаг и откинулся на спинку стула, жадно хватая воздух широко открытым ртом. Ретиф сменил позицию, ухватившись левой рукой за рычаг Маньяна.

— Переведи его в средний режим, — приказал он.

Маньян сглотнул, нажал кнопку и снова бессильно отвалился.

— О, моя рука, — простонал он. — Я покалечился.

Двое мужчин в свитерах торопливо посовещались, дергая за рычаги, затем один нажал кнопку, а другой ухватился за его рычаг левой рукой, помогая.

— Они перешли на высший, — сообразил Маньян. — Сдавайтесь, это безнадежно.

— Переведи меня на высший. Обе кнопки.

Плечи Ретифа взбугрились мышцами. Он резко отпустил оба рычага, а затем навалился на них, возвращая обратно — сперва медленно, потом все быстрее. Башня дернулась, накренилась в его сторону, еще больше... Шар закатился в радиальный канал, нашел было выходное отверстие и... Внезапно оба рычага Ретифа замерли. Башня заскрипела, завибрировала и двинулась обратно. Ретиф изо всех сил налег на рычаги. Один рычаг изогнулся в основании и с грохотом резко обломился. Ретиф уперся покрепче ногами, схватил другой рычаг обеими руками и потянул. Раздался металлический скрежет, громкий звон, и железка вылетела из панели, явив толпе зрителей изрядный кусок порванного троса. Башня упала, когда двое противников дипломата разлетелись по сторонам, как кегли.

— Эй! — заорал, выскакивая из толпы, крупье. — Вы поломали мое оборудование!

Ретиф выпрямился и повернулся лицом к нему.

— Цорн знает, что вы подправили свою башню для надувания простаков?

— Вы пытаетесь назвать меня шулером?

Толпа подалась назад, образуя кольцо вокруг споривших. Крупье быстро огляделся и молниеносным движением откуда-то из складок одежды извлек нож.

— Оборудование обойдется вам в пятьсот кредитов, — заявил он. — Киппи никто не назовет шулером.

Ретиф поднял сломанный рычаг.

— Не заставляй меня потрогать тебя этой штукой по башке, Киппи.

Киппи неуверенно посмотрел на рычаг и сглотнул.

— Приходят тут всякие, — возмущенно произнес он, обращаясь за поддержкой к толпе. — Ломают мою машину, обзывают меня, угрожают мне...

— Я хочу получить свои сто кредитов, — отчеканил Ретиф. — И сейчас же.

— Да это же грабеж средь бела дня! — заорал Киппи.

— Лучше заплати, — посоветовал кто-то.

— Вдарьте ему, мистер, — крикнул из толпы другой.

Растолкав народ, вперед протолкнулся благообразный широкоплечий мужчина с седеющими волосами и огляделся по сторонам, оценивая ситуацию.

— Ты слышал его, Киппи, — сказал он. — Давай.

Зазывала поворчал, сунул нож обратно, неохотно вытащил из толстой пачки купюру и отдал ее Ретифу.

Новоприбывший перевел взгляд с Ретифа на Маньяна и обратно.

— Выберите другую игру, незнакомцы, — предложил он. — Киппи допустил небольшую ошибку.

— Это все игры по мелочам, — небрежно отмахнулся Ретиф. — Меня интересует что-нибудь действительно крупное. По-настоящему.

Широкоплечий закурил душистую наркопалочку, а затем понюхал ее.

— А что бы вы назвали крупным? — мягко осведомился он.

— Что у вас самое серьезное?

Плечистый, улыбаясь, сощурил глаза.

— Может быть, вам захочется попробовать Шмяк?

— Расскажите, что это такое?

— Сюда, пожалуйста.

Толпа расступилась, образовав проход. Ретиф и Маньян прошли через весь зал к ярко освещенному ящику со стеклянными стенками. На уровне талии находилось отверстие размером как раз с руку, внутри ящика имелась рукоять. В центре «аквариума» висел прозрачный пластиковый шар,

на четверть заполненный фишками. Сверху на ящике крепилась какая-то аппаратура.

— Шмяк дает хорошие шансы, — уведомил их плечистый. — Можно подымать ставки до любой высоты. Фишка обойдется вам в сто кредитов. Начинают игру, бросая фишку вот сюда.

Он показал на щель:

— Беретесь за рукоять. Когда сожмете ее, снимается блокировка, и шар начинает поворачиваться. Чтобы заставить шар вращаться, нужен весьма хороший захват. Как видите, в нем полно фишек. Наверху есть отверстие. До тех пор, пока вы сжимаете рукоять, чаша вращается. Чем сильнее вы сжимаете, тем быстрее она вращается. В конечном итоге она должна перевернуться. Так что отверстие окажется внизу, и фишки высыплются. Если вы выпустите рукоять — чаша остановится, и игра заканчивается. Просто для внесения в игру оживления вокруг чаши расставлены контактные пластины: когда одна из них присоединяется к контактным выводам, вы получаете небольшой разряд — гарантированно не смертельный. Но если вы выпустите рукоять, то, опять-таки, игре — конец. Все, что надо сделать, чтобы получить награду, это продержаться достаточно долго.

— И с какой частотой эта случайная система располагает отверстие внизу?

— Где-то от трех до пятнадцати минут, при среднем захвате. Да, кстати, еще один момент. Вон тот свинцовый кубик вон там... — плечистый мотнул головой в сторону подвешенного на толстом тросе куба с ребром в фут. — Он настроен время от времени падать: в среднем каждые пять минут. Сперва вспыхивает предупредительный огонек. Вы можете сбросить таймер кубика до нуля, бросив еще одну фишку, или же просто отпустить рукоять. Или, на ваш вкус, можете рискнуть играть дальше: иногда сигнал — просто блеф.

Ретиф посмотрел на массивную глыбу металла.

— Такой размажет руку игрока по столу, не так ли?

— Последним двум шутникам, оказавшимся слишком большими сквалыгами, чтобы подкармливать машину, пришлось отрезать их; я имею в виду — руки. Свинец — тяжелый металл.

— Полагаю, ваша машина не имеет привычки выходить из строя, как оборудование Киппи?

Широкоплечий нахмурился и с укоризной глянул на землянина.

— Вы чужак, — извинил он Ретифа. — Откуда вам знать.

— Это честная игра, мистер, — крикнул кто-то.

— Где мне купить фишки?

Плечистый улыбнулся.

— Я вам сам все устрою. Сколько?

— Одну.

— Тратимся по-крупному, да? — усмехнулся седовласый и передал большую пластиковую фишку.

Ретиф подошел к машине и опустил жетон.

— Если у вас возникнет желание передумать, — сказал плечистый, — то лучше сделать это прямо сейчас. Это обойдется вам всего лишь в опущенную фишку.

Ретиф, просунув руку в отверстие, взялся за кожаную рукоять, обхватывающуюся пальцами полностью. Когда он сжал ее, раздался щелчок и замигали яркие лампочки. Шар лениво завращался. Отчетливо стало видно четырехдюймовое отверстие у него наверху.

— Если отверстие когда-нибудь окажется в нужном положении, то опустеет шар очень быстро, — заметил Маньян.

Внезапно стеклянную коробку залил яркий белый свет. Зрители зашумели.

— Быстро бросайте фишку, — крикнул кто-то. — У вас всего десять секунд...

— Ну, отпускайте же! — взмолился Маньян.

Ретиф сидел молча, сжимая рукоять и хмуро косясь на груз вверху. Шар теперь кружился много быстрее. Затем ярко-белый свет мигнул и погас.

— Блеф! — ахнул Маньян.

— Рискованно играешь, приезжий, — заметил плечистый.

Теперь шар стремительно вращался, заваливаясь то в одну сторону, то в другую. Край отверстия, казалось, описывает извилистую кривую, то перемещаясь ниже, то взмывая высоко вверх, а затем снова падая вниз.

— Скоро оно должно двинуться вниз, — прикинул Маньян. — Притормозите теперь, чтобы выброс не прошел мимо.

— Наоборот, нужно ускорить шар: чем медленнее он крутится, тем больше ему требуется времени, чтобы перевернуться, — указал кто-то из зрителей.

Внезапно раздался треск, и Ретиф напрягся. Маньян услышал, как он резко втянул в себя, воздух. Шар замедлил вращение, а Ретиф, моргая, несколько раз тряхнул головой.

Широкоплечий взглянул на датчик.

— На этот раз вы получили почти полный разряд — сказал он.

Отверстие теперь четко перемещалось вниз, миновало центральную линию и пошло еще ниже.

— Еще чуть-чуть, — произнес Маньян.

— Это лучшая скорость, какую я когда-либо видел в Шмяке, — проговорил кто-то. — Интересно, сколько еще он сможет ее выдержать?

Маньян посмотрел на костяшки пальцев Ретифа, отчетливо белевших на коричневом фоне рукояти. Шар накренился еще больше, качнулся по кругу, а потом перевернулся. Выпали две фишки, застучали по трубке отвода и вывалились в призовой ящик.

— Мы в выигрыше, — сказал Маньян. — Давай завяжем.

Ретиф покачал головой. Шар вращался все быстрее, снова качнулся: на этот раз выпали три фишки.

— Она готова, — крикнул кто-то.

— Скоро должно ударить, — взволнованно добавил другой голос. — Жмите, мистер!

— Помедленней, — указал Маньян. — Чтобы оно не прошло мимо слишком быстро.

— Прибавьте скорости, пока вас не грохнул тот свинцовый кубик, — призвали из толпы зрителей.

Отверстие пошло вверх, миновало зенит, а затем опустилось с другой стороны. Фишки посыпались градом: шесть, восемь...

— Следующий заход, — раздался в напряженной тишине чей-то голос.

Ящик второй раз залил белый предупреждающий свет. Шар завертелся; отверстие перевалило верхнюю точку, пошло вниз, вниз... выпала фишка, еще две...

Ретиф приподнялся, сжал челюсти и стиснул рукоять. Полетели искры, и шар замедлил вращение, изрыгая фишки; остановился и, как ванька-встанька, качнулся обратно. Отягощенный массой фишек у краев отверстия, он перевернулся вверх дном, остановился, и сквозь отверстие фишки обрушились в отводящую трубку настоящим водопадом, заполняя призовой ящик и кучей высыпаясь на пол. Толпа неистовствовала.

Ретиф выпустил рукоять и отдернул руку в тот миг, когда свинцовый куб с грохотом рухнул вниз.

— Господи Боже! — пролепетал Маньян. — Я почувствовал эту штуку через пол.

Ретиф повернулся к широкоплечему.

— Это отличная игра для начинающих, — заметил он. — Но я бы хотел поговорить о действительно серьезной игре. Почему бы нам не пройти к вам в кабинет, господин Цорн?

* * *

— Ваше предложение представляет для меня определенный интерес, — сказал час спустя Цорн. — Но в этом деле есть еще не упомянутые пока мной аспекты.

— Сударь, вы же игрок, а не самоубийца, — воззвал к его разуму Ретиф. — Примите то, что я предлагаю. Согласен,

ваша мечта о революции была пошикарней, но, как вы мужественно должны признать, из нее ничего не выйдет.

— Откуда мне знать, что вы не врете? — зарычал Цорн. Он встал и принялся расхаживать взад-вперед по комнате. — Вы приходите сюда и уверяете, что на меня обрушится эскадра Мироблюстителей Корпуса, что Корпус не признает мой режим и так далее. Может, вы и правы; но у меня есть иные сведения, и они означают другое.

Круто повернувшись, он пристально посмотрел на Ретифа:

— Я получил весьма веские гарантии, что, коль скоро я проверну это дело, Корпусу придется признать меня де-факто законным правительством Петрика. Он не станет вмешиваться в сугубо внутренние дела.

— Чепуха, — вступил в разговор Маньян. — Корпус никогда не станет иметь дело с шайкой уголовников, именующих себя...

— Ну, ты, выбирай выражения! — рявкнул Цорн...

— Признаю, довод господина Маньяна довольно слаб и неуклюж, — согласился Ретиф. — Но и вы кое-что упускаете из виду. Наряду с местными шишками вы планируете убить дюжину с лишним сотрудников Дипломатического Корпуса Земли. А вот на это Корпус не станет закрывать глаза. Он этого просто не сможет сделать.

— Им не повезло, что оказались в самой гуще, — пробурчал Цорн.

— Предложение наше крайне щедрое, господин Цорн, — указал Маньян. — Полученный вами в правительстве пост и впрямь отлично вознаградит вас. Ввиду верной неудачи вашего переворота выбор должен бы быть весьма простым.

Цорн глянул на Маньяна:

— Я всегда почему-то думал, что вы, дипломаты, не из тех, что шныряют кругом, заключая закулисные сделки. Предлагать мне пост — это чертовски отдает липой.

— Вам самое время понять, — укорил Ретиф, — что в галактике нет более липового занятия, чем дипломатия.

— Вам действительно лучше принять его, господин Цорн, — посоветовал Маньян.

— Не надо на меня давить! — огрызнулся Цорн. — Вы пришли ко мне в штаб с пустыми руками и языками без костей... Не понимаю, зачем я вообще с вами болтаю. Ответ будет — нет. Н-и-х-т, н-е-т!

— Вы кого-то боитесь? — мягко поинтересовался Ретиф.

Цорн прожег его взглядом.

— С чего вы взяли, будто я кого-то боюсь? Я здесь главный. Чего мне бояться?

— Не валяйте дурака, Цорн. Кто-то держит вас в кулаке. Мне даже отсюда видно, как вы извиваетесь.

— А что, если я оставлю вас, дипломатов, в покое? — внезапно предложил Цорн. — Тогда Корпусу будет нечем крыть, а?

— У Корпуса есть свои планы для Петрика. Вы в них не фигурируете. И революция, в данное время, в них не фигурирует. И избиение Властелина и всей касты ненни в них не фигурирует. Я вполне ясно выразился?

— Послушайте, — настаивал Цорн. — Я скажу вам кое-что. Вы слышали когда-нибудь о планете под названием Кругляш?

— Разумеется, — подтвердил Маньян. — Это ваш ближайший сосед, еще одна отсталая... то есть, я хотел сказать, развивающаяся планета.

— Отлично, — молвил Цорн. — Вы думаете, я какой-то прощелыга, да? Ну так вот, позвольте мне вас просветить. Мою игру поддерживает Федеральная Хунта Кругляша. Кругляш признает меня законным правителем, и его флот будет в полной боевой готовности на случай, если мне понадобится какая-то помощь. Я поставлю ДКЗ перед тем, что вы называете «fait accompli»[1].

— А что выигрывает от этого Кругляш? Я думал, они ваши традиционные враги.

---

[1] «Свершившимся фактом» (фр.)

— Не поймите меня неправильно. Я Кругляш на дух не выношу; но в данную минуту, по воле случая, наши интересы — увы! — совпадают.

— Да ну? — мрачно улыбнулся Ретиф. — И это говорит человек, который замечает простака, как только тот проходит через дверь. Но, тем не менее, вы клюнули на такую дурно пахнущую сделку.

— Что вы имеете в виду? — сердито посмотрел на Ретифа Цорн, однако несколько неуверенно. — Сделка вполне надежная.

— Придя к власти, вы собираетесь завязать с Кругляшом крепкую дружбу, не так ли?

— Кой черт дружбу. Дайте мне только время укрепить свою позицию, и я сведу кое-какие счеты с этими...

— Именно. И они это прекрасно понимают. Что, по-вашему, они вам уготовили?

— К чему вы клоните?

— А вы не думали, почему Кругляш так заинтересован в вашем приходе к власти?

Цорн изучил лицо Ретифа.

— Я вам скажу — почему, — процедил он. — Из-за вас, парни. Из-за вас и вашего дерьмового торгового соглашения. Вы здесь хотите впутать Петрик в какой-то торговый концерн. А Кругляш, натурально, остается за бортом. И, можете поверить, им это не нравится. В любом случае, мы здесь и так неплохо живем, нам вовсе ни к чему связывать себя какими-то обязательствами с кучей пижонов по другую сторону галактики, благо нам тут и своих хватает.

— Именно это и вдалбливал вам Кругляш, да? — улыбнулся Ретиф.

— Ничего не вдалбливал... — Цорн раздавил наркопалочку и закурил другую, сердито фыркнув. — Ладно, в чем ваша мысль?

— Вам известно, что должен получить в качестве импорта Петрик по данному торговому соглашению?

— Разумеется, кучу барахла. Стиральные машины, видеопроекторы и тому подобный хлам.

— Если конкретней, — уточнил Ретиф, — планируются поставки пятидесяти тысяч вакуумных стиральных машин марки «Тейтон Б-3», ста тысяч антигравитационных ламп марки «Гло-флоут», ста тысяч садовых культиваторов марки «Малый Земляной Червь», двадцати пяти тысяч обогревателей марки «Веко» и семидесяти пяти тысяч комплектов запчастей для двигателей марки «Форд Мономег».

— Как я и говорил, куча барахла, — подтвердил свое мнение Цорн.

Ретиф откинулся на спинку кресла, сардонически глядя на петрика.

— Фокус тут вот в чем, Цорн, — пояснил он с иронией. — Корпусу изрядно поднадоело, что Петрик и Кругляш ведут здесь свою никчемную войну. У ваших корсаров есть отвратительная привычка шлепать невинных зевак. Основательно изучив обе стороны, специалисты Корпуса решили, что иметь дело с Петриком будет немного легче, и поэтому было разработано торговое соглашение. Корпус не может открыто финансировать отправку оружия воюющей стороне, но вот бытовые приборы — другое дело.

— Ну и что же нам делать, подрывать под кругляками почву садовыми культиваторами? — озадаченно посмотрел на Ретифа Цорн. — В чем смысл-то?

— Вынимаете из стиральной машины изолированное модульное контрольное устройство, из лампы — генератор экранирующего поля, из культиватора — конвертерное управление и т. д. и т. п. Соединяете это все друг с другом в соответствии с немногими и очень простыми инструкциями, и — гоп-ля! — у вас на руках сто тысяч боевых ручных бластеров стандартного образца класса «У» — как раз то, что надо, дабы перетянуть чашу весов на свою сторону в дурацкой патовой войне, ведущейся допотопным оружием.

— Господи Боже! — выпалил Маньян. — Ретиф, вы...

— Я обязан ему сказать, чтобы он ясно представлял, во что сует свою голову.

— Оружие, да? — переспросил Цорн. — И кругляки знают об этом?

— Наверняка знают; догадаться не слишком трудно. Да, и вот еще кое-что. Они не без причины настаивают, чтобы вы вырезали и делегацию ДКЗ. Это автоматически выставляет Петрик за дверь, торговое соглашение переходит к Кругляшу, а вы, со своим новым режимом, окажетесь глядящими в дула собственных бластеров.

Цорн с проклятьем швырнул на пол наркопалочку.

— Мне следовало бы сразу что-то почувствовать, когда паршивый кругляк расхваливал свой товарец, — Цорн посмотрел на настенные часы:

— У меня во дворце двести вооруженных людей. У нас есть примерно сорок минут, чтобы добраться туда прежде, чем взлетит сигнальная ракета и польется кровь.

* * *

В тени дворцовой террасы Цорн обратился к Ретифу:

— Вам лучше оставаться здесь, в сторонке, пока я не распространю приказ. Просто на всякий случай.

— Позвольте мне вас предостеречь, господин Цорн: не допустите никаких... э... промашек, — предупредил Маньян. — Ненни не должны пострадать.

Цорн посмотрел на Ретифа.

— Ваш друг слишком много болтает. Я выполню свою часть сделки, а ему лучше выполнить свою.

— Еще ничего не случилось, вы уверены? — обратился к нему Маньян.

— Уверен, — пренебрежительно отозвался Цорн. — Осталось еще десять минут. Уйма времени.

— Я только зайду в салон — удостовериться, что все в порядке, — заявил Маньян.

— Как угодно. Главное, не суйтесь на кухню, а то вам перережут глотку от уха до уха, — Цорн понюхал наркопалочку и пробурчал: — Я же отправил приказ Шоуку. Интересно, где он болтается?

Маньян шагнул к высокой стеклянной двери, приоткрыл ее и просунул голову в щель между тяжелыми портьерами. Когда он решил убрать ее обратно, из комнаты донесся едва слышный на террасе голос. Маньян так и замер, не закончив движения, оставаясь в идиотской позе.

— Что, черт возьми, там происходит? — проскрежетал Цорн. Они с Ретифом подошли к Маньяну.

— ...подышать воздухом, — говорил Маньян.

— Ну, так идемте же, Маньян! — оборвал его голос, явно принадлежавший послу Кродфоллеру.

Маньян переступил на месте, а затем протиснулся сквозь портьеры.

— Где вы были, Маньян? — донесся резкий голос посла.

— О... э... так, небольшое происшествие, господин посол.

— Господи, в каком виде ваши ботинки? И где ваши знаки различия и награды?

— Я... это... пролил на них вино. Может, мне лучше заскочить к себе и надеть какие-то свежие медали?

Посол презрительно фыркнул.

— Профессиональный дипломат никогда не даст определить по своему виду, сколько он выпил, Маньян. Это одно из главных качеств его профессии. Впрочем, об этом я поговорю с вами позже. Я ожидал вашего присутствия на церемонии песнопения, но при данных обстоятельствах обойдусь и без него. Вам лучше немедленно уйти, и незаметно — через кухню.

— Через кухню!? Но там полно народу... я имею в виду...

— На данном этапе небольшая потеря кастового достоинства не причинит большого вреда, господин Маньян. А теперь, будьте добры, уходите побыстрее, пока вы не привлекли общего внимания. Соглашение еще не подписано.

— Соглашение... — захлебнулся словами Маньян, стремясь выиграть время. — Очень умно с вашей стороны, господин посол. Очень ловкое решение.

Внезапно грянули фанфары. Цорн беспокойно затоптался, прижимая ухо к стеклу.

— Что это там затеял ваш дружок? — в ярости выдавил он из себя. — Не нравится мне это.

— Сохраняйте спокойствие, Цорн. Господин Маньян посильно занимается срочным спасением своей карьеры.

Музыка замерла, оставив в ушах легкий звон.

— ...Боже мой, — говорил слабым голосом посол Кродфоллер. — Маньян, вы получите за это рыцарское звание. Слава Богу, вы добрались до меня. Слава Богу, что еще не слишком поздно. Я найду какой-нибудь предлог и немедленно внесу изменения.

— Но вы же...

— Все в порядке, Маньян. Вы успели как раз вовремя. Еще десять минут — и соглашение было бы подписано и отправлено в Штаб-квартиру Корпуса. Машина завертелась бы, и моя карьера была бы погублена...

Ретиф почувствовал тычок в спину. Обернулся.

— Обманул-таки, — тихо, но со злобой произнес Цорн. — Вот и вся святость нерушимого слова дипломата.

Ретиф смотрел на короткоствольный игломет в руке Цорна.

— Я вижу, вы страхуете свои ставки, Цорн.

— Мы выждем здесь некоторое время, пока в салоне не стихнет волнение. В данную минуту мне не хотелось бы привлекать никакого внимания.

— Политика ваша по-прежнему аховая, Цорн. Картина не изменилась, и у вашего переворота шансов ничуть не прибавилось.

— Бросьте это. Я буду разбираться с одной проблемой за раз.

— У Маньяна дурная привычка распускать язык в неподходящее время.

— Мне повезло, что я все услышал. Значит, не будет никакого соглашения, никакого оружия и, следовательно, никакого прибыльного поста для Таммани Цорна, да? Ну, я все еще могу сыграть и по-другому. Чего мне терять?

Отработанным профессиональным движением, слишком быстрым, чтобы уловить его, Ретиф рубанул Цорна по запястью ребром ладони. Игломет с лязгом упал на террасу, в то время как пальцы Ретифа стиснули Цорну руку, разворачивая того кругом.

— Отвечаю на ваш последний вопрос, — проговорил Ретиф. — Свою голову.

— У тебя нет ни одного шанса, обманщик, — охнул Цорн.

— Шоук через минуту будет здесь. Прикажи ему дать отбой.

— Выкручивайте сильнее, мистер. Можете даже сломать сложным переломом у самого плеча. Я ничего ему не скажу.

— Шутки закончены, Цорн. Отмени акцию или я убью тебя.

— Я вам верю, но вы не долго будете гордиться своим подвигом.

— Все эти убийства будут зря. Вы будете покойником, а образовавшийся вакуум власти заполнит Кругляш.

— Ну и что? Когда я умру, наступит конец света.

— А что, если я сделаю вам еще одно предложение, Цорн?

— А чем оно может быть лучше, чем последнее?

Ретиф отпустил руку Цорна, оттолкнул его, нагнулся и поднял игломет.

— Я могу убить вас, Цорн, вы это знаете.

— Валяйте.

Ретиф взял пистолет за дуло и протянул его петрику.

— Я тоже игрок, Цорн. Я сыграю, поставив на то, что вы выслушаете мое предложение.

Цорн выхватил пистолет, попятился назад и посмотрел на землянина.

— Ставка эта была не самая умная из всех, когда-либо сделанных вами, но валяйте. У вас есть секунд десять.

— Никто вас и не собирался обманывать, Цорн. В дело вмешался Маньян, очень жаль, конечно. Но разве это причина губить себя и уйму людей, поставивших в этой игре свои жизни наравне с вашей?

— Они рискнули и проиграли. Что ж, не повезло. Бывает и такое.

— Возможно, еще и не проиграли — если вы не сдадитесь.

— Переходите к сути.

Ретиф говорил с полной серьезностью полторы минуты. Цорн стоял, нацелив пистолет, слушая его. Затем оба повернулись, заслышав приближающиеся по террасе шаги. Толстяк в желтом саронге прошлепал к Цорну. Тот сунул пистолет за пояс.

— Задержись со всем, Шоук, — сказал он. — Прикажи ребятам отложить ножи; распространи приказ по-быстрому: все отменяется.

* * *

— Я хочу похвалить вас, Ретиф, — разоткровенничался посол Кродфоллер. — На вчерашнем вечернем приеме вы, наконец, отлично слились с массами; на самом-то деле я едва сознавал ваше присутствие.

— Я изучал действия господина Маньяна, — скромно заметил Ретиф.

— Да, Маньян молодец. В толпе он умеет быть практически невидимым.

— Спору нет, он знает, когда исчезнуть.

— Операция эта, Ретиф, была во многих отношениях образцовой, — посол довольно похлопал себя по толстому животу. — Соблюдая местные светские обычаи и гармонично сливаясь с двором, мне удалось установить прекрасные, дружеские, рабочие отношения с Властелином.

— Как я понимаю, заключение соглашения было отсрочено на несколько дней?

Посол тихо рассмеялся.

— Властелин хитер. Благодаря… э… проведенным мной особым исследованиям, я прошлым вечером узнал, что он надеялся, скажем так, «надуть» Корпус.

— Господи помилуй! — испугался Ретиф.

— Естественно, это ставило меня в трудное положение. В мою профессиональную задачу входило аннулировать этот гамбит, никак не выказав при этом, что я знаю о его существовании.

— И впрямь сложное положение.

— Я совершенно небрежно уведомил Властелина, что определенные предметы, включенные в соглашение, были изъяты и заменены другими. В этот миг, не скрою, Ретиф, я восхищался им. Он принял этот удар совершенно спокойно — с видом полнейшего безразличия, ничем не проявляя свое более чем серьезное разочарование. Конечно, он едва ли мог поступить иначе, не признав, по существу, своего коварного замысла.

— Я заметил, как он танцевал с тремя девушками, одетыми лишь в виноградные гроздья, он очень гибок для человека его комплекции.

— Властелина никак нельзя сбрасывать со счета. Это могучий ум. Подумать только, под маской легкомыслия он снес тяжелейший удар.

— Меня он полностью одурачил, — признался Ретиф.

— Не отчаивайтесь, молодой человек. Что там вы — признаться, я сам сперва не сумел почувствовать его хитрость, — посол кивнул, прощаясь, и двинулся дальше по коридору.

Ретиф повернулся и вошел в кабинет Маньяна. Тот оторвался от письменного стола.

— А, Ретиф, — поздоровался он. — Я все собирался вас спросить. Об этих… ну… бластерах. Вы…

Ретиф оперся на стол Маньяна и пристально посмотрел на него:

— Я думал, это наш маленький секрет.

— Ну, естественно, я… — Маньян закрыл рот и сглотнул, некоторое время посидел молча, а затем напряженно спросил: — Как же получилось, Ретиф, что вы осведомлены об этом деле с бластерами, когда сам посол не в курсе?

— Элементарно, Маньян, — ответил хладнокровно Ретиф. — Я все выдумал.

— Вы… Что?! — дико посмотрел на него Маньян. — Но соглашение… его же пересмотрели. Посол Кродфоллер только что публично заявил об этом.

— Очень жаль. Рад, что это не я рассказал ему об этом.

Маньян откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— С вашей стороны было очень достойно взять на себя всю… вину, — поблагодарил Ретиф. — Когда посол говорил о присвоении людям рыцарского звания.

Маньян открыл глаза:

— А как же тот игрок, Цорн? Разве он не расстроится, узнав об изменении соглашения? В конце концов, я… то есть мы… или вы… более или менее пообещали ему…

— С этим все в порядке, я договорился по-другому. Изготовление бластеров из обычных компонентов не было чистым вымыслом. Это действительно можно проделать, используя лишь части устаревшего утилизатора.

— Какой ему с того прок? — прошептал, заметно нервничая, Маньян. — Мы же не поставляем никаких устаревших утилизаторов.

— А нам и не нужно. Они, знаете ли, уже установлены на дворцовой кухне, и в нескольких тысячах других мест, как заверяет меня Цорн.

— Если это когда-нибудь всплывет… — Маньян положил ладонь на лоб.

— Я взял с него слово, что резня ненни отменяется, хотя это местечко созрело для перемен. Возможно, Цорн — именно то, что ему требуется.

— Но откуда нам знать? — терзался Маньян. — Откуда нам взять уверенность?

— Ниоткуда. Но Корпусу не пристало вмешиваться во внутренние дела Петрика, — он нагнулся, взял настольную зажигалку Маньяна и закурил сигару, выпустив в потолок облачко дыма. — Верно?

Маньян посмотрел на него и слабо кивнул.

— Верно.

— Ну что ж, мне лучше отправиться к своему рабочему месту, — сказал Ретиф. — Раз господин посол считает, что я теперь угомонился.

— Ретиф, — попросил Маньян. — Умоляю вас, не заходите сегодня вечером на кухню — несмотря ни на что.

Ретиф поднял бровь.

— Знаю, — сказал Маньян, — если бы вы не вмешались, нам бы всем перерезали глотки. Но, по крайней мере...

Он на секунду умолк:

— ...мы бы погибли, не нарушая никаких инструкций.

ЗАМОРОЖЕННАЯ ПЛАНЕТА

I

— Действительно, необычно для офицера вашего ранга исполнять обязанности курьера, но все дело в особой важности этой миссии, — сказал Мэгнан.

Ретиф сидел, расслабившись, и ничего не говорил. Когда пауза затянулась до неприличия, Мэгнан встал.

— В эту колонию входят четыре планеты — две двойные, — продолжал объяснять он. — Они вращаются вокруг небольшой звезды, внесенной в реестр как ДК 1-G 33987. Называют их Мирами Джоргенсона, и сами по себе они не представляют интереса. Лежат далеко от наших границ с соетти. Однако, — тут Мэгнан наклонился вперед и понизил голос,

— мы получили данные о том, что соетти планируют смелый ход. Так как они пока не встречали отпора со стороны землян, то хотят захватить Миры Джоргенсона.

Мэгнан откинулся на спинку кресла, ожидая реакции Ретифа, но тот лишь осторожно потянулся за сигаретой и равнодушно посмотрел на нахмурившегося начальника.

— Это — открытая агрессия, Ретиф. Как вы понимаете, я сам не могу участвовать в таком деле, — продолжал Мэгнан. — Захват инопланетянами земных территорий! Обычно мы такого не допускаем.

Начальник вытащил из стола огромную папку.

— Нам необходимо оказать сопротивление, хотя бы видимое. Миры Джоргенсона не развиты технологически... Фермеры и торговцы... Неразвитая индустрия... Есть большой торговый флот, но не более. Военный потенциал равен нулю.

Мэгнан открыл папку, разложил бумаги.

— У меня есть информация, которая частично дополняет картину, — печально проговорил он, откинувшись на спинку кресла и не сводя глаз с Ретифа.

— Все понял, господин советник, — ответил Ретиф. — Я должен отправиться туда один и передать эти документы. Что в них?

Мэгнан постучал указательным и безымянным пальцами по обложке.

— Во-первых, тут военный план соетти в деталях. Нам удалось вступить в контакт с отступником из группы землян-ренегатов, которые были советниками соетти. Дальше... план сражения, точнее, план обороны, разработанный группой тактиков для жителей Миров Джоргенсона. И последнее: совершенно секретная схема переделки стандартного полевого антиускорителя в потенциальное оружие. Такие разработки мы всегда держим в секрете и используем только в экстренных ситуациях.

— Все? — поинтересовался Ретиф. — Два ваших пальца еще не задействованы.

Мэгнан удивленно посмотрел на свою руку и убрал ее подальше от папки.

— Не время для смеха, Ретиф. Попав в чужие руки, эта информация вызовет катастрофу. Вы должны будете заучить все наизусть, прежде чем покинете здание.

— Я возьму микрофильм, и никто не сможет отобрать его у меня, — заявил Ретиф. Мэгнан покачал головой.

— Хорошо, — наконец проговорил он. — Раз информация все равно приготовлена для разглашения... Я уверен...

— Я слышал о Мирах Джоргенсона, — сказал Ретиф. — Помню агента Джоргенсона — здоровый такой блондин, очень легкий на подъем. Колдун с картами и костями...

— М-м, — протянул Мэгнан. — Не делайте ошибки, проводя параллели между мирами и агентом, их открывшим. Соображения высшей политики призывают вас защитить эти заброшенные миры. Мудрость Дипломатического Корпуса Земли, как всегда, помогает истории идти естественным путем.

— Когда ожидается нападение?

— Меньше, чем через три недели.

— Осталось не так много времени.

— Мы верим в вас, именно поэтому вы должны отправиться в дорогу как можно быстрей.

— Довольно трудная поездка, господин советник. Вы уверены, что я справлюсь?

Мэгнан кисло посмотрел на Ретифа.

— Кто-то на том уровне, где определяется политический курс, решил положиться на вас, Ретиф. Я надеюсь, что вы окажетесь достойны выбора.

— Сколько времени займет путешествие?

— Команда специалистов подготовит пленку за несколько минут. Но вы должны знать, что обитатели Миров Джоргенсона очень настороженно относятся к новым людям.

Так и не получив ответа на свой вопрос, Ретиф открыл конверт, который Мэгнан протянул ему, и посмотрел на удостоверение, лежавшее внутри.

— Меньше четырех часов до отлета, — удивился он, увидев вложенное расписание рейсов к Мирам Джоргенсона. — Лучше я не стану начинать читать толстые книги.

— Вам лучше потратить оставшееся время на идеологическую подготовку, — посоветовал Мэгнан. Ретиф встал.

— Если поспешу, то еще успею побывать на выставке карикатур.

— Считайте, что я этого не слышал, — поморщился советник. — И еще одно, последнее: соетти проверяют грузы, идущие к Мирам Джоргенсона. Не угодите им в лапы.

— Если попаду в плен, то сообщу вам... в крайнем случае. «Я еще помню ваше имя», — печально произнес Ретиф.

— Вы будете путешествовать с верительными грамотами посла, — фыркнул Мэгнан. — Но при вас не должно быть ничего, связывающего с Корпусом.

— Они ни о чем не догадаются, — заверил Ретиф. — Я прикинусь джентльменом.

— Лучше побыстрее отправляйтесь, — сказал Мэгнан, перекладывая бумаги.

— Вы правы, — ответил Ретиф. — Если все получится, начальству будет все равно, куда я пойду — на идеологическую подготовку или на выставку карикатур... — Он подошел к двери. — В этих Мирах нет объектов, которые необходимо подвергнуть особой проверке?

Мэгнан удивленно посмотрел на Ретифа.

— Уверен, что нет. Что-нибудь еще?

— Только ощущения.

— Желаю всего хорошего.

— Однажды я поймаю вас на слове, — подытожил Ретиф.

II

Ретиф опустил тяжелый дипломат и прислонился к стене, изучая расписание, написанное мелом под вывеской «Альдо Церцеи — Межпланетный вокзал». Тощий кассир в выцветшей рубашке с блестками и штанах из пластиковой змеиной кожи полировал ногти, наблюдая за Ретифом краешком глаза.

Ретиф пристально посмотрел на него.

Кассир откусил заусенец кроличьими передними зубами и выплюнул на пол.

— Что желаете? — поинтересовался он.

— Билет на рейс двести двадцать восемь к группе Миров Джоргенсона, — ответил Ретиф.

Служащий поковырялся во рту, разглядывая Ретифа.

— Все забито. Попробуем через пару недель.

— Поток эмигрантов?

— Не думаю...

— Давайте придерживаться фактов, — предложил Ретиф. — Не будем умничать. Насчет билетов... Это в порядке вещей?

Кассир жалобно улыбнулся.

— Сейчас у меня обед, — заявил он. — Касса открывается через час.

Поднеся к носу большой палец, принялся внимательно разглядывать его.

— Если я обойду стойку, то плотно накормлю тебя этим пальцем, — пригрозил Ретиф.

Кассир поднял голову и открыл рот, потом, заметив, что Ретиф не двигается, закрыл рот и вздохнул с облегчением.

— Вам хорошо там говорить, — заметил он, подергав большим пальцем. — Судно отправляется через час, но вы на него не попадете.

Ретиф внимательно посмотрел на служащего.

— ...Некоторым... гм... высокопоставленным персонам требуются стол и отдельные каюты, — объяснил кассир, запустив палец за воротничок. — Так что даже туристские места заняты обслуживающим персоналом. Может, вы попытаетесь найти место на следующем корабле?

— Какой шлюз? — спросил Ретиф.

— Что... а...

— Через какой шлюз посадка на рейс двести двадцать восемь? — спросил Ретиф.

— Ладно, — протянул кассир. — Шлюз двенадцать. Но...

Ретиф подхватил дипломат и направился прямо по коридору, над входом в который горела сверкающая надпись: «Шлюзы 16-30».

— Еще одна хитрожопая пьянь, — бросил кассир ему вслед. Ориентируясь по указателям, Ретиф прокладывал себе путь через толпу. Наконец он нашел шлюз, над которым горел номер 12. Широкоплечий мужчина со шрамом на челюсти и с маленькими глазками, контролер, ссутулился у входа.

Когда Ретиф попытался проскочить мимо, тот опустил руку на плечо курьера.

— Предъявите-ка свой билет! — потребовал он. Путешественник вынул бумагу из кармана и отдал служащему. Контролер закатил глаза.

— Что?

— Командировочное удостоверение подтверждает, что я на верном пути, — заявил Ретиф. — А ваш кассир отказался продать билет, заявив, что у него обед.

Контролер смял удостоверение, швырнул его на пол и замер в вальяжной позе по ту сторону турникета.

— Убирайся, подонок! — бросил он Ретифу. Тот осторожно поставил дипломат на пол, шагнул вперед и правой рукой врезал в грудь контролеру. Человек согнулся вдвое и упал на колени, Ретиф на всякий случай сделал шаг в сторону.

— Не будь таким беспечным, идиот. А мне уже некогда. Передашь своему начальству, что я проскочил, когда ты

отвернулся. — Ретиф подхватил дипломат и, перешагнув через тело, поднялся на корабль.

По коридору спешил стюард в белом костюме.

— Где каюта пятьдесят семь, сынок? — спросил Ретиф.

— Наверху, — мотнул головой мальчик и поспешил дальше. Ретиф миновал узкий зал, нашел указатель и проследовал в кабину пятьдесят семь. Дверь открылась. В центре каюты был свален чей-то багаж — дорогие чемоданы.

Ретиф поставил рядом с ними свой дипломат. Сзади раздался какой-то звук, и Ретиф обернулся. Высокий румяный мужчина в элегантном пальто, скрывающем обширное брюшко, стоял у открытой двери спиной к Ретифу. Курьер молча посмотрел на него. Вошедший взглянул через плечо и обернулся к Ретифу.

— Кто-то вошел в каюту... Убирайтесь! — широко раскрыв глаза, он уставился на Ретифа. Появился коротышка с бычьей шеей.

— Что вы делаете в каюте мистера Тони? — возмутился он. — Вы сумасшедший?! Убирайтесь отсюда! Вы заставляете ждать меня и мистера Тони!

— Это плохо... Каюта оказалась занятой, — сам себе сказал Ретиф.

— У вас с головой в порядке? — коротышка с удивлением смотрел на Ретифа. — Я вам говорю: это каюта мистера Тони!

— Но я не знаю никакого мистера Тони. Ему, наверное, стоит переехать в другую каюту.

— Посмотрим, — коротышка повернулся и вышел. Ретиф уселся на койку и зажег сигару. Мистер Тони также исчез. В коридоре шумно заспорили.

Тем временем появились два могучих грузчика. Выбиваясь из сил, они притащили сундук. Пропихнув его в каюту, поставили на пол, оглядели Ретифа с ног до головы и ушли. Вернулся Бычья Шея.

— Все ясно! Убирайтесь! — прорычал он. — Или мне приказать, чтобы вас вышвырнули?

Ретиф поднялся, крепко закусив сигару, взялся за ручки окованного медью сундука, согнул колени, прижал сундук к груди, а потом, распрямив ноги, поднял его над головой. Он повернулся к двери.

— Ловите! — предложил он сквозь крепко стиснутые зубы. Сундук врезался в противоположную стену коридора и развалился.

Подойдя к багажу, сложенному на полу, Ретиф начал выкидывать вещи в коридор. Из-за дверного косяка осторожно высунулось лицо Бычьей Шеи.

— Вы могли бы...

— Если не возражаете, я вздремну, — отрезал Ретиф. Захлопнув дверь, он сбросил ботинки и рухнул на койку. Прошло пять минут, прежде чем в дверь снова постучали. А потом рывком распахнули.

Ретиф открыл глаза. Огромный человек — кожа и кости, в грубых белых брюках и синей водолазке, маленькой шапочке, заломленной набок, внимательно разглядывал Ретифа.

— Этот — заяц? — поинтересовался он.

Бычья Шея. выглянул из-за плеча гиганта и фыркнул.

— Это он!

— Я капитан судна, — поворчал гигант. — У тебя, пьянь, две минуты, чтобы смыться отсюда.

— Вы могли бы сэкономить массу времени, не связываясь со мной, — ответил Ретиф. — Загляните в третий пункт первого параграфа Единого Кодекса. Там написаны законы, действующие на космических кораблях, осуществляющих межпланетные перелеты.

— Космический законник! — капитан отвернулся. — Выкиньте его отсюда, ребята!

Вошли два жлоба. Они оглядели Ретифа.

— Выкиньте его! — рявкнул капитан. Ретиф положил сигару в пепельницу и вскочил на ноги.

— Даже не пытайтесь, — мягко предупредил он. Один из головорезов вытер нос рукавом, плюнул на правую ладонь и шагнул вперед, но потом заколебался.

— Эй! — неуверенно заговорил он. — Это тот парень, который разбил сундук?

— Да. Он вышвырнул из каюты все вещи мистера Тони, — объяснил Бычья Шея.

— Пропустите-ка, — попросил жлоб, направляясь к выходу. — Пусть торчит тут, сколько хочет. Я нанимался грузчиком, а не вышибалой. Дайте пройти!

— Лучше возвращайтесь на мостик, капитан, — посоветовал Ретиф. — Через двадцать минут мы отчаливаем.

Бычья Шея и капитан заорали одновременно. Но капитан кричал громче:

— ...двадцать минут!.. Единый Кодекс?.. Отчаливаем?

— Когда будете уходить, прикройте дверь, — попросил Ретиф. Бычья Шея остановился в дверях.

— Только выйди из каюты...

III

Четыре официанта, не останавливаясь, пронеслись мимо столика Ретифа. Пятый, державший меню под мышкой, тоже не задержался.

За столом в противоположном конце столовой сидел капитан. Теперь уже в форме.

Рядом с ним расположилось несколько пассажиров. Они громко разговаривали, часто смеялись, изредка бросая косые взгляды в сторону Ретифа.

В стене за спиной курьера открылось окошечко. Из-под поварского колпака на Ретифа уставились ярко-синие глаза.

— Желать холодные ребрышки, мистер?

— Вон туда взгляни, старик, — предложил Ретиф, — Может, мне стоит пойти и присоединиться к компании капитана? Его сотрапезники выглядят довольными.

— Капитан сам решать, с кем сидеть за одним столом. Он распоряжаться садить тех трех.

— Вижу.

— Так что сидеть, где сидеть, мистер. Если хотеть, я подавать.

Через пять минут новый знакомый передал Ретифу грибы под чесночным соусом.

— Я — Чип, — представился новый знакомый. — Я — повар. Я не любить капитана. Можете так говорить ему, как я сказать вам. Я и его друзей не любить. Я не любить дерьмовых, поганых парней, которые глядеть на капитана, словно тот — кусок мяса.

— Хорошая идея относительно мяса, Чип. И насчет парней капитана — верная мысль, — подытожил Ретиф, наливая себе в бокал красного вина. — Это тебе.

— Старый повар быть прав, — продолжал Чип. — Он думать поджарить их всех. По кусочкам. А лучше я шагать готовить «Черную Аляску». Любить бренди с кофе?

— Чип, ты гений.

— Я любить смотреть на хорошего едока, — заметил Чип. — Сейчас я идти. Если вы в чем-то нуждаться, говорить.

Ел Ретиф медленно. На борту корабля время едва тащилось, и спешить было некуда. До Миров Джоргенсона лететь четыре дня. Потом, если Мэгнан все правильно рассчитал, останется еще время, чтобы подготовиться и предотвратить вторжение соетти. У Ретифа возникло искушение просмотреть микрофильм, спрятанный в ручке дипломата. Хорошо было бы знать, могут ли обитатели Миров Джоргенсона на самом деле на что-то надеяться.

Ретиф прикончил жареный бифштекс, и тут же повар передал ему «Черную Аляску» — бренди с кофе. Большая часть пассажиров уже покинула столовую. Мистер Тони и те, кто пытался выставить Ретифа, сидели за столом капитана.

Ретиф еще трапезничал, когда четыре человека встали из-за стола капитана и отправились через всю столовую прямо к курьеру. Первый имел каменное лицо и разорванное ухо. Он сдвинул сигарету в уголок рта, когда подошел к столу Ретифа, а потом, взяв ее пальцами, опустил в чашку с кофе дипломата. Но этого ему не хватило, и он опрокинул кофейник на скатерть.

Подошли остальные. В хвосте плелся мистер Тони.

— Должно быть, хочешь попасть на Миры Джоргенсона? — проговорил головорез. — В какую игру ты играешь, деревенщина?

Ретиф посмотрел на чашку кофе и поставил ее.

— Как раз кофе я не хотел, — сказал он, потом посмотрел на верзилу. — Можешь выпить его сам.

Бандит покосился на Ретифа.

— Мудрая деревенщина! — буркнул он.

Небрежным движением Ретиф плеснул кофейную гущу в лицо бандиту, потом встал и правой рукой врезал ему в челюсть. Тот упал. Ретиф посмотрел на мистера Тони, который замер с открытым ртом.

— Можете забирать своих приятелей, мистер Тони, — сказал Ретиф. — Не шастайте туда-сюда. Вы даже не смешны.

Наконец мистер Тони обрел голос.

— Разберись с ним, Марблес! — прорычал он.

Бычья Шея сунул руку под одежду и вытащил нож с длинным лезвием. Облизнув губы, пошел на Ретифа.

Офицер услышал, как рядом снова открылось окошечко.

— Можете нырять сюда, мистер, — пригласил Чип. Ретиф оглянулся.

— Спасибо, Чип. Но я не бегу, когда встречаюсь с такими хлюпиками.

Бычья Шея ударил, но промахнулся. Ретиф ткнул его кулаком в лицо и отправил под стол. Третий головорез отступил, вытаскивая силовой пистолет из наплечной кобуры.

— Направишь на меня, и я тебя убью, — пообещал Ретиф.

— Сожги его! — приказал мистер Тони, но тут у него за спиной появился капитан.

— Убери пистолет! — заорал капитан. — Такие шуточки...

— Заткнись, — отрезал мистер Тони. — А ты, Гоани, убери пушку. Мы еще успеем с ним поквитаться.

— Но не на моем судне, — дрожа от гнева, произнес капитан. — Я считаю, что это пока еще мой корабль.

— Заткнись, ты, со своим судном, а то оно тебе больше не понадобится, — отрезал Гоани.

— Сам заткни пасть! — фыркнул мистер Тони. — Оставь капитана. Пока мы должны поджать хвост...

Повернувшись, он пошел прочь. Капитан сделал знак, и громилы отправились вслед за мистером Тони. Ретиф смотрел, как те выходили из столовой.

— Я стоять на вашей стороне. Если бы мочь, я бы помочь вам, — услышал офицер голос из окошечка за спиной. — Вы правильно поступать с ними.

— Как насчет чашечки кофе, Чип? — поинтересовался Ретиф.

— Конечно, мистер Ретиф. Что-нибудь еще?

— Не откажусь, — согласился Ретиф. — Постепенно я вхожу во вкус.

— Они не велеть мне носить мясо в вашу каюту, — проговорил Чип. — Но капитан знать: я — лучший повар в Торговом Флоте. У них со мной нет проблем!

— Что общего у Тони с капитаном, Чип? — поинтересовался Ретиф.

— Они вместе заниматься бизнесом. Не хотеть выкурить турецкого табачку?

— Да, пожалуй. Что они могут сделать до того, как мы прибудем в Миры Джоргенсона?

— Уверен, парень не выкинуть вас из головы... Давно... шесть... восемь месяцев нет туристов... В ваши годы я есть много больше.

— Могу поспорить, что ты и сейчас неплохо с этим управляешься. На что похожи Миры Джоргенсона?

— Один — холоден как Ледяной Ад, а три других — и того хуже. Большинство людей жить на Свеа. Там менее холодно... Пробовать еще? Человек не наслаждаться тем, что сам готовить.

— На этих планетах мне должно улыбнуться счастье, — мечтательно произнес Ретиф. — А какой груз везет капитан в Миры Джоргенсона?

— Не уверен. Не знать. Они носиться с грузом. А то и вовсе не брать никакой груз. И туристов не брать, как я уже говорить. А вообще, я не знать, что мы возить.

— Где же корабль берет пассажиров?

— На Алабасторе. Девять дней полета, но еще в секторе Миров Джоргенсона. Не хотеть кофе после сигар?

— Только одну чашечку, Чип... Мне нравится путешествовать на этом лайнере.

— Иметь много пустого места. У нас пустовать с дюжину кают.

Чип дал Ретифу прикурить, убрал грязные тарелки, принес кофе и бренди.

— А эти потники я не любить! — сказал он.

Ретиф вопросительно посмотрел на него.

— Вы никогда не видеть потников? Уродливые дьяволы. Кожистые ноги, словно лапки омара, большая грудь, по форме — репа, резиновая голова. У вас остановится пульс, когда вы увидеть, как они сердиться.

— Никогда не имел удовольствия видеть таких существ, — ответил Ретиф.

— Возможно, скоро получить удовольствие. Эти дьяволы подниматься к нам на борт каждый раз. Что-то напоминать патруль.

Послышался отдаленный клацающий звук, пол слабо задрожал.

— Я не суеверен, — проговорил Чип, — но будь трижды проклясть, если это не они.

Через десять минут кто-то протопал за дверью, в коридоре зазвучала щелкающая скороговорка. Сперва позво-

нили в звонок, а потом тяжелый удар обрушился на дверь.

— Они хотеть смотреть на вас, — прошептал повар. — Проклятые носатые потники.

— Отопри дверь, Чип.

Повар отпер дверь.

— Заходите, черт вас брать! — пробормотал он при этом.

Высокое и гротескное существо вошло в каюту, топая копытами. Сверкающий металлический шлем закрывал глубоко посаженые глаза. Накидка свободно болталась вокруг шишковатых колен. За спиной чужака нервничал капитан.

— Твой паспорт! — выпалил инопланетянин.

— Так это ваш новый друг, капитан? — поинтересовался Ретиф.

— Не умничай. Ты должен сделать то, что тебе говорят.

— Твой паспорт! — снова повторил инопланетянин.

— Хорошо, — сказал Ретиф капитану. — Я посмотрел на него. Теперь можете его забрать.

— Не выпендривайся, — фыркнул капитан. — Этот парень может наделать массу неприятностей.

Пришелец выдвинул из-под накидки крошечные ручки, защелкал зубастыми щипцами перед носом Ретифа.

— Быстро, мягкотелый!

— Капитан, попросите вашего приятеля сохранять некоторую дистанцию. Он выглядит таким хрупким.

— И не думай связываться со Скавом. Этой щелкалкой он прокусывает сталь.

— Даю последний шанс, — предложил Ретиф.

Скав стоял спокойно, держа широко раскрытые щипцы в дюйме от глаз Ретифа.

— Покажи свои бумаги, проклятый дурак, — грубо сказал капитан. — Я не могу приказывать Скаву.

Инопланетянин защелкал щипцами, издавая резкие звуки. Отклонившись влево и наполовину повернувшись, Ретиф пнул инопланетянина ногой в тонкую лапу, чуть выше шишковатой коленной чашечки. Скав взвыл и

затарахтел скороговоркой. Из трещины начала сочиться зеленоватая жидкость.

— Я же вам сказал; что он хрупкий, — объявил Ретиф. — Следующий раз не пускайте пиратов на борт и не отвечайте на их вызовы.

— Боже, что ты сделал! Они убьют всех нас, — задохнулся капитан, глядя широко раскрытыми глазами на фигуру, барахтающуюся на полу.

— Помогите старому бедному Скаву добраться до его судна, — попросил Ретиф. — Скажите ему последнее прости. Не будет больше непредвиденных задержек и обысков земных судов в принадлежащих Земле секторах пространства.

— Эй! — позвал Чип. — Скав совсем издергался.

Капитан наклонился над поверженным существом, очень осторожно перевернул его. Наклонившись еще ниже, он фыркнул.

— Мертв, — капитан посмотрел на Ретифа. — Теперь мы все мертвы. Соетти никого не прощают.

— Правильно. Нам их прощения и не нужно. Передайте, чтоб убирались.

— У них чувств не больше, чем у синих крабов...

— Вас легко обмануть, капитан. Покажите им несколько пушек, когда снова придете в себя. Теперь-то мы знаем их секрет.

— Что за секрет? Я...

— Не быть глупее, чем вы есть, капитан, — встрял Чип. — Потники легко умирать. Вот в чем секрет.

— Может и получится, если их припугнуть, — неуверенно произнес капитан, взглянув на Ретифа, — Их всего трое, может сработать.

Он вышел и вернулся с двумя грузчиками. Очень осторожно они вынесли труп инопланетянина из каюты.

— Может, мне наконец удастся резко дать от ворот поворот этим соетти, — пробормотал капитан, постоянно оглядываясь. — Чуть позже я еще загляну к вам.

— Вы не пугать нас ни потниками, ни мистером Тони с его парнями, — ответил Чип. — Вы держать их там, где они есть. Ведь все они — одного поля ягоды. Заниматься одним делом.

— Ты бы лучше делал, что тебе положено. Чип. Не лезь в чужие дела.

— Они раньше вас убить, капитан, если бы у них хватать мужества. А ведь мы и сами давно мочь справиться с этими обезьянами. У них же нет ни капли мужества.

— Они действуют исподтишка. Чип. Грозят убить.

— Пусть пробовать грозить мне! — Чип поднял поднос. — Я смотреть! Смотреть, что мы мочь сделать. Если потники иметь дела с парнями Тони, они не стать делать их в космопорте.

— Успокойся, Чип. Я совершенно уверен, что они больше не станут привлекать к себе внимание.

Чип покосился на Ретифа.

— Вы не турист. Я отлично понять, вы прибыть сюда не развлекаться?

— На такой вопрос можно ответить только однозначно, — уклончиво сказал Ретиф.

IV

Ретифа разбудил стук в дверь.

— Это я. Чип!

— Заходи.

Повар зашел в каюту и стал запирать дверь.

— Вы уверены, что эта дверь хорошо запирается? — Чип постоял, прислушиваясь, потом повернулся к Ретифу. — Вы хотеть помочь колонии Миров Джоргенсона, мистер, не так ли?

— Да, Чип.

— На самом деле, мистер Тони жестоко обходиться с капитаном за старый мертвый Скав. Потники ничего не сказать. Они даже не удивляться, повернуться и уходить. Но мистер Тони и второй плут, Марблес... у них припадок. Они явиться в капитанскую каюту и долго говорить с капитаном... с полчаса. Потом капитан выйти и отдать несколько приказов команде.

Ретиф сел и достал сигарету.

— Мистер Тони и Скав были друзьями, верно?

— Мистер Тони ненавидеть Скава. Но они вместе делать дела. У вас, мистер, есть пистолет?

— Двухмиллиметровый, игольчатый. А зачем?..

— Капитан приказать изменить курс на Алабастер. Мы миновать Миры Джоргенсона. Вот-вот должны повернуть.

Ретиф закурил, сунул руку под матрас и вытащил короткоствольный пистолет. Опустив его в карман, посмотрел на Чипа.

— Может, это и хорошая мысль... Как пройти в каюту капитана?

— Это здесь, — мягко сказал Чип. — Вы хотеть, чтоб я остаться и смотреть, кто идет по коридору?

Ретиф кивнул, открыл дверь и шагнул в каюту. Капитан осторожно приподнялся, оторвав взгляд от бумаг, разложенных на столе, а потом чуть не подпрыгнул.

— Что вы о себе думаете, явившись сюда?

— Я слышал, вы планируете изменить курс?

— У вас, будь вы прокляты, большие уши!

— Думаю, будет лучше, если мы свяжемся с Мирами Джоргенсона.

— Вы так считаете? — капитан обмяк, — Я командую этим судном, — заявил он, — Да, хочу изменить курс. Мы летим на Алабастер.

— Не думаю, что стоит туда лететь, — возразил Ретиф. — Надо держать курс на Миры Джоргенсона.

— Нет, дорогуша!

— Ваше толкование слова «дорогуша» интересно, капитан. Но не пытайтесь изменить курс.

Капитан потянулся к микрофону, стоявшему на столе, нажал переключатель.

— Энергоотсек, это капитан, — проговорил он, но тут Ретиф сжал ему руку.

— Прикажите помощнику держаться прежнего курса, — мягко попросил курьер.

— Отпусти мою руку, сукин сын! — прошипел капитан. Не сводя глаз с Ретифа, он левой рукой потянулся к ящику стола. Курьер захлопнул ящик. Капитан взвыл и выронил микрофон.

— Ты сукин сын! Ты...

— И еще, — продолжал Ретиф. — Скажите ему...

— Я — офицер Торговой Службы!

— Вы — лоточник, продавший свой лоток стае инопланетян.

— Ты должен взять эти слова обратно, деревенщина.

— Скажете, я не прав?

Капитан взревел и снова схватился за микрофон.

— Дежурный офицер, — позвал он. — Держитесь прежнего курса на Миры Джоргенсона, пока не услышите от меня нового распоряжения. — Опустив микрофон, капитан посмотрел на Ретифа. — Осталось восемнадцать часов. Потом мы попадем в зону действия Посадочных служб Миров Джоргенсона. Вы останетесь тут и станете моей правой рукой?

Отпустив запястье капитана, Ретиф повернулся к двери.

— Чип, я запру дверь. Ты походи вокруг и дай знать, если что-нибудь произойдет. И как можно чаще приноси горячий кофе. Я хочу составить компанию нашему робкому другу.

— Правильно, мистер. Не спускать с него глаз. Он очень скользкий.

— Что вы собираетесь делать? — заволновался капитан. Ретиф уселся в кресло.

— Реальность душит вас, как того и заслуживаете, — проговорил курьер. — Я останусь здесь и помогу вам удержаться на избранном курсе. Мы летим к Мирам Джоргенсона.

Капитан взглянул на Ретифа, а потом засмеялся, но скоро закашлялся.

— Тогда я немного преувеличил. Нам не удастся поспать, деревенщина. Если вы заснете, то предупреждаю: на меня нельзя положиться.

Ретиф достал игольчатый пистолет и положил его перед собой на стол.

— Если что-нибудь случится, мне это не понравится, — проговорил он. — Я разбужу вас.

— Почему не договориться о пароле, мистер? — спросил Чип. — Пройти уже четыре часа. Вы держать руки на руле...

— Все в порядке, Чип. Можешь пойти вздремнуть.

— Нет. Много раз, когда я быть чуть помоложе, стоять по четыре, пять вахт. Я сделать еще один круг.

Ретиф поднялся, шагнул к стене и посмотрел на инструкции, развешенные там. Пока все шло спокойно, но посадка — другое дело. Отсутствие капитана на мостике во время орбитального маневрирования перед посадкой может сказаться по-разному... Затрещал динамик на столе.

— Капитан! Говорит вахтенный офицер. Разве вам не пора спуститься, чтобы рассчитать нашу орбиту?

Ретиф слегка ткнул локтем капитана. Тот проснулся и сел.

— Чт-то? — выпучив глаза, капитан посмотрел на Ретифа.

— Вахтенный офицер просит, чтобы вы разрешили ему самостоятельно рассчитать орбиту, — сказал Ретиф, кивнув на динамик.

Пленник молча протер глаза, потряс головой, а потом взял микрофон. Ретиф спокойно навел на капитана игольчатый пистолет, одновременно другой рукой включив микрофон.

— Вахтенный офицер. Я буду... ах... делайте все, что сочтете необходимым. Я... ах... сейчас занят.

— Черт побери, какое «занят»! — донеслось из динамика. — Если мы сядем, у вас будут большие неприятности. Вы, кажется, кое-что забыли!

— Думаю, мне надо самому пойти посмотреть, — сказал капитан, взглянув на Ретифа. — Но я слишком занят!

— Один ноль в вашу пользу, капитан, — заметил курьер.

— Может, договоримся? — взмолился тот. — Ваша жизнь в обмен на...

Размахнувшись левой рукой, Ретиф сильно двинул его в челюсть. Тот повалился на пол.

Отойдя в противоположный конец комнаты, Ретиф оторвал провод переносной лампы и скрутил им руки и ноги капитану; набил рот бумагой и заклеил лейкопластырем.

Постучался Чип. Ретиф открыл дверь, и, войдя, повар увидел капитана, лежащего на полу.

— Он пытался что-то сделать, так? Строить план? Что мы станем делать теперь?

— Я забыл, что, подлетев к планете, надо еще и сесть, Чип. Капитан перехитрил меня.

— Если мы проскочить орбиту наземного контроля, мы не сесть автоматически, — заметил Чип. — А ручное управление...

— Но существует и другая возможность.

Повар заморгал.

— Только одно иметь возможность, мистер Ретиф. Но бегство в спасательной шлюпке — не увеселительная прогулка.

— Шлюпки на корме, рядом со шлюзом, верно?

Чип кивнул.

— Жарковато будет, черт побрать, — проговорил он. — Но кто же оставаться на борту и готовить салат?

— Пока уберем капитана от греха подальше.

— В кладовку?

Они подняли безвольное тело капитана, уложили в большой стеклянный шкаф и заперли.

— Он не будет страдать. Шкаф на отвращение большой.

Ретиф открыл дверь, ведущую в коридор. Чип замер у него за спиной.

— Вроде никого нет, — сказал повар. — Никого не появиться.

Пробираясь вместе с поваром по палубе «Д», Ретиф неожиданно остановился.

— Послушай.

Чип наклонил голову.

— Ничего не слышать, — прошептал он.

— Похоже, внизу, где стоят космические шлюпки, кто-то ходит.

— Давайте убрать его, мистер.

— Пойду посмотрю. Постой тут.

Ретиф спустился на полпролета по узкой лестнице. Там снова остановился и прислушался. Медленные шаги, потом тишина. Сжав игольчатый пистолет, Ретиф быстро сделал несколько шагов и вошел в тускло освещенное помещение с низким потолком. Совсем рядом оказались люки спасательных шлюпок.

— Остановись, приятель! — произнес холодный голос часового. Присев, Ретиф крутанулся, спрятавшись за одной из машин, в то время как грохот выстрела эхом отозвался среди металлических переборок. Курьер скользнул под шлюпку. Прыгнув, он дотянулся до нужного рычага. Начался цикл разгерметизации внешнего люка.

Ретиф повернулся и выстрелил. Часовой, оказавшийся столь неосторожным, упал. Взревела сирена. Тревога. Поднявшись по трапу шлюпки, Ретиф нырнул в открытый люк. Сзади раздался топот — кто-то бежал вслед за ним.

— Не стрелять, мистер Ретиф! — закричал Чип, подбегая.

— Все в порядке, Чип.

— Подвигаться, я лететь с вами.

Офицер отодвинулся, пропустив повара, а потом захлопнул за собой люк. Одновременно с шипением закрылись двери, ведущие на верхние палубы.

— Добро пожаловать, второй пассажир! Я хотеть взорвать этот проклятый корабль насмерть, — проговорил Чип. — Высверлить дыру...

Ретиф увидел, как повар плюхнулся в кресло, и только потом нажал кнопку, включая противоперегрузочное устройство. Палуба под спасательной шлюпкой задрожала.

— Двери шлюза захлопнуть, — проговорил Чип, счастливо улыбаясь. — Это охладить их. — Он нажал зеленую кнопку.

— Цель — Миры Джоргенсона!

Оглушив пассажиров, включились ракетные дюзы. Потом неожиданно наступила тишина. Невесомость. Металлическая обшивка пощелкивала, охлаждаясь. Чип громко вздохнул.

— Девять в течение десяти секунд, — сказал он. — Я дать полную мощность.

— У нас на борту есть оружие?

— Только пугач... Иногда там, внизу, бывать сильные ветры, но, думаю, нам везти. Сейчас мы идти прямо на северный или южный полюс, к одной из контрольных башен. Я иметь в виду планету Свеа. До нее четыре, может, пять часов полета.

— Ты, Чип, удивительный человек, — проговорил Ретиф. — А теперь я, как в старое доброе время, чуток вздремну.

— И я тоже вздремну, — сказал Чип. — Теперь мы в безопасности, ведь так?

На мгновение наступила тишина.

— О! — неожиданно завопил Чип. Ретиф открыл один глаз.

— Разве ты не собирался поспать?

— Забыл свой лучший ножичек на кухне между ребрами одной из туш, — вздохнул повар. — Придется потом что-то придумать...

V

Блондинка поправила волосы и улыбнулась Ретифу.

— Я сегодня дежурю одна, — проговорила она. — Мое имя — Анна-Мария.

— Очень важно, чтобы я срочно поговорил с кем-нибудь из правительства, мисс, — сказал Ретиф.

Девушка задумчиво посмотрела на него.

— Значит, вы хотите увидеть Тови и Во Бергмана. Они сейчас в Берлоге на ночной стороне.

— Тогда скажите, как попасть в эту... «берлогу»? — спросил Ретиф. — Проводите нас, Анна-Мария.

— А как же корабль на орбите? — удивился Чип.

— До утра он никуда не денется, — ответила девушка.

— Вы очень порывисты, — восхищенно проговорил Чип. — Рост около шести футов, так? Фигура тоже... порядок. Понимать, что я иметь в виду?

Они вышли из-под купола в завывающую метель.

— Заглянем на склад, подберем парки, — предложила Анна-Мария. — В таком одеянии вам будет холодно.

— Конечно, — дрожа, согласился Чип. — Я слышать, у вас не верить, что опасно путешествовать вверх в горы в буран?

— После такой прогулки мы проголодаемся. Но это единственное, что может произойти, и в этом случае повар Чип приготовит нам по бифштексу, — ответила Анна-Мария.

Чип моргнул.

— Готовить может оказаться долго... — пробормотал он. — Я не знать, что может подстерегать нас в пути...

Позади сараев за крутым, очищенным ветром склоном поднимались снежные пики. Едва заметная дорога вела вверх, исчезая среди низких облаков.

— Берлога выше слоя облаков, — объяснила Анна-Мария. — Там, наверху, всегда чистое небо.

Через три часа Анна-Мария остановилась, сбросила меховой капюшон и показала на открывшуюся их взорам долину.

— Видите, вот это — наша долина, — сказала она.

— Отсюда хороший вид, — вздохнул Чип. — Как хорошо смотреть отсюда...

Анна-Мария продолжала:

— Вон тот маленький красный купол — мой дом. Видите, Ретиф? А вон купол моего отца.

Ретиф посмотрел на девушку, а потом перевел взгляд на долину. Весело раскрашенные купола стояли вплотную друг к другу, образуя разноцветное пятно на белом подносе долины.

— Наверное, вы тут очень счастливы, — задумчиво сказал Ретиф. Анна-Мария радостно улыбнулась.

— Сегодня выдался замечательный день.

Ретиф хмыкнул про себя.

— Да, — согласился он. — Сегодня — хороший день.

— Лучше говорить, когда я вытягивать ноги у большого камина, о котором вы, Анна, рассказывать, — заметил Чип.

Они пошли дальше, пересекли осыпь и добрались до относительно пологого склона. Над ними темнела Берлога — длинное, низкое строение, сложенное из тяжелых бревен. Его контуры четко вырисовывались на фоне ночного неба. Из каменных труб в дальнем конце крыши шел дым; свет мерцал в маленьких оконцах, играл, отбрасывая отблески на снегу. Три или четыре человека стояли неподалеку, держа лыжи на плечах. Их радостные голоса звенели в ледяном воздухе.

— Пойдем, — позвала девушка Ретифа и Чипа. — Познакомитесь с моими друзьями.

Отделившись от группы, один из мужчин пошел вниз по склону им навстречу.

— Анна-Мария! Добро пожаловать! — начал он. — Без тебя день казался таким длинным. — Он приблизился, обнял девушку, улыбнулся Ретифу, — Добро пожаловать.

По утрамбованной дорожке они направились к Берлоге, протиснулись через тяжелые узкие двери и оказались в большом низком зале, наполненном разговаривающими и поющими людьми. Некоторые сидели за длинными дощатыми столами, другие танцевали возле широкого, футов восемь в длину, камина, встроенного в стену зала. Анна-Мария подошла к скамейке у самого огня. Представив гостей, она нашла маленький стульчик, на который сел Чип, вытянув ноги к самому огню.

Повар ошалело вертел головой.

— Раньше я никогда сразу не видел столько приятных людей, — сказал он.

— Бедный Чип, — проговорила одна из девушек. — Так замерз! — Наклонившись, помогла ему снять ботинки. — Позвольте мне растереть ваши ноги, — предложила она.

Брюнет с синими глазами выгреб каштаны из огня и протянул их Ретифу. К вновь прибывшим подошел высокий мужчина, руки которого напоминали корни могучего дуба.

— Расскажите нам о тех местах, где вы побывали, — попросил он.

Чип сделал большой глоток из кружки и тяжело вздохнул:

— Хорошо, — согласился он. — Я рассказать о тех местах, где бывать...

Громко звучала музыка.

— Идите сюда, Ретиф, — позвала Анна-Мария. — Потанцуйте со мной.

Курьер внимательно взглянул на нее.

— Мои мысли шли именно в этом направлении, — заметил он. Чип опустил кружку и вздохнул.

— Черт побрать, если раньше, даже дома, я чувствовать себя так хорошо, — проговорил он, — Казаться, эти люди все знать обо мне. — Он почесал за ухом, а потом добавил шепотом: — Но в воздухе витать беспокойство, хотя, судя по некоторым замечаниям, потники не слишком их беспокоить. Никто не бояться.

— Чип, что эти люди знают о соетти? — спросил Ретиф.

— Бог знать, — ответил Чип. — Пока мы остаться тут, приятель. Но я всегда хотеть покинуть камбуз, работать над моделями кораблей... Хотя я понять, где-то рядом кружить потники...

К Чипу подошли две девушки.

— Я идти, мистер Ретиф, — продолжал он. — Эти дамы решать доверять мне в руки кухню.

— Какие девочки! — заметил курьер, повернувшись к подошедшей Анне-Марии.

— Во Бергмана и Тови пока нет, — сказала она. — Уехали кататься на лыжах в лунном свете.

— Значит, когда луна встает, светло как днем? — удивился Ретиф.

— Они скоро вернутся. Может, сходим посмотрим восход?

Снаружи длинные черные тени напоминали чернила, вылитые в серебро. Внизу белой волнистой массой сверкали облака.

— Вот сестра нашего мира — Гота, — сказала Анна-Мария. — Почти такая же большая, как Свеа. Когда-нибудь я побываю на ней, хотя говорят, там только камень и лед.

— Сколько человек живет в Мирах Джоргенсона? — поинтересовался Ретиф.

— Около пятнадцати миллионов. Больше всего живет на Свеа. На Готе есть лагеря горнодобытчиков и рыбаков, занимающихся подледным ловом. А на Вазе и Сконе никто не живет постоянно, но там всегда есть несколько охотничьих отрядов.

— Как вы относитесь к войне?

Анна-Мария повернулась и с удивлением посмотрела на Ретифа.

— Вы боитесь за нас, Ретиф? — спросила она. — Если соетти нападут, мы будем сражаться. Мы привыкли бороться. Эти планеты не так уж и дружелюбны.

— Я думал, нападение соетти окажется для вас сюрпризом, — удивился Ретиф, — Вы готовились к нему?

— У нас десять тысяч торговых кораблей. Когда враг придет, мы достойно встретим его.

Ретиф нахмурился.

— А на вашей планете есть оружие? Какие-нибудь ракеты?

Анна-Мария покачала головой.

— У Во Бергмана и Тови есть план...

— План! Черт возьми! Чтобы отразить нападение, вам нужно соответствующее оружие!

— Посмотрите! — девушка дотронулась до руки Ретифа. — Они приближаются.

К ним, поднимаясь по склону, шли два высоких седых человека. На плечах они несли лыжи.

— Добро пожаловать на Свеа, — поздоровался Тови. — Давайте найдем теплый уголок, где мы сможем спокойно поговорить.

Высокая девушка с медными волосами предложила кусок оленины, но Ретиф, улыбаясь, покачал головой.

— Спасибо, я отложу его на черный день, — сказал он. Во Бергман налил пива в кружку Ретифа.

— Наши капитаны — лучшие в космосе, — заверил он. — Население сконцентрировано в полусотне маленьких городков, разбросанных по всей планете. Мы знаем, где могут ударить соетти. И решили протаранить их главные суда беспилотными кораблями, а если они все-таки высадятся, то мы начнем партизанскую войну.

— Главное — это их звездолеты.

— Да, — согласился Во Бергман. — Мы понимаем.

— Когда вы узнали, что соетти планируют нападение?

Тови поднял брови.

— Вчера вечером, — ответил он.

— Как вы узнали об этом? В некоторых кругах эта информация считается совершенно секретной.

— Совершенно секретной? — удивился Тови. Чип взял Ретифа за руку.

— Мистер, отойти на минутку, — попросил он. Ретиф посмотрел на Анну-Марию, прячущуюся за спинами Тови и Во Бергмана.

— Извините меня, — сказал он и отошел вслед за Чипом в другую часть комнаты.

— Послушать! — заговорил Чип. — Может, я превращаться в летучую мышь, но я клясться, что тут не все чисто. Я готовить один соус, рецепт которого знать я один. Дьявол! Пусть я превращаться в собаку, если они не приносить мне все необходимое. А я слова не сказать о том, что мне нужно. Я только поставить соус в микроволновую печь... а девушка уже правильно нажать на кнопку 350. Только я посмотреть на одну дамочку, как на мешок яблок, на ту маленькую симпатичную брюнетку Лейлу... я получить так, словно дама поворачиваться и сказать... — Чип сглотнул. — В общем, ничего умного. Точнее... — его голос стал тише. — Эти люди читать, что мы думать.

Ретиф хлопнул Чипа по плечу.

— Не беспокойся, старик, — сказал он. — Ведь мы не замышляем ничего плохого.

VI

— Мы никогда не делали из этого секрета, но и не рекламировали свои способности, — объяснил Тови.

— На самом деле мы не так много и можем, — добавил Во Бергман. — Мы не мутанты, как решили ученые. Этот дар слабо развит, что-то на уровне ощущений. Нас немного, и мы далеки от родного мира. Пытаемся разрушить стены, которые люди сами возводят вокруг своего разума.

— Вы можете читать мысли соетти? — спросил Ретиф. Тови покачал головой.

— Соетти слишком отличаются от нас. Это больно — мысленно касаться разума инопланетян. Мы можем воспринимать только очень яркие мысли людей.

— Мы видели нескольких соетти, — сказал Во Бергман. — Их корабли приземлялись, чтобы пополнить запасы. Мы почти не общались, но чувствовали что-то недоброе. Соетти завидуют нам, ведь они родом с холодных планет.

— Вы рассказали, что планируете предпринять в случае вторжения, — сказал Ретиф. — План удара сразу всей эскадрой, а потом партизанская война...

— Но это все, что мы сумели придумать, Ретиф. Если врагов окажется не очень много, наш план может сработать.

Ретиф покачал головой.

— Это удивит соетти, не более.

— Возможно. У нас много кораблей, правда, они не вооружены. Люди смогут покинуть города, жить в горах... и стрелять.

— Врагов будет очень много, — заметил Ретиф. — Соетти налетят, словно мухи, и, согласно некоторым данным, они нападут очень скоро. Годы прощупывали они дорогу в глубь этого сектора, выставляя тысячи постов на множестве планет. И нацелились на холодные планеты, потому что, как вы знаете, любят холодные миры. Соетти нуждаются в жизненном пространстве.

— Вы предупредили, что нам предстоит встреча с противником, сильно превосходящим нас по численности, — подытожил Во Бергман. — Это лучше, чем погибнуть, попав в засаду.

— Но Ретиф не должен быть вовлечен в эту заваруху, — вмешалась Анна-Мария. — Сейчас его маленькое суденышко нельзя использовать. Давайте выделим ему корабль для перелета на одну из наших планет, которая не подвергнется нападению соетти.

— Конечно, — согласился Тови. — И...

— Моя миссия тут... — начал было Ретиф.

— Ретиф, — позвал кто-то. — На ваше имя пришло послание. Оператор принял его.

Ретиф развернул шифрограмму. Это была короткая записка, подписанная Мэгнаном.

«Вас отзывают, — прочитал Ретиф. — Задание отменяется. Заключено соглашение с соетти. Мы отказались от всех притязаний на систему Миров Джоргенсона. Крайне важно не допустить возникновения ситуации, при которой соетти могли бы обвинить нас в разглашении планов их вторжения. Советую немедленно покинуть Миры Джоргенсона».

Ретиф задумчиво посмотрел на клочок бумаги, потом скомкал его и бросил на пол. Повернувшись к Во Бергману, он вытащил из кармана крошечную катушку микрофильма.

— Здесь содержится вся необходимая вам информация, — объяснил он, — План нападения соетти, план обороны, инструкции о том, как переделать стандартный антиускоритель в мощное оружие. Если у вас под рукой есть проекционный экран, лучше начать прямо сейчас. Осталось всего семьдесят два часа.

Тови оторвался от экрана проектора, установленного в комнате для совещаний в Контрольной башне на северном полюсе Свеа.

— Против этого наш план ничего не стоит, — признался он. — Мы предполагали, что соетти нанесут удар по линии жизненно важных сооружений. Схема одновременного удара по всем населенным пунктам сводит на нет наши усилия. Мы оказались бы совершенно беспомощны.

— План обороны, предложенный вами, совершенен, — восхищенно проговорил Во Бергман. — Стоит попробовать.

— Все сработает, — подтвердил Ретиф. — Надеюсь, вы вовремя успеете вооружиться.

— Каждое поселение выделило по две сотни судов. Объединив силы, они смогут образовать единое поле...

— Поле окажется эффективным уже на высоте пятнадцати миль, — заметил Тови. — Это должно сработать.

Красный огонек зажегся на коммуникационной панели. Тови поднялся и щелкнул выключателем.

— Контрольная башня, говорит Тови.

— У нас на радаре корабль, — донеслось из динамика,

— Ничего срочного. Судно АС 1 228, идет за 1600...

— Только один корабль?

— Да, один. Его орбита 291/456/653. Идет на ручном управлении, во всяком случае, нам так кажется.

— АС 1 228 уже сделал коррекцию для автоматической посадки? — спросил Ретиф.

— Да.

— Когда он сядет?

Тови поглядел на цифровой индикатор.

— Возможно, минут через восемь.

— Тут есть какое-нибудь оружие?

Тови покачал головой.

— Если это старый АС 1 228, он не иметь оружия, кроме одной пятидесятимиллиметровой пушки, — проговорил Чип. — Но АС 1 228 не менять траекторию полета.

— Тем не менее корабль снижается, — заявил Ретиф. — Должно быть, мистер Тони готов к решительным действиям.

— Не удивляться, если они иметь дело с вонючими потниками, — проговорил Чип, — Может, они хотеть чистить мусор за собой?

— Просто не сказали нам до свидания. Чип, — проговорил Ретиф. — А вы тоже хороши: не иметь никакого оружия!

Чип хихикнул.

— Старый мистер Тони теперь не выглядеть хорошо в глазах потников, так?

Ретиф повернулся к Во Бергману.

— Чип прав, — сказал он. — Один из соетти погиб на корабле... турист прошел через все кордоны... Тони пора смываться.

— Корабль садится, — сообщил оператор башни. — До сих пор с ним нет контакта.

— Ничего, скоро узнаем, что задумал экипаж, — заметил Тови.

— Давайте посмотрим.

Четыре человека внимательно следили, как огненная точка увеличивается в размерах, превращаясь в корабль, который тяжело опустился на бетонные плиты. Пламя погасло. Наступила тишина.

Снова заговорил динамик:

— Над вами... — потом в динамике затрещало. Заговорил другой голос:

— ...нелегальное вторжение... пошли двух. Я вижу, с чем мы имеем дело...

Тови щелкнул переключателем.

— Свяжите меня прямо с кораблем, — приказал он.

— Правильно.

— АС 1 228, кто вы? — спросил Тови.

— А кто к нам обращается?

— Вы не попросили разрешения на посадку. У вас на борту аварийная ситуация?

— Ничего подобного, — ответили из динамика. — Мы приземлились, словно птица. Я тут вижу спасательную шлюпку. Она ведь спустилась на планету часов девять назад? Давайте-ка сюда тех, кто прилетел на ней!

— Вы зря потратите время, — ответил Тови. На мгновение наступила тишина.

— Вы так считаете? — удивился невидимый собеседник. — Я только что видел этих двух парней, и вам придется их выдать.

— Он блефовать, — заявил Чип. — Его пушка нас не испугать!

— Выгляни в окно, — предложил Ретиф. Верхняя часть борта корабля, сверкающего в белом лунном свете, откинулась наверх. Другая часть отодвинулась, третья упала, образовав покатый пандус. В отверстии появилась приземистая и массивная машина. Она с грохотом покатила вниз. Чип присвистнул.

— Я слышал, что капитан прохвост, — прошептал он. — Но где, дьявол взять, он раздобыл это?

— А что это? — поинтересовался Тови.

— Танк, — ответил за Чипа Ретиф. — Музейный экспонат, по крайней мере, на вид.

— Я видеть, — снова заговорил Чип. — Это — Боло Восстановленный, модель М. Его построить примерно за две сотни лет до Времен Согласования. Все пробивать, я бы так сказать.

Танк описал круг, навел дуло на основание башни.

— Выдайте их, — проревел динамик, — или я сожгу все вокруг.

— Если так, то все может погибнуть из-за пустяка. Лучше мы пойдем.

— Да, мистер Ретиф, — согласился Чип. — У меня иметь блистательная идея.

— Я попробую затянуть переговоры, — сказал Тови и включил микрофон. — АС 1 228, каковы ваши полномочия?

— Я знать эту машину, — заявил Чип. — Мое хобби — старинные машины. Я даже делать модель Боло Восстановленного в дюйм высотой. Красивый получаться.

VII

Ледяной ветер хлестнул снежными кристаллами в лицо Ретифа.

— Держи руки в карманах. Чип, — проговорил он. — Пальцы тебе еще пригодятся.

— Конечно, — Чип посмотрел на тени. — Кое-кто думать, что Боло Восстановленный великолепная игрушка, — проговорил он. — Мы смотреть...

— Ты становишься реалистом, — сказал Ретиф. — Извини, что оказался замешан в это дело, старик.

— Сам влезать. Но все складывается хорошо, — ответил Чип. — Мне нравиться эти люди. Я хотеть их спасать... Эти мальчики не хотеть отпускать нас. Теперь они глядеть нам вслед и вздыхать.

— Они сильные люди, Чип.

— Забавно все получается, разве не так, мистер Ретиф? Несколько минут назад быть на вершине блаженства, теперь быть очень близко к мертвецам.

— Они хотят взять нас живыми, Чип.

— Неприятное дело, — протянул Чип. — Ну и черт быть с ним! Если это делать, то надо делать.

— Соберись с силами.

— Надеюсь попасть в мертвую зону огня.

— Попробуем. Если выберемся, ставлю бочонок пива!

— Мы узнать это через десять секунд, — ответил повар.

Добравшись до танка, они сбились с шага, а потом неожиданно вместе прыгнули вперед. Ретиф ухватился за ствол орудия, потом сел на него верхом, сорвал с головы обшитую мехом кожаную шапку и, наклонившись вперед, забил ею дуло. Его приятель запрыгнул на башенку, над которой вращалась сканирующая антенна. С яростным, запоздалым «Буфф!» захлопали беспорядочные выстрелы из пулеметов, расположенных в нижней части машины. Курьер обернулся, посмотрел вниз и залез повыше.

— Все есть в порядке, — подбодрил его Чип. — Я идти вниз, ломать управление.

Он соскользнул вниз по лобовой броне танка, исчез между гусениц. Ретиф залез еще выше и затаился позади одной башенки — лег плашмя, и в это время мир вокруг начал вращаться. Машина повернула, потом, задрожав, остановилась и поехала вперед, медленно разворачиваясь.

Снова появился Чип.

— Боло повредить, — объявил повар. Он повис, прерывисто дыша, вцепившись в броню, в то время как машина медленно ползла вперед, слегка покачиваясь.

— Залезай сюда, — предложил Ретиф, а сам полез еще выше, глядя, как повар подтягивается, но Чип соскользнул вниз. Оказавшись на земле, он опрокинулся на спину и проскользнул под темное брюхо танка.

Танк задрожал, быстро развернулся налево, направо и закрутился с головокружительной скоростью. Ретиф слетел с брони и больно ударился о землю, приземлившись в нескольких футах от вращающихся гусениц.

Машина остановилась. Ретиф сел, а потом, покачиваясь, встал.

С глухим рокотом танк отполз назад. Немедленно из-под брони вытянулись два длинных прута и опустились, ощупывая землю. Потом левая гусеница затрещала — на нее легла большая часть веса машины. Неожиданно танк рванулся вперед, Ретиф сжался, когда загудела правая гусеница, увлекая вперед пятидесятитонную машину. Боло снова завертелся. Тормоза пронзительно визжали. Наконец левая гусеница лопнула, и во все стороны полетели обломки.

Танк окончательно остановился. Застыл. Наступила тишина. Ретиф подошел к машине, вскочил на броню рядом с орудием, добрался до башенки и уселся на четвереньки рядом с Чипом, забравшимся на танк с другой стороны. Затаившись возле люка, они ждали.

Прошло пять минут.

— Может, шофер старика Тони попасть в ад? — спросил Чип. Повернувшись, люк открылся. Осторожно высунулась голова танкиста. Незнакомец сразу увидел игольчатый пистолет в руке Ретифа.

— Вылезай! — приказал Ретиф.

Голова исчезла. Чип молнией скользнул следом и успел всунуть стальной прут в щель закрывающегося люка. Люк начал поворачиваться, потом металл затрещал; люк застыл. Внутри что-то рухнуло, и после этого люк с хлопком открылся снова.

Ретиф встал, держа пистолет наготове. Стены танка зазвенели; внутри кто-то выстрелил, и пуля несколько раз отлетела рикошетом, круша все в крошечной кабине.

— С вас бочонок пива, мистер Ретиф, — заметил Чип. — Ну что, пусть те, кто там остался, вылезают до того, как АС 1 сожжет их при взлете.

— ...теперь самая большая проблема поселенцев Миров Джоргенсона — дезактивация мест, где взорвались упавшие корабли соетти, — рассказывал Ретиф.

— Просто удивительно, — сказал Мэгнан. — Отразили нападение? Но ведь у них не было военного флота!

— Они четко выполнили все наши инструкции, — объяснил Ретиф. — Был план, и они его придерживались.

— Впечатляюще, — проговорил Мэгнан. — Свыше тысячи кораблей соетти были сметены одним ударом, когда те вошли в зону поражения.

— Не так уж впечатляюще это выглядело, — заявил Ретиф. — Вы-то ведь не видели. Большая часть кораблей соетти упала в горах.

— Да, — советник замялся. — Но все кончилось благополучно. Бактериальные бомбы...

— Тут слишком холодно для бактерий. Они не могут размножаться.

— А соетти могли бы, — самодовольно протянул Магнан. — Благодарите оперативность, с которой нам удалось вовремя отозвать вас до того, как все началось, — прищурившись, он посмотрел на Ретифа. — Вы уверены... ну... что вам сразу передали сообщение?

— Как только получил его, сразу же стал действовать согласно новой инструкции, — ответил Ретиф, посмотрев в глаза Мэгнана. — Должно быть, послание исказили. Теперь это не вызывает сомнений.

Мэгнан закашлялся, зашуршал бумагами.

— Это вы уже докладывали, — торопливо сказал он. — Дело в том, что соетти вернулись в Облако. Искали новые

места обитания в центральной части Галактики. Ныне же буквально поедают друг друга на своих перенаселенных планетах... Но как вы-то это узнали? Одного или двух соетти мы пытались допросить, ах... — Мэгнан снова закашлялся. — Все закончилось несчастным случаем. И толком ничего о них до сих пор неизвестно.

— Жители Миров Джоргенсона имеют специальный метод для допроса преступников, — объяснил Ретиф. — Они поймали одного из соетти после аварии. Он еще был живой, но без сознания. Эти люди ухитрились выкачать из него всю их историю, а потом инопланетянин умер.

— А, неважно, — проговорил Мэгнан. — Соетти все равно нарушили договор с нами на следующий день после его подписания. Нет честной игры... Они оккупировали с полдюжины планет вдалеке от обитаемых районов.

Ретиф осуждающе зацокал языком:

— Не понимаю, где правда в наши дни.

Начальник холодно посмотрел на Ретифа.

— Поберегите свой сарказм, Ретиф, — проговорил он. Взяв со стола папку, он открыл ее. — Для вас есть еще одна маленькая работенка. В этот раз у нас не будет конференции с поздравлениями...

— Извините, — проговорил Ретиф. — Я беру месяц за свой счет. А может, и больше.

— Что? — Мэгнан поднял голову, — Вы, кажется, забыли...

— Я попытаюсь забыть, господин советник, — проговорил Ретиф. — А теперь до свидания. — Он щелкнул переключателем. Лицо Мэгнана растаяло с экрана.

— Чип, — сказал Ретиф, — мы выпьем этот бочонок, когда я вернусь. — А потом космический дипломат повернулся к Анне-Марии, — Сколько времени потребуется, чтобы научить меня кататься на лыжах в лунном свете? — спросил он у девушки.

«...ДКЗ появился на хаотичной политической сцене Галактики после того, как земные миры заключили Договор о Независимости с Метрополией, привнеся древнюю дипломатическую традицию великой наднациональной организации, посвятившей все свои силы предотвращению войны.[2] Действуя как посредник при спорах между мирами, заселенными землянами, и как защитник интересов землян при контактах с чуждыми культурами, дипломаты Корпуса, обученные в архивах бесчисленных вымерших ныне бюрократий, продемонстрировали всеобъемлющее понимание нюансов внеземных нравов на фоне лабиринтообразного социо-политико-экономического контекста реалий Галактики. Виртуозность старшего дипломата Корпуса была как нельзя более блестяще продемонстрирована при переговорах посла Позера по щекотливому Сиренианскому Вопросу...»

Выдержка из «Официальной Истории Дипломатического Корпуса», т. I, катушка 2. Солариан-Пресс. Новый Нью-Йорк, 479 г. а. э. (2940 г. н. э.)

В сумраке приземистого грязно-серого здания для приема гостей вокруг дородной фигуры посла Позера собрались советник, два первых секретаря и старшие атташе, блистая в огромном мрачном помещении своими изукрашенными дипломатическими мундирами. Посол нетерпеливо взглянул на напальчиковые часы.

— Бен, вы совершенно уверены, что определенно уведомили о времени нашего прибытия?

Второй секретарь Маньян утвердительно кивнул.

---

[2] Ср. колоритный язык оригинала: «...удержанию состояния напряжения на грани действительного конфликта». См. досье ДКЗ 17В/Б/491, сб. VII, пленка 12; 745 мм (код 22). — прим. авт.

— Я особо выделил этот момент, господин посол. Как раз перед тем, как лихтер сошел с орбиты, я лично связался с господином Т'Кай-Каем и специально сделал ударение...

— Надеюсь, вы не проявили при этом грубости, господин Маньян? — резко оборвал его посол.

— Ну что вы, безусловно нет, господин посол. Я всего лишь...

— А вы уверены, что здесь нет депутатского зала? — посол окинул взглядом просторное помещение. — Любопытно, что не поставили даже стульев.

— Если хотите присесть на один из этих ящиков, господин посол, я предоставлю носовой платок для...

— Конечно, нет, — посол снова посмотрел на часы и прочистил горло.

— Я вполне могу воспользоваться этими несколькими минутами и обрисовать младшим сотрудникам миссии наш подход к задаче. Крайне важно, чтобы вся миссия действовала согласованно в создании образа. Мы, земляне, добрая и миролюбивая раса, — посол улыбнулся на добрый и миролюбивый лад.

— Мы стремимся лишь к разумному разделу сфер влияния с Йиллом, — и развел руками, принимая вид разумного.

— Мы — народ высококультурный, этичный и искренний, — улыбку внезапно сменили поджатые губы. — Начнем мы, истребовав себе всю Сиренианскую Систему, а в дальнейшем согласимся и на половину. Мы развернем плацдарм на всех подходящих мирах и, при умелом обхождении, сможем через десяток лет расширить свои претензии.

Посол оглядел собравшихся.

— Если нет никаких вопросов...

Вперед выступил Джейм Ретиф, вице-консул и третий секретарь Дипломатического Корпуса и младший сотрудник Земного Посольства на Йилле.

— Поскольку мы первые предъявили свои права на эту систему, то почему бы нам с самого начала не выложить

карты на стол? Наверное, если мы будем откровенны с йиллами, то в конечном итоге это нам же пойдет на пользу.

Посол Позер, моргнув, поднял взгляд на молодого сотрудника. Рядом с ним прокашлялся в наступившем молчании Маньян.

— Вице-консул Ретиф всего лишь хочет сказать…

— Я способен интерпретировать замечание господина Ретифа, — отрезал Позер и принял отеческий вид. — Молодой человек, вы на службе совсем недавно. И еще не научились дипломатическому подходу к игре в команде «ты — мне, я — тебе». Настоятельно рекомендую вам внимательно наблюдать за работой опытных участников переговоров нашей миссии, вам надо усвоить, как важна тонкость подхода. Излишняя склонность полагаться на прямые методы может со временем привести к ослаблению роли профессиональных дипломатов. Я содрогаюсь при одной мысли о последствиях этого.

Позер снова повернулся к старшим сотрудникам. Ретиф тем временем прогулялся к стеклянной двери и заглянул в соседнее помещение. Несколько дюжин высоких серокожих йиллов сидели, развалясь, на глубоких кушетках, потягивая из тонких стеклянных трубочек напиток лавандового цвета. Меж них незаметно сновали с подносами слуги в черных мундирах. Ретиф некоторое время наблюдал за группой ярко одетых йиллов, которая двинулась к широким дверям. Один из членов группы, высокий абориген, сделал шаг раньше другого, и тот лениво поднял руку, сжав могучий кулак. Первый йилл шагнул обратно и с кивком положил ладони на макушку. Проходя через двери, оба йилла продолжали улыбаться и болтать, как ни в чем не бывало.

Ретиф снова присоединился к делегации землян, сгруппировавшейся вокруг горы сваленных на голом бетонном полу грубо сколоченных ящиков, и тут подошел маленький йилл, покрытый серой продубленной кожей.

— Я П’Той. Следуйте ссюда… — показал он.

Земляне во главе с послом Позером двинулись куда было указано. Когда объемистый дипломат добрался до двери, проводник-йилл метнулся вперед, оттеснил его плечом в сторону, а затем заколебался, чего-то ожидая. Посол чуть не взорвался, но тут же вспомнил про миролюбивый образ. Он улыбнулся и жестом предложил йиллу пройти первым. Йилл что-то пробормотал на родном языке, обвел всех пристальным взглядом, а затем прошел в дверь. Группа землян последовала за ним.

— Хотелось бы мне знать, что говорил этот парень, — сказал, догоняя посла, Маньян. — Толкнул он Ваше Превосходительство до крайности постыдным образом.

На мостовой у выхода из здания землян поджидало множество йиллов. Когда Позер приблизился к ждавшему у тротуара роскошному автомобилю, они сомкнули ряды, преграждая ему путь. Он вытянулся во весь рост, открыл было рот, а затем резко закрыл его, щелкнув зубами.

— Ну надо же, — возмутился Маньян, рыся по пятам за Позером, когда тот возвращался обратно к своему штату изумленных сотрудников, теперь уже неуверенно глядя кругом. — Можно подумать, что этим личностям неведомо, как учтиво следует обращаться с главой миссии.

— Им неведомо, и как учтиво следует обращаться с учеником кожевенника! — рявкнул Позер.

Вокруг землян нервно крутились йиллы, что-то лопоча на своем туземном наречии.

— Куда запропастился наш общий переводчик? — взревел посол. — По-моему, они открыто злоумышляют...

— Жалко, что нам приходится полагаться на местного толмача.

— Знай я, что нас встретит такой довольно неприветливый прием, — произнес напряженным тоном посол, — то, конечно, лично изучил бы язык во время пути.

— О, никто, конечно же, не собирался вас критиковать, господин посол, — поспешно заверил его Маньян. — Небеса, кто бы мог подумать...

Ретиф подошел к послу.

— Господин посол, — обратился он к нему. — Я...

— Позже, позже, молодой человек, — оборвал его посол. Он жестом подозвал к себе советника, и оба отошли в сторону для блиц-консультации.

На темном небе сверкало голубоватое солнце. Ретиф с интересом следил, как его дыхание замерзает в холодном воздухе белым облачком. К платформе подкатила широкая машина с колесами без шин. Йилл жестом показал группе землян на разинутую, как пасть, заднюю дверь, а затем посторонился.

Ретиф с любопытством оглядел выкрашенный в серый цвет фургон. Начертанная у него на борту йилльскими символами надпись, кажется, гласила «Горячее пиво». К несчастью, у него не хватило времени выучиться в пути еще и письменности йиллов. Наверное, позже ему подвернется более удобный случай сказать послу, что он может переводить для миссии.

Посол залез в машину, и другие земляне последовали за ним. Сиденья там отсутствовали напрочь, так же, как и в здании вокзала. В центре салона лежало нечто, похожее на сдохшее электронное оборудование в окружении бумажного мусора и пурпурно-желтых носков, предназначенных для широких стоп йиллов.

Ретиф оглянулся. Йиллы взволнованно переговаривались, но ни один из них не залез в их машину. Дверь закрыли, и земляне сгорбились под низким потолком. Когда заработал, завывая изношенными дюзами, двигатель, фургон толчком тронулся с места.

Ехать пришлось без комфорта. Лишенные шин и рессор колеса так и подскакивали на неровной булыжной мостовой. Когда машина завернула за угол, Ретиф вытянул руку и подхватил потерявшего равновесие посла. Посол прожег его взглядом, поправил тяжелую треуголку и застыл как деревянный, пока машина снова не накренилась.

Ретиф нагнулся, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь единственное пыльное окошечко. Они, вроде бы, ехали по широкой улице, застроенной невысокими зданиями. Миновав массивные ворота, они проехали по наклонному спуску и остановились. Дверь открылась.

Ретиф посмотрел на глухой серый фасад, нарушаемый следующими с нерегулярными интервалами крошечными окнами. Впереди встала алая машина, и из нее вылезли встречающие земную делегацию йиллы. Сквозь широкие окна машины Ретиф разглядел богатую обивку сидений и заметил теснившиеся в крошечном баре бокалы.

П'Той, йилл-переводчик, подошел к фургону и показал на маленькую дверцу в серой стене. Маньян устремился вперед и распахнул дверь перед послом.

Когда тот уже подошел к ней, один йилл сунулся вперед и неуверенно замер в дверях. Посол Позер вытянулся во весь рост, пылая взором, а затем скривил рот в застывшей улыбке и шагнул в сторону. Йиллы переглянулись и гуськом прошли через дверь.

Ретиф вошел последним. Когда он вошел в здание, мимо него проскользнул одетый в черное слуга, поднял крышку стоявшего у дверей большого ящика и бросил туда заваленный остатками еды бумажный поднос. На ящике облупившаяся краска образовывала чуждые письмена. Они, заметил Ретиф, кажется, гласили: «Горячее пиво».

* * *

Визгливые волынки и заунывные свирели надрывались уже целый час, когда Ретиф вышел из отведенного ему закутка и спустился по лестнице в банкетный зал. Остановившись у открытых дверей, он раскурил тонкую сигару и какое-то время наблюдал, прищурив глаза, за тем, как исполнительные слуги в черном носились по низкому широкому коридору, нося в просторный зал нагруженные подносы,

расставляя приборы на огромном прямоугольном столе, образующем пустотелый квадрат и заполняющем почти все помещение. В центре, напротив ближайшей к двери стороны, стол покрывала богатая парча, обильно изукрашенная по бокам белыми узорами. Дальше, по обе стороны, тянулась вплоть до противоположного края стола обыкновенная белая скатерть. А там металлические блюда были расставлены просто на голой столешнице. Приблизился богато одетый йилл, посторонился, пропуская слугу, и вошел в зал.

Ретиф обернулся, заслышав позади голоса землян. В сопровождении двух дипломатов подходил посол. Он взглянул на Ретифа, изящно поправил жабо и опытным взглядом окинул банкетный зал.

— Нас явно опять заставляют ждать, — резко бросил он. — После первоначального заявления, что йиллы намерены не уступить ни дюйма, можно почти подумать...

— Господин посол, — обратился Ретиф. — Вы заметили...

— Однако, — продолжал, глядя мимо Ретифа Позер, — закаленный дипломат обязан воспринимать эти мелкие оскорбления как должное. В конечном итоге... Э... Маньян...

Он, отвернувшись, продолжил разговор с Маньяном.

Где-то прозвучал удар гонга. Миг спустя коридор заполнили лопочущие йиллы, двинувшиеся мимо группы землян в банкетный зал. Подошел П'Той, переводчик, и поднял руку.

— Подошдитте сдессь...

В зале появлялись, занимая места, все новые и новые йиллы. Приблизилась пара стражей в шлемах и взмахом руки велела землянам отодвинуться. Через двери, тихо позвякивая связками драгоценностей, вперевалку прошел громадный серощекий йилл, а за ним последовали другие стражники.

— Глава Государства, — услышал Ретиф слова Маньяна. — Восхитительный Ф'Кау-Кау-Кау.

— Я же еще не вручил свои верительные грамоты, — возмутился посол Позер. — Можно ожидать некоторых вольностей с соблюдением протокола, но, признаться...

Он возмущенно покачал головой.

Заговорил их переводчик:

— А теперь лошитесс на свои внутренности и полсите туда к пиршественному сстолу, — он показал на противоположный конец зала.

— Внутренностях? — затравленно оглянулся кругом посол Позер.

— Господин П'Той, несомненно, имеет в виду наши животы, — пояснил Маньян: — Он хочет лишь, чтобы мы легли и проползли на свои места, господин посол.

— Какого черта вы ухмыляетесь, идиот? — разбушевался посол.

У Маньяна вытянулось лицо.

Позер взглянул на свои медали, густо навешенные на брюхе.

— Это настоящее... я никогда...

— Дань увашения к бохам, — заявил переводчик.

— А — религия! — понял кто-то.

— Ну, если дело в религиозных верованиях... — посол с сомнением огляделся.

— На самом-то деле тут ползти-то всего-ничего — футов двести, — прикинул Маньян.

Ретиф подошел к П'Тою.

— Его Превосходительство Посол Земли не поползет, — отчетливо произнес он.

— Послушайте, молодой человек, я ничего не говорил...

— Не поползет? — лицо переводчика сохранило свойственную йиллам бесстрастность.

— Это противоречит нашей религии, — нагло заявил Ретиф.

— Противоречит?

— Мы почитаем Богиню Змей, — пояснил Ретиф. — Ползать для нас — святотатство.

Он отмел переводчика в сторону и промаршировал к отдаленному столику. Остальные последовали за ним.

Посол, пыхтя, догнал Ретифа, когда они приблизились к дюжине простых табуретов напротив покрытых парчой мест для Восхитительного Ф'Кау-Кау-Кау.

— Господин Ретиф, будьте добры повидаться со мной по окончании банкета, — зашипел он. — А пока, я надеюсь, вы воздержитесь от дальнейших необдуманных выходок. Позвольте мне напомнить вам, что глава миссии здесь — я.

Сзади подоспел Маньян.

— Позвольте и мне присоединить свои поздравления, Ретиф, — сказал он. — Вы проявили большую находчивость.

— Вы с ума сошли, Маньян? — рявкнул посол. — Я крайне недоволен.

— Да я... я... — стал заикаться Маньян. — Я говорил, конечно же, саркастически, господин посол. Меня, естественно, тоже ошеломила его неслыханная самонадеянность.

Земляне заняли свои места, причем Ретиф — на самом краю. Стол перед ними являл собою голую зеленую столешницу с расставленными на ней мелкими оловянными блюдами.

Сидевшие за столом йиллы, иные в простом сером облачении, а иные в черном, молча взирали на них. Их состав постоянно обновлялся, когда тот или иной йилл подымался и исчезал без всякой видимой причины, а на его место садились другие. Волынки и свирели оркестра яростно визжали, и шушуканье йиллов за другими столами становилось все громче и громче, соперничая с ним. Рядом с послом вырос высокий йилл в черном. Все сидевшие поблизости йиллы замолкли, когда слуга налил поварешкой беловатый суп в самую большую из мисок перед земным посланником. Тут же за развернувшимся действием наблюдал вездесущий переводчик.

— Этого вполне достаточно, — остановил посол Позер, когда миска переполнилась. Слуга-йилл вывалил в миску еще супа, и тот растекся по столу.

— Будьте добры обслужить других моих сотрудников, — распорядился посол. Переводчик что-то тихо сказал слуге, тот нерешительно перешел к следующему табурету и зачерпнул еще супа.

Ретиф следил, прислушиваясь к шепоту соседей. Теперь все сидевшие йиллы вытянули шеи, наблюдая за происходящим. Слуга быстро разливал суп, кося глазами по сторонам. Подойдя к Ретифу, он поднес к миске полную поварешку.

— Нет, — остановил его Ретиф.

Слуга заколебался.

— Мне не надо, — повторил Ретиф.

Подошел переводчик, сделал знак слуге, и тот снова потянулся с переполненной поварешкой.

— Мне ничего не нужно! — отчетливо произнес в наступившей тишине Ретиф. Он пристально посмотрел на переводчика. П'Той с миг отвечал ему таким же взглядом, а потом взмахом руки велел слуге убраться и пошел дальше.

— Господин Ретиф, — прошипел кто-то. Ретиф опустил взгляд. Посол наклонился вперед, испепеляя его взглядом, лицо его пошло алыми пятнами.

— Я вас предупреждаю, Ретиф, — прохрипел он. — Я ел овечьи глаза в Судане, ка све в Бирме, столетнего куга на Марсе и все прочее, что ставили передо мной в ходе дипломатической карьеры, и, клянусь мощами святого Игнаца, вы будете делать то же!

Он схватил что-то, отдаленно напоминавшее ложку и окунул это в миску.

— Не ешьте этого, господин посол, — посоветовал Ретиф.

Посол уставился на него, широко раскрыв глаза, а потом разинул рот и повел к нему ложку.

Ретиф встал, ухватился снизу за край стола и поднатужился. Громадная деревянная столешница поднялась и

накренилась; блюда со звоном попадали на пол, а за ними с громовым треском последовал и стол. Молочный суп растекся по мозаичному полу. Пара шальных мисок с лязгом прокатилась через зал. Прозвенели восклицания йиллов, смешиваясь с придушенным криком посла Позера.

Ретиф прошел мимо вытаращивших глаза членов миссии к брызжущему слюной шефу.

— Господин посол, — обратился он. — Я хотел бы...

— Вы хотели бы! Да я вас в порошок сотру, юный негодяй! Вы понимаете, что...

— Пожалуйста... — вырос рядом с Ретифом переводчик.

— Приношу свои извинения, — сказал, вытирая лоб посол Позер. — Мои глубочайшие...

— Помолчите, — посоветовал Ретиф.

— Ч-что?!

— Не извиняйтесь, — разжевал Ретиф.

П'Той пригласил всех следовать за собой.

— Итемте, пошалусста.

Ретиф повернулся и, не говоря больше ни слова, последовал за ним.

Часть стола, к которой их подвели, была покрыта расшитой белой скатертью, заставленной тонкими фарфоровыми блюдами. Уже сидевшие там йиллы поднялись, взволнованно лопоча, и отошли, уступая место землянам. Одетые в черное йиллы на конце стола сомкнули ряды, заполняя опустевшие места. Ретиф первым уселся за стол, обнаружив рядом с собой Маньяна.

— Что здесь происходит? — обалдело спросил второй секретарь.

— Они подавали нам собачью еду, — спокойно ответил Ретиф. — Я подслушал одного йилла: они усадили нас за стол на места для слуг.

— Вы хотите сказать, что понимаете их язык?

— Я изучил его в пути — во всяком случае, в достаточной мере...

Музыка грянула металлом фанфар, и в свободный центр квадрата стола прихлынула волна жонглеров, танцоров и акробатов, бешено жонглируя, танцуя и кувыркаясь. Набежали слуги, заваливая тарелки и йиллов и землян горами ароматно пахнущей пищи, наполняя тонкие бокалы бледно-пурпурным вином. Ретиф отведал йилльской еды. Та оказалась на редкость приятной на вкус. Говорить в этом гаме было невозможно, и Ретиф, наблюдая за ярко разодетыми артистами, с аппетитом ел.

* * *

Ретиф отвалился от стола, благодарный наступившему музыкальному затишью. Последние блюда унесли, а новые бокалы наполнили. Подуставшие артисты остановились для сбора брошенных пирующими толстых квадратных монет. Ретиф, отдуваясь, вздохнул — пир вышел редкостный.

— Ретиф, — обратился к нему в сравнительной (по крайней мере, можно было слышать друг друга) тишине Маньян. — Что вы там говорили, как раз перед тем, как заиграла музыка, о собачьей еде?

Ретиф посмотрел на него:

— Разве вы не заметили тут определенной системы, господин Маньян? Продуманной серии намеренных оскорблений?

— Намеренных оскорблений? Минуточку, Ретиф. Да, они народ неотесанный, пихаются, знаете ли, в дверях и тому подобное... Но... — Он с сомнением посмотрел на Ретифа.

— На вокзале они загнали нас на склад багажа. А потом приволокли нас сюда на грузовике для мусора.

— На грузовике для мусора!

— Только символически, конечно. Далее, провели они нас во дворец через вход для черного люда и выделили нам закутки в крыле для слуг. Потом нас усадили в конце стола, рядом с уборщиками класса кули.

— Вы, должно быть, ошибаетесь! Я имею в виду, ведь мы же, в конце-концов, делегация землян; эти йиллы должны наверняка сознавать наше могущество.

— Именно, господин Маньян. Но...

С бряцанием кимвалов музыканты вновь ринулись в атаку на уши. В центр квадрата впрыгнули шестеро высоких йиллов в шлемах, разбились на пары и устроили феерический спектакль — полутанец, полубой. Маньян настойчиво дергал Ретифа за рукав, шевеля губами. Ретиф в ответ покачал головой. Никто не мог разговаривать при наяривающем в полную силу йилльском оркестре. Ретиф попробовал ярко-красного вина и с интересом стал смотреть на представление.

Последовал шквал боевых действий, и двое танцоров споткнулись и рухнули, а их партнеры-противники круто повернулись и снова создали пару, совершая сложный церемониальный ритуал, предшествующий бою, и вдруг схватились, лязгая тупыми саблями. Еще двое йиллов пали оглушенные. Танец, надо признать, вышел буйным, и Ретиф следил за ним, забыв про вино.

Последние два йилла, оставшиеся на ногах, сближались и отступали, круто поворачивались, подскакивали, вертелись, делали финты и принимали стойки. А затем один из них поскользнулся и упал, шлем у него съехал набекрень. Другой — гигантский мускулистый йилл — резко отвернулся от поверженного противника и закружился под бешеное завывание волынок, покуда сыпались дождем монеты, а затем застыл перед нарядным столом, поднял саблю и звучным ударом приложился ею к серой скатерти перед украшенным галуном и бантом йиллом. Музыка, с последней звенящей судорогой кимвалов, прекратилась.

В наступившей полной тишине танцор-боец с вызовом смотрел через стол. Сидевший йилл с криком вскочил и поднял стиснутый кулак. Танцор склонил голову, положил ладони на шлем и возобновил свой неистовый танец под грянувшую с новой силой музыку. «Галунованный» йилл

пренебрежительным взмахом руки отправил на пол горсть монет и сел.

Теперь танцор застыл перед столом, застеленным парчой, — и музыка резко оборвалась, когда сабля обрушилась на столешницу как раз перед тяжеловесным йиллом, которого украшали металлические спирали. В ответ на вызов йилл поднялся и взметнул кулак. Вызывающий склонил голову и положил ладони на шлем. Покатились монеты, и танцор двинулся дальше.

Он сделал круг по широкой площадке, вращая саблей и размахивая руками в сложной символике танца, а затем внезапно вырос перед Ретифом, занеся саблю у того над головой. Музыка оборвалась, и в мгновенно вспыхнувшей тишине тяжелая сабля, свистнув, ударила по столу, заставив блюда подпрыгнуть от могучего сотрясения.

Йилл смотрел Ретифу прямо в глаза. В тишине зала пьяно хихикнул Маньян. Ретиф встал, пинком отбросив табуретку назад.

— Спокойней, мой мальчик, — призвал посол Позер.

Землянин стоял, и йилл возвышался на целый дюйм над его шестью футами и тремя дюймами. Быстрым и неуловимым для глаза движением Ретиф протянул руку к сабле и, выкрутив ее из руки йилла, со свистом взмахнул ею, описывая широкую дугу. Йилл пригнулся, отпрыгнув назад и подхватил с пола клинок, выроненный другим танцором.

— Остановите же кто-нибудь этого безумца! — взвыл Позер.

Ретиф перепрыгнул через стол, заставив завертеться хрупкие блюда. Танцор отскочил назад, и только тут оркестр резко ожил пронзительным визгом волынок и бешеным высоким рокотом барабанов.

Даже не пытаясь следовать сложному узору исполняемого йиллом болеро, Ретиф теснил противника, отбивая тупым оружием неистовые рубящие удары и безжалостно наносил ответные. Прижав левую руку к бедру, он отвечал ударом на удар, вынуждая йилла отступать.

Внезапно йилл, забыв и про танец, и про свою роль, взялся за фехтование всерьез, рубя, коля и парируя. Теперь

уже двое противников стояли носок к носку, звеня саблями в молниеносных обменах ударами. Йилл уступил шаг, другой, а затем, собравшись с силами, начал теснить Ретифа, назад, назад... Тот, сделав финт, шмякнул плашмя лезвием по серому черепу. Йилл споткнулся, с лязгом выронив на пол саблю. Землянин отступил в сторону, когда йилльский танцор, шатаясь, миновал его и рухнул на пол.

Оркестр умолк, и лишь затихающий вой свирели некоторое время висел в воздухе. Ретиф набрал побольше воздуха в грудь и вытер пот со лба.

— Вернитесь сюда немедленно, юный дуралей! — хрипло призвал Позер.

Ретиф сжал саблю, повернулся, осмотрел убранный парчой стол и направился к нему. Йиллы сидели, словно парализованные.

— Ретиф, нет! — завопил Позер.

Ретиф, не обращая внимания на истерические вопли, подошел прямо к Восхитительному Ф'Кау-Кау-Кау, остановился и поднял саблю.

— Только не главу государства, — простонал кто-то из земной миссии.

Ретиф со свистом опустил саблю. Тупой клинок рассек тяжелую парчу и впился в твердую столешницу. Наступила полнейшая тишина.

Восхитительный Ф'Кау-Кау-Кау поднялся — семь футов толстенного серого йилла. С лишенным, на взгляд землян, всякого выражения широким лицом, он поднял кулак, смахивающий на усеянный самоцветами окорок.

Долгий миг Ретиф стоял совершенно неподвижно, а затем изящно склонил голову и приложил кончики пальцев к вискам. Позади него раздался грохот: это рухнул в обморок посол Позер. Затем Восхитительный Ф'Кау-Кау-Кау что-то крикнул, протянулся через стол и обнял Ретифа. Оркестр грянул уж совсем бешеную музыку. Серые руки помогли Ретифу перебраться через стол, табуреты были сметены в сторону, освобождая место рядом с Ф'Кау-Кау-Кау. Ретиф

уселся, высоко поднял высокий графинчик угольно-черного коньяка, вложенный ему в руку соседом, чокнулся с Восхитительным и выпил.

* * *

— Пир заканчивается, — указал Ф'Кау-Кау-Кау. — И теперь нам с вами, Ретиф, пришла пора оседлать Табурет Совета.

— Для меня это будет большой честью, Ваша Восхитительность, — сказал Ретиф. — Мне надо уведомить коллег.

— Коллег? — с удивлением переспросил Ф'Кау-Кау-Кау. — Переговоры надлежит вести вождям. Кто ж будет говорить от имени короля, пока у того есть еще язык для беседы?

— Йилльский обычай мудр, — согласился Ретиф.

Ф'Кау-Кау-Кау глотком опустошил пузатый стакан с розовым пивом.

— Я буду обращаться с вами, Ретиф, как с вице-королем, поскольку ваш король, как вы говорите, стар, а пространства между мирами велики. Но никакие интриганы-подчиненные не будут посвящены в наши дела, — он усмехнулся своеобразной йилльской усмешкой. — А потом мы гульнем, Ретиф. Табурет Совета жесткий, а дожидающиеся фрейлины великолепны; благодаря этому к соглашению приходят быстро.

Ретиф улыбнулся.

— Восхитительный говорит мудро.

— Конечно, всякое существо предпочитает девиц собственного вида, — уточнил Ф'Кау-Кау-Кау и рыгнул. — Министерство Культуры импортировало несколько земных девушек радости, являющихся, как говорят, первоклассными образчиками этой породы. По крайней мере, у них очень толстые кактамувасэтоназывают.

— Ваша Восхитительность крайне внимательна, — поблагодарил землянин.

— Тогда давайте займемся этим, Ретиф. Возможно, я и сам рискну завалиться с одной из ваших землянок. Иной раз, поверите ли, приходят странные фантазии поизвращаться, — Ф'Кау-Кау-Кау вонзил локоть в бок Ретифу и заговорщически расхохотался.

Когда Ретиф вместе с Ф'Кау-Кау-Кау направился к выходу, посол Позер гневно посмотрел на него из-за стола, покрытого простой скатертью.

— Ретиф, — окликнул он. — Будьте добры извиниться и откланяться. Я желаю с вами немедленно переговорить.

В голосе его звенел лед. Позади него стоял, тараща пьяные глаза, Маньян.

— Простите меня за внешнюю грубость, господин посол, — отозвался Ретиф. — У меня сейчас нет времени объяснять...

— Грубость! — тявкнул Позер. — Нет времени? Позвольте мне вам сказать...

— Сбавьте, пожалуйста, тон, господин посол, — попросил Ретиф. — Ситуация по-прежнему крайне деликатная.

Позер затрясся и разинул рот. Наконец он выдавил из себя:

— Вы... вы..., да я...

— Молчать! — рявкнул Ретиф. Позер поднял взгляд на Ретифа, уставился на миг ему прямо в серые глаза, а затем закрыл рот и сглотнул.

— У йиллов, кажется, почему-то создалось впечатление, что главный здесь я. Нам придется поддерживать это невинное заблуждение.

— Но... Но... — начал заикаться Позер, а затем выпрямился. — Мое терпение кончилось, — хрипло прошептал он. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Земли — я! Маньян уведомил меня, что нас умышленно и неоднократно оскорбляли с той самой минуты, как мы прибыли; заставляли ждать в багажных отделениях, перевозили в фургонах для мусора, сажали со слугами, подавали на стол пойло для свиней. А теперь меня и моих старших сотрудников еще и

оставили прохлаждаться, не удостоив даже аудиенции, в то время как этот... этот многажды Кау бражничает с... с...

Голос Позера оборвался на трагической ноте.

— Возможно, я чуточку поспешил, Ретиф, пытаясь вас сдержать. Неуважение к туземным обычаям и богам, а также опрокидывание банкетного стола — меры довольно крутые, но, наверное, ваше негодование, как я теперь понимаю, было частично оправданным. Я готов проявить к вам снисхождение, — он уставился на Ретифа значительным взглядом.

— Я демонстративно покидаю эту встречу, господин Ретиф. Я не потерплю более этих личных...

— Хватит, — резко оборвал его Ретиф. — Мы заставляем Восхитительного ждать.

Лицо у Позера сделалось пурпурным. Наконец Маньян нашел в себе силы спросить:

— Что вы намерены делать, Ретиф?

— Я намерен провести переговоры, — ответил Ретиф, вручая Маньяну пустой стакан. — А теперь усаживайтесь и работайте на Образ.

* * *

Сидя за своим письменным столом в каюте для Важных Персон на борту зависшего на орбите судна Корпуса, посол Позер поджал губы и строго посмотрел на вице-консула Ретифа.

— Далее, — продолжил он перечисление. — Вы продемонстрировали полное отсутствие понимания дисциплины Корпуса, полагающегося уважения к старшим сотрудникам и даже элементарной вежливости. Ваши досадные проявления гнева, несвоевременные вспышки буйства и почти невероятная самонадеянность, выразившаяся в присвоении полномочий, делают невозможным ваше дальнейшее пребывание в качестве служащего — сотрудника Дипломатического

Корпуса Земли. Поэтому моим безрадостным долгом будет порекомендовать немедленно ото...

Раздалось приглушенное гудение интеркома. Посол прочистил горло:

— Ну?

— Молния из Штаб-квартиры Сектора, господин посол, — доложил голос.

— Ну так прочтите ее, — резко бросил Позер. — Можете пропустить предварительные любезности...

— Поздравляем с беспрецедентным успехом вашей миссии. Переданные вами статьи соглашения воплощают наиболее благоприятное разрешение трудной Серенианской ситуации и образуют основу длительных дружественных отношений между Земными Штатами и Йилльской Империей. Вся заслуга этой великолепно проделанной работы целиком принадлежит вам и вашим сотрудникам. Подписано: заместитель помощника секретаря Шестереннер.

Позер нетерпеливо оборвал говорящего и выключил интерком. Потасовав бумаги, он остро глянул на Ретифа.

— Конечно, если подходить поверхностно, то непосвященный наблюдатель мог бы вполне сделать подобные поспешные выводы и решить, что... э... результаты, достигнутые несмотря на те... э... некоторые нарушения правил протокола, оправдывают эти нарушения, — посол улыбнулся печальной мудрой улыбкой.

— Это далеко не так, — продолжил он. — Я...

Интерком тихо рыгнул.

— Будь все трижды проклято, — пробурчал Позер. — Да?

— Прибыл господин Т'Кай-Кай, — доложил голос. — Мне...

— Впустите его немедленно, — Позер взглянул на Ретифа. — Всего лишь двухслоговый! Но я попытаюсь объяснить ваше безобразное поведение и как-то возместить...

Двое землян молча ждали, пока в дверь не постучал йилльский шеф протокольного отдела.

— Надеюсь, — произнес посол, — вы удержитесь от порыва злоупотребить своим не совсем обычным положением.

Он посмотрел на дверь.

— Войдите.

Т'Кай-Кай вошел в каюту, бросил беглый взгляд на Позера, а затем повернулся любезно поздороваться с Ретифом на цветистом языке йиллов. Обогнув стол, он подошел к креслу посла, не глядя, махнул тому рукой, сделав знак очистить место, и уселся.

— У меня для вас сюрприз, Ретиф, — сообщил он на языке землян. — Я сам воспользовался столь любезно одолженной вами обучающей машиной.

— Это хорошо, — одобрил Ретиф. — Уверен, господину Позеру будет небезынтересно услышать, что мы желаем сказать.

— Неважно, — отмахнулся йилл. — Я здесь просто со светским визитом.

Он оглядел комнату.

— Стало быть, вы украшаете свои покои, но они в то же время обладают и определенным аскетическим очарованием, — он рассмеялся. — О, вы, земляне, странная порода. Вам удалось удивить нас всех. Знаете, ведь про вас ходит столько невероятных слухов. Скажу вам по секрету, мы ожидали, что вы окажитесь противно-слабыми.

— Слабыми противниками, — машинально поправил Позер.

— Такая сдержанность! Какое удовольствие вы доставили тем из нас, вроде меня, конечно, кто оценил ваше понимание протокола. Такое изящество! Как тонко вы не обращали никакого видимого внимания на все увертюры, в то же время поразительно ловко избегая действительного осквернения. Могу вам сказать, находились и такие, кто думал — наивные глупцы! — что вы понятия не имеете ни о каком этикете. И какое удовлетворение испытали мы, опытные специалисты, сумевшие по достоинству оценить вашу виртуозность, когда вы перевели дело на подобающую

основу, презрительно отвергнув кошачье мясо. Тогда уж было просто чистым удовольствием наблюдать, в какую форму вы облекаете ваш комплимент.

Йилл предложил Ретифу оранжевые сигары, а затем сунул одну из них себе в ноздрю.

— Признаться, даже я не надеялся, что вы так блестяще почтите нашего Восхитительного. О, иметь дело с коллегами-профессионалами, понимающими значение протокола, — одно удовольствие.

Посол Позер издал сдавленный всхлип.

— Этот парень простудился, — соизволил заметить посла Т'Кай-Кай. Он с подозрением поглядел на Позера. — Отойдика, любезный, я очень восприимчив к заразе.

— Есть еще одно маленькое дельце, которым я с удовольствием займусь, Ретиф, — продолжал Т'Кай-Кай. Он достал из сумочки большую бумагу. — Его Восхитительность твердо решили, что аккредитованы здесь будете не кто иной, как вы. У меня здесь экзекватура моего правительства, утверждающая вас в качестве генерального консула Земли на Йилле. Мы с нетерпением будем ждать вашего скорейшего возвращения.

Ретиф посмотрел на Позера.

— Я уверен, что Корпус согласится, — сказал он.

— Тогда я пошел, — попрощался Т'Кай-Кай, вставая. — Возвращайтесь к нам поскорее, Ретиф. Я должен многое вам показать в Великой Империи Йилла. — Он подмигнул: — Вместе, Ретиф, мы увидим много замечательного и великолепного.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

«...Дополняя широкое знание дипломатии такими хитроумными приемами, как отождествление себя с влиятельными местными группами, и последующим умелым манипулированием межгрупповым соперничеством, сотрудники Корпуса на местах сыграли решающую роль в сохранении внутреннего мира на множестве далеких планет. На Замшеле посол Маньян стал безусловным лидером в применении этой техники...»

Т. VII, катушка 43, 487 г. а. э. (2948 г. н. э.)

Сидевший за столом напротив Ретифа посол Маньян с серьезным видом шуршал жестким листом пергамента.

— Эта памятная записка была только что мне вручена атташе по культуре, — сказал он. — За эту неделю она уже третья на эту тему. В ней говорится о субсидировании молодежных союзов.

— Ничего себе молодежь, — вставил Ретиф. — Средний возраст их, если не ошибаюсь, семьдесят пять лет.

— Замшельцы — народ долгожителей, — отрезал Маньян. — Так что тут все относительно. В семьдесят пять лет замшелец мужского пола вступает в трудный переходный возраст.

— Совершенно верно, трудится, не жалея сил, в надежде кого-нибудь покалечить.

— В том-то и проблема, — скорбно вздохнул Маньян. — Но молодежное движение — важная новинка в сегодняшней политической ситуации здесь, на Замшеле, и субсидирование молодежных союзов — мастерский ход со стороны посольства Земли. По моему предложению практически все члены миссии ухватились за эту возможность набрать несколько оч... то есть сцементировать отношения с этой

набирающей силу группой — лидерами будущего. И вы, Ретиф, как советник посольства, являетесь вопиющим исключением.

— Не убежден, что эти громилы нуждаются в моей помощи для организации своих потасовок, — возразил Ретиф. — Вот если бы вы предложили организовать группу сдерживания паразитов...

— Для замшельцев это дело не шуточное, — оборвал его Маньян. — Эта группа, — он взглянул на документ, — известная как Передовое Общество Гуманитарного Раскрепощения Отдыхающей Молодежи, или, для краткости, ПОГРОМ, уже не одну неделю ждет финансовой поддержки.

— Короче, хотят чтобы кто-то купил им клуб, форму, снаряжение и все прочее, что им понадобится для устройства козней против мира и спокойствия с комфортом и размахом, — уточнил Ретиф.

— Если мы не будем действовать быстро, то гроакское посольство вполне может нас опередить. Они здесь проявляют большую активность.

— Это мысль, — отозвался Ретиф. — Пусть себе. И через некоторое время они разорятся — вместо нас.

— Чепуха. Этой группе требуется спонсор. Я не могу действительно приказать вам выступить в этом качестве. Однако... — Маньян оставил фразу повисшей в воздухе и задумался.

Ретиф поднял бровь.

— На какую-то секунду, — сказал он, — мне показалось, что вы собрались сделать определенное заявление.

Посол откинулся на спинку кресла, сплетя пальцы на животе.

— Не думаю, что вы поймаете дипломата с моим стажем и опытом на чем-нибудь столь наивном, — ответил он.

— Мне нравятся замшельцы — взрослые, — сказал Ретиф. — Очень жаль, что им приходится таскать на спине всю жизнь полтонны рога. Хотел бы я знать, не может ли хирургия...

— Боже правый, Ретиф! — забрызгал слюной Маньян. — Меня изумляет, что вы даже посмели заикнуться о столь деликатном деле. Несчастливые характерные физические особенности какой-нибудь расы едва ли могут быть предметом болезненного любопытства землянина.

— Ну, я пробыл здесь всего месяц. Но мой опыт говорит мне, господин посол, что немногие бывают выше улучшения природных данных. Иначе вы, например, спотыкались бы о собственную бороду.

Маньян содрогнулся.

— Пожалуйста, Боже упаси вас упоминать хоть одному замшельцу об этой идее.

Ретиф встал.

— Моя личная программа дел на день включает экскурсию к докам. Мне хочется поглядеть на некоторые особенности собираемого замшельцами нового пассажирского лайнера. С вашего разрешения, господин посол?..

Маньян презрительно фыркнул.

— Ваша увлеченность тривиальным беспокоит меня, Ретиф. Побольше интересуйтесь существенными делами — такими, как работа с молодежными союзами. Это создает намного лучшее впечатление.

— Прежде чем слишком тесно связываться с этими союзами, не мешало бы выяснить о них чуть побольше, — высказал свое мнение Ретиф. — Кто именно их организует? Здесь, на Замшеле, есть три сильные политические партии — известно ли вам, какая заключила альянс с этой организацией ПОГРОМ?

— Вы забываете, что они, так сказать, всего лишь подростки, — указал Маньян. — Политика для них ничего не значит... пока.

— И, потом, есть еще и гроаки. С чего это у них такой страстный интерес к слаборазвитому пароконному миру вроде Замшела? Их обычно не занимает ничего, кроме бизнеса. А что есть такого на Замшеле, чем они могут воспользоваться?

— Коммерческий аспект можете отмести сразу же, — заверил Маньян. — Замшел обладает развитой производственной экономикой стального века. Гроаки ненамного обогнали их.

— Ага, ненамного, — согласился Ретиф. — Только-только перешли границу примитивного атомного производства... вроде ядерных бомб.

Покачав головой, Маньян вернулся к своим бумагам.

— Да какой может быть рынок для таких устройств на мирной планете? — возразил он. — Я предлагаю вам перенести свое внимание на менее захватывающую, но более плодотворную работу постепенного проникновения в неформальные объединения местной молодежи.

— Я уже думал над этим, — ответил Ретиф. — И, прежде чем встречусь в неформальной обстановке с кем-нибудь из местной молодежи, мне хотелось бы вооружиться резиновой дубинкой.

* * *

Ретиф покинул занимавшее немалую площадь здание, типа бунгало, где располагался архив Посольства Земли, остановил один из неуклюжих медленно двигающихся замшелых вагонов-платформ и привалился спиной к деревянным поручням, пока тяжелая машина катила через город к вырисовывающимся вдали портальным кранам верфей. Утро стояло прохладное, и легкий ветерок нес через широкий вымощенный булыжником проспект рыбный запах замшельских жилищ. В тени невысоких зданий тяжело ковыляли немногие зрелые замшельцы, громко хрипя под бременем своих громадных панцирей. Среди них живо трусили на коротких чешуйчатых ножках беспанцирные юнцы. Водитель вагона-платформы — замшелец рабочей касты с нанесенными на спине цветами гильдии — налег на руль,

проводя неуклюжий экипаж через распахнутые ворота верфи, и со скрипом остановился у самой стены.

— Вот я и добрался до верфей с пугающей скоростью, — проговорил он по-замшельски. — Я хорошо знаю обычай голоспинных, которые всегда передвигаются в спешке.

Вылезая, Ретиф дал ему монету.

— Тебе следует пойти в профессиональные гонщики, — похвалил он. — Сорвиголова!

Пройдя через замусоренный двор, Ретиф постучался в дверь кое-как сколоченного сарая. Внутри заскрипели доски, а затем дверь распахнулась, явив Ретифу скрюченного древнего замшельца, с потускневшими лицевыми пластинами и видавшим виды панцирем.

— Да будет долог ваш сон, — пожелал ему Ретиф. — Я хотел бы поосмотреться тут, если вы не против. Как я понимаю, сегодня вы закладываете фундаментные плиты своего нового лайнера.

— Да приснятся вам глубины, — прошамкал в ответ старец и махнул короткой и толстой рукой в сторону стоявшей у массивного подъемника группы беспанцирных замшельцев. — Эти юнцы знают о фундаментных плитах поболе меня, занятого лишь перекладыванием бумажек.

— Понимаю ваши чувства, почтеннейший, — посочувствовал Ретиф. — Так похоже и на мою жизнь. А планы судна вам среди бумаг не попадались? Как я понимаю, оно будет пассажирским лайнером.

Старикан кивнул. Прошаркав к шкафу с чертежами, он порылся в нем, вытащил пачку скручивающихся распечаток и раскатал их по столу. Ретиф молча стоял, водя пальцем по самому верхнему чертежу, прослеживая линии.

— Что здесь делает голоспинный? — рявкнул позади Ретифа низкий голос. Он обернулся. В открытой двери стоял закутанный в тяжелый плащ молодой замшелец с грубыми чертами лица. Затерявшиеся среди мелких чешуек желтые глаза-бусинки так и буравили землянина.

— Я пришел посмотреть на ваш новый лайнер, — объяснил Ретиф.

— Нам не нужны здесь любопытные иностранцы, — отрезал юнец. Взгляд его упал на чертежи, и он зашипел от гнева.

— Старый придурок! — обругал он древнего замшельца, надвигаясь на них. — Чтоб тебе метаться в кошмарах! Убери планы!

— Ошибка тут моя, — заступился за старика Ретиф. — Я не знал, что это секретный проект.

Юнец заколебался.

— Он не секретный, — наконец буркнул он. — С чего бы ему быть секретным?

— Вам лучше знать.

Юнец задвигал челюстями и закачал головой из стороны в сторону в замшельском жесте неуверенности.

— Скрывать тут нечего, — заявил он. — Мы всего лишь сооружаем пассажирский лайнер.

— Тогда вы не будете возражать, если я посмотрю чертежи? — с энтузиазмом спросил Ретиф. — Кто знает, может, в один прекрасный день я решу забронировать каюту для путешествия в оба конца.

Молодой замшелец повернулся и исчез. Ретиф усмехнулся старцу.

— Полагаю, отправился за своим старшим братом, — заметил он. — У меня такое ощущение, что мне не изучить их здесь в спокойной обстановке. Вы не против, если я их скопирую?

— На здоровье, легконогий, — разрешил старый замшелец. — И мне стыдно за невежливость молодежи.

Ретиф вынул крошечную камеру, привинтил на место копировальную линзу и перелистал чертежи, щелкая затвором.

— Чума на этих сопляков, — выругался старец. — Они день ото дня становятся все более злобными.

— Почему же вы, старшие, не завинтите гайки?

— Они гибки, а мы медленны на ногу. И беспокойство это совсем новое, в моей молодости такой наглости не ведали.

— Полиция?..

— Ба! — прогромыхал древний замшелец. — У нас нет никакой полиции, достойной этого названия, да мы и не нуждались в ней до недавнего времени.

— Чем же это вызвано?

— Они нашли вожаков. Этот спекуль, Слок, один из них. И, боюсь, что они замышляют зло, — он показал на окно. — Они идут, и с ними мягкотелый.

Сунув камеру в карман, Ретиф выглянул в окно. Какой-то гроак, с бледным лицом и украшенным сложным орнаментом гребнем, стоял вместе с юнцами, которые смотрели на хибарку, что-то обсуждая, а потом тронулись к ней.

— Ба! Да это же военный атташе гроакского посольства, — опознал гроака Ретиф. — Интересно, какую кашу он заваривает на этот раз?

— Ничего, служащего хорошим предзнаменованием для достоинства Замшела, — прогромыхал старец. — Беги, гибкий, пока я займу их внимание.

— Я как раз собирался уйти, — сказал Ретиф. — Где выход?

— Через заднюю дверь, — показал короткой поленообразной рукой замшелец. — Хорошего тебе отдыха, чужой на этих берегах, — пожелал он на прощание, степенно двигаясь к входу.

— И вам того же, папаша, — отозвался Ретиф. — И спасибо.

Он пролез через узкий задний ход, подождал, пока голоса в передней части сарая не стали громче, а затем прогулялся к воротам.

* * *

Шел уже первый час второй тьмы третьего цикла, когда Ретиф покинул техническую библиотеку посольства и

прошел через коридор в свой кабинет. Включив свет, он обнаружил засунутую под пресс-папье записку:

«Ретиф, я буду ожидать вашего присутствия на обеде МАС в первой тьме четвертого цикла. Будет краткая, но, надеюсь, впечатляющая церемония проведения финансирования союза ПОГРОМ, с полным освещением в прессе, организацию которой я сумел завершить, несмотря на вашу непреклонность».

Ретиф фыркнул себе под нос и посмотрел на часы: оставалось меньше трех часов. Времени как раз хватит доползти домой на вагоне-платформе, облачиться в церемониальное обмундирование и приползти обратно.

Выйдя из посольства, он проголосовал автоплатформе, расположился, забравшись туда, в углу и наблюдал, как желтое солнце — Бета — восходит над низким горизонтом. На близком отовсюду море сейчас как раз начался прилив, вызванный притяжением большого солнца вкупе с тремя лунами, и свежий ветер нес туман из соленых брызг. Спасаясь от сырости, Ретиф поднял воротник. Всего через полчаса он будет потеть под вертикальными лучами первополуденного солнца, но даже эта мысль не оградила его от пронизывающего холода.

Между тем на движущуюся платформу влезли двое юнцов и целеустремленно направились к Ретифу. Тот отошел от перил, следя за ними, и сбалансировал свой вес.

— Вы подошли достаточно близко, ребята, — сказал он. — На этой шаланде места много, так что незачем так тесниться.

— Есть некие пленки, — пробурчал державшийся впереди замшелец. Голос у него был необычайно низок для юнца. Он кутался в тяжелый плащ и двигался несколько неуклюже. Его отрочество явно близится к закату, догадался Ретиф.

— Я уже вам сказал, — повторил дипломат. — Не устраивайте тут толкотню.

Парочка угрожающе шагнула ближе, гневно щелкая щелеобразными ртами. Ретиф выставил ногу вперед, зацепил стопой сзади чешуйчатую ногу перезрелого подростка и

кинул весь свой вес на прикрытую плащом грудь. Неловкий замшелец покачнулся, а затем тяжело рухнул. Землянин проскочил мимо него и спрыгнул с вагона-платформы, прежде чем второй юнец завершил свой бесполезный бросок на занимаемое Ретифом место. Ретиф весело помахал парочке, вскочил на борт другой машины и с удовольствием смотрел, как горе-террористы, тяжело ступая, слезли со своего вагона-платформы и ковыляли, вертя крошечными головками, с бессильной злобой следя за его удаляющейся фигурой.

«Так, значит, им понадобились пленки?» — размышлял Ретиф, кое-как раскурив сигару. Они немного опоздали. Он уже запрятал ее в хранилище посольства, предварительно сняв копию для справочной картотеки. И сравнение чертежей со схемами устаревшего боевого крейсера модели XXXV, использовавшегося двести лет назад Военным Флотом Метрополии, показало, что они почти полностью идентичны — орудийные платформы и все такое. А устаревший — понятие относительное: корабль, вышедший из употребления в арсеналах Галактических держав, мог все же с успехом быть грозой околотка в Восточном Рукаве.

Вопрос, однако, в том, откуда эти двое узнали о пленке. Там ведь не было никого, кроме него и старика, а Ретиф готов был держать пари, что почтенный замшелец ничего им не сказал... По крайней мере, добровольно.

Ретиф нахмурился, бросил сигару за борт, подождал, пока вагон-платформа не переберется через лужу грязи, а затем перемахнул через перила и направился обратно к верфям.

* * *

Дверь с сорванными петлями была кое-как прилажена обратно на место. Ретиф окинул взглядом потрепанное нутро сарая. Старикан не сдался без борьбы.

В пыли, позади здания, остались глубокие борозды, как будто здесь волокли что-то тяжелое. Ретиф последовал вдоль них через двор. Борозды исчезли под стальной дверью склада.

Ретиф огляделся по сторонам. Сейчас, в среднем часу четвертого цикла, рабочие вповалку лежали на краю пруда для освежения, погрузившись в свою сиесту. Достав из кармана Универсальный Инструмент, Ретиф испробовал на замке разные насадки, и тот, щелкнув, открылся. Землянин тихонько приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы войти.

Перед ним вырисовывались сваленные в кучу тюки. Включив крошечную лампочку на рукояти УИ, Ретиф осмотрел эту кучу. Один тюк, кажется, не вписывался в общую картину, и на полу перед ним слой пыли имел явные следы нарушения. Он сунул фонарик в карман, взобрался на тюки и заглянул в лежащее за ними кольцо каких-то узлов. В кольце этом лежал пожилой замшелец — на его голову был натянут тяжелый мешок, плотно привязанный веревкой. Ретиф спрыгнул к нему, перепилил прочную веревку и осторожно снял мешок с головы старца.

— Это я, старина, — сказал он. — Любопытный чужеземец. Сожалею, что втравил вас в это.

Старик замолотил узловатыми ногами, слегка покачнулся, а потом упал обратно на спину.

— Проклятье колыбели, что укачивала их во младенчестве, — прогромыхал он. — Только поставь меня на ноги, и я доберусь до этого сопляка Слока, даже если он сбежит в грязь на самом дне моря Страданий.

— Как мне вывести вас отсюда? Может, мне лучше позвать кого-то на помощь?

— Нет. Здесь кругом эти вероломные юнцы, — отверг его предложение старый замшелец. — Это будет стоить тебе жизни.

— Сомневаюсь, что они зайдут так далеко.

— А то нет! — почесал шею замшелец. — Посвети-ка сюда. Если бы не прочность моей шкуры...

Ретиф направил луч света на дубленый загривок. Рваный порез окружало большое пятно густо-пурпурной крови. Старик тихо рассмеялся. Звуки его смеха походили на кашель тюленя.

— Они обозвали меня предателем. Долго они пилили меня — понапрасну. А потом связали и бросили сюда. Они думают вернуться с оружием и завершить свое грязное дело.

— С оружием? Я думал, оно незаконно...

— Их злой гений — мягкотелый, — пояснил замшелец. — Будет снабжать горючим даже Огненного Дьявола.

— Снова гроаки, — призадумался Ретиф. — Хотел бы я знать, что они тут выуживают.

— И должен признаться, я сказал им о тебе — прежде, чем полностью понял их намерения. Я многое могу рассказать тебе об их делах. Но сперва, умоляю: блок и тали.

Ретиф нашел кран-балку там, где указал ему старик; подогнал ее на место и, зацепив край панциря, подтянул вверх огромного замшельца. Тот медленно поднялся, покачался, а затем шлепнулся на грудь. И медленно встал на ноги.

— Меня зовут Шатки, быстроногий, — представился он. — Мои самки — твои самки.

— Спасибо. А я — Ретиф. Мне бы хотелось как-нибудь встретиться с этими девочками, но пока давайте уберемся отсюда.

Шатки навалился всей тушей на гору тюков с бурыми водорослями, сметая их в сторону, словно бульдозер.

— Гневлюсь я медленно, — сказал он, — Но в гневе я неумолим. Берегись, Слок...

— Погоди-ка, — насторожился вдруг Ретиф и принюхался. — Что это за запах?

Он посветил фонариком, водя лучом по сухому пятну на полу.

Опустившись на колени, он тщательно обнюхал это место.

— Что за груз здесь хранился, Шатки? И, главное, где он теперь?

Шатки подумал.

— Тут лежали цилиндрические ящики, — вспомнил он. — Четыре штуки, крайне маленькие и выкрашенные в низкопробный зеленый цвет — собственность мягкотелых, гроаков. Пролежали здесь сутки. В полной тьме первого периода недоростки пришли с грузчиками и погрузили их на баржу «Мшистый Камень».

— Судно для ОВЛов[3]. А кому черед воспользоваться им?

— Не знаю. Но какое это имеет значение? Давай обсудим перемещения груза после того, как я сведу счеты с определенными малолетними паскудниками.

— Нам лучше выяснить сперва про ящики, Шатки. Мне известно только одно вещество, которое перевозится в цилиндрических контейнерах и пахнет именно так, как та блямба на полу. Это титанит: самая мощная из неядерных взрывчаток.

* * *

Бета уже заходила, когда Ретиф, вместе с пыхтящим по пятам за ним Шатки, подошел к будке часового у трапа, ведущего в роскошные каюты официальной государственной баржи «Мшистый Камень».

— Знамение времени, — заключил Шатки, заглянув в пустую будку. — Здесь должен стоять караульный, но я его не вижу. Несомненно, уполз поспать.

— Давай подымемся на борт и поосмотримся.

Они взошли на корабль. В полном безмолвии горел мягкий свет. На полу, почти сразу у входа, стоял грубо сколоченный ящик, рядом валялись катки и рычаги — явно диссонансная нота в приглушенной роскоши интерьера. Шатки порылся в содержимом ящика.

— Любопытно, — проговорил он. — Что это означает?

---

[3] ОВЛ — Очень Важное Лицо.

Он выудил испачканный замшельский плащ оранжево-зеленого цвета, металлический браслет и пачку бумаг.

— Оранжево-зеленый, — пробормотал себе под нос Ретиф. — Чьи это цвета?

— Не знаю... — Шатки взглянул на браслет. — Но вот тут что-то написано.

Он передал металлический обруч Ретифу.

— ПОГРОМ, — прочел Ретиф и посмотрел на Шатки. — Мне кажется, я уже сегодня слышал это название. Давай-ка вернемся в посольство, и побыстрее.

Спускаясь по трапу, Ретиф услышал звуки за спиной и повернулся — как раз вовремя, чтобы увернуться от атаки несшегося на него массивного замшельского юнца, который с громом промчался мимо землянина и остановился, впечатавшись в широкую грудь Шатки, зажавшего его в тисках жарких объятий.

— Неплохой улов, Шатки. Откуда он выскочил?

— Этот увалень прятался в грузовой камере, — прогромыхал замшелец.

Пленный юнец изо всех сил молотил кулаками и ногами по панцирю старика, но только сам запыхался и затих.

— Держи его покрепче, — посоветовал Ретиф. — Похоже, он кусачий.

— Не бойся. Я в общем-то неловок, но все же не лишен силы.

— Спроси его, куда они упрятали титанит.

— Говори, безмозглый червяк, — проворчал Шатки, — а не то раздавлю тебя пополам.

Юнец сдавленно пискнул.

— Попробуй дать ему послабление, прежде чем сделать из него отбивную, — предложил Ретиф.

Шатки поднял молодца в воздух, а затем швырнул его. Тот грохнулся со стуком, заставившим задрожать землю. Младший замшелец злобно прожигал старшего взглядом, щелкая щелью рта.

— Этот сопляк был среди тех, кто связал меня и спрятал, чтобы потом убить, — пояснил Шатки. — И в знак раскаяния он расскажет старшему все.

— Это тот самый, что пытался завязать со мной знакомство на вагоне-платформе, — узнал юнца и Ретиф. — Видать, бывалый.

Юнец, с трудом поднявшись на четвереньки, пустился наутек к маячившей свободе, но Ретиф наступил на волочившийся за ним по земле плащ, и тот соскользнул с его плеч. Землянин в изумлении уставился на голую спину замшельца.

— Великое Яйцо побери! — воскликнул Шатки, сделав подножку попытавшемуся подняться пленнику. — Да это же не юнец! С него сняли панцирь!

Ретиф смотрел на покрытую рубцами спину.

— То-то мне думалось, что он выглядит немного староватым. Но я думал...

— Это невозможно, — подтвердил Шатки. — Тут завязаны крупные нервные узлы; даже самый умелый хирург не в состоянии срезать панцирь и оставить при этом пациента в живых.

— Похоже, кому-то все-таки удалось проделать такой фокус. Но давай возьмем этого парня с собой и отправимся подобру-поздорову отсюда. В любой момент могут явиться его приятели.

— Слишком поздно, — ответил Шатки. Ретиф обернулся. Из-за сараев вышли еще трое юнцов.

— Ну, — заметил Ретиф, — похоже, сегодня ночью ПОГРОМ бросает в бой крупные силы.

— Где ваш дружок? Такой тощий типчик с глазами на стебельках? Держу пари, отвалил к себе в посольство, предоставив расхлебывать кашу сосункам вроде вас, — обратился землянин к наступающему трио.

— Укройся за мной, Ретиф, — предложил Шатки.

— Задай им жару, старина, — Ретиф, нагнувшись, поднял один из рычагов. — А я буду прыгать рядом и отвлекать их.

Шатки издал свистящий рык и атаковал молодых замшельцев. Те рассыпались веером, но один, споткнувшись о металлическую трубу, предусмотрительно просунутую Ретифом замшельцу между ног, растянулся на земле ничком. Ретиф перехватил железку и врезал ею по голову другому нападающему. Тот мотнул головой и переключился на землянина... и отлетел от стального корпуса «Мшистого Камня», словно мячик, когда Шатки с разгону врезался в него.

Ретиф заехал рычагом еще по одной голове, третий его удар уложил замшельца на мостовую. Двое других членов клуба поспешно отбыли, изрядно помятые, но все же не потерявшие мобильности.

Ретиф, тяжело дыша, остановился, опираясь на свою дубинку.

— Крепкие головы у этих ребят. У меня было искушение догнать этих двух мальчиков, но мне надо сбегать еще по одному дельцу. Не знаю, кого конкретно намерены взорвать гроаки, но у меня есть подозрение, что в последующие несколько часов на этом судне должно отправиться в путь какое-то важное лицо, а трех цилиндров титанита хватит, чтобы испарилось и это корыто, и все, кто будет на его борту.

— Их замысел сорван, — сказал Шатки. — Но по какой причине они это затеяли?

— За всем стоят гроаки. Сдается мне, ПОГРОМ и не знал об этом гамбите.

— Который из этих вожак? — поинтересовался Шатки. И толкнул павшего юнца: — Вставай, соня.

— Забудь о нем, Шатки. Эту парочку мы свяжем и оставим здесь. Я знаю, где найти босса.

* * *

Банкетный зал с низким потолком заполняла вялая на вид толпа. Ретиф оглядел столики, выискивая бледные

пятна лиц землян, казавшихся карликами рядом с гигантскими бронированными замшельцами. Находившийся по другую сторону зала Маньян, увидев его, помахал рукой, и Ретиф направился к нему. Воздух наполнился низким гудением инфразвуковой замшельской музыки.

Ретиф проскользнул на свое место рядом с Маньяном и устроился поудобнее.

— Извините за опоздание, господин посол.

— Польщен, что вы вообще сочли возможным появиться, — холодно ответил Маньян и снова повернулся к сидевшему слева от него замшельцу.

— О, да, господин министр, — согласился он. — Очаровательная, просто очаровательная. И такая оптимистичная, я бы сказал — жизнеутверждающая.

Замшелец посмотрел на него бусинками глаз:

— Это Стенания Вылупившегося, — сказал он. — Наша национальная Скорбная Песнь.

— О, — произнес Маньян. — Как интересно. Такая приятная гармония инструментов.

— Это соло на друне, — уточнил замшелец, с подозрением глядя на землянина.

— Почему бы вам просто не признаться, что вы не способны этого услышать, — громко прошептал Ретиф. — И если мне можно на миг прервать...

Маньян встал и прочистил горло.

— Теперь, когда прибыл наш дорогой господин Ретиф, мы можем перейти прямо к торжественной церемонии проведения спонсорства...

— Эта группа, — Ретиф, перегнувшись через Маньяна, обратился к замшельцу, — ПОГРОМ... Много ли вы о ней знаете, господин министр?

— Вообще ничего, — прогромыхал огромный пожилой представительный замшелец. — На мой взгляд, всех юнцов следует держать в одном загоне с живностью, пока не нарастят панцирь, чтобы поубавить их безответственность.

— Мы не должны терять из виду важность проблемы направления молодежной энергии в требуемое русло, — вмешался в разговор Маньян.

— Трудовые отряды, — выдал свой рецепт министр. — В дни моей молодости вас связывали договором с производителями земляных работ. В те времена я сам таскал салазки с грязью.

— Но в нынешнюю гуманную эпоху, — вставил слово Ретиф, ехидно поглядывая на Маньяна, — на нас наверняка лежит почетная обязанность сделать эти золотые часы счастливыми.

Министр презрительно фыркнул.

— На прошлой неделе мне выпал золотой час: они налетели на меня и закидали гнилыми фруктами.

— Но это же было всего лишь проявлением нормальных юношеских фрустраций, — воскликнул Маньян. — Присущая им в целом мягкость...

— Вот в том увальне вы не найдете ни капли мягкости, — министр ткнул вилкой в сторону новоприбывшего юнца. — Даже если пробуравить в нем шурфы и заложить взрывчатку.

— Да это же наш почетный гость, — узнал юного замшельца Маньян. — Прекрасный молодой парень, зовут его, по-моему, Слоп...

— Слок, — поправил Ретиф. — Девять футов бронированной посредственности. И...

Маньян поднялся, постукивая по бокалу. Замшельцы поморщились от этих, для них ультразвуковых, вибраций и, шепча что-то, переглянулись. Посол постучал погромче. Министр втянул голову, закрыв глаза. Некоторые из замшельцев поднялись и, пошатываясь, направились к дверям; уровень шума возрос. Маньян удвоил свои усилия. Стекло со звоном разбилось, и зеленое вино разлилось по скатерти.

— Что, во имя Великого Яйца, это такое, — пробормотал министр, моргая и глубоко дыша.

— О, простите, — выпалил Маньян, смахивая осколки.

— Очень жаль, что стекло не выдержало, — подосадовал Ретиф. — Еще минута — и вы бы очистили весь зал. И тогда мне, возможно, удалось бы вставить слово. Видите ли, господин министр, — обратился он к замшельцу, — вам следует знать об одном деле…

— Попрошу внимания, пожалуйста, — воззвал к залу Маньян. — Я вижу, что прибыл наш замечательный юный почетный гость, и надеюсь, что через минуту будут и остальные члены его комитета. Рад объявить, что мистер Ретиф выиграл в острой борьбе за счастье быть спонсором этой превосходной группы и…

Ретиф дернул Маньяна за рукав.

— Не надо пока представлять меня, — попросил он. — Я хочу появиться неожиданно — более драматически, знаете ли.

— Ну, — улыбнулся Маньян, опустив взгляд на Ретифа. — Рад видеть, что вы проникаетесь наконец духом мероприятия.

Посол снова переключил свое внимание на собравшихся гостей.

— Если наш почетный гость присоединится ко мне на трибуне… — сказал он. — Господа из прессы, возможно, захотят сделать несколько исторических снимков презентации.

Маньян встал со своего места, пробрался вперед, поднялся на невысокий помост в центре широкого зала, заняв место рядом с молодым замшельцем в плаще, и просиял, глядя в камеры.

— Как приятно воспользоваться этим удобным случаем и еще раз выразить наше огромное удовольствие от финансирования ПОГРОМа, — начал Маньян, говоря помедленнее ради строчивших репортеров. — Нам хотелось бы думать, что мы, на свой скромный лад, будем участниками всего того, чего достигнет ПОГРОМ в грядущие годы…

Маньян умолк, когда огромный пожилой замшелец тяжело взгромоздил свое массивное тело по двум невысоким

ступенькам на помост и приблизился к почетному гостю. Он с легким недоумением следил, как тот остановился позади Слока, так занятого обменом пристальными взглядами со зрителями, что не заметил новоприбывшего.

Ретиф протолкнулся через толпу и поднялся на помост, встав лицом к лицу с замшельским юнцом. Слок, увидев его, отпрянул назад.

— Ты меня знаешь, Слок, — громко сказал Ретиф. — Один старик, по имени Шатки, рассказал тебе обо мне — как раз перед тем, как ты попытался отпилить ему голову, помнишь? Ну, это же было, когда я пришел посмотреть на сооружаемый вами боевой крейсер.

Слок с ревом протянул руки к Ретифу и поперхнулся, когда Шатки, обхватив его сзади, приподнял над помостом.

— Рад, что вы, репортеры, оказались тут, — обратился Ретиф к разинувшим рты газетчикам. — Вот этот Слок вступил в преступный сговор с одним ловкачом из гроакского посольства. Гроаки должны были снабдить его организацию всеми необходимыми материалами, а Слок, как десятник на верфи, взялся позаботиться о том, чтобы все было установлено куда надо. Следующим шагом, полагаю, стал бы захват власти на планете, а вслед за тем небольшая межпланетная война на Фламенко или одном из других близлежащих миров, для чего гроаки с удовольствием поставили бы боеприпасы.

Маньян обрел, наконец, дар речи.

— Вы с ума сошли, Ретиф! — завизжал он. — За эту группу поручилось Министерство по Делам Молодежи.

— Это министерство давно нуждается в чистке, — отрезал Ретиф и снова повернулся к Слоку. — Интересно, посвящен ли ты в запланированную на сегодня небольшую диверсию? Когда взорвется «Мшистый Камень», улики подложат туда, где их легко найдут... И на всех будет написано ПОГРОМ. Таким образом, гроаки ловко свалили бы все это дело на земное посольство, которое с такой помпой финансировало ПОГРОМ.

— «Мшистый Камень»? — переспросил Маньян. — Но это же... Ретиф! Это какой-то бред! На нем должны были отправиться в круиз сами члены ПОГРОМа.

Слок вдруг зарычал, бешено выкручиваясь. Шатки покачнулся, разжал руки, и Слок вырвался и сбежал с трибуны, пробивая себе дорогу через банкетный зал сквозь мечущихся старцев. Маньян взирал на все это, широко разинув рот.

— Гроаки, как обычно, вели двойную игру, — констатировал Ретиф. — Они собирались убить этих ребят после того, как те начнут заваруху.

— Ну не стойте же просто так! — истерично взвизгнул Маньян. — Сделайте что-нибудь! Если Слок — главарь банды правонарушителей...

Он кинулся, было, в погоню за ним, но Ретиф вовремя схватил его за руку.

— Не стоит прыгать туда, — крикнул он, перекрывая шум. — У вас будет не больше шансов проскочить там, чем у кролика сквозь ряды молотобойцев. Где телефон?

Десять минут спустя толпа слегка поредела.

— Теперь мы можем пробиться, — крикнул Шатки. — Сюда.

Он спустился с помоста и попер, как танк, к выходу. Путь его отмечали лопающиеся разноцветные лампочки, развешанные в проходах. Ретиф и Маньян, словно баржи за ледоколом, следовали в кильватере у огромного замшельца.

В фойе Ретиф первым делом схватился за телефон, подождал, пока отзовется телефонистка, и дал кодовую букву. Никакого ответа. Он попробовал другую.

— Без толку, — решил он, после того как безрезультатно прождал целую минуту, и, хлопнув трубку обратно в гнездо, предложил — Давайте, поймаем такси.

На улице синее солнце, Альфа, выглядывавшее из-под слоя низких облаков, словно вольтова дуга, отбрасывало на грязь проспекта короткие тени. Троица забралась в проезжавший мимо вагон-платформу. Шатки с удовольствием

присел, переложив вес своего громадного панциря на массивные доски настила.

— Неужто я тоже могу утратить это бремя, как тот лжеюнец, которого мы славно отдубасили на «Мшистом Камне»? — вздохнул он. — Скоро мне придется уйти на пенсию. И вряд ли сторож в хранилище для бумаг, вроде меня, потянет на большее, чем на плиту на общественной набережной, с кормежкой раз в день. Даже для гражданина с высоким положением отставка отнюдь не удовольствие. Плита-то в Парке Монументов ненамного лучше. В любом случае мрачная перспектива на ближайшую тысячу лет.

— Вы двое езжайте дальше до полицейского участка, — велел Ретиф. — А я хочу сыграть интуитивно. Но не задерживайтесь там слишком долго. Возможно, я окажусь опасно прав.

— Что...? — уставился на него Маньян.

— Как пожелаешь, Ретиф, — согласился Шатки.

Вагон-платформа прокатил мимо ворот на верфь, и Ретиф, спрыгнув, побежал к судну для ОВЛов. Будка караульного по-прежнему пустовала, но двое оставленных им с Шатки связанных юнцов пропали.

— Вот в этом-то и беда с мирной планетой, — пробурчал себе под нос Ретиф. — Никакой полицейской защиты.

Спустившись с освещенного солнцем трапа, он занял позицию за сторожевой будкой. Альфа поднялась выше, проливая лишенный жара яркий белый свет. Ретиф моргнул. Неподалеку от входа послышался звук, похожий на треск от столкновения двух слонов. Ретиф, выскочив из своего укрытия, посмотрел в сторону ворот. Его гигантский приятель, Шатки, появился вновь, на этот раз сцепившись с едва ли менее массивным противником. В поднявшейся от побоища пыли мелькнула невысокая фигурка. Она шмыгнула к воротам, но была отброшена сражающимися титанами, после чего повернулась и кинулась в противоположную сторону верфи. Ретиф дождался, пока тот поравнялся с ним, прыгнул и сгреб убегающего гроака в охапку.

— Ну, Йит, — поздоровался он. — Старый фокусник!.. Уж ты-то наверняка извинишь такое выражение.

— Отпустите меня, Ретиф! — прошепелявило создание с мучнисто-бледным лицом и пульсирующим от волнения горловым пузырем. — Эти бегемоты бьются за право расчленить меня.

— Вполне понимаю их чувства. Впрочем, я посмотрю, что можно будет сделать... за определенную цену.

— Я взываю к вам, — хрипло прошептал Йит. — Как к собрату-дипломату, собрату-инопланетянину, собрату-мягкоспинному!

— Почему бы вам не воззвать к Слоку как к собрату-заговорщику? — предложил Ретиф. — А теперь помалкивайте... и, возможно, уйдете отсюда живым.

Более массивный из двух борющихся замшельцев поверг другого наземь. Меньший замшелец беспомощно лежал на спине.

— Это Шатки все еще на ногах, — разобрался Ретиф. — Интересно, кого он поймал... и почему...

Шатки направился к «Мшистому Камню», волоча за собой поверженного противника. Ретиф быстро убрал Йита с глаз долой, заткнув его за сторожевую будку.

— Лучше сиди тихо, Йит. И даже не пытайся улизнуть; я тебя легко догоню. Оставайся здесь, а я попробую что-нибудь предпринять.

Он окликнул Шатки и помахал ему рукой.

Пыхтя словно паровой двигатель, тот остановился перед ним.

— Привет, Ретиф! — выдохнул он. — Ты решил последовать предчувствию; я сделал то же самое. Я увидел нечто странное в этом типе, когда мы проезжали мимо него по проспекту. Я решил проследить за ним и вот оказался здесь. Смотри! Это Слок, пристегнувший мертвый панцирь! Теперь многое становится ясным.

Ретиф присвистнул.

— Так значит, юнцы вовсе не столь юны, как выглядят. Кто-то утаивает всю эту информацию от остальных замшельцев.

— Мягкотелый, — догадался Шатки. — Ты сцапал его, Ретиф. Я видел. Теперь отдай его мне.

— Минутку, Шатки. Это ничего тебе не даст...

Шатки заговорщически подмигнул землянину.

— Я должен отомстить! — прорычал он. — Я испытаю шкуру мягкотелого на разрыв! Его раздавленные останки смоют уборщики лестниц и отправят домой в бутылках!

Ретиф резко обернулся, двумя прыжками настиг улепетывавшего в панике Йита и приволок его обратно к Шатки.

— Дело твое, Шатки, — согласился он. — Я знаю, как важна для вас, замшельцев, ритуальная месть.

— Пощадите! — прошипел Йит, беспорядочно подергивая глазами на стебельках. — У меня дипломатическая неприкосновенность!

— А я не дипломат, — прогромыхал Шатки. — Давай-ка подумаем... Полагаю, стоит начать с одного из этих непристойно подвижных глаз.

Он протянул руку.

— У меня есть идея, — вмешался с видом гениального озарения Ретиф. — Как ты думаешь, просто в виде предположения, сможешь ли ты воздержаться от церемониальной священной мести, если Йит пообещает организовать гроакскую хирургическую миссию для депанциризации почтенных старших замшельцев?

— Но, — запротестовал Шатки, — эти глаза! Какое удовольствие вырвать их, один за другим...

— Да, — прошипел Йит. — Я клянусь в этом; ссамые опытные наши хирурги... целые всводы их, с ссамым отлишным оборудованием!

— Ну, я так мечтал о том, как приятно будет сесть на этого типа; почувствовать, как давит его моя тяжесть...

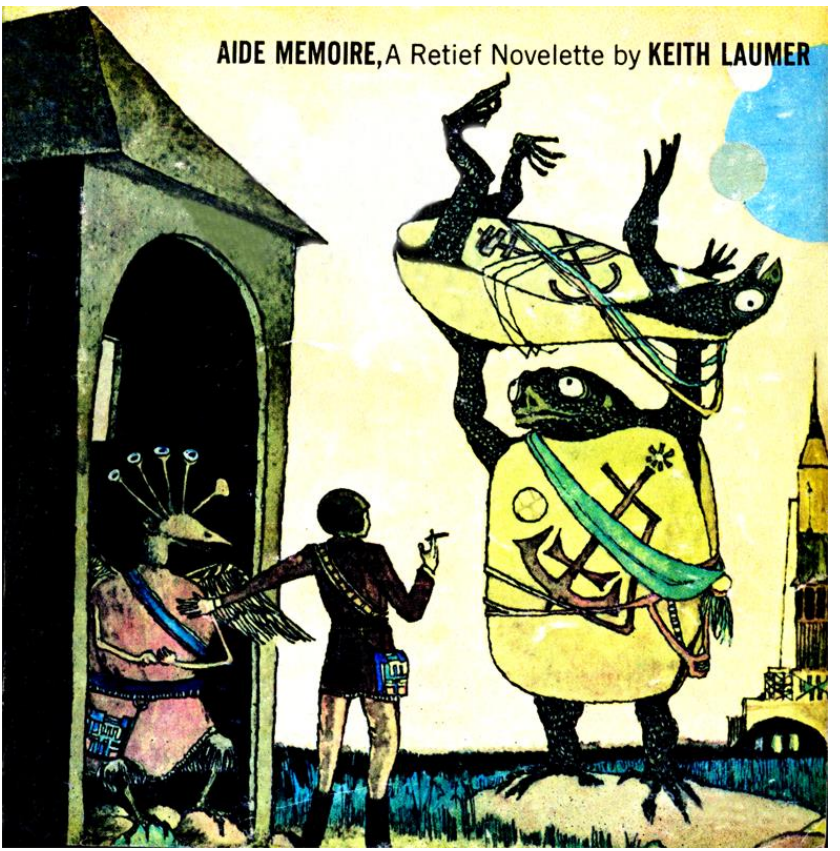
— Вы будете танцевать с легкостью перышка виссла, — отчаянно убеждал Йит. — Без панциря вы будете прыгать, радуясь возвращению молодости...

— Может, только один глаз? — торговался Шатки. — У него и так останется еще четыре.

— Будь спортивен! — призвал Ретиф.

— Хорошо, — с сомнением согласился замшелец.

— Значит, договорились, — с энтузиазмом закончил Ретиф. — Йит, ты даешь слово дипломата, инопланетянина и мягкоспинного устроить миссию. Экспорт хирургического умения гроаков принесет вам больше прибыли, чем торговля вооружением. И это будет перышком виссла в твоей кепке — если ты провернешь это дело. А в обмен Шатки не



станет на тебя усаживаться. В свою очередь, я не буду выдвигать против гроаков обвинений в том, что они вмешиваются во внутренние дела суверенного мира.

Позади Шатки возникло какое-то движение. Слок, выкручиваясь из позаимствованного панциря, с трудом поднялся на ноги... как раз вовремя, чтобы Шатки схватил его, поднял высоко над головой и направился с ним ко входу в «Мшистый Камень».

— Эй! — окликнул Ретиф. — Ты куда?

— Уж этого-то я не лишу его награды, — отозвался Шатки. — Он надеялся на круиз в люксе, да будет так.

— Погоди, — возразил Ретиф. — Эта лоханка набита титанитом!

— Не становись у меня на пути, Ретиф. Ибо этому я воистину должен отомстить.

Больше ничего не говоря, Ретиф проследил, как громадный замшелец пронес по трапу свою гигантскую ношу и исчез в недрах корабля.

— Полагаю, Шатки не шутит, — сказал он Йиту, безвольно обвисшему у него в руках, в ужасе выпучив все свои пять глаз. — В любом случае, он несколько крупноват, чтобы я мог остановить его, коль скоро он вбил себе что-то в голову. Впрочем, не исключено, он просто нагоняет на него страху.

Шатки появился опять, один, и спустился к ним.

— Что ты с ним сделал? — спросил Ретиф.

— Нам лучше отойти, — ответил Шатки. — У этого двигателя радиус выхлопа около пятидесяти ярдов.

— Ты хочешь сказать...

— Автоматика запрограммирована для полета на Гроак. Да будет сон его долог.

* * *

— Взрыв вышел еще тот, — сказал Ретиф. — Но, полагаю, вы его тоже видели.

— Нет, черт побери! — буркнул Маньян. — Когда я увещевал этого Жутки или Чертки...

— Шатки.

— ...этот хулиган засунул меня в щель между домами. Связав моим же собственным плащом. Обязательно упомяну об этом безобразии в ноте министру.

Он что-то черкнул в блокноте.

— А что насчет этой хирургической миссии?

— Крайне щедрое предложение, — сказал Маньян. — Честно говоря, я просто поразился. Думаю, мы, наверное, судили о гроаках слишком сурово.

— Я слышал еще, что у Министерства по Делам Молодежи выдалось из-за всех этих дел тяжелое утро, — заметил Ретиф. — И носится уйма слухов того плана, что Молодежные Союзы на пути к исчезновению.

Маньян прочистил горло и, опустив глаза, начал перекладывать бумаги на столе.

— Я... э... объяснил прессе, что случившееся прошлой ночью э...

— Фиаско.

— ...происшествие было необходимо для того, чтобы поставить преступников в невыгодное положение. Конечно, что касается уничтожения судна для ОВЛов и предполагаемой в этой связи смерти этого Слопа...

— Замшельцы поймут, — заверил его Ретиф. — Насчет церемониальной мести Шатки не шутил. Йиту повезло: он, фактически, не пролил крови лично. Иначе бы его не спас никакой торг по мелочам.

— Гроаки повинны в тяжелом злоупотреблении дипломатическими привилегиями, — сказал Маньян. — Я думаю, что нота — или, может быть, лучше, памятная записка — как-то менее официально...

— «Мшистый Камень» направлялся прямиком на Гроак, — усмехнулся Ретиф. — И уже лег на транзитную орбиту, когда взорвался. Крупные обломки должны прибыть по расписанию примерно через месяц. Это вызовет живописный метеоритный дождь. Полагаю, это послание очень доходчиво убедит гроаков не тянуть свои щупальца к Замшелу.

— Но дипломатические нормы…

— И, потом, еще вот что: чем меньше будет изложено в письменном виде, тем меньше злопыхатели смогут навесить на вас обвинений, случись что не так.

— Не без этого, конечно, — согласился, поджав губы, Маньян. — Вот теперь вы конструктивно мыслите, Ретиф. Возможно, мы еще сделаем из вас дипломата.

Он широко улыбнулся.

— Может быть, но я не желаю, чтобы это как-то угнетало меня, — Ретиф встал. — Я беру несколько недель отпуска… если вы не возражаете, господин посол. Мой друг Шатки хочет показать мне один остров на юге, где, по слухам, чертовски хорошая рыбалка.

— Но подоспели некоторые крайне важные дела, — заупрямился Маньян. — Мы планируем провести финансирование Групп Старших Граждан.

— На меня не рассчитывайте. Группы вызывают у меня нервный зуд.

— Ну и ну, что за поразительное замечание, Ретиф. В конце концов, мы — дипломаты — сами по себе группа.

— Угу, — согласился Ретиф. — Именно это я и имею в виду.

Маньян сидел молча, разинув рот и ошарашенно глядя, как Ретиф вышел в коридор и аккуратно прикрыл дверь.

«...Преданные своему делу профессиональные полевые сотрудники Корпуса были выше того, чтобы позволять внешнему виду партнеров мешать выполнению своих профессиональных обязанностей, и неослабно применяли просвещенные концепции, разработанные в ШК Корпуса глубоко и далеко мыслящими группами Высшего Уровня, беспрестанно трудившимися в подземных пещерах, выковывая дух дружбы между разумными существами. Действенность тесных культурных связей вкупе с дружной работой миссии была крайне эффективно продемонстрирована преданным исполнением своих обязанностей административным помощником Иоландой Мойл, и. о. консула на Гроаке, укрепившей достойное и заслуженное положение Корпуса, основы которого заложил ее предшественник консул Ваффл...».

Т. VII, катушка 98, 488 г. а. э. (2949 г. н. э.)

— Консул Земных Штатов, — диктовал Ретиф, — свидетельствует о своем почтении и т. п. Министерству Культуры Гроакской Автономии и, в связи с присланным вышеупомянутым Министерством приглашением посетить сольный концерт интерпретирования гримас, имеет честь выразить глубокое и искреннее сожаление ввиду невозможности...

— Вам никак нельзя отвергать это приглашение, — решительно воспротивилась административный помощник фройляйн Мойл. — Я переделаю так: «с удовольствием принимает».

Ретиф выдохнул облачко сигарного дыма.

— Фройляйн Мойл, — напомнил он, — за последнюю пару недель я пережил шесть легких концертов, четыре покушения на камерную музыку и Бог знает сколько разных

фольклорных ансамблей. С тех пор, как я здесь нахожусь, у меня не было ни секунды свободного времени.

— Это вовсе не повод обижать гроаков, — резко сказала фройляйн Мойл. — Консул Ваффл никогда бы...

— Ваффл отбыл отсюда три недели назад, — напомнил Ретиф. — Оставив руководить земной миссией меня.

— Хм! — бросила фройляйн Мойл, отключая диктопринтер. — Я, безусловно, не знаю, под каким предлогом отказать министру.

— Да забудьте вы о предлогах, просто скажите ему, что меня там не будет, — он встал.

— Вы уходите? — поправила очки фройляйн Мойл. — Мне нужно, чтобы вы подписали несколько важных писем.

— Что-то не припоминаю, чтобы я диктовал сегодня какие-то письма, — усомнился Ретиф, надевая легкий плащ.

— Я составила их за вас. Они именно таковы, какими их захотел бы видеть консул Ваффл.

— Вы что, писали за Ваффла все его письма, фройляйн Мойл?

— Консул Ваффл был человек крайне занятый, — чопорно ответила фройляйн Мойл. — Он вполне доверял мне.

— Поскольку я отныне сокращаю культурную программу, то буду не столь занят, как мистер Ваффл.

— Хм! Можно мне спросить, где вы будете, если что-то произойдет?

— Я отправляюсь в Архив Министерства Иностранных Дел.

Фройляйн Мойл моргнула за толстыми линзами очков.

— С какой целью?

Ретиф задумчиво посмотрел на нее и сказал:

— Вы пробыли на Гроаке четыре года, фройляйн Мойл. Что стояло за государственным переворотом, который привел к власти нынешнее правительство?

— Я, ясное дело, не встревала в...

— А что вам известно насчет того земного крейсера, исчезнувшего где-то в этих краях лет десять назад?

— Господин Ретиф, это именно те вопросы, которых мы избегаем касаться в разговорах с гроаками. Искренне надеюсь, что вы не собираетесь открыто вторгаться...

— Почему бы и нет?

— Гроаки очень чувствительный народ. Они не принимают с распростертыми объятиями инопланетных копателей в грязном белье. С их стороны достаточно любезно вообще позволить нам загладить тот факт, что земляне как-то подвергли их глубокому унижению.

— Вы имеете в виду, когда прибыли искать крейсер?

— Лично мне стыдно за примененную тогда тактику произвола. Этих невинных созданий допрашивали с пристрастием, словно настоящих преступников. Мы стараемся не бередить эту рану, господин Ретиф.

— Однако крейсер так и не нашли, не правда ли?

— Уж во всяком случае, не на Гроаке.

— Спасибо, фройляйн Мойл, — поблагодарил Ретиф и кивнул. — Я вернусь прежде, чем вы закроете оффис.

Когда он закрыл дверь, на тощем лице административного помощника пролегли морщины мрачного неодобрения.

* * *

Глядя сквозь зарешеченное окошечко, бледнолицый гроак страдальчески вибрировал горловым пузырем.

— В Архив не входить, — слабо произнес он. — Отрицание разрешения. Глубокое сожаление архивариуса.

— Важность моей задачи здесь, — настаивал землянин, с трудом выговаривая звуки горлового языка гроаков. — Мой интерес к местной истории.

— Невозможность доступа для инопланетянина. Уйти тихо.

— Необходимость мне войти.

— Определенные инструкции архивариуса, — голос гроака поднялся до шепота. — Не настаивать больше. Бросить эту мысль!

— Ладно, кащей, я понимаю, когда меня обыгрывают, — сказал поземному Ретиф и передразнил: — Проявлять осторожность.

Выйдя на улицу, он на мгновение остановился в задумчивости, глядя на покрытые глубокой резьбой оштукатуренные фасады без окон, тянущиеся вдоль всей улицы, а затем двинулся в сторону генерального консульства Земли. Встречающиеся на улице немногочисленные гроаки украдкой посматривали на него и спешили свернуть в сторону при его приближении. По упругой мостовой катили, тихо попыхивая, хрупкие паровые автомобили на высоких колесах. Воздух был чист и прохладен. А в офисе, наверняка, ждет фройляйн Мойл с очередным списком жалоб. Ретиф изучил резьбу над одной из открытых дверей. Сложный узор, выделенный розоватой краской, указывал, если он не ошибался, на гроакский эквивалент бара. Ретиф решил заглянуть туда.

Бармен-гроак, проворно выдававший глиняные горшки с местными алкогольными напитками из бара-ямы в центре помещения, заметил Ретифа и застыл, не закончив движения, с металлической трубкой в руках над дожидающимся своей очереди горшком.

— Прохладительный напиток, — сказал по-гроакски Ретиф, присаживаясь на корточки у края ямы. — Опробовать истинное гроакское зелье.

— Не наслаждаться моими скромными предложениями, — промямлил гроак. — Боль в пищеварительных мешочках. Выражать сожаление.

— Не беспокоиться, — ответил Ретиф. — Налить его и предоставить мне решать, нравится ли.

— Буду сцапан блюстителями порядка за отравление... иностранца, — бармен огляделся в поисках поддержки, но нигде не нашел ее. Клиенты-гроаки смотрели куда угодно, только не на него, да и вообще потихоньку расходились.

— Выбрать на твой вкус, — сказал Ретиф, кидая массивный золотой в автомат выдачи блюд. — Пожать щупальце.

— Достать клетку, — призвал сбоку тонкий голос. — Показывать этот урод.

— Задохнуться в верхнем мешочке, — прошипел бармен, вытягивая все свои глаза в сторону пьяного. — Молчать, помет трутней.

— Глотать сам свой яд, раздатчик отравы, — прошептал пьяный. — Найти надлежащую клетку для этого сбежавшего из зоосада кошмара.

Он пошатнулся в сторону Ретифа.

— Показывать этого урода на улицах, как всех прочих уродов.

— Небось, видел много уродов вроде меня, не так ли? — заинтересовавшись, оживленно спросил Ретиф.

— Говорить разборчиво, вонючий инопланетянин, — выдал гневную тираду пьяный.

Бармен что-то неразборчиво шепнул, и двое ближайших клиентов, подойдя к пьяному, взяли его за руки и помогли добраться до дверей.

— Добыть клетку, — вопил разбушевавшийся алкаш. — Держать животных там, где им место...

— Я передумал, — сказал Ретиф бармену. — Чертовски благодарен, но должен теперь спешить.

Он проскользнул в дверь, последовав за пьяным. Гроаки-добровольцы, отпустив скандалиста, поспешили вернуться в бар. Ретиф подошел поближе и посмотрел на шатающееся создание.

— Сгинь, урод, — прошептал гроак.

— Быть корешами, — предложил Ретиф. — Быть добрым к глупым животным.

— Сволочь, тебя на скотобойню, дурнопахнущая иностранная живность.

— Не сердиться, душистый туземец, — попросил Ретиф. — Разрешить мне быть тебе добрым приятелем.

— Бежать, пока я не отделать тебя тростью!

— Выпить вместе.

— Не выносить такой наглости, — Гроак двинулся на Ретифа, тот попятился.

— Пожать руки, — настаивал землянин. — Быть корешами.

Гроак потянулся было цапнуть его, но промахнулся. Одинокий прохожий пугливо обогнул их, опустив голову, и шмыгнул прочь. Ретиф, отступая в узкую поперечную улочку, излагал местному дебоширу дальнейшие предложения дружбы, и пьяный, в ярости, последовал за ним. Тут Ретиф быстро обошел его кругом, ухватил за воротник и рванул. Гроак с треском упал навзничь. Ретиф встал над ним. Упавший туземец приподнялся, но консул Земных Штатов поставил ему ногу на грудь и толкнул.

— Никуда не уходить несколько минут, — ласково попросил он. — Оставаться прямо здесь и вести долгую приятную беседу.

* * *

— Вот и вы, наконец! — глянула на Ретифа поверх очков фройляйн Мойл. — Вас ждут два джентльмена. Гроакских джентльмена!

— Слуги государства, как мне представляется. Новости разлетаются, как на крыльях, — Ретиф снял плащ. — Это избавляет меня от необходимости почтить МИД еще одним визитом.

— Что вы натворили? Не буду от вас скрывать, они, похоже, очень расстроены.

— Уверен, не будете. Идемте... Да, и захватите с собой аппарат для официальной записи.

Двое, носивших тяжелые шоры гроаков, со сложными орнаментами на гребнях — символом их высокого ранга, поднялись, когда в помещение вошел Ретиф. И, как он

отметил, ни тот, ни другой не сочли нужным вежливо щелкнуть жвалами. Спору, нет, они были взбешены.

— Я — Фит, из Земного Отдела Министерства Иностранных Дел, — представился на шепелявом, но все же вполне понятном земном более высокий гроак. — Разрешите представить вам Шлуха, из Внутренней Полиции.

— Садитесь, господа, — предложил Ретиф. Те снова уселись. Фройляйн Мойл неуверенно потопталась, а потом нервно присела на краешек стула.

— Ах, мы так рады... — начала было она.

— Оставьте, — оборвал ее Ретиф. — Эти господа пришли сюда сегодня вовсе не чаи распивать.

— Верно, — продребезжал Фит. — Откровенно говоря, господин консул, я получил самое что ни на есть тревожное сообщение. И попрошу Шлуха официально зачесть его еще раз.

Он кивнул шефу полиции.

— Час назад, — доложил Шлух, — в госпиталь был доставлен гроакский гражданин, пострадавший от серьезной контузии. При допросе данного лица выяснилось, что на него напал и избил его иностранец, а точнее — землянин. Оперативно произведенное моим департаментом следствие установило, что описание преступника почти полностью совпадает с внешность земного консула...

Фройляйн Мойл ахнула, выпучив глаза.

— Вы слышали когда-нибудь, — вкрадчиво осведомился Ретиф, не сводя глаз с Фита, — о земном крейсере МКК «Великолепный», который пропал без вести в этом секторе девять лет назад?

— Уж в самом деле, вы переходите все границы! — воскликнула, подымаясь, фройляйн Мойл. — Я умываю руки...

— На здоровье, главное — продолжайте запись, — отрезал Ретиф.

— Я не стану участвовать...

— Вы станете делать то, что вам приказывают, фройляйн Мойл, — спокойно сказал Ретиф. — А я приказываю вам

сделать официально скрепленную печатью запись этого разговора.

Фройляйн Мойл села.

Фит негодующе запыхтел, раздувая горловой пузырь.

— Вы вскрываете старую рану, господин консул. Это напоминает нам об определенных беззакониях, творимых землянами, жертвами которых мы стали несколько лет назад.

— Чушь, — заявил Ретиф, — Такая песенка проходила с моими предшественниками, но мне она режет слух.

— Мы потратили столько усилий, — не выдержала фройляйн Мойл, — стремясь загладить тот ужасный эпизод в наших взаимоотношениях, а вы...

— Ужасный? Как я понимаю, земной «Мироблюститель» остановился достаточно далеко от Гроака и отправил на планету делегацию, чтобы задать несколько вопросов. Та получила какие-то странные ответы и осталась немножко пораскапывать дальше. Покопавшись с неделю, она отбыла восвояси. Несколько обидно для вас, гроаков, если вы, конечно, были невиновными...

— Если! Конечно! — возмущенно выпалила фройляйн Мойл.

— В самом деле, «если», — слабый голос Фита дрожал. — Я должен протестовать против ваших инсинуаций...

— Приберегите свои протесты, Фит. Вам потребуется дать кое-какие объяснения, и мне думается, ваша байка будет недостаточно хороша.

— Это вы должны дать объяснения, насчет того избитого и покалеченного гражданина...

— Не избитого вовсе, а всего лишь слегка стукнутого, чтобы освежить ему память.

— Значит, вы признаете...

— И это, к тому же, подействовало. Он много чего вспомнил, выказав при этом добрую волю.

Фит поднялся; Шлух последовал его примеру.

— Я буду просить, чтобы вас немедленно отозвали, господин консул. Если бы не ваш дипломатический иммунитет, я бы...

— Почему правительство, Фит, пало сразу после того, как Оперативная Тактическая Группа нанесла свой визит, а ведь это было еще до прибытия первой дипломатической миссии землян?

— Это внутреннее дело, — закричал Фит во всю силу слабых гроакских легких. — Новый режим проявил предельную дружественность в отношении вас, землян; он превзошел самого себя...

— ...держа в неведении консула Земли и его штат, — закончил за него Ретиф. — То же относится к тем немногим земным бизнесменам, кому вы дали визы. Эта постоянная карусель культмассовых мероприятий, никаких светских контактов за пределами дипломатических кругов, никаких разрешений на поездки для посещения отдаленных округов или вашего спутника.

— Хватит! — жвалы у Фита так и дрожали от расстройства. — Я не могу больше говорить об этом деле.

— Вы будете со мной говорить. Или через пять дней здесь будет разговаривать эскадра «Мироблюстителей», — пригрозил Ретиф.

— Вы не можете... — ахнула фройляйн Мойл.

Ретиф перевел немигающий взгляд на женщину. Та захлопнула рот. Гроаки сели.

— Ответьте-ка мне вот на какой вопрос, — обратился Ретиф к Шлуху. — Несколько лет назад, а точнее — девять, здесь проходил небольшой парад. Захватили, по случаю, знаете ли, несколько курьезного вида существ и, после того как их упрятали в надлежащие клетки, показали благородной гроакской публике. Провезли по улицам. Несомненно, очень полезно для просвещения народа. Весьма культурное шоу. Однако, вот странное дело с этими животными, они носили одежду и, кажется, общались друг с другом. В целом очень забавная выставка. Так вот, скажите мне, Шлух, что

случилось с этими шестью землянами после того, как парад закончился?

Фит приглушенно квохтнул, а затем быстро заговорил со Шлухом по-гроакски. Шлух, втянув глаза, съежился в кресле, Фройляйн Мойл открыла было рот, но затем с лязгом захлопнула его.

— Как они умерли? — резко бросил Ретиф. — Вы перерезали им глотки, расстреляли, схоронили живьем? Какой забавный конец вы им уготовили? Быть может, исследовательский?! Вскрыть их и посмотреть, что заставляет их орать...

— Нет! — охнул Фит. — Я должен сразу же исправить это ужасное ложное впечатление.

— Кой черт ложное впечатление, — с горечью сказал Ретиф. — Это были земляне; простой наркодопрос извлечет это из любого гроака, присутствовавшего на параде.

— Да, — сознался Фит слабым голосом. — Это правда, они были земляне. Но никого из них не убивали...

— Они живы?

— Увы, нет. Они... умерли.

— Понимаю, — произнес Ретиф. — Просто взяли да умерли.

— Мы, конечно же, пытались сохранить им жизнь; но мы не знали, что они едят...

— Выяснить это было бы не так уж трудно.

— Они заболели, — сказал Фиг. — Один за другим...

— С этим вопросом мы разберемся позже, — решил Ретиф. — А сейчас мне нужны еще сведения. Где вы их раздобыли? Где вы спрятали корабль? Что случилось с остальным экипажем? «Заболели» еще до парада?

— Больше никого не было! Заверяю вас, абсолютно никого!

— Погибли при аварийной посадке?

— Никакой аварийной посадки не было. Корабль приземлился цел и невредим, к востоку от города. З-з... земляне не пострадали. Мы, естественно, испугались их; они были для

нас такими странными. Мы раньше никогда не видели таких существ.

— Они сошли с корабля, паля из всех орудий, так что ли?

— Орудий? Нет, никаких орудий не...

— Ага, тогда, значит, подняли руки, так ведь, попросили помочь? Ну вы им и помогли, конечно, — помогли умереть.

— Откуда же нам знать? — простонал Фит.

— Вы хотите сказать, откуда же вам знать, что через несколько месяцев появится разыскивающая их эскадра? Это вызвало шок, не так ли? Держу пари, вам пришлось посуетиться, припрятывая корабль и затыкая всем рты. Еле успели, да?

— Мы боялись, — сказал Шлух. — Мы — народ простой. Мы испугались странных существ из чужого судна. Мы их не убивали, но считали, что оно и к лучшему, что они... не выжили. Потом, когда появились боевые корабли, мы осознали свою ошибку, но боялись признаться. Мы устранили своих виноватых руководителей, скрыли случившееся и... предложили свою дружбу. Мы пригласили вас установить дипломатические отношения. Верно, мы совершили промах, тяжелый промах. Но мы ведь и постарались исправить...

— Где корабль?

— Корабль?

— Что вы с ним сделали? Он слишком велик, чтобы просто бросить его и забыть. Где он?

Двое гроаков переглянулись.

— Мы желаем показать вам искренность своего раскаяния, — сказал Фит. — И покажем вам корабль.

— Фройляйн Мойл, — распорядился Ретиф. — Если я не вернусь через разумный промежуток времени, передайте эту запись в Штаб-квартиру Сектора, скрепив печатью.

Он встал и посмотрел на гроаков.

— Ну что ж, идемте, господа, — предложил он.

* * *

Ретиф пригнулся, проходя под тяжелыми бревнами, крепившими вход в пещеру, и пригляделся в полумраке к изогнутому борту опаленного космосом судна.

— Здесь есть какое-нибудь освещение? — спросил он.

Гроак щелкнул выключателем, вспыхнуло слабое голубоватое сияние. Ретиф обошел по высоким деревянным мосткам корпус, внимательно изучая корабль. Под лишенными линз «глазами» сканнера зияли отверстиями пустые орудийные платформы. Сквозь дыры в полу входного шлюза была видна замусоренная палуба. Неподалеку от носа яркими блестящими вкраплениями дюралесплава были выведены слова: «МКК ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ Б. НОВАЯ ЗЕМЛЯ».

— Как же вам удалось затащить его сюда? — поинтересовался Ретиф.

— Его приволокли сюда с места посадки, милях в девяти от пещеры, — ответил более тонким, чем когда-нибудь голосом Фит. — Это естественная расселина, и судно просто опустили в нее и насыпали крышу.

— Как же вы умудрились так заэкранировать его, что детекторы не смогли уловить его присутствия?

— Здесь повсюду вокруг богатые железные руды, — махнул рукой Фит. — Мощные жилы практически чистого металла.

— Давайте зайдем внутрь.

Вперед прошел Шлух с переносной лампой, а за ним и вся группа зашла в корабль. Ретиф поднялся по трапу и оглядел рубку управления. Толстый слой пыли покрывал палубу; стойки, где располагались противоперегрузочные кресла; пустые пульты; разбросанные повсюду срезанные болты и части крепления обшивки; обрывки проволоки и бумаги. Там, где горелки срезали тяжелую экранировку защитных покрытий, металл потускнел от тонкого налета ржавчины. Повсюду стоял слабый запах тлена и запустения.

— Грузовой отсек… — начал Шлух.

— Этого вполне достаточно, — отказался Ретиф. Гроаки молча вывели его обратно через туннель на свет раннего вечера. Когда они поднялись по склону к паровому автомобилю, к Ретифу подошел Фит.

— Надеюсь, это в самом деле положит конец затянувшемуся несчастному делу, — сказал он. — Теперь, когда все показано полностью, честно и откровенно…

— Можете пропустить все это, — сказал Ретиф. — Вы опоздали на девять лет. Как я понимаю, когда с вами связалась Оперативная Тактическая Группа, экипаж был еще жив. Вы предпочли скорее убить их или дать им умереть, чем пойти на риск признаться в содеянном.

— Мы были виноваты, — стал жалко оправдываться Фит. — Теперь мы исправились и желаем лишь дружбы.

— «Великолепный» был тяжелым крейсером, примерно в двадцать тысяч тонн, — Ретиф мрачно посмотрел на чиновника МИДа. — Где он, Фит? Вам не удастся отмазаться стотонной спасательной шлюпкой.

Фиг так сильно выдвинул стебельки глаз, что отвалилась одна из шор.

— Я ничего не знаю о… о… — горловой пузырь гроака бешено пульсировал, когда тот пытался сохранить спокойствие.

— Мое правительство не намерено больше терпеть никаких дальнейших обвинений, господин консул, — выговорил, наконец, он. — Я был с вами предельно искренен. Я даже закрыл глаза на ваше оскорбительное вмешательство в дела, не входящие, собственно, в сферу вашей компетентности. Мое терпение подошло к концу.

— Где корабль? — рявкнул Ретиф. — Похоже, вы так ничему и не научились и по-прежнему убеждены, что можете все спрятать и забыть об этом деле. Уверяю вас, так не выйдет.

— Сейчас мы вернемся в город, — сказал Фит. — Больше я ничего сделать не могу.

— Можете и сделаете, Фит, — пообещал ему Ретиф. — Я намерен докопаться до правды.

Фит быстро заговорил со Шлухом. Шеф полиции сделал знак четырем вооруженным констеблям, и те двинулись, окружая землянина.

Ретиф поглядел на Фита и дружелюбно посоветовал:

— Даже и не пытайтесь. Только увязнете еще глубже.

Фит гневно щелкнул жвалами, все пять стебельков его глаз агрессивно склонились к Ретифу.

— Из уважения к вашему дипломатическому статусу, землянин, я оставлю без внимания ваши оскорбительные намеки, — сказал своим тонким голосом Фит. — Мы немедленно возвращаемся в город.

Ретиф посмотрел на четырех полицейских.

— Разумеется, — согласился он. — Деталями мы займемся позже.

Фит последовал за ним в машину и уселся — жесткий, как палка, — на противоположном конце сиденья.

— Рекомендую вам держаться как можно ближе к своему консульству, — произнес Фит. — Советую выбросить из головы эти фантазии и наслаждаться культурными аспектами жизни на Гроаке. Особенно я бы не рисковал выезжать из города или проявлять излишнее любопытство к делам, касающимся только гроакского правительства.

На переднем сиденье Шлух смотрел прямо вперед, без всяких комментариев. Машина подскакивала и покачивалась на узком шоссе, дребезжа разболтанными рессорами. Ретиф, вслушиваясь в мерное пыхтение мотора, молчал.

* * *

— Фройляйн Мойл, — обратился к административному помощнику Ретиф. — Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали то, что я сейчас скажу вам. Мне теперь придется

действовать очень быстро, чтобы захватить врасплох охранников-гроаков.

— Я, безусловно, не понимаю, о чем вы говорите, — отрезала фройляйн Мойл, остро глядя из-под толстых линз.

— Если послушаете, то, возможно, выясните, — пообещал Ретиф. — Я не могу понапрасну терять время, фройляйн Мойл, у меня его вообще нет. Они не ожидают немедленных шагов, надеюсь, и это может дать нужную мне свободу действий.

— Вы по-прежнему тверды в намерении раздуть проблему из того инцидента, — фыркнула фройляйн Мойл. — Я действительно едва ли могу винить гроаков: народ они неискушенный, чужаков раньше никогда не встречали.

— Вы очень многое готовы простить, фройляйн Мойл. Но меня волнует не случившееся девять лет назад. Меня больше интересует и тревожит происходящее сейчас. Я же сказал вам, что гроаки спрятали только спасательную шлюпку. Неужели вам не понятно, что отсюда вытекает? У шлюпки дальность полета невелика, а это значит, что где-то поблизости должен быть и сам крейсер. И я хочу знать где.

— Гроаки тут совершенно ни при чем. Это очень культурный, мягкий и обходительный народ. Вы можете нанести непоправимый вред образу землянина, если будете настаивать...

— Мы зря теряем время, — перебил Ретиф, подходя к письменному столу, открывая ящик и вынимая тонкоствольный игломет. — За этим кабинетом следят не очень тщательно, если я разбираюсь в гроаках. Думается, я вполне сумею ускользнуть от них.

— Что вы собираетесь делать... этим? — уставилась на игломет фройляйн Мойл. — Что, во имя всего...

— Гроаки не станут зря терять времени и уничтожат в своих досье все документы, относящиеся к этому делу. Я, пока не поздно, должен извлечь всю доступную информацию. Если я буду сидеть сложа руки, дожидаясь

официальной комиссии расследования, то та не найдет ничего, кроме пустых улыбок.

— Вы с ума сошли! — административный помощник Мойл встала, повизгивая и дрожа от возмущения. — Вы, просто какой-то… какой-то…

— Мы с вами в тяжелом положении, фройляйн Мойл. По логике гроаков наиболее естественным следующим шагом будет убрать нас обоих, так как мы — единственные, кто знает, что произошло на самом деле. Фит чуть было не решился на это сегодня днем, но я сблефовал и заставил его отступить — на данный момент.

Фройляйн Мойл визгливо рассмеялась.

— Ваши фантазии окончательно завладели вами, — выдохнула она. — Вот уж и впрямь нам грозит опасность — но только со стороны вашей больной психики! Убрать меня! Ну надо же, а? Никогда не слышала ничего нелепей.

— Оставайтесь в этом кабинете и заприте дверь на особый консульский замок. В торговом автомате есть еда и питье. Советую вам сделать запас, пока ваши друзья не перекрыли снабжение. Никого не впускать, ни под каким предлогом. Я буду поддерживать с вами связь по наручному телефону.

— Что вы намерены сделать?

— Если я не сумею вернуться, передайте официальную запись сегодняшнего разговора вместе с теми сведениями, которые я смог собрать. Пошлите их с пометкой «воздух». А потом сообщите о сделанном гроакам и держитесь крепче. Думаю, с вами будет все в порядке. Ворваться сюда силой нелегко, и в любом случае они не станут усугублять положение, убив вас очевидным способом. Войска могут подоспеть сюда через неделю.

— Я не стану делать ничего подобного! Гроаки очень любезны со мной! Вы… явившийся сюда после стольких наших отчаянных усилий хулиган! Настроенный разрушать…

— Если вы от этого чувствуете себя лучше, вините во всем меня, — великодушно разрешил Ретиф. — Но, надеюсь, вы не будете настолько глупы, чтобы доверять им.

Он надел плащ и открыл дверь.

— Я вернусь через пару часов, — пообещал Ретиф.

Когда он закрыл за собой дверь, фройляйн Мойл молча глядела ему вслед.

* * *

До рассвета оставался еще час, когда Ретиф сумел подобрать комбинацию к особому консульскому замку и вошел в затемненный рабочий кабинет. Дремавшая в кресле фройляйн Мойл, вздрогнув, проснулась. Она увидела Ретифа, поднялась, включила свет и обернулась, уставясь на него во все глаза.

— Что, во имя всего... Где вы были? Что случилось с вашей одеждой?

— Немного испачкался, не беспокойтесь, — Ретиф подошел к столу, открыл ящик и положил игломет обратно.

— Где вы были? — повторила вопрос фройляйн Мойл. — Я оставалась здесь.

— Рад это слышать, — отозвался Ретиф. — Надеюсь, вы также запаслись едой и водой из автомата. Мы окопаемся здесь по меньшей мере на неделю.

Он записал в блокнотик несколько цифр.

— Включите отправитель официальных сообщений. У меня длинная передача для Штаб-квартиры Сектора.

— Вы намерены сказать мне, где были?

— Прежде я должен отправить сообщение, фройляйн Мойл, — резко бросил Ретиф и добавил: — Я был в МИДе. Позже расскажу вам все.

— В такой-то час? Там же никого нет.

— Совершенно, верно.

Фройляйн Мойл ахнула.

— Вы хотите сказать, что вломились туда? Взломали дверь в здание МИДа?

— Именно так, — спокойно подтвердил Ретиф. — А теперь...

— Это абсолютный предел, — заявила фройляйн Мойл. — Слава небесам, я уже...

— Включай передатчик, женщина!

— Я уже включила, господин Ретиф! — отрезала фройляйн Мойл. — Я только ждала, когда вы вернетесь.

Она повернулась к передатчику и нажала несколько кнопок. Экран осветился, и на нем появилось колеблющееся изображение далекого собеседника.

— Он, наконец, здесь, — доложила экрану фройляйн Мойл и победоносно посмотрела на Ретифа.

— Вот и хорошо, — одобрил Ретиф. — Думаю, гроаки не смогут выбить нас из эфира, но...

— Я выполнила свой долг, господин Ретиф. Прошлой ночью, как только вы покинули кабинет, я представила в Штаб-квартиру Сектора полный доклад о ваших действиях. Любые мои возможные сомнения насчет правильности этого решения полностью рассеялись тем, что вы только что мне рассказали.

Ретиф посмотрел на нее долгим пристальным взглядом.

— Вы проявили себя трудолюбивой девушкой, фройляйн Мойл. Вы упомянули об убитых здесь шестерых землянах?

— Это не имеет никакого отношения к вашему дикому поведению. Должна сказать, что за все годы работы в Корпусе я никогда не сталкивалась со столь ужасной и менее всего подходящей для дипломатической работы личностью, как ваша.

Взрывом статических помех затрещал экран — десятисекундная пауза в передаче закончилась.

— Господин Ретиф, — строго обратился человек с экрана. — Советник Никчемни, ОДС-1, зампомзав секретаря Сектора. Я получил доклад о вашем поведении, что вынуждает меня

освободить вас от выполнения обязанностей консула. Вплоть до выводов следственной группы вы будете...

Протянув руку, Ретиф выключил устройство связи. Победоносное выражение на лице у фройляйн Мойл растаяло.

— Как вы посмели? Что это значит?

— Если бы я стал слушать дальше, то мог бы услышать нечто такое, что не смог бы проигнорировать. А я, в данный момент, не могу себе этого позволить. Послушайте, фройляйн Мойл, — продолжил он серьезным тоном. — Я нашел пропавший крейсер. Он...

— Я слышала, как советник освободил вас от дипломатических обязанностей!

— А я слышал, как он сказан, что намерен меня освободить от них, фройляйн Мойл. Но до тех пор, пока я не выслушаю и не подтвержу устный приказ, он не имеет силы. Если я неправ, он и так добьется моей отставки. Если же я прав, то это временное отстранение крайне помешает.

— Вы не подчинились законному начальству. Теперь здесь руковожу я, — фройляйн Мойл шагнула к устройству местной связи. — Я намерена сообщить гроакам об этом ужасном деле и выразить свои глубочайшие...

— Не прикасайтесь к пульту управления, — приказал Ретиф. — Подите и сядьте вон в том углу, где я смогу держать вас под наблюдением. Я намерен сделать официальную запись для передачи в Штаб-квартиру и вызвать вооруженную Оперативную Тактическую Группу. А потом будем просто ждать.

И, не обращая больше никакого внимания на ярость административного помощника, Ретиф принялся наговаривать на магнитофон сообщение.

Затренькала местная связь. Фройляйн Мойл вскочила и уставилась на аппарат.

— Действуйте, — разрешил Ретиф. — Ответьте им.

На экране появилось изображение гроакского чиновника.

— Иоланда Мойл, — начал тот без всякой преамбулы. — От имени и по поручению министра иностранных дел Гроакской Автономии я настоящим аккредитую вас Земным консулом на Гроаке в соответствии с рекомендациями, переданными моему правительству непосредственно из Земной Штаб-квартиры. И требую от вас, как от консула, предоставить господина Дж. Ретифа, бывшего консула, для допроса в связи с нападением на двух блюстителей порядка и незаконным проникновением в архив Министерства Иностранных Дел.

— Это... это, — начала заикаться фройляйн Мойл. — Да, конечно... Я хочу выразить свои глубочайшие сожаления...

Ретиф поднялся, подошел к аппарату и помог фройляйн Мойл посторониться.

— Слушай внимательно, Фит, — сказал он. — Твой блеф не прошел. Вы не войдете, а мы не собираемся выходить. Ваш камуфляж действовал девять лет, но теперь с этим раз и навсегда покончено. Предлагаю вам не терять голову и удержаться от искушения еще больше ухудшить дело.

— Мисс Мойл, — ответил Фит. — Отряд блюстителей порядка находится перед вашим консульством. Вы явно в руках опасного сумасшедшего. Гроаки, как всегда, желают только дружбы с землянами, но...

— Не утруждайте себя, — оборвал его Ретиф. — Вы прекрасно знаете, что было в тех досье, какие я просмотрел этим утром.

Ретиф обернулся на внезапно раздавшийся сзади звук. Фройляйн Мойл находилась у двери и тянулась к запору замка.

— Нет! — Ретиф прыгнул... но слишком поздно. Дверь распахнулась, и в помещение ввалилась толпа гребенчатых гроаков, оттолкнувших в сторону фройляйн Мойл и нацеливших на Ретифа пистолеты-распылители. Вперед протолкнулся шеф полиции Шлух.

— Не пытайтесь применить насилие, землянин, — предупредил он. — Я не могу обещать, что сумею удержать своих людей.

— Вы вторглись на суверенную земную территорию, Шлух, — спокойно указал Ретиф. — Предлагаю вам немедленно удалиться тем же путем, что и вошли.

— Их пригласила сюда я, — вмешалась фройляйн Мойл. — Они находятся здесь, выполняя мое недвусмысленное пожелание.

— Да? Вы уверены, что хотите зайти так далеко, фройляйн Мойл? Отряд вооруженных гроаков в консульстве?

— Консул — вы, мисс Иоланда Мойл, — сказал Шлух. — Разве не будет лучше всего, если мы удалим этого больного субъекта в безопасное место?

— Да, безусловно, — признала фройляйн Мойл. — Вы совершенно правы, господин Шлух. Пожалуйста, препроводите господина Ретифа в его апартаменты в этом здании.

— Не советую вам нарушать мою дипломатическую неприкосновенность, Фит, — сказал Ретиф.

— Как глава миссии, — спокойно парировала фройляйн Мойл, — я настоящим временно отказываю в неприкосновенности господину Ретифу.

Шлух с готовностью извлек ручной магнитофон.

— Будьте добры повторить ваше заявление, сударыня, официально, — попросил он. — Я не желаю, чтобы потом возникли какие-нибудь проблемы.

— Не будь дурой, женщина, — призвал Ретиф. — Неужели ты не видишь, во что ввязываешься? Сейчас для тебя самое время разобраться на чьей ты стороне.

— Я на стороне простого приличия!

— Да, тебя здорово надули. Эти типы скрывают...

— Вы думаете, все женщины дуры, не правда ли, господин Ретиф? — она повернулась к шефу полиции и заговорила в услужливо подставленный им микрофон.

— Эта отмена незаконна, — заявил Ретиф. — Консул здесь я, какие бы до вас ни дошли слухи. И это дело откроется, несмотря на все ваши усилия, так что не добавляйте к списку гроакских зверств вторжение в консульство и похищение консула.

— Возьмите этого человека, — приказал Шлух, и к Ретифу подошли двое высоких гроаков, нацелив пистолеты ему в грудь.

— Твердо решили повеситься, да? — поинтересовался Ретиф. — Что ж, надеюсь, что у вас, по крайней мере, хватит ума не трогать эту бедную дуру.

Он небрежно указал через плечо большим пальцем на фройляйн Мойл.

— Она ничего не знает. У меня не хватило времени сообщить ей последнюю информацию. Она считает вас сонмом ангелов.

Один из полицейских размахнулся и ударил Ретифа рукоятью пистолета-распылителя в челюсть. Ретиф налетел на другого гроака, тот подхватил его и толкнул вперед. Рубашка землянина окрасилась кровью. Фройляйн Мойл вскрикнула. Шлух визгливо рявкнул по-гроакски на конвоира, а затем повернулся, холодно взглянув на новоиспеченного консула.

— Что сказал вам этот человек?

— Я... э... ничего. Я отказалась слушать его бредни.

— Он ничего вам не говорил о... якобы имевшем место... участии...

— Я же сказала вам, — резко ответила фройляйн Мойл. Она оглядела лишенные выражения лица гроаков, а затем опять посмотрела на кровь, залившую рубашку Ретифа.

— Он ничего мне не говорил, — прошептала она. — Клянусь...

— Оставьте эту тему, ребята, — посоветовал гроакам Ретиф. — Пока окончательно не испортили хорошее впечатление.

Шлух долгий миг смотрел на фройляйн Мойл, а затем повернулся.

— Пошли, — скомандовал он и, оглянувшись на фройляйн Мойл, небрежно бросил: — Не покидайте этого здания вплоть до дальнейшего уведомления.

— Но... я же консул Земли.

— Для вашей собственной безопасности, сударыня. Народ очень возбужден этим ужасным избиением гроакского гражданина каким-то... чужаком.

— Пока, Мойлюша, — попрощался Ретиф. — Вы сыграли действительно хитроумно.

— Вы... вы ведь запрете господина Ретифа в его апартаментах? — спросила фройляйн Мойл.

— Все, что будет делаться с ним теперь, внутреннее дело гроаков, мисс Мойл. Вы сами сняли с него защиту своего правительства.

— Я не имела в виду...

— И не пытайтесь передумывать, — порекомендовал Ретиф. — Такие мысли могут сделать вас несчастной.

— Вы сами не оставили мне выбора. Мне требовалось думать о высших интересах Службы.

— Полагаю, ошибка тут моя. Я думал о высших интересах трех сотен людей на борту земного крейсера.

— Ну все, хватит, — оборвал его Шлух. — Уведите этого преступника.

Шеф полиции сделал знак охранникам.

— Марш! — приказал он Ретифу и, церемонно повернувшись к фройляйн Мойл, с издевкой сказал: — Приятно было иметь с вами дело, сударыня.

* * *

Как только полицейский автомобиль завелся и отъехал, блюститель порядка на переднем сиденье обернулся и посмотрел на Ретифа.

— Немного поразвлечься с ним, а потом убить, — решил он.

— Сперва устроить показательный суд, — воспротивился Шлух.

Автомобиль, качаясь и подпрыгивая, свернул за угол и, пыхтя, двигался мимо изукрашенных фасадов, выдержанных в пастельных токах.

— Провести суд, а потом малость поразвлечься, — настаивал страж порядка.

— Глотать яйца в собственном холме, — вступил в разговор Ретиф. — Совершать еще одну глупую ошибку.

Шлух поднял короткий церемониальный жезл и ударил Ретифа по голове. Тот помотал головой, напрягаясь.

Полицейский, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, повернулся и ткнул дулом пистолета-распылителя в ребра дипломату.

— Не делать никаких движений, иноземец, — предупредил он. Шлух снова поднял жезл и, примерившись, старательно ударил Ретифа второй раз. Землянин обмяк.

Автомобиль, качнувшись, в очередной раз стал заворачивать, и Ретиф съехал на шефа полиции.

— Убрать это животное, — начал было Шлух, но его голос оборвался в тот момент, когда рука Ретифа, метнувшись вперед и схватив за горло, сдернула гроака на пол. Когда конвоир слева ринулся на землянина, Ретиф провел апперкот, трахнув полицейского головой о дверцу. Подхватив выпавший из рук конвоира пистолет, Ретиф сунул его прямехонько в жвалы гроаку на переднем сиденье.

— Сунуть свой пугач назад на сиденье — осторожно — и бросить его, — приказал он.

Водитель нажал на тормоза, а затем круто развернулся, пытаясь выстрелить. Ретиф треснул гроака дулом пистолета по голове.

— Не сводить стеблей глаз с дороги, — велел он.

Водитель вцепился в руль и съежился, прижимаясь к стеклу, следя одним глазом за Ретифом, а остальными за дорогой.

— Заводить эту штуку, — скомандовал землянин. — Продолжать двигаться.

На полу зашевелился Шлух. Ретиф наступил на него и хорошенько надавил, вернув в прежнее положение. Рядом с Ретифом заворочался блюститель порядка, и землянин столкнул его с сиденья на пол. Держа одной рукой пистолет-распылитель, он вытер другой с лица кровь. Машина, яростно пыхтя, подскакивала на ухабистой дороге.

— Твоя смерть, землянин, будет не легкой, — пообещал на земном Шлух.

— Не тяжелее, чем в моих силах, — отозвался Ретиф. — А теперь заткнись, я хочу подумать.

Автомобиль, миновав последнее из украшенных рельефами курганообразных зданий гроаков, мчался теперь среди обработанных полей.

— Притормозить здесь, — распорядился Ретиф. — Свернуть на эту обочину.

Шофер подчинился, и автомобиль запрыгал по немощеной поверхности, а затем осторожно въехал задним ходом в гущу высоких стеблей.

— Остановить тут, — автомобиль замер, выпустив пар, и стоял, подрагивая, пока разогретая турбина работала вхолостую.

Ретиф открыл дверцу, сняв ногу со Шлуха.

— Сесть, — приказал он. — Вы двое спереди слушать внимательно.

Шлух сел, массируя горло.

— Трое вылезать здесь. Старый добрый Шлух оставаться и послужить мне шофером. Если у меня возникать нервное ощущение, будто вы меня преследовать, я его выбросить.

Он перешел на земной:

— А при высокой скорости картина получится довольно неприглядная. Так что, Шлух, прикажи им сидеть тихо до темноты и думать не сметь о поднятии тревоги. Ты знаешь, мне было бы крайне неприятно увидеть, как ты кокнешься и растечешься по всей проезжей части.

— Порвать свой горловой мешочек, зловонный зверь! — прошипел по-гроакски Шлух.

— Сожалею, у меня его нет, — Ретиф сунул пистолет под ухо Шлуху. — Ну, давай, приказывай им, Шлух. Я ведь, в крайнем случае, и сам могу вести машину.

— Делать все, как говорит иностранец: оставаться в укрытии до темноты, — распорядился Шлух.

— Всем на выход, — скомандовал Ретиф. — И захватите с собой вот это.

Он ткнул в лежавшего без сознания гроака.

— Шлух перебраться на сиденье водителя. Остальным остаться там, где мне их видеть.

Ретиф следил, как гроаки молча выполнили инструкции.

— Отлично, Шлух, — тихо произнес Ретиф. — Поехали. Вези меня в Гроакский Космопорт самым коротким маршрутом, какой только проходит через город, и хорошенько постарайся не делать никаких внезапных движений.

Сорок минут спустя Шлух аккуратно подрулил к охраняемым часовым воротам в укрепленной ограде, окружавшей военный сектор Гроакского Космопорта.

— Не поддавайся никаким бурным порывам и не пытайся изображать из себя героя, — прошептал Ретиф, когда к машине подошел гребенчатый гроак в военной форме. Шлух в бессильной ярости заскрежетал жвалами.

— Трутень-мастер Шлух, из Внутренней Безопасности, — прохрипел он. Часовой накренил глаза в сторону Ретифа.

— Гость Автономии, — добавил Шлух. — Давать мне проехать или сгнить на этом самом месте, дурак?

— Проезжать, трутень-мастер, — испуганно прошептал часовой.

Когда автомобиль, дергаясь, отъехал, он все еще пялился на Ретифа.

— Ты, можно считать, уже прибит колышками на холме в ямах удовольствия, землянин, — посулил Шлух на земном. — Зачем ты сунулся сюда?

— Заезжай-ка туда, в тень вышки, и остановись, — не отвечая на вопрос приказал Ретиф.

Шлух подчинился. Ретиф некоторое время изучал шеренгу из четырех стройных кораблей, чьи силуэты четко вырисовывались на фоне ранних предрассветных цветов неба.

— Которая из этих шлюпок готова к запуску? — потребовал ответа Ретиф.

Шлух развернул все пять глаз в желчном взгляде.

— Это челночные суда, у них нет мало-мальски приличной дальности полета. Это тебе ничем не поможет.

— Отвечай на вопрос, Шлух, а то опять получишь пистолетом по башке.

— Ты не похож на других землян, ты — бешеный пес!

— Грубый набросок моего характера мы сделаем позже, если не возражаешь. Они заправлены топливом? Ты знаешь здешние порядки: эти челноки только что сели или это ряд кораблей, готовых к взлету?

— Да. Все заправлены топливом и готовы к взлету.

— Надеюсь, ты прав, Шлух, потому что нам с тобой предстоит подъехать и забраться в один из них. И если он не взлетит, я убью тебя и попробую взлететь на следующем. Поехали.

— Ты с ума сошел. Я же сказал, у этих шлюпок вместимость не больше ста тонн; их применяют только для рейсов на спутник.

— Да ладно, плюнь ты на детали. Давай-ка вот попробуем первую в ряду.

Шлух выжал сцепление, и паровой автомобиль покатил, лязгая и дребезжа, к шеренге кораблей.

— Только не в первую, — сказал вдруг Шлух. — Вероятней всего, топливом будет заправлена последняя. Но...

— Хитроумный кузнечик, — усмехнулся Ретиф. — Подъезжай к входному порту, выскакивай и подымайся прямо на борт. Я буду сразу за тобой.

— У трапа часовой. Пароль...

— Снова ты за свое. Просто взгляни на него погрознее и скажи, что надо. Я думаю, техника тебе известна.

Автомобиль проехал под кормой первой шлюпки, потом второй. Пока никакой тревоги не было поднято. Обогнув третью, Шлух со скрежетом затормозил, и они оказались прямо у открытого порта последнего в ряду судна.

— Вылезай, — скомандовал Ретиф. — И проделай все поживее.

Шлух выбрался из машины, заколебавшись, когда часовой вытянулся по стойке смирно, зашипел на него и стал подниматься по трапу. Часовой, с отвисшими от удивления жвалами, посмотрел на Ретифа.

— Иноземец! — произнес он, извлекая пистолет-распылитель из поясной кобуры. — Стоять на месте, мясолицый.

Поднявшийся выше Шлух обернулся.

— Стоять смирно, помет трутней, — проскрипел по-гроакски Ретиф.

Часовой подпрыгнул, замахал глазными стебельками и снова вытянулся по стойке смирно.

— Кругом! — прошипел Ретиф. — К чертям отсюда — марш!

Гроак, совершенно обалдевший, затопал по трапу. Ретиф, перепрыгивая через две ступеньки, взлетел наверх и захлопнул за собой люк.

— Рад, что ваши ребята немного знакомы с дисциплиной, Шлух, — заметил землянин. — Что ты ему сказал?

— Я только...

— Впрочем, неважно. Так или иначе, мы на борту. Подымайся в рубку.

— Что вам известно о гроакских военных судах?

— Почти все: данное судно — зеркальная копия захваченной вами спасательной шлюпки. Я могу им управлять. Подымайся.

Ретиф последовал за Шлухом в тесную рубку управления.

— Пристегнись, Шлух, — приказал Ретиф.

— Это безумие. Топлива у нас хватит только для полета на спутник, да и то в один конец; мы не сможем ни выйти на орбиту, ни снова приземлиться. Взлетать на этой шлюпке

— верная смерть. Отпустите меня. Обещаю вам неприкосновенность.

— Если мне придется привязывать тебя самому, я могу, по ходу дела, нечаянно попортить тебе голову.

Шлух заполз на кушетку и пристегнулся.

— Сдайтесь! — призвал он со слезой в голосе. — Я позабочусь, чтобы вас восстановили в должности — с почетом! Гарантирую охранное свидетельство...

— Даю отсчет, — сказал Ретиф, включая автопилот.

— Это смерть! — завизжал Шлух.

Загудела автоматика, затикал таймер, защелкали реле. Ретиф расслабился на амортизационной подушке. Шлух шумно дышал, пощелкивая жвалами.

— Вот от этого-то я в свое время и сбежал, — хрипло прошептал он, — перейдя во Внутреннюю Безопасность. Это не самая хорошая смерть.

— Всякая смерть — нехорошая смерть, — рассудительно заметил Ретиф. — К тому же, я пока это и не планирую.

На пульте вспыхнул красный огонек, и занимавшийся день взорвался ревом дюз. Корабль задрожал и поднялся в воздух. Даже сквозь грохот двигателя Ретиф расслышал, как стонет Шлух.

* * *

— Перигелий, — автоматически констатировал гроак. — Теперь начинаем долгое падение назад.

— Не совсем, — поправил его Ретиф, нахмурившись и окидывая взглядом приборы. — По моим расчетам, у нас еще восемьдесят пять секунд лета до входа в атмосферу.

— Мы даже не достигнем поверхности, — скорбно сказал Шлух. — Эти точки на экране — ракеты-перехватчики. Нас ждет рандеву в космосе, Ретиф. В своем безумии да будете вы довольны.

— Они отстали от нас на пятнадцать минут, Шлух. Оборона у вас расхлябанная.

— Никогда мне больше не зарываться в серые пески Гроака, — терзался Шлух.

Ретиф не сводил глаз с циферблата.

— Теперь уже в любую секунду, — тихо произнес он.

Шеф Внутренней Безопасности скосил глазные стебельки.

— Чего вы ищете?

Ретиф напрягся.

— Следите за экраном, — предложил он. Шлух посмотрел. Через координатную сетку быстро двигалась расплывчатая светящаяся точка.

— Что это та...

— Позже.

Шлух следил, как Ретиф переводил взгляд с одной стрелки на другую.

— Как...

— Ради вашей же собственной головы, Шлух, вам лучше надеяться, что это сработает, — землянин щелкнул клавишей вызова.

— 2396 ТР-42 Г, говорит консул Земных Штатов на Гроаке. Нахожусь на борту Гроак 902, захожу на вас в орбитальной плоскости, в точке с координатами 91/54/942. Вы меня слышите? Прием.

— Вы сошли с ума от отчаяния? — прошептал Шлух. — Вы кричите в черную пустоту вакуума...

— Склей себе жвалы, — огрызнулся, напряженно вслушиваясь в потрескивание эфира Ретиф. Было слышно лишь слабое гудение фонового звездного шума. Ретиф повторил вызов.

— Возможно, они слышат, но не в состоянии ответить, — пробормотал он себе под нос, щелкая клавишей. — 2396, у вас есть сорок секунд для перехвата меня буксирным лучом, прежде чем я проскочу мимо.

— Взывать в бездну, — недоумевал Шлух. — Взы...

— Посмотрите на экран оптического обнаружения.

Шлух повернул голову: на фоне звездного тумана смутно вырисовывалась громадная, темная и безмолвная масса.

— Это же корабль! — выговорил он. — Чудовищный корабль...

— Он самый, — подтвердил Ретиф. — Отправился с Новой Земли девять лет и несколько месяцев назад, выполняя обычное картографическое задание. Пропавший крейсер, МКК «Великолепный».

— Невозможно, — прошипел Шлух. — Эта громадина несется по глубокой кометной орбите.

— Правильно, и именно сейчас крейсер пролетает с разворотом как раз рядом с Гроаком.

— Вы думаете совместить орбиты с этим брошенным судном? Без запаса энергии? Встреча наша будет жаркой, если у вас такое намерение.

— Мы не должны столкнуться, пройдем примерно в пяти тысячах ярдах от их борта.

— С какой целью, землянин? Ну, нашли вы свой пропавший корабль, а дальше что? Стоит ли мимолетный взгляд на него и сознание своей правоты той смерти, какой мы погибнем?

— Возможно, они не умерли.

— Не умирать? — Шлух от волнения перешел на гроакский. — Почему я не умереть в норе своей юности? Почему у меня не лопнуть горловой мешочек, прежде чем я отправиться на корабле с безумным чужаком!?

— 2396, поторопитесь, — призвал Ретиф. Динамик все так же равнодушно потрескивал. Темное изображение на экране проплыло дальше, теперь уменьшаясь.

— Прошло девять лет, а этот сумасшедший говорит с ними как с живыми! — неистовствовал Шлух. — Они же девять лет как мертвы, а он по-прежнему продолжает разговаривать с ними!

— Еще десять секунд, — тихо произнес Ретиф в микрофон, — и мы выйдем за пределы досягаемости. Поживее, ребята.

— В этом и заключался ваш план, да? — вернулся к землянину Шлух. — Вы сбежали с Гроака и рискнули всем, ухватившись за эту тоненькую ниточку?

— А долго ли я протянул бы в гроакской тюрьме?

— Долго-предолго, мой дорогой Ретиф, — прошипел Шлух. — Под лезвием художника.

Внезапно корабль задрожал, и его что-то потянуло, прижав обоих пассажиров к кушеткам. Шлух зашипел, когда ремни врезались ему в тело. Челнок тяжело занесло, развернув задом наперед. Давление ускорения все нарастало. Шлух охнул и визгливо завопил:

— Что... это... такое?..

— Похоже, — ответил Ретиф, — что нам хоть в чем-то повезло.

* * *

— При втором нашем прохождении мимо Гроака, — рассказывал офицер с изможденным лицом, — они чем-то в нас запустили. Понятия не имею, как оно проскочило мимо наших экранов. Попадание пришлось прямо в корму и вывело из строя главный трубопровод. Я немедленно подал полную мощность на аварийные экраны и передал наши координаты по скаттеру. Они должны были бы попасть во все приемники в радиусе парсека. Ничего! А потом полетел передатчик. Я, конечно, поступил по-дурацки, отправив шлюпку на планету, но мне даже в голову не могло прийти...

— В некотором смысле вам повезло, что вы это сделали, капитан. Она стала для меня единственной нитью в этом деле.

— После этого они пытались прикончить нас несколько раз. Но при полной мощности на экранах никакие из имеющихся у них погремушек повредить нам не могли. Тогда они призвали нас капитулировать.

Ретиф кивнул.

— Как я понимаю, у вас не возникло такого искушения?

— Больше, чем вы думаете. На первом витке мы залетели достаточно далеко. Потом, возвращаясь, мы вычислили, что должны врезаться в планету. В качестве последнего средства мне пришлось бы снять энергию с экранов и попытаться подправить орбиту рулевыми двигателями, но бомбардировка шла весьма основательная. Думаю, такой номер у нас бы не прошел. К счастью, мы пронеслись мимо и снова направились в космос. У нас появился очередной трехлетний период передышки. Не воображайте, будто я не подумывал бросить полотенце на ринг.

— Почему же вы этого не сделали?

— Только потому, что имеющиеся у нас сведения очень важны. Запасы на борту немалые, хватит, если понадобится, еще на десять лет. Я знал, раньше или позже исследовательское судно Корпуса найдет нас.

Ретиф прочистил горло.

— Рад, что вы не отступились от своего решения, капитан. Даже отсталая планета, вроде Гроака, может поубивать массу народу, ежели взбесится.

— Не знал я другого, — продолжал капитан. — Того, что мы на нестабильной орбите. На этом витке мы весьма сильно углубимся в атмосферу и через шестьдесят дней вернемся к планете навсегда. Полагаю, на этот раз гроаки будут готовы к встрече с нами.

— Не удивительно, что они держались так стойко. Им почти удалось отмазаться.

— А теперь вы здесь, — констатировал капитан. — Девять лет, а про нас не забыли. Я всегда верил, что мы можем рассчитывать на...

— Теперь с этим все кончено, капитан. Вот это и есть самое главное.

— Домой... После девяти лет...

— Мне хотелось бы взглянуть на упомянутые вами пленки, — попросил Ретиф. — Те, где засняты базы на спутнике.

Капитан с энтузиазмом выполнил его просьбу, и уже через минуту Ретиф следил за развертывающейся панорамой, являющей мертвую поверхность крошечной луны, — такой, какой ее увидел «Великолепный» девятью годами ранее. Ряд за рядом одинаковые корпуса отбрасывали длинные тени, выдержанные в резких черно-белых тонах, на выщербленную металлическую поверхность спутника.

— Они подготовили тот еще сюрприз. Должно быть, ваш визит нагнал на них страху, — заметил Ретиф.

— Теперь они совершенно должны быть готовы к запуску! Все-таки девять лет...

— Задержите этот кадр, — внезапно попросил Ретиф. — Что это за рваная черная линия там, на равнине?

— По-моему, это трещина. Кристаллическая структура, знаете ли.

— У меня появилось нечто, могущее стать идеей, — сказал Ретиф. — Прошлой ночью я ознакомился с кое-какими секретными досье в МИДе. В их числе встретился и доклад о ходе накопления запасов расщепляющихся материалов. Тогда мне это показалось маловразумительным. Теперь картина ясна. Где северный конец этой расселины?

— Вот тут... в верхней части кадра.

— Если я сильно не ошибаюсь, там у них основной склад атомных бомб. Гроаки любят упрятывать все под землю. Интересно, что сделает с ними прямое попадание пятидесятимегатонной ракеты?

— Если там у них ядерный арсенал, — сказал капитан, — то мне бы очень хотелось провести такой эксперимент.

— Вы сможете туда попасть ракетой?

— У меня на борту пятьдесят ракет. И если даже я буду выпускать их просто по очереди, то они должны перегрузить защиту. Да, я смогу это сделать.

— Расстояние не слишком велико?

— Это были самые современные модели экстра-класса, — зло улыбнулся капитан. — С видеонаведением. Мы можем зарулить их в бар и припарковать на табурет у стойки.

— А что вы скажете, если мы попробуем это сделать прямо сейчас?

— Я давно хотел обрести определенную мишень, — ответил капитан.

* * *

Полчаса спустя Ретиф усадил Шлуха на сиденье перед экраном.

— Вот это вот расширяющееся облачко пыли было когда-то спутником Гроака, — заботливо уведомил он его. — Похоже, с ним что-то случилось.

Шеф Внутренней Безопасности изумленно уставился на изображение.

— Очень жаль, — посочувствовал Ретиф. — Но, впрочем, он же не представлял собой ничего ценного, не правда ли, Шлух?

Шлух, выпучив все пять глаз, пробормотал что-то невразумительное.

— Всего лишь голый кусок железа, Шлух, как меня заверили в МИДе, когда я запросил сведения.

— Я желал бы, чтобы вы, Ретиф, держали своего пленника подальше от меня, — сказал капитан. — У меня просто руки чешутся взять его за глотку.

— Ну что вы, Шлух искренне хочет помочь, капитан. Он был плохим парнем, но у меня такое ощущение, что теперь он раскаялся и хотел бы сотрудничать с нами, особенно принимая во внимание грядущее прибытие земного крейсера и облако пыли вон там, — показал Ретиф.

— На что это вы намекаете?

— Капитан, вам осталось полетать еще с недельку, связаться с крейсером, когда тот прибудет, попросить его взять вас на буксир, и вашим бедам — конец. Когда в определенных кругах прокрутят ваши пленки, сюда заявятся Силы Мира и низведут Гроак до субтехнического культурного

уровня, установив систему контроля, чтобы надежно гарантировать отсутствие у Гроака каких-либо новых экспансионистских замыслов, хотя теперь, с исчезновением сподручного железного рудника в небе, он вряд ли может сильно напакостить кому бы то ни было.

— Совершенно, верно, но...

— С другой стороны, вот решение, которое я мог бы назвать дипломатическим подходом.

После подробного разъяснения Ретифа капитан с сомнением посмотрел на него.

— Я-то готов, — согласился он. — А вот как насчет вашего парня?

Ретиф повернулся к Шлуху. Гроак содрогнулся, втянув стебельки глаз.

— Я это сделаю, — слабо произнес он.

— Отлично! Капитан, если вы распорядитесь доставить передатчик с челнока, то я позвоню еще одному приятелю, по имени Фит, из МИДа, — он повернулся к Шлуху. — И когда я свяжусь с ним, Шлух, вы сделаете все точно так, как я вам сказал, — или в столице Гроака будут диктовать свою волю земные Миротворцы.

* * *

— Если говорить совершенно откровенно, Ретиф, — заявил советник Никчемни, — я совершенно сбит с толку. У меня создалось впечатление, что господин Фит из Министерства Иностранных Дел почти болезненно горячо расточал вам похвалы. Он, кажется, так и горит желанием оказать вам хоть какую-нибудь любезность. В свете обнаруженных мной определенных свидетельств крайне непротокольного поведения с вашей стороны, это довольно трудно понять.

— Мы с Фитом многое пережили вместе. Теперь мы хорошо понимаем друг друга.

— У вас нет совершенно никаких причин для самодовольства, Ретиф, — строго указал Никчемни. — Фройляйн Мойл вполне оправданно доложила о вашем поведении. Конечно, знай она, что вы помогали господину Фиту в его чудесной работе, то, я в этом не сомневаюсь, несколько изменила бы свой доклад. Вам следовало бы ей довериться.

— Фит хотел сохранить все в тайне — на случай, если дело не выгорит. Вы же знаете, как это бывает.

— Конечно. И как только фройляйн Мойл оправится от нервного потрясения, ее будет ждать неплохое повышение. Девушка более чем заслуживает его за многолетнюю непоколебимую приверженность политике Корпуса.

— Непоколебимую, — повторил Ретиф. — С этим я, воистину, готов согласиться.

— Еще бы вам не согласиться, Ретиф. Вы ведь не проявили себя должным образом в этом задании. Я организую ваш перевод; вы вызвали отчуждение у слишком многих местных жителей.

— Но, как вы только что сказали, Фит высоко отзывается обо мне...

— Верно. Но я говорю о культурной интеллигенции. Данные фройляйн Мойл неопровержимо показывают, что вы намеренно оскорбили множество влиятельных групп, бойкотируя...

— У меня нет слуха, — признался Ретиф. — Для меня гроак, дующий в носовую свистульку, остается всего лишь гроаком, дующим в носовую свистульку.

— Надо приноравливаться к местным эстетическим ценностям. Научитесь принимать партнеров такими, какие они есть на самом деле. Из некоторых ваших замечаний, процитированных фройляйн Мойл в докладе, определенно явствует, что вы совершенно не уважали гроаков. Но как же вы ошиблись! Все это время они беспрестанно трудились для спасения тех храбрых ребят, оказавшихся в смертельной ловушке на борту потерявшего управление космического Летучего Голландца. Они продолжали упорствовать даже

тогда, когда мы сами забросили поиски и отступились. А когда они открыли сей кошмарный факт — что вывело его из строя столкновение с их же спутником, то сделали этот величественный жест, беспрецедентный по своей щедрости. По сто тысяч кредитов золотом каждому члену экипажа — в знак горячего гроакского сочувствия. Так что ваша ошибка совершенно непростительна!

— Щедрый жест, — пробормотал Ретиф.

— Надеюсь, Ретиф, это происшествие послужит вам хорошим уроком. Все-таки, ценя полезную роль, сыгранную вами в даче господину Фиту советов по процедурной части для помощи в поисках, на этот раз я воздержусь от рекомендации понизить вас в должности. Мы закроем глаза на это дело и сохраним вам безупречную репутацию. Но в будущем я буду внимательно следить за вами.

— Нельзя завоевать сердца всех, — философски изрек Ретиф.

— Вам лучше упаковать свои вещи, вы отправитесь с нами завтра утром, — Никчемни собрал бумаги в ровную стопку. — Сожалею, что факты не дают мне возможности представить о вас более лестный доклад. Мне хотелось бы рекомендовать вам повышение, наряду с фройляйн Мойл.

— Ничего, — утешился Ретиф. — У меня есть мои воспоминания.

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

«...Изобретенные еще на раннем этапе истории Корпуса высоко эффективные вспомогательные гуманитарные программы сыграли жизненно важную роль в установлении гармонии среди миролюбивых народов интергалактического товарищества. Выдающийся успех помощника атташе (впоследствии посла) Маньяна в космополитизации

реакционных элементов Никодемийского Скопления был достигнут именно благодаря действию этих чудесных программ...»

Т. III, катушка 71, 482 г. а. э. (2943 г. н. э.)

Первый секретарь посольства Маньян снял с вешалки плащ с зеленой подкладкой и берет с оранжевым пером.

— Я уезжаю, Ретиф, — сказал он. — Надеюсь, вы справитесь в мое отсутствие с обычной административной рутиной без каких-либо чрезвычайных происшествий.

— Такая надежда кажется достаточно скромной, — отозвался второй секретарь посольства Ретиф. — Постараюсь оправдать ее.

— Запомните, я не ценю легкомысленного отношения к данному отделу, — раздраженно бросил Маньян. — Когда я впервые сюда прибыл — в этот отдел Независимого Распределения Знаний, Библиотечных Единиц и Ресурсов Интеллектуального Харизматизма, здесь царил полный хаос. Мне думается, при мне отдел НЕРАЗБЕРИХа стал тем, что он представляет собой сегодня. Честно говоря, я сомневаюсь, разумно ли ставить вас во главе столь чувствительного отдела, даже на две недели. Помните, ваши функции чисто представительские.

— В таком случае давайте предоставим их мисс Феркл, а я сам тоже возьму на пару недель отпуск. При ее весе она сможет представлять отдел очень внушительно.

— Полагаю, вы шутите, Ретиф, — печально промолвил Маньян. — А я ведь ожидал, что даже вы поймете, что участие боганцев в Программе Обмена может оказаться первым шагом к сублимированию их агрессивных наклонностей в более культурное русло.

— Я вижу, они посылают две тысячи студентов на д'Лаед, — заметил Ретиф, взглянув на Памятку для Справок. — Здоровенное такое сублимирование.

Маньян важно кивнул:

— За последние два десятилетия боганцы затевали не менее четырех военных кампаний. Они широко известны как Громилы Никодемийского Скопления. Теперь, наверное, мы увидим, как они порывают с этим дурным прошлым и с честью вступают в культурную жизнь Галактики.

— Порывают и вступают, — задумчиво повторил Ретиф. — Возможно, в этом что-то есть. Но хотел бы я знать, что они будут изучать на д'Ланде? Это индустриальная планета типа «бедные-но-честные» ...

— Академические частности — дело студентов и их профессоров, — нетерпеливо отмахнулся Маньян. — Наша же задача — всего лишь свести их друг с другом. Постарайтесь не конфликтовать с представителем боганцев. Для вас это будет превосходной возможностью потренироваться в дипломатической сдержанности — уверен, вы согласитесь, что это не самая сильная ваша сторона.

Загудел интерком. Ретиф нажал кнопку.

— В чем дело, мисс Феркл?

— В буколическом субъекте с Лавенброя. Он снова здесь, — на маленьком настольном экране мясистые черты лица мисс Феркл неодобрительно сжались.

— Этот парень — отъявленный надоедала, оставляю его вам, Ретиф, — довольно сказал Маньян. — Скажите ему что-нибудь, в общем, избавьтесь от него. И помните: здесь, в Штаб-квартире Корпуса, на вас обращены взоры со всех сторон.

— Если бы я подумал об этом, то надел бы другой костюм, — ответил ему Ретиф.

Маньян фыркнул и удалился прочь. Ретиф нажал кнопку связи с мисс Феркл.

— Впустите буколического субъекта.

В кабинет вошел высокий и широкоплечий мужчина, бронзовокожий и с седоватыми волосами, одетый в облегающие брюки из плотной ткани, свободную рубашку с расстегнутым воротом и короткую куртку. Под мышкой он держал какой-то узел. Увидев Ретифа, он остановился, окинул

его взглядом с головы до ног, а затем подошел и протянул руку. Ретиф пожал ее. Какой-то миг двое рослых мужчин стояли лицом к лицу. На челюсти новоприбывшего заходили желваки, и он скривился от боли. Ретиф тут же отпустил его руку и показал на кресло.

— Неплохая работа, мистер, — сказал, массируя руку, незнакомец. — В первый раз кому-то удалось проделать такое со мной. Хотя, полагаю, сам виноват, ведь начал-то первым я.

Он усмехнулся и сел.

— Чем могу быть полезен? — любезно спросил второй секретарь. — Меня зовут Ретиф. Я на пару недель замещаю мистера Маньяна.

— Вы работаете в этой культурной шараге, так ведь? Странно, я думал тут одни штафирки. Впрочем, неважно. Я — Хэнк Арапулос. Фермер. А видеть вас я хотел вот по какому поводу... — он поерзал в кресле. — Ну, у нас там, на Лавенброе, возникла действительно серьезная проблема. Урожай вина почти готов к уборке. Уборку-то мы начнем еще через два-три месяца, ну так вот... Не знаю, знакомы ли вы с выращиваемым нами виноградом сорта «Вакх»?

— Нет, — признался Ретиф. — Не хотите ли сигару?

Он толкнул коробку через стол. Арапулос благодарно кивнул и взял одну.

— Виноград «Вакх» — необычный сорт, — сказал он, раскуривая сигару. — Вызревает лишь раз в двенадцать лет. В промежутке, к счастью, лоза не нуждается в большом внимании; наше время принадлежит в основном нам самим. Но мы любим фермерство. Проводим много времени, выводя новые виды. Яблоки размером с арбуз — и сладкие, и все такое прочее.

— Кажется очень приятным, — заметил Ретиф. — И где же тут вступает в игру Отдел Независимого Распределения Знаний?

Арапулос нагнулся вперед.

— Мы усиленно занимаемся искусством. Люди не могут тратить все свое время на гибридизацию растений. Мы превратили всю сушу в парки и фермы, оставив, конечно, несколько приличных лесных районов для охоты и тому подобного. Лавенброй — приятное местечко, мистер Ретиф.

— Похоже на то, мистер Арапулос. Вот только какое...

— Зови меня Хэнк. Сезоны у нас дома длинные. Их всего пять. В нашем году примерно восемнадцать земных месяцев. Чертовски холодно зимой — эксцентрическая орбита, знаете ли. Иссиня-черное небо, звезды видны весь день. Зимой мы в основном занимаемся живописью и ваянием. Потом весна — все еще порядком холодно. Много катания на лыжах, коньках, бобслея — и это сезон для резчиков по дереву. Наша мебель...

— По-моему, я видел образчики вашей мебели, — перебил Ретиф. — Прекрасная работа. Но...

Арапулос кивнул.

— И все из местного леса к тому же, заметьте. В нашей почве много металлов. Вот эти-то сульфиты и придают дереву настоящий цвет, скажу я вам. А потом приходят муссоны. Дождь, и он льет как из ведра, но солнце все ближе и ближе, все время сияет. Вы видели когда-нибудь ливень при солнце? В этот сезон пишут музыку. Потом лето. Летом жарко. Днем мы отсиживаемся по домам, а когда солнце скроется, всю ночь веселимся на пляже. На Лавенброе много пляжей, суша у нас в основном из островов. Тут наступает время драм и симфоний. Театры устраивают спектакли прямо на песке или на барках, поставленных на якорь. Музыка, прибой, костры, звезды — мы, скажу я вам, близки к центру шарового скопления...

— Вы говорите, что теперь пришло время урожая?

— Совершенно верно! Осень — наш сезон сбора плодов. Большую часть лет цикла у нас бывают лишь обыкновенные урожаи: фрукты, зерно и тому подобное. Уборка их не занимает особо много времени. Основное время мы тратим на архитектуру, готовим к зиме новые дома или вспоминаем

былое. В эту пору все чаще мы бываем дома — мы любим комфортабельность и старательно обустраиваем жилища. Но теперешний год — иной. Это — Год Вина.

Арапулос попыхтел сигарой и обеспокоенно посмотрел на Ретифа.

— Наш винный сбор — это наш большой денежный сбор, — сказал он наконец. — Мы получаем достаточно, чтобы остаться на плаву. Но в этом году...

— Неурожай?

— О, уродился виноград прекрасно, один из самых лучших урожаев на моей памяти. Конечно, мне всего двадцать восемь, и я могу вспомнить всего два других урожая. Трудность не в урожае...

— Вы потеряли рынки? Похоже, этот вопрос касается Торгового...

— Потеряли рынки? Мистер, никто, когда-либо вкусивший нашего вина, никогда не согласится ни на какое другое!

— Похоже, я что-то упустил, — решил Ретиф. — Надо будет как-нибудь попробовать.

Арапулос положил узел на стол, аккуратно развернул упаковку.

— Нет времени лучше настоящего, — предложил он.

Ретиф оценивающе посмотрел на две пузатые бутыли, зеленую и янтарную, обе пыльные, с выцветшими наклейками и прикрученными проволокой почерневшими пробками.

— В Корпусе косо смотрят на пьянство при исполнении служебных обязанностей, мистер Арапулос, — указал он.

— Это не пьянство, а просто вино, — Арапулос снял проволоку и высвободил пробку. Та медленно поднялась, а затем, с хлопком, вылетела. Арапулос ловко поймал ее. Из бутылки поплыли ароматные пары. — Кроме того, если вы не присоединитесь ко мне, то заденете мои чувства.

Он подмигнул.

Ретиф взял со столика рядом с письменным столом два бокала с тонкими стенками.

— Однако, если поразмыслить, мы также обязаны стараться не нарушать странных туземных обычаев.

Арапулос наполнил бокалы. Ретиф взял один, понюхал жидкость густого охряного цвета, попробовал ее, а потом изрядно отхлебнул. И задумчиво посмотрел на Арапулоса.

— Хммм, на вкус похоже на соленые пеканы, с подспудным привкусом марочного портвейна.

— Не пытайтесь его описать, мистер Ретиф, — посоветовал Хэнк. Он набрал вина в рот, пропустил сквозь зубы и проглотил. — Это вино Вакха, вот и все.

Он подтолкнул к Ретифу вторую бутылку.

— У нас на родине в обычае перемежать красное вино черным.

Ретиф отложил сигару, снял проволоку, подтолкнул пробку и поймал ее, когда она вылетела.

— Не поймать пробку — к неудаче, — кивнул Арапулос. — Вероятно, вы никогда не слышали, какая беда приключилась у нас на Лавенброе несколько лет назад?

— Не могу сказать, чтобы слышал, Хэнк, — Ретиф налил в новые бокалы черного вина. — За урожай.

— У нас на Лавенброе много всяких минералов, — объяснил, глотая вино, Арапулос. — Но мы не намерены губить ландшафт, добывая их. Нам нравится сельское хозяйство. Так вот, лет десять назад некоторые наши соседи высадили войска. Сочли, что они лучше нас знают, что делать с нашими минералами. Хотели вести открытую добычу и плавить руду. Нам удалось убедить их в ином. Но на это потребовался целый год, и мы потеряли много людей.

— Очень жаль, — искренне посочувствовал Ретиф. — Я бы сказал, что это больше похоже вкусом на жареное мясо с воздушной кукурузой на основе рислинга.

— Это поставило нас в тяжелое положение, — продолжал Арапулос. — Нам пришлось одолжить деньги у планеты под названием Кроани, заложили свой урожай; пришлось нам также начать экспорт произведений искусства.

Покупателей, естественно, навалом, но когда создаешь что-то для посторонних — это уже не то.

— Так в чем же проблема? — не понял Ретиф. — Кроани собираются отказать вам в праве выкупа закладной?

— Долг выплатить несложно. Урожай вина освободит нас с лихвой от финансовых затруднений, но нам нужны для его сбора рабочие руки. Сбор винограда «Вакх» — не такая работа, какую можно передать механизмам, и мы этого не сделаем, даже если сможем. Сбор винограда — это памятное событие в жизни на Лавенброе. Участвуют все. Во-первых, уборка на полях. Мили и мили виноградников покрывают горные склоны, теснятся на берегах рек, перемежаемые то тут, то там садами. Большие лозы, в восемь футов высотой, отягощенные плодами, а между ними растет густая шелковистая трава. Постоянно туда-сюда курсируют виновозы, подвозя вино сборщикам. Установлены призы за самый большой сбор в день, заключаются пари — кто наполнит больше всех корзин виноградом за час. Солнце стоит высоко и светит ярко, но при этом прохладно. И прохлада как раз такая, что придает массу сил. С наступлением ночи на садовых участках устанавливают столы и устраивают пир: жареные индейки, говядина, ветчина, всякая битая птица. Много салатов, уйма фруктов и свежевыпеченного хлеба... и вино, по-настоящему много вина. Готовит в каждом саду каждую ночь новая бригада, и лучшим бригадам вручают призы.

Потом начинается процесс изготовления вина. Мы по-прежнему давим собранный виноград ногами. Это в основном для молодежи, но рады участию всех. Вот тогда-то и начинается разгул. Фактически почти половина нашей нынешней молодежи родилась примерно девять месяцев спустя после сбора последнего урожая. Тут уж все пари побоку. А в каком напряжении это держит парня! Пробовали когда-нибудь удержать деваху, на которой ничего нет, кроме слоя виноградного сока?

— Никогда, — признался Ретиф. — Говорите, большинство детей родилось после урожая. Значит, им будет всего двенадцать ко времени следующего...

— О, лавенбройских лет. По земному счету им восемнадцать.

— То-то мне показалось, что вы выглядите немного чересчур зрелым для двадцати восьми лет, — сказал Ретиф.

— Сорок два земных года, — доложил Арапулос. — Но этот год — он выглядит в перспективе неважным. У нас небывалый урожай — и не хватает рабочих рук. А если не будет большого сбора, то заявятся кроанийцы, и господь знает, чего они натворят. И мы прикинули так. Возможно, вы, спецы по культуре, сможете нам помочь: может быть, устроите нам заем до окончания сбора урожая — достаточный, чтобы нанять недостающие рабочие руки. А мы потом расплатимся скульптурами, живописью, мебелью.

— Сожалею, Хэнк. Мы здесь, всего-навсего, разрабатываем маршруты для гастролирующих балаганов и тому подобное. Вот если бы вам требовалась труппа носовых флейтистов-гроаков...

— Они умеют собирать виноград?

— Нет. Да и в любом случае они не выносят дневного света. Вы пробовали поговорить об этом в отделе Трудовых Ресурсов?

— Разумеется. Они обещали предоставить нам всех специалистов по электронике и программистов компьютеров, каких мы только хотим, но никаких полевых рабочих. Говорят, мол, они классифицируются как чернорабочие. Можно подумать, будто я пытался купить рабов.

Загудел сигнал вызова интеркома, и на настольном экране появилось изображение мисс Феркл.

— Через пять минут вам надо быть на Межгрупповом Совещании, — уведомила она Ретифа. — А потом надо встретить боганских студентов.

— Спасибо, — Ретиф допил бокал и встал.

— Мне надо бежать, Хэнк, — извинился он. — Дай мне подумать над этим дельцем. Возможно, мне удастся что-нибудь устроить. Свяжись со мной послезавтра. А бутылки лучше оставь здесь. Культурные экспонаты, знаешь ли.

* * *

Когда совещание закончилось, Ретиф поймал взглядом коллегу, сидевшего напротив.

— Мистер Ваффл, вы упомянули о грузе, следующем на планету под названием Кроани. А что они получают?

Ваффл недоуменно моргнул.

— А, вы тот парень, который замещает Маньяна в НЕРАЗБЕРИХе, — наконец вспомнил он. — Собственно говоря, поставки предоставленного в дар оборудования касаются только Склада Моторизованного Оборудования, Распределения Обменов, Займов и Лендлиза.

Он поджал губы.

— Однако, полагаю, если я и скажу вам, вреда не будет. Они получают тяжелое оборудование для горных разработок.

— Бурильные установки и тому подобное?

— Снаряжение для открытой разработки ископаемых, — Ваффл достал из нагрудного кармана клочок бумаги и прищурился, глядя на него. — Если точнее, трактора ФВ-1 модели «Боло». А почему НЕРАЗБЕРИХа интересуется деятельностью СМОРОЗИЛа?

— Извиняюсь за любопытство, мистер Ваффл. Просто сегодня тема Кроани уже всплывала; похоже, они держат в своих руках закладную на некоторые виноградники на...

— СМОРОЗИЛ это не касается, сэр, — оборвал его Ваффл. — В качестве шефа СМОРОЗИЛа у меня хватает забот и без вмешательства в дела НЕРАЗБЕРИХИ.

— Кстати, о тракторах, — вставил еще один из участников совещания. — Мы, в Комитете Либерализации Явно

Недоразвитых Членов Интергалактического Товарищества, не один месяц пытались пробить через СМОРОЗИЛ запрос на горнодобывающее оборудование для д'Ланда...

— КЛЯНЧИТ опоздал к столу, — парировал Ваффл. — Кто первым пришел, того первым и обслуживают. Именно такова политика у нас в СМОРОЗИЛе. Счастливо оставаться, господа.

И вышел, посвистывая, с портфелем под мышкой.

— Вот в этом-то и беда с миролюбивыми мирами, — заключил член КЛЯНЧИТ. — Бога причинила всем уйму хлопот, вот все отделения Корпуса наперебой и стараются умиротворить ее, в то время как мои шансы невелики. То есть шансы помочь миролюбивому д'Ланду практически сводятся к нулю.

— А что за университет у них на д'Ланде? — поинтересовался Ретиф. — Мы отправляем туда по обмену две тысячи студентов. Институт этот, должно быть, еще тот...

— Университет? На д'Ланде есть всего один-единственный малообеспеченный Технический Колледж.

— И все направленные по обмену студенты будут учиться в Техническом Колледже?

— Две тысячи студентов? Ха! Двести студентов — и то перенапрягут преподавательские возможности колледжа!

— Интересно, знают ли об этом боганцы?

— Боганцы? Да ведь большинство затруднений д'Ланда вызвано именно заключенным с Богой неразумным торговым соглашением. Вот уж действительно — две тысячи студентов, — он, посмеиваясь, ушел.

Ретиф заскочил в кабинет забрать короткий фиолетовый плащ, а затем поднялся лифтом на крышу двухсоттридцатиэтажного дома ШК Корпуса и отправился на аэротакси в порт.

Боганские студенты уже прибыли. Ретиф увидел их, выстроившихся на трапе в ожидании прохождения таможенного досмотра. Ретиф подсчитал, что пропустят их не раньше, чем через полчаса. Поэтому он завернул в бар и

заказал пива. Сидевший на соседнем табурете высокий молодой парень поднял кружку.

— За счастливые деньки, — предложил он.

— И ночки им под стать.

— В точку, — он проглотил половину содержимого кружки. — Меня зовут Карш. Мистер Карш. Да, мистер Карш. Ну и скучно же торчать здесь в ожидании.

— Встречаете кого-то?

— Угу. Группу младенцев. Мальчишек. Пока они там ожидают… Неважно. Выпейте один за мой счет.

— Спасибо. Вы что, командир отряда бойскаутов?

— Я скажу вам, кто я такой: нянька при младенцах из колыбели. Знаете, — он повернулся к Ретифу, — ни один из этих мальчишек не старше восемнадцати.

Он икнул.

— Студенты, знаете ли. Никогда ведь не видели студента с бородой, верно?

— Нет, почему же, много раз. Так вы, значит, встречаете студентов?

Молодой парень, моргнув, поглядел на Ретифа.

— О, так вы знаете об этом, да?

— Я представляю НЕРАЗБЕРИХу.

Карш могучим глотком прикончил пиво и заказал еще.

— Я приехал загодя: своего рода авангард этих сосунков. Сам их обучал. Гонял их в хвост и в гриву, но с КОМой они теперь обращаться умеют. Не знаю, правда, как они поведут себя под давлением. Будь у меня мой прежний взвод…

Он посмотрел в пивную кружку, а затем решительно оттолкнул ее.

— Пожалуй, хватит с меня, — решил он. — Пока, друг, или вы тоже идете?

Ретиф кивнул.

— Вполне могу пойти с вами.

У выхода из загородки таможни Ретиф проследил, как первый из боганских студентов прошел досмотр, увидел Карша и вытянулся по стойке смирно.

— Бросьте это, мистер, — резко одернул его Карш. — Разве так ведут себя студенты?

Юнец, круглолицый и широкоплечий паренек, усмехнулся.

— Полагаю, нет, — признал он. — Скажите, э-э-э, мистер Карш, нас отпустят в город? Наши парни думали...

— Ах, вы думали, да? Вы ведете себя, словно школьники. Я хочу сказать... Нет! А теперь, стройся!

— Мы приготовили квартиры для ваших студентов, — сказал Ретиф. — Если вы хотите перевезти их на западную сторону, то я посадил пару вертолетов.

— Спасибо, — отказался Карш. — Они останутся здесь вплоть до самого отлета. Этим милым малюткам никак нельзя разбредаться кто куда. Еще вздумают, чего доброго, дезертировать.

Он икнул.

— Я имею в виду — прогулять занятия.

— Мы назначили ваш отлет на завтра в полдень. Ждать долго. Тут НЕРАЗБЕРИХа организовала билеты в театр и ужин.

— Сожалею, — извинился Карш. — Как только сюда доставят наш багаж, мы сразу же отправляемся.

Он снова икнул.

— Не можем, знаете, путешествовать без своего багажа.

— Как угодно, — согласился Ретиф. — А где сейчас ваш багаж?

— Прибывает на борту кроанийского лихтера.

— Может быть, вы хотите устроить ужин для студентов прямо здесь?

— Разумеется. Хорошая мысль. Почему бы вам не присоединиться к нам? — Карш подмигнул. — И притаранить немножко пивка?

— Не в этот раз, — извинился Ретиф, наблюдая за студентами, все еще выходящими из таможни.

— Тут, кажется, одни парни, — заметил он. — Никаких студенток?

— Может быть, позже подъедут, — сказал Карш. — После того как мы увидим, как примут первую группу.

* * *

Вернувшись в НЕРАЗБЕРИХу, Ретиф вызвал по интеркому мисс Феркл.

— Вам известно, как называется институт, куда отправляются эти боганские студенты?

— Ну конечно же — д'Ландский Университет.

— Это, случаем, не Технический Колледж?

Мисс Феркл поджала губы.

— Мне, безусловно, никогда не было надобности вникать в такие подробности...

— А где кончается выполнение вашей работы и начинается вникание в лишние подробности, мисс Феркл? — осведомился Ретиф. — Мне лично любопытно, что именно отправились изучать эти студенты в такую даль, причем за счет Корпуса.

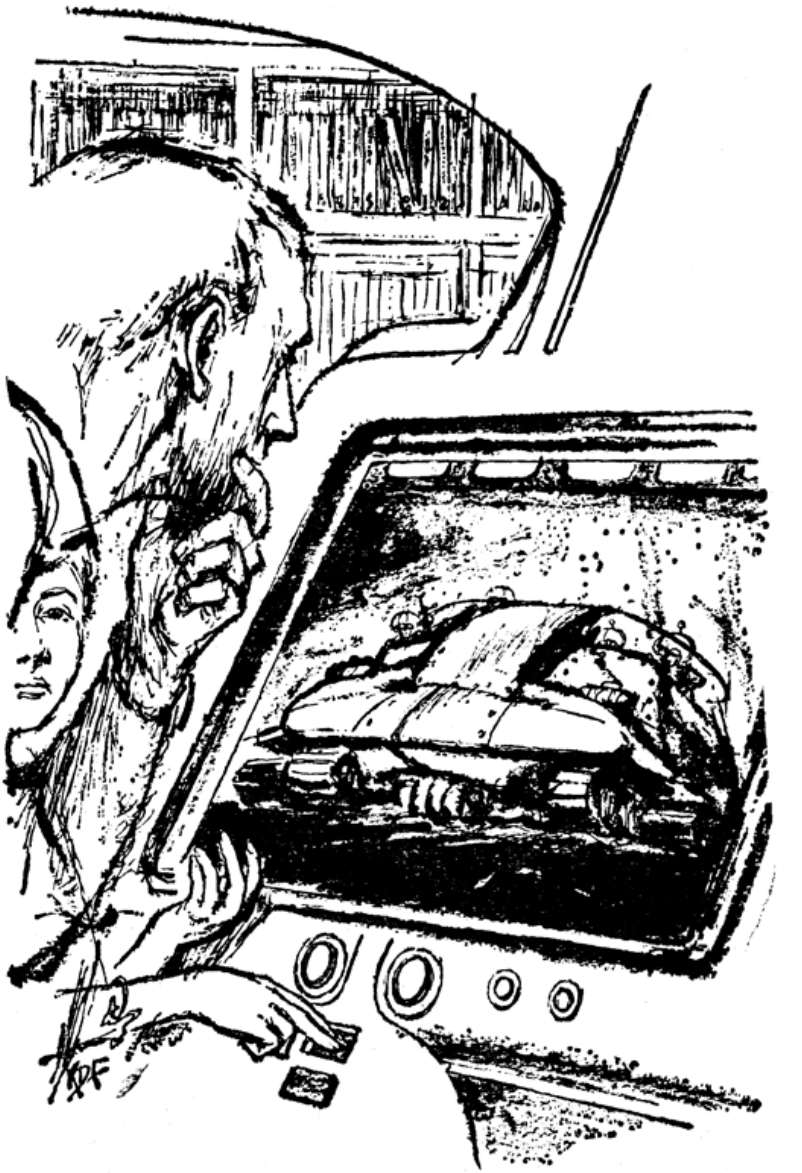
— Мистер Маньян никогда не позволял себе...

— В настоящее время, мисс Феркл, мистер Маньян в отпуске. И поэтому я остаюсь с вопросом о двух тысячах молодых студентов, отправившихся на планету, где для них нет даже учебных помещений... На планету, нуждающуюся в тракторах. Но трактора почему-то везут на Кроани — планету, находящуюся в долгу у Боги. А Кроани, между тем, держат закладную на самые лучшие виноградники на Лавенброе.

— Чушь! — резко бросила мисс Феркл, пылая взором из-под недовыщипанных бровей. — Надеюсь, вы не сомневаетесь в мудрости мистера Маньяна!

— Никаких сомнений в мудрости мистера Маньяна быть не может, — заверил ее Ретиф, — Но дело не в этом. Я хотел бы, чтобы вы выяснили мне один вопрос: сколько тракторов получит Кроани по программе СМОРОЗИЛа?

— Ну, это касается только СМОРОЗИЛа, — сказала мисс Феркл. — Мистер Маньян всегда...



— Я в этом уверен. Тем не менее дайте мне знать о количестве тракторов. И немедленно.

Мисс Феркл фыркнула и исчезла с экрана. Ретиф покинул кабинет, спустился на сорок первый этаж и проследовал по коридору в Библиотеку Корпуса. Он перелистал каталоги на полке и стал сосредоточенно и методично просматривать индексы.

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? — прощебетал кто-то. Рядом с ним стояла крошечная библиотекарша.

— Спасибо, мэм, — поблагодарил Ретиф. — Я ищу сведения об одном образчике горного оборудования: тракторе ФВ модели «Боло».

— В промышленном секторе вы его не найдете, — заверила библиотекарша. — Идемте.

Ретиф проследовал за ней вдоль полок к хорошо освещённому отделению с названием «ВООРУЖЕНИЕ». Она взяла с полки кассету, вставила ее в просматриватель, пощелкала, прокручивая ее, и остановила на изображении приземистой бронированной машины.

— Вот это и есть модель ФВ, — показала она. — Впрочем, она больше известна под названием Континентальная Осадная Машина. Экипаж четыре человека, полумегатонная огневая мощь...

— Должно быть, тут какая-то ошибка, — перебил Ретиф. — Нужная мне модель «Боло» — это трактор, модели ФВ М-1.

— А! Была такая модификация с добавлением отвала для подрывных работ. Должно быть, это-то и сбило вас с толку.

— Вероятно. Наряду с другими обстоятельствами. Благодарю вас.

В кабинете его ждала мисс Феркл.

— У меня есть понадобившиеся вам сведения, — доложила она. — И они у меня уже больше десяти минут. У меня сложилось впечатление, что они вам нужны очень срочно, и я пошла на огромные хлопоты...

— Разумеется, — прервал ее излияния Ретиф. — Валяйте. Сколько тракторов?

— Пятьсот.

— Вы уверены?

У мисс Феркл задрожали все многочисленные подбородки.

— Ну! Если вы считаете меня некомпетентной...

— Всего лишь спрашиваю, возможна ли ошибка, мисс Феркл. Пятьсот тракторов — это довольно большое количество оборудования.

— Не будет ли чего-нибудь еще? — осведомилась ледяным тоном мисс Феркл.

— Искренне надеюсь, что нет, — ответил Ретиф.

Откинувшись на спинку мягкого кресла Маньяна с автоматическим вращением и облеганием, Ретиф перелистал папку с грифом: «7-602-Ба; КРОАНИ (общие сведения)» и остановился на разделе, озаглавленном «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ». Не переставая читать, он открыл ящик стола, извлек две бутылки вина Вакха и два бокала. Налив на дюйм вина в каждый, он задумчиво пригубил черное вино. Будет очень жаль, решил он, если что-нибудь помешает производству таких марочных вин...

Полчаса спустя он отложил папку в сторону, включил телефон и позвонил в кроанийскую дипломатическую миссию, попросив соединить его с торговым атташе.

— Говорит Ретиф из штаб-квартиры Корпуса, — небрежно бросил он. — Насчет груза СМОРОЗИЛа, тракторов. Я хочу знать, не произошла ли здесь какая-то путаница. По моим данным, мы отправляем пятьсот штук.

— Совершенно, верно. Именно пятьсот.

Ретиф молчал, ожидая продолжения.

— Э... Вы слушаете, мистер Ретиф?

— Все еще слушаю. И все еще хочу разъяснения по вопросу пятисот тракторов.

— Все в полном порядке, я думал с этим все улажено. Мистер Ваффл...

— Для того, чтобы управиться с продукцией, выдаваемой одной-единственной машиной, потребуется приличных размеров завод, — перебил Ретиф. — Так вот, Кроани существует благодаря рыболовству. На ней есть, наверное, с полдюжины крохотных перерабатывающих заводов. Возможно, сообща они и могли бы управиться с рудой, какую им наскребут десять ФВ... — будь на Кроани вообще какая-то руда. Кстати, вам не кажется, что ФВ — не самый удачный выбор модели горнодобывающего оборудования? Я бы подумал...

— Послушайте, мистер Ретиф, с чего это такой интерес к нескольким лишним тракторам? И в любом случае, какое вам дело до того, как мы собираемся использовать оборудование? Это внутреннее дело моего правительства. Мистер Ваффл...

— Я не мистер Ваффл. Что вы намерены делать с другими четырьмястами девяносто машинами?

— Как я понимаю, они переданы в дар без всяких ограничений и обязательств!

— Знаю, задавать вопросы — дурной тон. По старой дипломатической традиции, всякий раз, когда тебе удается заставить кого-то принять что-то в подарок, ты набираешь очки в игре. Но если Кроани строит какие-то козни...

— Ничего подобного, мистер Ретиф! Это просто обычная сделка.

— Какую, интересно, сделку вы заключили на модель ФВ «Боло»? С отвалом или без оного, она все равно известна под названием Континентальная Осадная Машина...

— Великое Небо, мистер Ретиф! Не делайте поспешных выводов! Вы ведь не хотите заклеймить нас как поджигателей войны? Честное слово... Эта линия не прослушивается?

— Безусловно, нет. Можете говорить не стесняясь.

— Эти трактора предназначены для переотправки. Мы попали в трудное положение с балансом выплат, и это услуги группе, с которой у нас прочные деловые связи.

— Как я понимаю, в ваших руках находится закладная на лучшие земли на Лавенброе, — сказал Ретиф. — Тут есть какая-то связь?

— Ну что вы... э... нет. Конечно, нет.

— А кто, в конечном итоге, получит трактора?

— Мистер Ретиф, это несанкционированное вмешательство...

— Кто их получит?

— По воле случая они отправляются на Лавенброй. Но я никак не вижу...

— А какому-такому другу вы помогаете несанкционированной переотправкой дареного оборудования?

— Как какому... э... я сотрудничал с мистером Гулвером, представителем Боги.

— И когда они будут отправлены?

— Да они уже отправлены неделю назад. Теперь уж они на полпути к цели. Но послушайте, мистер Ретиф, тут совсем не то, что вы думаете!

— А откуда вы знаете, что я думаю? Я и сам пока точно этого не знаю, — Ретиф дал отбой и вызвал по интеркому секретаршу. — Мисс Феркл, я хочу, чтобы меня немедленно уведомляли о любых новых заявках из консульства Боги на обмен студентами.

— Знаете, по чистому совпадению одна такая заявка сейчас лежит здесь, у меня. Ее принес мистер Гулвер из консульства Боги.

— Мистер Гулвер еще в отделе? Я хотел бы с ним увидеться.

— Я спрошу, есть ли у него время.

Прошло несколько минут, прежде чем вошел краснолицый мужчина с толстой шеей и в тесной ему шляпе. На нем были надеты старомодный костюм, желто-коричневая рубашка, сверкающие ботинки с закругленными носками и недовольное выражение лица.

— Чего вам надо? — рявкнул он. — Как я понял из бесед с другим... э... штатским, никакой надобности в этих раздражающих совещаниях больше нет.

— Я только что узнал, что вы отправляете за рубеж новых студентов, мистер Гулвер. — Сколько же на этот раз?

— Три тысячи.

— И куда они направляются?

— На Кроани — все это указано в переданной мной заявке. Ваша задача лишь обеспечить транспорт.

— Еще какие-нибудь студенты будут куда-нибудь направлены в этом сезоне?

— А как же... наверно. Это дело Боги, — Гулвер посмотрел на Ретифа, недовольно поморщившись. — Фактически мы подумываем отрядить еще две тысячи на Перышко.

— Еще один малонаселенный мир, и, по-моему, в том же скоплении, — добавил Ретиф. — Ваш народ, должно быть, необыкновенно интересуется этим районом космоса.

— Если это все, что вам хотелось узнать, то я пошел. Мне надо заняться важными делами.

После ухода Гулвера Ретиф вызвал мисс Феркл.

— Я хотел бы получить список всех запланированных по настоящей программе перемещений студентов, — сказал он. — И посмотрите, не удастся ли вам достать сводку того, какие грузы отправлял в последнее время СМОРОЗИЛ.

Мисс Феркл задрала нос.

— Будь здесь мистер Маньян, я уверена, ему бы и не приснилось вмешиваться в работу других отделов. Я... слышала ваш разговор с джентльменом из дипломатической миссии Кроани.

— Списки, мисс Феркл.

— Я не привыкла, — стояла на своем мисс Феркл, — вторгаться в дела, лежащие за рамками интересующего нас скопления.

— Это похуже, чем подслушивать разговоры по телефону, да? Но неважно. Мне нужны эти сведения, мисс Феркл.

— Преданность своему начальнику...

— Преданность своему чеку с оплатой должна побудить вас кинуться со всех ног за запрошенными мною материалами, — оборвал ее Ретиф. — Всю ответственность я беру на себя. А теперь — живо.

Загудел сигнал вызова. Ретиф щелкнул клавишей.

— НЕРАЗБЕРИХа. У аппарата Ретиф.

На настольном экране появилось загорелое лицо Арапулоса.

— Здорово, Ретиф. Не возражаешь, если я зайду?

— Разумеется, заходи, Хэнк. Я хочу поговорить с тобой.

В кабинете Арапулос занял предложенное кресло.

— Извини, что надоедаю тебе, Ретиф, — сказал он, — но ты не достал чего-нибудь для меня?

Ретиф махнул рукой на бутылки с вином.

— Что тебе известно о Кроани?

— Кроани? Местечко не из лучших. В основном океан. Если любишь рыбалку, то там, полагаю, отлично. Мы импортируем оттуда кое-какие дары моря. Во время муссонов креветки хороши. Свыше фута длиной.

— Вы с ними в хороших отношениях?

— Разумеется, полагаю — в хороших. Правда, они очень дружны с Богой...

— Ну и что?

— Разве я не рассказывал? Бога-то как раз и есть, та планета, что попыталась захватить у нас власть дюжину лет назад. И им это удалось бы, если бы не крутое невезение. Их бронетанковые части потопли, а без брони они стали легкой добычей.

Позвонила мисс Феркл.

— Ваши списки у меня, — коротко доложила она.

— Принесите их, пожалуйста.

Секретарша положила бумаги на стол. Арапулос поймал ее взгляд и подмигнул. Она фыркнула и вышла из кабинета, печатая шаг.

— Этой девице нужно не что иное, как хорошенько попоскальзываться в давленом винограде, — заметил Арапулос.

Ретиф быстро листал документы, время от времени останавливаясь для более тщательного изучения. Закончив, он посмотрел на Арапулоса.

— Сколько человек вам понадобится для сбора урожая, Хэнк? — спросил Ретиф.

Арапулос понюхал вино у себя в бокале.

— Сотня помогла бы, — прикинул он. — Тысяча была бы лучше. Твое здоровье.

— А что ты скажешь о двух тысячах?

— Две тысячи? Ретиф, ты не шутишь?

— Надеюсь, нет, — он снял телефонную трубку и позвонил в Управление Порта, попросив позвать диспетчера.

— Привет, Джим. Слушай, я должен попросить тебя об одной услуге. Знаешь, тот контингент боганских студентов; они путешествуют на борту двух транспортных судов ДКЗ. Меня интересует перевозимый вместе с этими студентами багаж. Он уже прибыл? Ладно, подожду...

Джим вернулся к телефону через пару минут.

— Да, Ретиф, он здесь. Только что прибыл. Но тут какая-то странность. Он отправлен вовсе не на д'Ланд; у него выправлены билеты до Лавенброя.

— Послушай, Джим, — попросил Ретиф. — Я хочу, чтобы ты сходил на склад и взглянул там для меня на этот багаж.

Ретиф подождал, пока диспетчер выполнит просьбу. Когда Джим вернулся обратно, уровень в обеих бутылках понизился на дюйм.

— Эй, я взглянул на этот багаж, Ретиф. Тут творится что-то уж вовсе непонятное. Оружие. Двухмиллиметровые иглометы, ручные бластеры — модель XII, энергопистолеты...

— Все в порядке, Джим. Не о чем беспокоиться. Просто обычная путаница. А теперь я хочу попросить тебя оказать мне еще одну услугу. Тут у меня неприятности с одним другом — похоже, он крупно дал маху. Сам понимаешь, я бы не хотел, чтобы об этом узнали. Утром я пришлю письменное извещение об изменении, которое официально прикроет тебя. А тем временем я хочу, чтобы ты сделал вот что...

Ретиф проинструктировал диспетчера, а затем дал отбой и повернулся к Арапулосу.

— Как только я достану пару аэротакси, нам лучше сгонять в порт, Хэнк. Мне хочется лично проводить этих студентов.

* * *

Карш встретил Ретифа, когда тот вошел в терминал порта.

— Что это здесь происходит? — потребовал он ответа. — С отправкой нашего багажа творится что-то странное, мне даже не разрешают его посмотреть. У меня сложилось впечатление, что его не собираются грузить.

— Вам лучше поспешить, мистер Карш, — посоветовал Ретиф. — По расписанию вы взлетаете менее чем через час. Студенты уже все погрузились?

— Да, черт побери! Так как насчет багажа? Без него эти суда не тронутся!

— Не нужно так расстраиваться из-за нескольких зубных щеток, не правда ли, мистер Карш? — вежливо обратился к нему Ретиф. — И все же, если вы встревожены...

Он повернулся к Арапулосу.

— Хэнк, почему бы тебе не прогуляться с мистером Каршем на склад и не... э... успокоить его?

— Я знаю, как именно управиться с этим, — заверил его Арапулос.

К Ретифу подошел диспетчер.

— Я перехватил груз тракторов, — сообщил он. — Странная это ошибка, но теперь все в порядке. Их перегрузили, как и должно было быть, для отправки на д'Ланд. Я поговорил с тамошним диспетчером, и тот сказал, что никаких студентов они не просили.

— Перепутали сопроводиловки, Джим. Студенты, естественно, едут туда же, куда был отправлен их багаж; очень

жаль, что тут произошла ошибка, но Отдел Вооружений вскоре пришлет людей, чтобы удалить оружие. Высматривай и дальше настоящий багаж бедных ребят, невозможно определить, куда он попал...

* * *

— Вот! — заорал хриплый голос. Ретиф обернулся. Терминал пересекала, размахивая руками, растрепанная фигура в тесной шляпе.

— Приветик, мистер Гулвер, — окликнул его Ретиф. — Как идут дела у Боги?

— Пиратство! — выпалил, подойдя ближе к Ретифу, Гулвер. — Вы, несомненно, приложили тут руку! Где этот Маньян...

— А в чем, собственно, проблема? — вежливо поинтересовался Ретиф.

— Задержите транспортные суда! Меня только что уведомили о конфискации всего багажа. Напоминаю вам, что этот груз пользуется дипломатической неприкосновенностью!

— Да кто вам сказал, что он конфискован?

— Неважно! У меня есть свои источники!

Подошли двое высоких мужчин в застегнутых на все пуговицы серых мундирах.

— Вы мистер Ретиф? Из ДКЗ? — осведомился один из них.

— Совершенно, верно.

— Как насчет моего багажа? — встрял Гулвер. — И предупреждаю вас, если корабли взлетят без...

— Эти господа — из Комиссии по Контролю за Вооружением, — уведомил его Ретиф. — Вы хотите пройти и предъявить права на свой багаж, мистер Гулвер?

— Откуда? Я... — Гулвер сделался на два оттенка краснее в районе ушей. — Вооружением?..

— Единственный груз, какой я задержал, кажется, является чьим-то нелегальным арсеналом, — разъяснил Ретиф. — Ну, если вы утверждаете, что это ваш багаж...

— Никак невозможно, — отказался севшим голосом Гулвер. — Оружие? Ну что вы, не может быть, произошла какая-то ошибка.

На багажном складе Гулвер мрачно осмотрел вскрытые ящики с оружием.

— Нет, конечно, нет, — тускло повторял он. — Это ни в коем случае не мой багаж. Совсем не мой багаж.

Появился Арапулос, поддерживая спотыкающегося мистера Карша.

— Что... Что это? — залопотал Гулвер. — Карш? Что случилось?

— Он немножко упал. Ничего ему не будет, — заговорил Арапулос успокаивающе.

— Тебе лучше помочь ему подняться на корабль, — посоветовал Ретиф. — Тот готов к отлету. Нам бы не хотелось, чтобы он опоздал на него.

— Предоставьте его мне! — резко бросил Гулвер, впившись взглядом в Карша. — Я позабочусь, чтобы им занялись.

— Никак не могу себе этого позволить, — отказал Ретиф. — Он, знаете ли, гость Корпуса. Мы возьмем на себя заботу о его безопасной доставке на борт.

Гулвер обернулся и бешено замахал руками. От стены отделились трое коренастых мужчин в одинаковых желто-коричневых костюмах и направились к группе.

— Взять этого человека, — скомандовал Гулвер, показывая на все еще ничего не соображающего, ошеломленно глядящего на него Карша.

— Мы относимся к своему гостеприимству серьезно, — сказал Ретиф. — Мы проводим его на борт судна.

Гулвер открыл рот:

— ...?

— Знаю, вы неважно себя чувствуете из-за чьих-то выходок с грузом. Ну надо же, вместо учебников подсунуть

оружие! — Ретиф посмотрел Гулверу прямо в глаза. — Вы будете так заняты разборкой подробностей этой путаницы, что у вас совершенно не будет времени. И, наверняка, вы захотите избежать дальнейших осложнений.

— Э... безусловно, — согласился Гулвер.

Арапулос направился к пассажирскому трапу, а потом обернулся и помахал на прощание рукой.

— Ваш человек — он, что, тоже едет? — выпалил Гулвер.

— Собственно говоря, это не наш человек, — уточнил Ретиф. — Он живет на Лавенброе.

— На Лавенброе? — поперхнулся Гулвер. — Но... это же... я...

— Знаю, вы сказали, что студенты направляются на д'Ланд, — со вздохом сказал Ретиф. — Но, полагаю, это просто еще один аспект общей путаницы. У навигаторов выставлен курс на Лавенброй. Вам будет, несомненно, приятно узнать, что они все-таки отправляются туда, пусть даже и без багажа.

— Пускай-пускай, — мрачно проговорил Гулвер. — Ничего, они справятся и без него.

— Кстати, — продолжал Ретиф. — Произошла еще одна забавная ошибка. Везли груз тракторов — для промышленного применения, как вы понимаете. По-моему, вы сотрудничали с Кроани, устраивая этот подарок через СМОРОЗИЛ. Представляете, их по ошибке отправили на Лавенброй — чисто сельскохозяйственный мир. Думается, я избавил вас от того дурацкого положения, в котором бы вы оказались, мистер Гулвер, устроив их перегрузку для отправки на д'Ланд.

— На д'Ланд! Вы вложили КОМы в руки злейших врагов Боги...?

— Но это же всего лишь трактора, мистер Гулвер. Мирные машины, разве что-нибудь не так?

— Это... так, — Гулвер обмяк. А затем резко вскинулся.

— Задержите корабли! — заорал он. — Я отменяю обмен студентами.

Его голос потонул в грохоте дюз, когда первый из исполинских транспортов поднялся из пусковой шахты, а миг спустя за ним последовал и второй. Ретиф смотрел, как они пропадают из виду, а затем повернулся к Гулверу.

— Улетели, — констатировал он. — Будем надеяться, что они получат гуманитарное образование.

* * *

Ретиф лежал на спине в высокой густой траве у ручья, обкусывая виноградную кисть. На взгорке, прямо над ним, появилась высокая фигура и помахала рукой.

— Ретиф! — Хэнк Арапулос слетел по склону гигантскими прыжками. — Я прослышал, что ты здесь, и у меня есть для тебя новости. Ты выиграл соревнование по сбору последнего дня. Свыше двухсот бушелей! Это рекорд! Пойдем в сад, хорошо? Празднование, похоже, вот-вот начнется.

В заросшем цветами парке, среди обобранных лоз, Ретиф и Арапулос проложили себе дорогу к заставленному яствами столу, разукрашенному фонариками. К Арапулосу подошла высокая стройная девушка с длинными золотыми волосами, одетая в свободное белое платье.

— Делинда, познакомься, это Ретиф, сегодняшний победитель! И он также тот самый человек, который достал для нас рабочих.

Делинда улыбнулась Ретифу.

— Я слышала о вас, мистер Ретиф. Сперва мы были не уверены насчет этих ребят: две тысячи боганцев все-таки, и все до одного сконфужены из-за того, что их багаж сбился с пути. Но им, кажется, понравилось убирать виноград... — она снова улыбнулась.

— И это еще не все; ребята понравились нашим девицам, — подхватил Хэнк. — Даже боганцы не такие уж плохие ребята, если отобрать их дурацкие железки. Многие из них решили остаться. Но как получилось, что ты не сообщил мне о

своем приезде, Ретиф? Я бы устроил какой-нибудь торжественный прием.

— Мне понравился и полученный мною обычный. Да и узнал я об этой поездке достаточно поздно. Мистер Маньян немного расстроился, когда вернулся. Кажется, я превысил свои полномочия.

Арапулос рассмеялся.

— Так я и думал. У меня было такое ощущение, что ты, Ретиф, действовал на свой страх и риск. Надеюсь, у тебя не возникло из-за этого каких-нибудь неприятностей?

— Никаких неприятностей, — заверил, его Ретиф. — Некоторые, конечно, были недовольны мной. Похоже, я не готов к важным постам на уровне Отделов. Вот меня и отправили сюда, в захолустье, приобрести еще немного полевого опыта.

— Делинда, позаботься о Ретифе, — попросил Арапулос. — Увидимся позже. Мне надо проследить за дегустацией вина.

Он исчез в толпе.

— Поздравляю с сегодняшней победой, — сказала Делинда. — Я заметила вас еще на работах. Трудились вы просто чудесно. Я рада, что вы получите приз.

— Спасибо. Я тоже вас приметил — вы так чудесно порхали в этой вашей белой ночной рубашечке. Но почему вы не собирали виноград вместе с остальными?

— У меня было особое задание.

— Очень жаль, вам следовало бы иметь шанс выиграть приз.

Делинда взяла Ретифа за руку.

— Я бы все равно не выиграла, — сказала она. — Ведь я и есть приз.

«...Перед лицом многочисленных угроз миру и спокойствию, естественно возникающих ввиду сложной политической ситуации в Галактике, изобретенная и отшлифованная теоретиками Корпуса техника блестяще доказал свою ценность в тысяче тяжелых конфронтаций. Даже анонимные младшие сотрудники, вооруженные чемоданчиками с подробными инструкциями, были в состоянии успокоить бурные воды с умением опытных мастеров переговоров. Подходящим примером служит четкое урегулирование консулом Пассуином внезапных осложнений жакско-земных отношений на Самане...»

Т. II, катушка 91, 480 г. а. э. (2941 г. н. э.)

— Конечно, — сказал консул Пассуин, — я просил назначить меня главой небольшой миссии. Но я думал, что это будет один из тех прелестных курортных миров, где лишь изредка возникают проблемы с визами да одним-двумя терпящими бедствие космонавтами в год. И что получилось? Я вместо этого стал сторожем зоопарка из этих смешанных поселенцев, и, прошу заметить, не на одной планете, а на восьми.

Он мрачно взглянул на вице-консула Ретифа.

— И все же, согласитесь, — заметил Ретиф, — это дает прекрасную возможность попутешествовать.

— Попутешествовать! — хрюкнул консул. — Терпеть не могу путешествовать! Особенно здесь, в этой захолустной системке...

Он умолк, моргнул, глядя на Ретифа, и прочистил горло:

— Хотя для начинающего дипломата небольшое путешествие придется как нельзя кстати. Чудесный опыт.

Он повернулся к настенному экрану и нажал кнопку. Появилось трехмерное изображение звездной системы: восемь

светящихся зеленых точек, вращающихся вокруг диска побольше, обозначающего звезду. Взяв указку, Пассуин показал на ближайшую к светилу планету.

— Ситуация на Самане явно предкризисная. Смешанные поселенцы — всего лишь небольшая кучка — сумели, как водится, нажить неприятностей с туземной формой разумной жизни, жаками. Не могу понять, почему они вообще волнуются? Подумаешь, несколько жалких оазисов среди бесконечных пустынь. Однако я, наконец, получил полномочия, разрешающие предпринять определенные действия, из Штаб-квартиры Сектора.

Он развернулся лицом к Ретифу.

— Я отправляю вас, Ретиф, урегулировать эту ситуацию — в соответствии с секретным предписанием, — он взял толстый темно-желтый конверт. — Жаль, что там не сочли нужным приказать земным поселенцам убраться неделю назад, как я предлагал. Теперь-то уже слишком поздно. От меня ждут чуда — восстановления дружественных отношений между землянами и жаками, да еще и разделения территории. Идиотизм! Однако неудача очень плохо скажется на моем послужном списке, поэтому я буду ожидать адекватных результатов и от вас.

Он вручил темно-желтый конверт Ретифу.

— Насколько я знаю, Саман был ненаселенной планетой, — заявил Ретиф, — пока не прибыли поселенцы с Земли.

— Очевидно, такое впечатление было ошибочным. Там живут жаки, — Пассуин навел на вице-консула цепкий взгляд водянистых глаз. — Вы будете точно следовать инструкциям. В подобной деликатной ситуации никак нельзя допускать элемента импульсивности и импровизации. Данный подход подробно разработан в Штаб-квартире Сектора, и вам нужно всего лишь грамотно осуществить его. Надеюсь, все ясно?

— Кто-нибудь из Штаб-квартиры когда-нибудь посещал Саман?

— Конечно же нет! Там тоже все терпеть не могут путешествовать. Если больше нет никаких вопросов, то вам лучше поторопиться. Почтовый корабль покидает купол меньше, чем через час.

— А на что похожа эта туземная форма жизни?

— Когда вернетесь, — ответил Пассуин, — расскажете.

* * *

Пилот почтовой ракеты, видавший виды ветеран с бакенбардами в четверть дюйма, сплюнул на замызганный пол каюты и склонился над самым экраном.

— Внизу-то постреливают, — определил он. — Вон, над краем пустыни пыхают белые дымки.

— Мне полагалось предотвратить войну, — сказал Ретиф. — Похоже, я немножко опоздал.

Пилот так резко повернул к нему голову, что чуть не сломал себе шею.

— Войну! — взвизгнул он. — Мне никто не говорил, что на Мане идет война. Если так, то я немедленно уматываю отсюда.

— Погодите, — остановил его Ретиф. — Мне надо приземлиться. По вам стрелять не будут.

— Само собой, не будут, сынок. «Я не дам им такой возможности», — он протянул руку к пульту и принялся нажимать на клавиши. Ретиф схватил его за запястье:

— Возможно, вы меня не расслышали. Я сказал, что мне надо приземлиться.

Пилот рванулся, налегая на ремни безопасности, и попытался нанести Ретифу размашистый удар, который тот небрежно блокировал.

— С ума сошел? — завопил космонавт. — Ты представляешь, как там палят, раз я вижу это с высоты в пятьдесят миль?!

— Почта, знаете ли, все равно должна быть доставлена.

— А я не постоянный почтальон. Если уж ты так упорно настроен дать себя убить — возьми ялик. Я попрошу забрать останки в следующий рейс, если тут, конечно, прекратится стрельба.

— Ты настоящий друг. Ловлю тебя на слове.

Пилот прыгнул к люку спасательной шлюпки и после несложных манипуляций открыл его.

— Залезай. Мы быстро приближаемся. Этим типам может взбрести в голову вмазать высокую подачу.

— Спасибо, — Ретиф сунул за пояс пистолет. — Надеюсь, вы неправы.

— Я позабочусь о том, чтобы тебя забрали, когда стрельба прекратится — так или иначе, но это я тебе уж точно обещаю.

Люк с лязгом захлопнулся; миг спустя ялик дернулся, отвалив от корабля, а затем последовали мгновения изрядной болтанки в кильватерном выхлопе дюз удаляющегося корабля-почтовика. Ретиф внимательно вглядывался в крошечный экран, положив ладони на панель сенсорного управления. Он стремительно снижался: сорок миль, тридцать девять...

На высоте пяти миль Ретиф безжалостно бросил легкое суденышко в режим максимального торможения. Вдавленный в амортизационное кресло, он следил за экраном и вносил мелкие поправки в курс. Поверхность планеты надвигалась с пугающей быстротой, Ретиф покачал головой и врубил аварийный реверсивный двигатель. Вдруг снизу — с поверхности планеты — потянулись по дуге ввысь точечки света, неумолимо приближаясь к нему. Он успел подумать, что если это были обычные взрывные боеголовки, то метеоритные экраны ялика должны с ними справиться. Экран на приборной доске вспыхнул ярко-белым, а затем потемнел. Ялик подпрыгнул и перекувырнулся в воздухе; крошечную каюту стало затягивать дымом. Последовала серия безжалостных толчков и ударов, последнее, сотрясающее все

кости столкновение, а потом наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием раскаленного металла.

Кашляя, Ретиф выпутался из амортизационной паутины, нащупал в полу люк и с трудом открыл его. Его захлестнула волна жаркого воздуха джунглей. Он спрыгнул на ковер из опавшей листвы, поднялся на ноги... и упал пластом, когда над ухом свистнула пуля.

Он лежал, прислушиваясь. Слева явно кто-то крался. Ретиф осторожно прополз вперед и укрылся за широкоствольным карликовым деревом. Где-то выводила рулады ящерица. Жужжали кружащиеся в изобилии насекомые и разочарованно удалялись, почувствовав чуждую жизнь. В пяти ярдах от него снова зашуршала листва подлеска. Задрожал куст, потом опустилась ветка, Ретиф поспешил убраться обратно за ствол и отполз за упавшее дерево. В поле зрения появился осторожно двигавшийся коренастый человек в грязной кожаной рубахе и шортах, с пистолетом в руке.

Когда он прошел мимо него, Ретиф вскочил на ноги, перепрыгнул через ствол и бросился на незнакомца. Они вместе повалились наземь. Коренастый издал единственный короткий вскрик, а потом продолжал бороться молча. Ретиф перевернул его на спину и занес кулак.

— Эй! — закричал поселенец. — Да ты же такой же человек, как и я!

— Возможно, после бритья я буду выглядеть получше, — отозвался Ретиф, — С чего это вы затеяли стрелять в меня?

— Дайте встать. Меня зовут Поттер. За пальбу уж извините. Я решил, что это лодка хлопалей — выглядит точь-в-точь, как ихняя. Я выстрелил, когда увидел, как что-то двигается; не знал, что это землянин. Кто вы? Что вы здесь делаете? Мы почти у самого края оазиса. А там дальше уже страна хлопалей, — он махнул рукой в сторону севера, где лежала пустыня.

— Рад, что вы оказались плохим стрелком. Некоторые из этих ракет пролетели слишком близко, чтобы чувствовать себя уютно.

— Ракеты, да? Тогда это точно артиллерия хлопалей, у нас тут ничего подобного нет.

— Я слышал, что здесь заваривается настоящая война, — сказал Ретиф. — Никак не ожидал...

— Отлично! — перебил обрадованный Поттер. — Мы так и считали, что некоторые из ваших ребят с Айвори присоединятся к нам, прослышав о нашем бедственном положении. Вы с Айвори?

— Да, я...

— Эй! Вы, должно быть, родственник Лемюэля. Добрый вечер! Я чуть-чуть не совершил тяжелую ошибку. Лемюэль — человек крутой, ему трудно что-нибудь объяснить.

— Я...

— Пригните голову. У этих проклятых хлопалей есть ручное оружие. К счастью, довольно скверное. Идемте.

Он начал ползком пробираться сквозь кустарник. Ретиф последовал за ним. Так они преодолели двести ярдов пересеченной местности, прежде чем Поттер поднялся на ноги, достал насквозь промокший цветастый платок и вытер лицо.

— Для горожанина ты двигаешься неплохо. Я думал, вы — ребята с Айвори — просто сидите под куполом да считываете показания приборов. Но, полагаю, как родственник Лемюэля...

— Вообще-то...

— Надо будет, однако, достать тебе какую-нибудь настоящую одежду. Эти городские шмотки на Мане долго не протянут.

Ретиф посмотрел на свою обугленную, порванную, пропитанную потом и грязью спортивную зеленовато-голубую куртку и такие же брюки — неофициальное обмундирование третьего секретаря и вице-консула Дипломатического Корпуса Земли.

— Дома этот наряд казался весьма прочным и уместным, — промолвил он. — Но, полагаю, у кожаной одежды есть свои достоинства.

— Давай вернемся в лагерь. К закату мы как раз сумеем добраться до него. И, слушай, не говори Лемюэлю, что я принял тебя за хлопаля.

— Не скажу, но...

Поттер уже пошел, подымаясь прыжками по пологому склону. Ретиф стянул с себя промокшую куртку, бросил ее на куст, добавил к ней свой галстук-шнурок и последовал за Поттером.

* * *

— Мы чертовски рады, что вы здесь, мистер, — сказал толстяк с двумя висящими на брюхе револьверами. — Нам сейчас никакой человек не будет лишним. Дела наши плохи. Мы столкнулись с хлопалями три месяца назад и с тех пор не сделали, по-настоящему, ни одного удачного хода. Сперва мы сочли их туземным видом, на который ни разу раньше не натыкались. Фактически один из ребят попросту подстрелил хлопаля, считая их законной дичью. Полагаю, из-за этого все и началось.

Он умолк, вздохнул и помешал дрова в костре.

— А потом целая орава их напала на ферму Свази. Убили двух его телок и убрались восвояси, — продолжил он.

— Мы думаем, что они сочли коров людьми, — пояснил Свази. — Они добивались мести.

— Да бросьте, как же кто-либо мог принять коров за людей? — усмехнулся еще один из сидевших у костра. — Они же совсем не похожи, по-моему...

— Не будь таким тупицей, Берт, — взорвался Свази. — Они же никогда раньше не видели землян; теперь-то они знают больше.

— Разумеется, — хохотнул Берт. — В следующий раз мы им показали, верно, Поттер? Ухлопали четверых.

— Они пришли прямо к моему дому через пару дней после первого нападения, — сказал Свази. — Мы были готовы

их встретить. Здорово задали им перцу. Они забыли зачем пришли и бежали, как...

— Улепетывали, ты хочешь сказать. Самые безобразные с виду твари, каких когда-либо видел. Выглядели точь-в-точь как ковыляющий кусок старого грязного одеяла.

— С тех пор так все и пошло! Они устраивают набег, а потом мы устраиваем набег. Но в последнее время они пустили в ход тяжелую артиллерию. У них есть своего рода малюсенькие воздушные суда и автоматические винтовки. Мы уже потеряли четырех людей, а еще дюжина — в морозильнике, в ожидании корабля медпомощи. Мы не можем себе позволить таких потерь. Во всей колонии меньше трехсот годных к военной службе мужчин.

— Но мы еще удерживаем свои фермы, — сказал Поттер. — Все эти оазисы — дно древних высохших морей. Представляете, глубиной в милю сплошной слой плодороднейшей почвы. И есть еще пара сотен других оазисов, даже не тронутых нами. Впрочем, хлопали не получат их, пока жив хоть один человек.

— Вся система нуждается в продовольствии, которое можем вырастить только мы, — вставил Берт. — Тех ферм, что мы пытаемся создать, не хватит полностью, но они существенно помогут.

— Мы звали во весь голос на помощь ДКЗ, там на Айвори, — поведал Поттер. — Но ты же знаешь этих посольских холуев.

— Мы слыхали, что сюда посылают какого-то бюрократа, чтобы велеть нам убираться и отдать оазисы хлопалям, — рот у Свази плотно сжался. — Мы его ждем не дождемся...

— А тем временем к нам прибывают подкрепления. Мы отправили весточку к себе на родину; у нас у всех есть родственники на Айвори и на Верде...

— Заткнись, ты, проклятый дурак! — проскрежетал глухой голос.

— Лемюэль! — узнал Поттер. — Никто другой не мог так вот тихо подкрасться...

— Будь я хлопалем, я бы слопал вас живьем, — вышел в круг света новоприбывший. Это был высокий, широкоплечий человек в грязной кожаной одежде. Он поглядел на Ретифа.

— А это еще кто?

— Что ты имеешь в виду? — заговорил во внезапно наступившей тишине Поттер. — Он же твой родственник.

— Никакой он мне не родственник, — Лемюэль подошел к Ретифу.

— Для кого ты шпионить, чужак? — проскрипел он.

Ретиф поднялся на ноги.

— Думаю, мне, наконец, следует объяснить...

В руке Лемюэля появился курносый автоматический пистолет, бывший явно диссонансной нотой на фоне отделанных бахромой штанов из оленьей кожи.

— Опустим болтовню. Я узнаю шпика, как только вижу его.

— Всего лишь для разнообразия я хотел бы закончить фразу, — сказал Ретиф. — И предлагаю вам засунуть свою смелость обратно в карман, пока она вас не ужалила.

— Ты болтаешь чуть более цветисто, чем меня устраивало бы.

— Вы неправы. Я говорю так, как устраивает меня. А теперь в последний раз говорю, уберите пистолет.

Лемюэль уставился на Ретифа во все глаза.

— Ты мне приказываешь?..

Левый кулак вице-консула молниеносно врезался прямо в центр лица Лемюэля. Худощавый поселенец отшатнулся, и из носа у него брызнула кровь. Пистолет выстрелил в землю, когда тот от неожиданности выронил его. Однако Лемюэль выправился, прыгнул на Ретифа... и встретил прямой правый, бросивший его на спину. До земли он долетел уже в глубоком нокауте.

— Вот это да! — выпалил Поттер. — Чужак свалил Лема... двумя ударами!

— Одним, — поправил Свази. — Первый был просто дружеским похлопыванием.

Берт замер.

— Тихо, ребята, — прошептал он. Во внезапно наступившей тишине послышался зов ночной ящерицы. Ретиф напряг слух, но ничего не услышал. Он сощурил глаза, вглядываясь во тьму за костром.

Быстрым движением он схватил ведро с питьевой водой, выплеснул ее на костер и бросился пластом на землю. Другие стукнулись о почву на долю секунды позже него.

— Для горожанина ты слишком проворен, — выдохнул рядом с ним Свази. — И видишь тоже весьма неплохо. Мы разделимся и возьмем их с двух сторон. Ты и Берт слева, а я с Поттером справа.

— Нет, — отверг его предложение Ретиф. — Ждите здесь. Я пойду один.

— Что за мысль...?

— Позже. Сидите здесь тихо и не смыкайте глаз, — Ретиф взял за азимут едва различимую на фоне неба вершину дерева и двинулся вперед.

Пять минут осторожного продвижения вывели Ретифа на небольшой взгорок. С бесконечной осторожностью он поднялся и рискнул выглянуть из-за выступающего из земли камня. В нескольких метрах впереди заканчивались чахлые деревья, и дальше за ними он различил смутные очертания холмистой пустыни — страны хлопалей. Он встал на ноги, перешагнул через камень, все еще горячий после целого дня тропической жары, и, крадучись, продвинулся на двадцать ярдов вперед. Ретиф не видел вокруг себя ничего, кроме перемещаемого ветром песка, бледного в свете звезд, лишь кое-где эта бледность нарушалась тенями от выступающих плит сланца. Позади него неподвижно замерли джунгли, землянин присел на землю и стал ждать.

Прошло десять минут, прежде чем его глаза уловили какое-то движение; что-то отделилось от темной массы камня и перелетело, планируя, несколько ярдов открытой

местности до нового укрытия. Ретиф следил. Шли минута за минутой. Силуэт снова появился, скользнув в тень на этот раз всего в десяти футах от Ретифа. Он проверил локтем

рукоять энергопистолета. Да, ему было бы лучше рассчитать все верно...

Внезапно раздался шорох, словно кто-то провел кожей по бетону, полетел песок, и хлопаль атаковал. Землянин откатился в сторону, а затем бросился на противника, навалившись всем телом на бешено бьющего крыльями хлопаля: квадратный ярд площади, три дюйма толщины в центре — и все это сплошные мускулы. Похожее на ската существо вздыбилось, выгнулось назад, трепеща краями, и встало на плоское ребро, образованное круговым мускулом. Оно цапнуло Ретифа гибкими, расположенными вдоль краев щупальцами, хватая его за плечи. Ретиф в ответ обхватил существо обеими руками и с трудом поднялся на ноги. Тварь оказалась изрядно тяжелой — по меньшей мере в сотню фунтов; а сражаясь она, казалось, тянула на все пятьсот.

Хлопаль решил сменить тактику на прямо противоположную и внезапно обмяк. Ретиф вцепился в него двумя руками и почувствовал, что угодил большим пальцем в какое-то отверстие. Существо просто-таки взбесилось, и Ретиф держался изо всех сил, пытаясь загнать палец еще глубже.

— Извини, парень, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Выдавливать глаза — не совсем по-джентльменски, но уж больно действенно...

Хлопаль перестал трепыхаться, и только по краям его тела медленно пробегала рябь. Ретиф ослабил давление. Существо на пробу пару раз дернулось — палец тотчас же вонзился глубже. Хлопаль снова обмяк, застыв в ожидании дальнейшего развития событий.

— А теперь, когда мы понимаем друг друга, — обратился к нему Ретиф, — веди меня в свой штаб.

Двадцатиминутная прогулка по пустыне привела Ретифа к низенькому барьеру из колючих веток — наружной оборонительной линии хлопалей, защищавшей их от вылазок землян.

Это место подходило для ожидания следующего шага хлопалей ничуть не хуже любого другого. Ретиф сел, снял со

спины груз в виде пленника, твердо удерживая на месте большой палец. Если верен его анализ ситуации, то пикет хлопалей должен прибыть очень даже скоро...

* * *

Луч режущего красного света ударил землянина в лицо, а затем, мигнув, исчез. Ретиф поднялся на ноги. Пленный хлопаль взволнованно затрепетал краями, и землянин на всякий случай напряг большой палец.

— Сиди тихо, — приказал он. — Не пытайся сделать ничего поспешного...

К замечаниям его остались глухи, возможно из-за отсутствия ушей, но палец значил не меньше, чем слова.

Зашуршал песок, и Ретиф осознал, что кольцо вновь прибывших затягивается. Он еще крепче сжал пленника. Теперь землянин ясно мог разглядеть силуэт, вырисовывавшийся на фоне неба. Существо было ростом почти с него: шесть футов три дюйма. Похоже, хлопали встречались всяких размеров.

Раздалось тихое перекатывающееся громыхание, чем-то похожее на рычание, а затем постепенно стихло. Ретиф, нахмурясь, чуть склонил голову набок.

— Попробуйте-ка на две октавы повыше, — посоветовал он наконец.

— Ооорп! Извините. Так лучше? — донесся из темноты ясный голос.

— Прекрасно, — одобрил Ретиф. — Я прибыл сюда договориться об обмене военнопленными.

— Пленными? Но у нас ведь нет никаких пленных.

— Безусловно есть. Я. Договорились?

— Ах, да-да, ну, конечно. Вполне справедливо. Каких гарантий вы требуете?

— Хватит слова джентльмена, — Ретиф отпустил своего пленника. Тот торопливо зашлепал прочь и исчез во тьме.

— Если вы соблаговолите сопровождать меня в наш штаб, — предложил голос, — мы можем обсудить наши общие заботы с подобающими удобствами.

— С превеликим удовольствием.

Красные огоньки коротко перемигнулись. Заметив образовавшийся в колючем барьере разрыв, Ретиф прошел за ограждение. Он проследовал за неясными силуэтами по теплому песку к низкому, похожему на вход в пещеру, слабо освещенному красноватым свечением отверстию.

— Должен извиниться за неудобную планировку нашего комфорт-купола, — сказал голос. — Знай мы, что нас почтят визитом...

— Ну что вы, не беспокойтесь, — успокоил хозяина Ретиф. — Мы, дипломаты, обучены ползать.

Внутри, согнув колени и пригнув голову под пятифутовым потолком, Ретиф оглядел перламутровые стены, выдержанные в розовых тонах, стекловидный пол цвета старого бургундского вина, застеленный шелковыми коврами, и низкий столик из полированного красного гранита, заставленный серебряными блюдами и изящными трубкоподобными стаканами для питья, выполненными из розового хрусталя.

— Разрешите поздравить вас, — обратился к нему голос. Ретиф обернулся. Теперь он мог разглядеть обладателя этого голоса. Около него трепетал огромный хлопаль, украшенный алым парадным мундиром. Голос исходил из диска, укрепленного у него на спине. — Ваши боевые формы дерутся весьма неплохо. Думаю, мы найдем друг в друге достойных противников.

— Благодарю вас. Уверен, это испытание было бы интересным, но, надеюсь, нам удастся избежать его.

— Избежать его? — Ретиф ясно расслышал в изумленном безмолвии исходящее из динамика тихое гудение.

— Кх-кх, ну, давайте поужинаем, — предложил наконец могучий хлопаль. — Эти вопросы, в конце концов, мы можем

разрешить и позже. Меня зовут Хошик из Мозаики Двух Зорь.

— А я — Ретиф, — Хошик молчал, ожидая продолжения, — ...из Бумажных Джунглей.

— Располагайтесь, Ретиф, — пригласил Хошик. — Надеюсь, вы не сочтете слишком неудобными наши грубые ложа.

В помещение вплыли двое других крупных хлопалей и безмолвно пообщались с Хошиком.

— Прошу нас простить за отсутствие устройств для перевода, — извинился он перед землянином. — Разрешите мне представить своих коллег.

В покои вплыл маленький хлопаль, на спине которого был установлен серебряный поднос, заставленный источающей тонкий аромат пищей. Официант обслужил обедающих и наполнил трубочки для питья желтым вином.

— Надеюсь, вы найдете эти блюда аппетитными, — сказал гостеприимный Хошик. — По-моему, обмен веществ у нас во многом схожий.

Ретиф попробовал еду — на вкус сладкая и похожая на орехи. А вино невозможно было отличить от «Шато д'Икем».

— Наткнуться здесь на вашу партию было для нас приятным сюрпризом, — сообщил Хошик. — Признаться, сперва мы приняли вас за местный вид ковырятелей земли, но вскоре нас, к счастью, вывели из этого заблуждения.

Он поднял трубочку, ловко манипулируя ею с помощью равномерно расположенных по краю тела щупалец. Ретиф ответил тем же салютом и выпил вино.

— Конечно, — продолжил Хошик, — как только мы поняли, что вы такие же спортсмены, как и мы, то попытались загладить свою непростительную ошибку, постаравшись обеспечить вам немножко достойных боевых действий. Мы заказали более тяжелое вооружение и ждем нескольких тренированных стычников, так что вскоре мы сможем устроить вам подобающее представление, во всяком случае, я на это надеюсь.

— Добавочные стычники? — переспросил Ретиф. — И сколько же, если мне будет позволено спросить?

— На данную минуту, вероятно, всего несколько сотен. А потом... Ну, уверен, мы сумеем договориться между собой. Лично я предпочел бы состязание ограниченного масштаба — без всякого там, знаете, ядерного или радиационного оружия. Ведь так утомительно сортировать потомство, выискивая генетические отклонения. Хотя, признаться, мы, таким образом, наткнулись на некоторые ужасно полезные типы: например, на вид рейнджера — вроде того, что вы захватили в плен. Недалекого ума, конечно, но фантастически ловкий следопыт.

— О, безусловно, — согласился Ретиф. — Ничего атомного. Как вы справедливо указали, сортировать потомство занятие малоинтересное, и, потом, вдобавок, из-за этого попусту тратятся войска.

— А, ну это же, в конце концов, всего лишь пушечное мясо. Но мы согласны. Ничего атомного. Кстати, вы пробовали яйца наземных гвоков? В некотором роде, специальность моей Мозаики...

— Действительно, вкусно, — похвалил Ретиф. — Интересно, а не думали ли вы вообще отказаться от оружия?

Из диска раздался скрипучий звук.

— Приношу свои извинения за смех, — сказал Хошик. — Но вы, должно быть, шутите?

— На самом-то деле, — ответил Ретиф, — лично мы стараемся избегать применения любого оружия.

— Если я не ошибаюсь, при нашем первом контакте стычковых форм одна из ваших передовых частей применила оружие.

— Приношу свои извинения, — оправдался Ретиф. — Та... э... стычковая форма, к нашему стыду, не признала, что имеет дело со спортсменом.

— И все же теперь, когда мы так весело начали проводить состязания с оружием... — Хошик сделал знак одному из слуг снова наполнить трубочки для питья.

— Я не упомянул еще вот о каком аспекте, — продолжил Ретиф. — Надеюсь, вы не примете этого на свой счет, но факт тот, что наши стычковые формы рассматривают оружие как нечто разрешенное лишь для применения против совершенно конкретных форм жизни.

— О? Любопытная концепция. И что же это за формы?

— Хищники. Смертельные противники, но невысокой касты. Я не хочу, чтобы наши стычковые формы рассматривали столь достойных противников как хищников.

— О Небеса! Я действительно ничего не понимал. Вы поступили очень любезно, указав на это, — Хошик уныло заклохтал. — Как я вижу, стычковые формы и у нас, и у вас во многом одинаковы: никакой восприимчивости.

Он скрипуче рассмеялся.

— Что и приводит нас к сути дела, — продолжал дальше Ретиф. — Видите ли, у нас возникла серьезная проблема со стычковыми формами: низкие темпы воспроизводства. И поэтому мы с большой неохотой пошли на то, чтобы принять суррогаты столь дорогих сердцу истинного спортсмена массовых действий. И, знаете, мы попытались вообще положить конец этим состязаниям...

Хошик поперхнулся, наполнив воздух брызгами вина.

— Да что вы такое говорите? — ахнул он. — Вы предлагаете Хошику из Мозаики Двух Зорь отказаться от чести?

— Сударь! — строго сказал Ретиф. — Вы забываетесь. Я, Ретиф из Бумажных Джунглей, всего лишь делаю альтернативное предложение, более соответствующее новейшим спортивным принципам.

— Новейшим? — воскликнул Хошик. — Дорогой Ретиф, какой приятный сюрприз! Я всегда старался идти в ногу с новыми веяниями. В этой глуши совершенно отрываешься от культуры. Объясните, пожалуйста, поподробней.

— Все, в общем-то, крайне просто. Каждая сторона отбирает представителя, и эти двое индивидуумов решают исход дела между собой.

— Я… э… боюсь, что не понимаю. Какое же можно придавать значение деятельности пары случайных стычковых форм?

— Я, должно быть, не совсем ясно выразился, — уточнил Ретиф, пригубив вино. — Мы вообще не допускаем к участию стычковые формы; это, знаете ли, безнадежно устарело.

— Вы хотите сказать?..

— Совершенно, верно. Вы и я.

* * *

Выйдя на освещенный звездным светом песок, Ретиф отбросил в сторону энергопистолет, а вслед за ним и одолженную ему Свази кожаную рубаху. В слабом свете он едва-едва различал высившуюся перед ним фигуру хлопаля, скинувшего парадный мундир. Позади него выстроились безмолвные ряды хлопалей-слуг.

— Боюсь, что теперь я должен отложить в сторону переводчик, Ретиф, — извинился Хошик. Он вздохнул и шевельнул щупальцами. — Мои собратья по потомству никогда этому не поверят. Какой любопытный оборот приняла мода. Насколько это приятней, чем наблюдать за боем издали.

— Я предлагаю придерживаться теннессийских правил, — обратился к нему Ретиф. — Они достаточно свободные: разрешается кусаться, выдавливать глаза, топтать, бить коленом и, конечно, душить, равно как и обычные удары кулаками и ногами.

— Хммм. Эти приемы, кажется, приспособлены к формам, наделенным жесткими эндоскелетами, боюсь, что я буду в невыгодном положении.

— Ну что же, — намекнул Ретиф. — Если вы предпочитаете более плебейский вид состязания…

— Ни в коем случае. Но, думается, мы могли бы запретить выкручивание щупалец, просто для выравнивания баланса.

— Отлично. Приступим?

Хошик стремительно бросился на Ретифа, тот пригнулся, резко повернулся и попытался вспрыгнуть хлопалю на спину. Его отшвырнуло прочь могучей рябью мышц плоского тела негуманоида. Ретиф откатился в сторону, а когда Хошик развернулся к нему брюшной стороной, вскочил на ноги и нанес тому удар в середку. Левый край хлопаля взвился, описав дугу, и нанес ответный удар, закончившийся на челюсти Ретифа и бросивший его на спину. Хошик навалился на Ретифа, словно вываленный из кузова самосвала бетон. Землянин закрутился, пытаясь откатиться в сторону, но плоское тело существа накрыло его. Он высвободил руку и обрушил на кожаную спину град могучих, но бесполезных ударов. Хошик лишь прильнул еще плотнее.

Ретиф задыхался, он попробовал приподнять эту, выжимавшую воздух из его легких тяжесть — это не удалось. Он только зря терял силы, и тут землянин вспомнил взятого в плен рейнджера. Чувствительное отверстие, расположенное на брюхе!

Ретиф шарил вслепую, ощупывая жесткую шкуру, покрытую роговыми гранулами. Завтра он недосчитается кожи — если будет это завтра, конечно. Его большой палец нашел-таки какое-то отверстие, и он, на пробу, ткнул в него.

Хлопаль отпрянул. Ретиф не отпускал, запихивая палец все глубже, пытаясь подтянуть другую руку. Если это создание двусторонне симметрично, то найдутся и другие удобные для захвата места.

Нашлось. Ретиф вонзил второй палец, и хлопаль, судорожно извиваясь, отступил. Ретиф, продолжая удерживать пальцы на месте, с трудом поднялся на ноги, навалился всем весом на Хошика и упал на него, по-прежнему выдавливая глаза. Хошик дико затрепетал, а затем обмяк.

Землянин расслабился, вытащил пальцы и, тяжело дыша, поднялся на ноги. Хошик сгорбился над брюшной половиной, с трудом поднялся и осторожно двинулся за боковую линию. Подошедшие слуги помогли ему облачиться в

мундир и пристегнуть переводчик. Он тяжело вздохнул, регулируя громкость.

— Можно многое сказать в пользу старой системы, — рассудил он. — Какое бремя возлагает, иной раз, на спортсмена честное состязание.

— Отличная забава, не правда ли? — просто бурлил энтузиазмом Ретиф. — Поскольку я отлично понимаю, что вам не терпится продолжить, то, если вы только согласитесь немножко подождать, я сбегаю за некоторыми из наших специальных глазовыдавливательных форм...

— Да пожрет глазовыдавливателей шкурный тик! — взорвался Хошик. — Вы мне устроили такую боль спронга, что я год буду вспоминать ее каждый раз, когда придется обзаводиться потомством.

— Кстати, о шкурных тиках, — продолжал как ни в чем не бывало Ретиф. — Мы вывели и кусачую форму...

— Хватит! — прорычал Хошик так громко, что переводчик подпрыгнул на его спине. — Меня вдруг потянуло к перенаселенным желтым пескам Жака. Я надеялся...

Он оборвал фразу, со свистом втягивая в себя воздух.

— Я надеялся, Ретиф, — проговорил он, на сей раз с печалью в голосе, — найти здесь новую землю, где я смог бы спланировать собственную Мозаику — так, чтобы эти чуждые пески дали такой урожай райского лишайника, чтобы завалить им рынки сотни миров. Но мой дух просто не в состоянии вынести перспективы бесконечных схваток с кусачими и глазовыдавливательными формами. Мне стыдно перед вами.

— По правде говоря, я сам несколько старомоден, — признался Ретиф. — Я тоже предпочел бы бой на расстоянии.

— Но, наверняка, ваши собратья по потомству никогда не простили бы вам такого отношения.

— Моих собратьев по потомству здесь нет. И, кроме того, — разве я не упомянул об этом? — никто из действительно сведущих не станет состязаться в каком-то поединке, если

есть хоть какой-то другой способ. Так вот, вы упомянули про возделывание песка, выращивание лишайников...

— Именно ими мы и обедали, — сообщил Хошик. — И именно из них приготовлено вино.

— Сегодня в новомодной дипломатии существует заметная тенденция к соревнованиям в области сельского хозяйства. Так вот, если вы захотите взять эти пустыни и выращивать лишайник, то мы, в ответ, обещаем держаться оазисов и выращивать овощи.

Хошик выгнул спину по стойке «смирно».

— Ретиф, вы вполне серьезно? Вы так-вот оставите нам все эти прекрасные песчаные холмы?

— Целиком и полностью, Хошик. Я возьму оазисы.

Хошик в экстазе затрепетал каймой.

— Вы опять превзошли меня, Ретиф, — воскликнул он. — На этот раз в щедрости.

— Детали обговорим позже. Уверен, мы сможем установить ряд правил, удовлетворяющих все стороны. А теперь, с вашего позволения, я должен вернуться. По-моему, некоторые из глазовыдавливателей ждут не дождутся моего возвращения.

* * *

Уже почти рассвело, когда Ретиф подал обговоренный с Поттером условный сигнал свистом, а затем поднялся и вошел на территорию лагеря. Свази встал.

— Вот и вы, — промолвил он. — А мы гадали, не пора ли пойти за вами.

Подошел Лемюэль, с синяком на пол-лица. Он протянул жесткую руку.

— Сожалею, что набросился на вас, незнакомец. По правде говоря, я принял вас за какого-то провокатора из ДКЗ.

Следом за Лемюэлем подошел и Берт.

— Откуда ты знаешь, что это не так, Лемюэль? — возразил он. — Может быть, он...

Лемюэль сбил Берта с ног небрежным взмахом руки.

— Если еще раз какой-нибудь хлопкороб вякнет, будто какой-то посольский хлыщ может меня вырубить, то получит еще крепче.

— Скажите, — обратился к ним Ретиф, — как у вас, ребята, обстоит дело с выпивкой?

— С вином? Мистер, мы уже год живем, лакая одну внутриствольную воду. Ман смертелен для тех бактерий, какие требуются для брожения напитков.

— Попробуйте-ка вот это, — Ретиф протянул приземистый кувшин.

Свази вытащил пробку, понюхал, отпил и передал его Лемюэлю.

— Мистер, где вы это достали?

— Его делают хлопали. И вот вам еще один вопрос: вы уступите хлопалям часть этой планеты в обмен на гарантию мира?

После получаса жарких дебатов Лемюэль повернулся к Ретифу.

— Мы заключим любую разумную сделку, — сказал он. — Полагаю, у них здесь столько же прав, как и у нас. Думаю, мы согласимся поделить все пятьдесят на пятьдесят. Это даст каждой стороне примерно по сто пятьдесят оазисов.

— А что вы скажете, если вам предложат сохранить все оазисы и отдать им пустыню?

Лемюэль протянул руку к кувшину с вином, глядя на Ретифа.

— Продолжайте, мистер, — предложил он. — Думаю, вы добились заключения сделки.

* * *

Консул Пассуин поднял взгляд, когда в кабинет вошел Ретиф.

— Присаживайтесь, Ретиф, — рассеянно предложил он. — Я думал, вы на Пуэбло или на Куличке, или как там они называют ту пустыню?

— Я вернулся.

Пассуин остро поглядел на него.

— Ну-ну, так чего же вам надо, приятель? Говорите, только не ждите, чтобы я запросил какую-то военную помощь.

Ретиф передал через стол пачку документов.

— Вот Договор. И Пакт о Взаимопомощи, и Торговое Соглашение.

— А? — Пассуин взял бумаги и перелистал их. А затем, просияв, откинулся на спинку кресла.

— Ну, Ретиф, управились вы быстро, — он остановился и моргнул, глядя на вице-консула. — У вас, кажется, синяк на челюсти. Надеюсь, вы вели себя как подобает сотруднику консульства.

— Посетил одно спортивное мероприятие. Один из игроков немного увлекся.

— Ну... это одна из тягот нашей профессии. «Приходится для виду проявлять интерес к подобным делам», — Пассуин поднялся и протянул руку. — Вы действительно действовали неплохо, мой мальчик. Пусть это научит вас тому, как важно точно следовать инструкциям.

Выйдя в коридор, Ретиф задержался у печи для уничтожения мусора — ровно настолько, чтобы достать из чемоданчика большой темно-желтый конверт, все еще запечатанный, и бросить его в щель.

ДВОЙНОЙ ТРЮК

I

Генеральный консул Мэгнан с кислым видом перебирал плотно обхваченную резинками пачку растрепанных документов.

- По этой заявке я не стал принимать опрометчивых решений, Ретиф, — сказал он, — Здесь, в Поясе, на Консульство возложена серьезная ответственность. Следует взвешивать все аспекты ситуации, рассматривать всё последствия. Что может получиться в результате того, что мы предоставим право на добычу полезных ископаемых на этом астероиде данному заявителю?

- Мне казалось, что с заявкой все в порядке, — заметил Ретиф. — Семнадцать копий с дополнениями. Почему бы ее не утвердить? Она уже неделю лежит у вас на столе.

Мэгнан поднял брови.

— У вас, что, есть личная заинтересованность в этой заявке, Ретиф?

— Каждый день вашего промедления стоит им денег. Эта развалюха, которую они используют в качестве рудовоза, болтается на парковочной орбите и накапливает неустойки.

— Я вижу, что вы принимаете слишком близко к сердцу проблемы сомнительной группы горняков. Вы еще не обучились счастливому качеству истинного дипломата — не вдаваться в частности, а принимать во внимание прежде всего ситуацию в целом.

— Эти люди небогаты, как вы понимаете. По сути дела, я полагаю, что эта заявка — их единственный актив, если не считать рудовоза.

— Внутренние финансовые проблемы горнорудной компании «Последний Шанс Сэма Номер Девять» не должны волновать Консульство.

— Осторожнее, — заметил Ретиф. — Вы сейчас сами начинаете вдаваться в частности.

— Едва ли, мой дорогой Ретиф, —кротко проговорил Мэгнан. — Главное значение имеет не то, что написано на бумаге, а то, что действительно определяет ситуацию. Вам следует изучить записки гигантов галактической дипломатии: Кродфоллера, Пассуина, Спрэдли, Нитуорта, Стернуилера, Рампуисла. Перечисление этих имен звучит как величественная поступь... э—э...

— Динозавров? — предложил Ретиф.

— Подходящая аналогия, — Мэгнан кивнул. — Эти могучие фигуры, эти бронированные шкуры...

— Эти крошечные мозги... Мэгнан грустно улыбнулся.

— Как я вижу, вы предпочитаете все воспринимать в искаженном свете. Возможно, когда—нибудь вы осознаете их истинную значимость.

— У меня уже есть некоторые подозрения.

Зазвенел интерком. На настольном экране появилось лицо мисс Гэмбл.

— Мистер Мэгнан, к вам мистер Лезеруэлл. У него заранее не было назначено...

Брови Мэгнана полезли вверх.

— Пригласите мистера Лезеруэлла немедленно, — он взглянул на Ретифа. — Я и понятия не имел, что Лезеруэлл собирается зайти. Интересно, что ему нужно? — Мэгнан выглядел встревоженным. — Он — важная фигура в кругах людей, занимающихся полезными ископаемыми Пояса. Важно избегать любых зарождающихся противоречий, сохраняя незаинтересованность. Вы вполне можете остаться. Может быть, освоите несколько ценных технических приемов.

Дверь широко распахнулась. Лезеруэлл вошел большими шагами, его живот заметно выпирал из—под модного вельветового костюма бирюзового цвета, увешанного модными флуоресцентными талисманами—оберегами. Он протянул крупную ладонь и энергично сжал вялую руку Мэгнана.

— Ах, здравствуйте, мистер генеральный консул. Как любезно, что вы меня приняли, — он рассеянно вытер руку о бедро, вопросительно глядя на Ретифа.

— Это мистер Ретиф, мой вице—консул и советник по полезным ископаемым, — сказал Мэгнан. — Садитесь же, мистер Лезеруэлл. В каком качестве сегодня я могу быть вам полезен?

— Я пришел сюда, джентльмены, — заявил Лезеруэлл, поставив огромный желтый дипломат на стол Мэгнану и устраиваясь в электрифицированном кресле—качалке, — от имени своей компании. «Дженерал Минерале». «ДжМ» давно известно о тех суровых условиях, в которых вынуждены находиться в Поясе такие государственные служащие, как вы. — Лезеруэлл покачивался вместе с креслом, благодушно улыбаясь Мэгнану. — «Дженерал Минерале» — это не просто крупный индустриальный концерн. Это организация, у которой есть сердце. — Лезеруэлл потянулся к нагрудному карману, промахнулся, попытался снова. — Как выключается эта чертова штука? — проворчал он.

Мэгнан, привстав, посмотрел, через дипломат, Лезеруэлла.

— Выключатель прямо там — на подлокотнике. Представитель «ДжМ» стал возиться с подлокотником. Послышался щелчок, и кресло осело, выдохнув сжатый воздух.

— Так—то лучше.— Лезеруэлл достал длинную полоску голубой бумаги.— Чтобы облегчить скуку и разнообразить жизнь группы отважных землян, работающих здесь, на Церере, ради того, чтобы привнести дух свободного предпринимательства в дела Пояса, «Дженерал Минерале» презентует Консульству — от своего имени — одну сотню тысяч кредитов на сооружение центра развлечений, с самым лучшим и новейшим оборудованием для отдыха, включая синтезатор пищи для банкетов «Гурман» модель С, сорокафутовую сублимационную камеру, библиотеку с пятью тысячами лент — с большим количеством таких, которых не достать в Бостоне, двадцатифутовой трехмерной камерой и прочими

удобствами, которых слишком много, чтобы их стоило перечислять,— Лезеруэлл откинулся на спинку, выжидающе улыбаясь.

— Что же, мистер Лезеруэлл. Мы поражены, разумеется, — Мэгнан ошарашено улыбался ему поверх дипломата. — Но я не знаю, подобает ли...

— Это дар людям, мистер консул. Вы просто принимаете его от их лица.

— Интересно, осознает ли «ДжМ», что число отважных землян, работающих на Церере, ограничено только штатом работников Консульства? — спросил Ретиф. — И этот штат состоит из мистера Мэгнана, мисс Гэмбл и меня.

— Мистера Лезеруэлла вряд ли интересуют такие детали, Ретиф, — вмешался Мэгнан. — Это действительно вдохновляющее предложение, сэр. Как консул Земли — и от лица всех землян, находящихся здесь, в Поясе — я принимаю предложение, покорно сознавая, что...

— А теперь еще одно незначительное дело. — Лезеруэлл потянулся вперед, чтобы открыть свой кожаный чемоданчик, оглядев при этом заваленный стол Мэгнана. Он достал пачку бумаг, бросил их на стол, затем вытянул толстый документ и передал его через стол Мэгнану.

— Просто рутинная заявка. Мне бы хотелось, чтобы ее побыстрее обработали, поскольку мы собираемся проводить некоторые погрузочные работы неподалеку от того места.

— Непременно, мистер Лезеруэлл,.

Мэгнан взглянул на бумаги, почитал некоторое время. Затем он поднял глаза.

— Э—э...

— Какие—то проблемы, мистер консул? — требовательно спросил Лезеруэлл.

— Просто... э—э... я, кажется, припоминаю... по сути дела...— Мэгнан взглянул на Ретифа. Ретиф взял бумаги, посмотрел верхний лист.

— 95739—А. Извините, мистер Лезеруэлл. «Дженерал Минерале» опередили. Мы обрабатываем заявку, поступившую ранее.

— Поступившую ранее заявку? — рявкнул Лезеруэлл. — И вы оформили разрешение?

— О, по сути дела, нет, мистер Лезеруэлл, — быстро ответил Мэгнан. — Та заявка еще не обработана.

— Тогда трудностей не предвидится, — удовлетворенно произнес Лезеруэлл. Он взглянул на часы на пальце. — Если вы не возражаете, я бы подождал и взял грант с собой. Полагаю, на это потребуется не больше одной—двух минут, чтобы подписать его, поставить печати и так далее?

— Та, другая заявка была подана целую неделю назад...— начал было Ретиф.

— Ха! — Лезеруэлл нетерпеливо махнул рукой. — Эти детали можно организовать. — Он вперил в Мэгнана прямой взгляд. — Я уверен, что мы все здесь понимаем: общественные интересы заключаются в том, чтобы минеральные богатства переходили к ответственным фирмам, обладающим соответствующим капиталом для развития.

— Э—эм, м—да, — сказал Мэгнан.

— Горнорудная компания «Последний Шанс Сэма Номер Девять» — это должным образом зарегистрированная фирма. Их заявка действительна.

— Знаю я эту фирму. Они хватают все, до чего могут дотянуться, — резко бросил Лезеруэлл. — Просто безответственные авантюристы. «Дженерал Минерале» потратила миллионы — миллионы, я говорю — из средств держателей акций на геологоразведку. И из—за того, что эти... эти искатели приключений наткнулись на залежь, разве наши акционеры должны терять честные проценты от своих капиталовложений? Конечно, особой реальной ценности данное имущество не имеет, — добавил он. — Просто обычный кусок скалы. Но «Дженерал Минерале» предпочитает расширять свои владения.

— В Поясе плавает множество других скал. Почему бы не...

— Один момент, Ретиф, — вмешался Мэгнан. Со зверским выражением лица он поглядел через стол на своего помощника. — Как генеральный консул, я вполне в состоянии определить, какая из заявок должна быть утверждена. Как подчеркнул мистер Лезеруэлл, общественный интерес заключается в том, чтобы исследовать этот вопрос со всех сторон.

Лезеруэлл прочистил горло.

— В данный момент я могу заявить, что «Дженерал Минерале» готова поступить щедро с этими людьми, вторгшимися в ее дела. Полагаю, что мы сможем предложить им в обмен определенную собственность «ДжМ» за отказ от любых прав на обсуждаемый участок — конечно, это только для того, чтобы упростить дело.

— По мне, это более, чем честно, — сердито буркнул Мэгнан.

— Люди «Сэма» обладают очевидным приоритетом, — возразил Ретиф. — Я зарегистрировал их заявку в прошлую пятницу.

— Но они не обладают очевидной репутацией, — резко бросил Лезеруэлл. — И могу вас заверить, что «ДжМ» оспорит их заявку и дойдет даже до Верховного суда, если потребуется!

— Какую же собственность вы планируете предложить им, мистер Лезеруэлл? — нервно поинтересовался Мэгнан.

Лезеруэлл полез в дипломат и достал бумагу.

— 2645—Р, — прочитал он. — Достаточно массивное тело. Материал коры, я полагаю. Оно должно удовлетворить желание этих скваттеров[4] иметь собственную недвижимость в Поясе.

— Я запишу, — сказал Мэгнан и потянулся к блокноту.

---

[4] Скваттер (амер., австрал.) - человек, поселившийся на государственной земле с целью ее приобретения. (Прим. перев.)

— Это предложение bona fide[5], мистер Лезеруэлл? — спросил Ретиф.

— Конечно!

— Так я и запишу, — заметил Мэгнан, записывая.

— И кто знает? — сказал Лезеруэлл. — Может быть, там обнаружатся на удивление богатые залежи.

— А если они его не примут? — спросил Ретиф.

— Тогда осмелюсь заявить, что «Дженерал Минерале» найдет, способ решить этот вопрос в суде, сэр!

— О, я не думаю, что в этом будет необходимость, — заметил Мэгнан.

— Тогда еще одно рутинное дело, — сказал Лезеруэлл. Он передал Мэгнану второй документ. — «ДжМ» просит издать предписание о том, чтобы приструнить группы, которые раздражают нас вторжениями на территории, принадлежащие компании. Я был бы рад, если бы вы сразу его обработали. Также сюда включен вопрос о нелегально добытой руде.

— Непременно, мистер Лезеруэлл. Я сам этим займусь.

— В этом нет необходимости. Все бумаги готовы. Наш юридический отдел гарантирует, что они составлены правильно. Просто подпишите здесь, — Лезеруэлл развернул бумагу и вручил Мэгнану ручку.

— Может быть, лучше сначала прочитать? — заметил Ретиф. Лезеруэлл нетерпеливо сдвинул брови.

— У вас будет подходящее время, чтобы ознакомиться с деталями позже, Ретиф, — бросил ему Мэгнан, беря ручку. — Нет необходимости тратить драгоценное время мистера Лезеруэлла. — Он нацарапал на бумаге свою подпись.

Лезеруэлл встал, собрал свои бумаги со стола Мэгнана и бросил их в чемоданчик.

— Подонки, — заметил он. — Разумеется, им не место в Поясе. Ретиф встал, прошел к столу и протянул руку.

---

[5] Bona fide (лат.) - добросовестный, честный. (Прим. перев.)

— Мне кажется, что вы прихватили официальный документ вместе с вашим собственным, мистер Лезеруэлл. По ошибке, разумеется.

— Что такое? — вскинулся Лезеруэлл. Ретиф ждал, улыбаясь. Мэгнан разинул рот.

— Он был под вашими бумагами, мистер Лезеруэлл, — пояснил Ретиф. — Он толстый, обхваченный резинками.

Лезеруэлл, покопавшись в чемоданчике, достал документ.

— Вы только подумайте, он действительно здесь, — буркнул он. Лезеруэлл сунул документ Ретифу в руку, — Вы очень наблюдательный молодой человек. — Со щелчком он закрыл чемоданчик. — Полагаю, вам светит большое будущее в ДКЗ.

— Действительно, Ретиф, — осуждающе проговорил Мэгнан. — Не было никакой необходимости дергать мистера Лезеруэлла.

Лезеруэлл бросил ненавидящий взгляд на Ретифа и доброжелательный — на Мэгнана.

— Полагаю, что вы передадите наше предложение заинтересованным сторонам. Поскольку для «ДжМ» в ее положении время является важным фактором, то наше предложение сохраняет свою силу только до девяти часов по Гринвичу, завтрашнего дня. В это время я зайду к вам снова, чтобы окончательно утрясти дела. Полагаю, что препятствий к удовлетворительному решению проблемы не будет. У меня нет желания заводить длительные судебные тяжбы.

Мэгнан поспешно обежал вокруг стола, чтобы открыть дверь. Затем, отчаянно сдвинув брови, обернулся к Ретифу.

— Недостойнейшее проявление грубости, Ретиф, — резко заговорил он, — Вы привели в замешательство одного из самых влиятельных представителей делового сообщества — и это просто ради каких—то нескольких жалких бланков.

— Эти бланки представляют собой чью—то ставку, причем дело касается того, что может оказаться ценным имуществом.

— Это просто бумажки, пока они не утверждены!

— И все же...

— Я с большей ответственностью отношусь к общественным интересам, чем к интересам группы каких—то изыскателей, готовых стянуть все, что плохо лежит!

— Они первыми нашли этот астероид!

— Ха! Бесполезная скала. После щедрого предложения мистера Лезеруэлла...

— Лучше побыстрее оформите чек, пока он не подумал об этом серьезнее и не переменил решения.

— Бог ты мой! — Мэгнан сжал чек в руке, вызывая мисс Гэмбл. Она вошла, выслушала его инструкции и вышла. Ретиф ждал, пока Мэгнан просматривал постановление, затем кивнул.

— Все в порядке. Начальником у них, похоже, является личность по имени Сэм Мациевич. Приведен адрес в отеле «Веселая Баржа»; это, должно быть, тот переоборудованный древний корабль на орбите 6942?

Ретиф кивнул.

— Так его и называют.

— Что же касается рудовоза, то я лучше конфискую его, оставив решение на потом. — Мэгнан достал из ящика стола бланк, заполнил его и толкнул через стол. Повернувшись, он сверился с настенным расписанием. — Оказывается, отель в данный момент находится поблизости. Возьмите шлюпку Консульства. Если вылетите прямо сейчас, успеете их застать до того, как вечерний гудеж достигнет максимума.

— Это ваш способ дипломатически дать мне понять, что я теперь курьер по доставке. — Ретиф взял бумаги и засунул их во внутренний карман.

— Это одна из многих функций, которыми вынужден заниматься дипломат, пребывая на небольшом посту в Консульстве. Прекрасный опыт. Мне нет необходимости предупреждать вас, чтобы вы были осмотрительны. Эти горняки — буйные люди, особенно когда получают плохие новости.

— Мы все такие. — Ретиф встал, — Как я понимаю, ту их заявку вы не подпишете, чтобы я смог привезти им заодно и хорошие новости?

— Разумеется, — бросил Мэгнан, — Им сделано исключительно щедрое предложение. Если оно их не удовлетворит, они могут обратиться за помощью в суд.

— Заводить дело в суде — это стоит денег. У горнорудной компании «Последний Шанс Сэма Номер Девять» их нет.

— Стоит ли мне снова напоминать вам...

— Я знаю. Это нас не касается, — Ретиф направился к двери.

— Когда будете выходить, — бросил ему вдогонку Мэгнан, — попросите мисс Гэмбл принести мне из библиотеки каталог «Гурмана». Хочу посмотреть спецификации синтезатора пищи для банкетов модели С.

Час спустя, находясь в девяти сотнях миль от Цереры и быстро приближаясь к отелю «Веселая Баржа», Ретиф набрал на передатчике номер.

— ДКЗ 347—89 вызывает Военные Силы FP—V0—6.

— Военные Силы V0—6 слушают, ДКЗ, — быстро ответили ему. На маленьком экране возникло мерцающее изображение.

— О, привет, мистер Ретиф. Что заставило вас выйти в космос в столь поздний час?

— Привет, Генри. Я буду на «Веселой Барже» минут через десять. Похоже, вся ночь у меня пройдет в делах. Скорее всего, я буду перемещаться. Как насчет того, чтобы вести за мной наблюдение? Я возьму с собой персональный маячок. Следите за ним и, если я включу его на полную мощность, быстро приходите. Я не могу себе позволить задерживаться. Утром у меня важная встреча.

— Непременно, мистер Ретиф. Будем держать ухо востро.

Ретиф бросил на стойку десятикредитную банкноту, взял стакан и приземистую бутылку черного марсберрийского бренди и обернулся, оглядывая помещение с низким потолком, ранее представлявшее собой палубу гидропоники, а

сейчас ставшее баром под названием «Джунгли». Под низким потолком переплетались разросшиеся лозы, которые Ретиф отнес к видам «Pererosto To—matus» и «Boloto Aromatus». Они делали исходящий от осветительных панелей свет приглушенно—зеленым. Шестифутовый трехмерный экран, снятый с разбитого транспорта Конкордиата, передавал записанную на ленту музыку двухсотлетней давности.

За столами широкоплечие мужчины в ярких форменных рубашках играли в карты, звенели бутылками и вопили.

С бутылкой и стаканом Ретиф прошел к одному из столов.

— Джентльмены, не возражаете, если я присоединюсь? Пять небритых физиономий повернулись, чтобы изучить его фигуру в шесть футов три дюйма, коротко постриженные черные волосы, невыразительную серую одежду, шрамы на костяшках пальцев. Рыжий тип со сломанным носом кивнул.

— Подтягивай стул, незнакомец.

— Работаешь по заявке, приятель?

— Просто осматриваюсь.

— Попробуй порцию этого сока скал.

— Не делайте этого, мистер. Он сам его готовит.

— Лучший скальный сок по эту сторону Луны.

— Слушай, парень...

— Меня зовут Ретиф.

— Ретиф, ты играл, когда—нибудь в дрифт?

— Не могу утверждать, что играл.

— Не играй с Сэмом, приятель. Он — местный чемпион.

— Как вы в него играете?

Чернобровый горняк, предложивший игру, закатал рукав, обнажив мускулистую руку, и поставил локоть на стол.

— Вы зацепляетесь указательными пальцами и прямо сверху ставите стакан. Выигрывает тот, кто отопьет глоток. Если стакан проливается, то угощаешь всех.

— Полная победа бывает редко, — весело заметил рыжий, — Но зато можно много пить.

Ретиф поставил локоть на стол.

— Я попытаюсь.

Двое мужчин переплели указательные пальцы. Рыжий налил полстопки скального сока и поставил ее на два кулака.

— Итак, парни. Начали!

Мужчина по имени Сэм заскрипел зубами; его бицепсы напряглись, пальцы побелели. Стопка затряслась. Затем она двинулась — по направлению к Ретифу. Сэм поднял плечи, напрягаясь.

— Вот и напиток, мистер!

— Что такое, Сэм? Ты устал?

Стакан медленно двигался — все ближе к лицу Ретифа.

— Ставлю сотню за то, что новичок его сделает!

— Смотри, Сэм! В любой момент сейчас...

Стакан затормозился, задержался. Запястье Ретифа дернулось, и стакан грохнулся на стол. Раздался всеобщий вопль. Сэм со вздохом откинулся назад, массируя руку.

— Ну и рука у тебя, мистер, — заметил он. — Если бы ты как раз не дернулся...

— Полагаю, что выпивка с меня, — сказал Ретиф. Спустя два часа марсберрийская бутылка Ретифа стояла на столе пустая вместе с полудюжиной других.

— Нам повезло, — говорил Сэм Мациевич. — Представь себе первоначальный объем планеты; скажем, две с половиной сотни миллиардов кубических миль. По теории де Берри коллапсировавшее кристаллическое ядро должно быть не более мили в диаметре[6]. Вот тебе и шансы.

— И вы считаете, что наткнулись на часть этого ядра?

— Именно наткнулись, черт побери. Пара миллионов тонн как с куста. И при трех кредитах за тонну,

---

[6] Речь идет о Фаэтоне, пятой планете Солнечной системы, в результате уничтожения которой возник пояс астероидов. (Прим. перев.)

доставленную в порт Сиртис, мы будем обеспечены на всю жизнь. Да и пора бы, кстати. Я нахожусь в Поясе уже двадцать лет. У меня двое детей, которых я не видел пять лет. Теперь все будет по—другому.

— Эй, Сэм, потише. Нет смысла объявлять об этом каждому заявщику в Поясе.

— Наша заявка зарегистрирована в Консульстве, — заявил Сэм. — Как только мы получим разрешение...

— Когда это будет? Мы ждем уже целую неделю.

— Я никогда не видел коллапсировавшего кристаллического металла, — заметил Ретиф. — Хотелось бы посмотреть.

— Само собой. Полетели. Я тебя свожу. Это примерно час полета. Мы возьмем наш катер. Ты хочешь полетать, Вилли?

— Чтобы полетать, у меня есть бутылка, — ответил Вилли. — Увидимся утром.

Двое мужчин спустились на лифте к лодочным докам, надели скафандры и погрузились в залатанную шлюпку. Утомленный скукой служитель раскрыл все двери на выход, нажал на рычаг спуска и запустил катер вдаль от отеля «Веселая баржа». Ретиф мельком увидел башню света, величественно вращавшуюся на фоне черноты космоса, пока привод уносил крошечную шлюпку вдаль от нее.

II

Ретиф по щиколотки утонул в порошкообразной поверхности, блестевшей в свете отдаленного солнца наподобие снега.

— Это интересное вещество, — зазвучал у него в ушах голос Сэма из динамиков скафандра. — При нормальной гравитации ты бы утонул в нем так, что тебя и видно—то не было бы. Это вещество режет алмаз как масло — но из—за температурных изменений оно превращается в пыль. Его часто используют именно в этом виде, как промышленный

абразив. Его также легко грузить. Просто проводишь трубу, создаешь внешнее давление и качаешь.

— И весь этот астероид состоит из такого же материала?

— Да, конечно. Мы провели множество буровых тестов и эхолокацию по полной программе. Отчеты у меня на борту «Герти» — это наш лихтер.

— Вы здесь уже загружались?

— Да. Наши капиталы быстро подходят к концу. Мне нужно поскорее доставить этот груз в порт — пока оборудование само собой не развалится. В таком случае это будет конец.

— Что тебе известно о «Дженерал Минерале», Сэм?

— — Думаешь к ним наняться? Лучше сначала прочитай мелкий шрифт, перед тем как подпишешь контракт. Гнуснейшая команда мошенников и воров.

— Им принадлежит скала, известная как 2645—Р. Как ты думаешь, мы смогли бы ее отыскать?

— А, ты ее покупаешь, да? Конечно, можем найти. Ты чертовски прав, что хочешь хорошенько рассмотреть то, что продает «Дженерал Минерале».

На борту катера Мациевич полистал атлас Пояса, сверился с навигационным справочником.

— Да, он недалеко. Давай посмотрим, что хочет скинуть «ДжМ».

Катер висел в двух милях над поверхностью гигантского булыжника, известного под названием 2645—Р. Ретиф с Мациевичем рассматривали его под сильным увеличением.

— Похоже, ничего особенного, Ретиф, — заметил Сэм, — Давай опустимся и взглянем поближе.

Шлюпка быстро опустилась на изборожденную поверхность крошечного мира, плавающей в пространстве горы, отсвечивающей черным и белым под лучами солнца. Сэм, хмурясь, смотрел на панель управления.

— Странно. Мой ионный счетчик зашкаливает. Похоже на след от двигателя. Не более чем час или два назад здесь кто—то был.

Шлюпка приземлилась. Ретиф с Сэмом вышли. Каменистая поверхность была завалена осколками скал,

варьирующих по размеру от небольших камешков до огромных плит в двадцать футов длиной, валяющихся на мягкой постели из пыли и песка. Ретиф осторожно оттолкнулся и проплыл к верхушке вертикального клина скалы. Сэм присоединился к нему.

— Весь этот материал — вулканического происхождения, — заметил он. — Не похоже, что мы найдем здесь что—нибудь достаточно полезное, что стоило бы везти на Сиртис — разве что, если тебе посчастливится найти какие—нибудь бодеанские артефакты. Они стоят много.

С этими словами он прищелкнул бинокль к обзорному щитку и оглядел изрезанный пейзаж.

— Эге! — заметил он, — Вон там!

Ретиф проследил взглядом направление, куда указывала перчатка Сэма. Он рассмотрел темное пятно на ровной поверхности эрозировавшей скалы.

— Года два назад один мой приятель наткнулся на участок прежней поверхности планеты, — задумчиво проговорил Сэм. — Там обнаружился туннель, который бодеане использовали в качестве склада. Взял больше двух тонн металлических изделий. Конечно, никто до сих пор не знает, как эти вещи работают, но за них дают хорошие деньги.

— Похоже на водяную эрозию, — заметил Ретиф.

— Да. Может быть, это еще один кусок поверхности. Там может быть пещера. К тому же бодеане любили пещеры. Должно быть, у них была война — но, с другой стороны, если бы ее не было, они не стали бы прятать под землей столько вещей, когда эрозия могла вызвать разлом планеты.

Они спустились и пересекли заваленную камнями поверхность легкими, тридцатифутовыми прыжками.

— Это действительно пещера, — сказал Сэм, наклоняясь и заглядывая в пятифутовую дыру.

Ретиф двинулся внутрь вслед за ним.

— Давай зажжем свет, — Мациевич, щелкнув, включил луч. Тот отразился от тусклых полированных поверхностей

бодеанской синтетики. В наушниках Ретифа послышался тихий свист Сэма.

— Это странно, — заметил Ретиф.

— Странно, черт бы побрал! Это очень смешно. «Дженерал Минерале» пытается продать новичку бесполезную скалу — а она полна бодеанскими артефактами. Трудно сказать, сколько их здесь; туннель, похоже, идет далеко.

— Я не это имел в виду. Ты замечаешь, как нагревается скафандр?

— Э? Да, теперь, когда ты об этом сказал.

Ретиф постучал рукой в перчатке по гладкому черному изгибу ближайшего бодеанского артефакта. Тупое бряканье прошло через скафандр.

— Это не металл, — сказал он. — Это пластик.

— В этом есть что—то подозрительное, — заметил Сэм. — Эта эрозия; она больше смахивает на тепловой луч.

— Сэм, — обернувшись, сказал Ретиф, — мне кажется, что кто—то тут решился на большие хлопоты, чтобы создать ложное впечатление.

Сэм фыркнул.

— Я тебе говорил, что они — хитрые типы. — Он двинулся было наружу, затем задержался и опустился на одно колено. — Но, может быть, они сами себя надули. Посмотри!

Ретиф посмотрел. Луч Сэма отражался от сплавленной поверхности молочно—белого цвета, пронизанной полосками грязно—желтого. Сэм прищелкнул к перчатке заостренный инструмент и подковырнул одну из полосок. Она сморщилась под нажимом, и часть ее пристала к инструменту. Левой рукой Мациевич открыл сумку на поясе и осторожно положил образец в маленькое отделение. Нажав на кнопку, он скосил глаза на шкалу.

— Атомный вес 197,2, — сказал он. Ретифу пришлось уменьшить громкость своих подшлемных динамиков, когда в них раздался хохот Сэма.

— Эти клоуны собирались надуть тебя, Ретиф. — Он задыхался, все еще хихикая. — Они устроили здесь трюк с пещерой, полной бодеанских артефактов...

— Фальшивых бодеанских артефактов, — поправил Ретиф.

— Они спланировали эту скалу таким образом, чтобы она выглядела как участок прежнего берега, затем излучателями вырезали эту пещеру. Но они резали сквозь практически сплошное золото!

— Так здорово?

Мациевич посветил вокруг фонарем.

— Этот материал пойдет по тысяче кредитов за тонну, с легкостью. — Он выключил свет. — Давай двигаться, Ретиф. Тебе нужно оформить это дело, пока они не собрались бросить сюда еще один взгляд.

Оказавшись в шлюпке, Ретиф с Мациевичем открыли свои шлемы.

— Такое дело нужно отметить, — сказал Сэм, доставая фляжку, наполненную под давлением, из ящика для карт. — Эта скала стоит не меньше моей, а может, и больше. Тебе повезло, Ретиф. «Поздравляю», — он протянул руку.

— Боюсь, что один—два вывода у тебя оказались ложными, — сказал Ретиф. — Я здесь не для того, чтобы покупать участки для горнорудных разработок.

— Ты не... тогда почему... но, приятель! Даже если ты не планировал покупать...— Он замолк, когда Ретиф покачал головой, расстегнул скафандр и залез во внутренний карман, достав пачку сложенных документов.

— Как вице—консул Земли, я передаю тебе постановление о запрете на разработку небесного тела, известного под номером 95739—А,— он передал бумагу Сэму,— Также у меня здесь ордер на конфискацию судна «Грейвел Герти II».

Сэм, молча взяв бумаги, сидел, глядя на них. Затем он поднял глаза на Ретифа.

— Странно. Когда ты победил меня в дрифт и затем бросил игру, чтобы не позорить перед парнями, я подумал, что

ты — нормальный парень. Я тебе всю душу открыл, как будто бы ты был моей старой бабушкой. И это при всем моем жизненном опыте. — Он опустил руку и поднял ее с двухмиллиметровым браунингом, нацеленным Ретифу в грудь. — Я мог бы застрелить тебя и бросить здесь, накрыв плитой, бросить эти бумаги в унитаз и удрать с грузом...

— В конце концов, это не принесло бы тебе особой пользы, Сэм. Кроме того, ты не убийца и не идиот.

Сэм пожевал губу.

— Моя заявка зарегистрирована в Консульстве, законно, как положено. Может быть, разрешение уже прошло.

— Другие люди положили глаз на твою скалу, Сэм. Ты когда—нибудь встречал типа по имени Лезеруэлл?

— «Дженерал Минерале», да? Но им не на что опереться против меня.

— В последний раз, когда я видел твою заявку, она лежала в папке дел, предназначенных к рассмотрению. Просто пачка бумаги, пока ее не утвердит консул. Если Лезеруэлл опротестует ее... что же, его юристы на круглогодичной оплате. Сколько времени ты выдержишь, оплачивая судебные издержки, Сэм?

Мациевич с решительным щелчком закрыл шлем, жестом приказал Ретифу сделать то же самое. Открыв люк, он сидел с пистолетом, направленным на Ретифа.

— Вылезай, бумажная душа, — его голос тихо звучал в наушниках. — Тебе, может быть, будет одиноко, но в этом скафандре ты протянешь несколько дней. Я кому—нибудь намекну о тебе, пока ты еще не успеешь потерять много веса. Я возвращаюсь, чтобы посмотреть, не смогу ли я навести некоторый шум в Консульстве.

Ретиф выбрался наружу, отошел на пятьдесят ярдов. Он смотрел, как катер взвился в быстро рассеявшемся облаке пыли и затем быстро уменьшился до яркой точки, затерявшейся среди звезд. Из кармана скафандра он достал маячок для локатора и большим пальцем нажал на кнопку.

Через двадцать минут, находясь на борту военного корабля FP—VO—6, Ретиф снял шлем.

— Быстрая работа, Гарри. Мне надо сделать пару звонков. Соедини меня с вашим штабом, ладно? Я хочу поговорить с командером Хэйлом.

Молодой офицер вызвал штаб и передал микрофон Ретифу.

— Это вице—консул Ретиф, командер. Мне бы хотелось, чтобы вы перехватили катер, направляющийся от моего настоящего положения по направлению к Церере. На борту там некий мистер Мациевич. Он вооружен, но не опасен. Заберите его и позаботьтесь о том, чтобы доставить его в Консульство к 09:00 по Гринвичу завтра. Следующее: Консульство конфисковало рудовоз «Грейвел Герти II». Он на парковочной орбите в десяти милях от Цереры. Я хочу, чтобы его взяли на буксир, — Ретиф дал детальные инструкции. Затем он попросил через коммутатор Военных Сил соединить его с Консульством. Ему ответил голос Мэгнана. — Это Ретиф говорит, мистер консул. У меня есть некоторые новости, которые, как я полагаю, вас заинтересуют...

— Где вы, Ретиф? Что случилось с экраном? Вы отдали постановление?

— Я на борту патрульного судна Военных Сил. Я улетал, чтобы оценить ситуацию, и сделал удивительное открытие. Не думаю, что у нас будут проблемы с людьми Сэма; они осмотрели тело, 2645—P, и, похоже, «Дженерал Минерале» с ним промахнулись. По—видимому, там есть крайне ценные отложения.

— Да? Что за отложения?

— Мистер Мациевич упоминал о коллапсировавшем кристаллическом металле.

— Что же, очень интересно, — голос Мэгнана звучал задумчиво.

— Просто я подумал, что вам следует это знать. Это упростит проблемы утренней встречи.

— Да, — сказал Мэгнан. — Да, несомненно. Я думаю, что все становится очень просто...

В 08:45 по Гринвичу Ретиф шагнул в приемную офиса консула.

— ...фантастическая конфигурация, — гремел бас Лезеруэлла, — покрывающая буквально акры. Эти формации слегка запутали моих ксенологов. У них было всего несколько часов, чтобы исследовать участок; но по обилию указаний на поверхности ясно, что мы имеем дело с очень богатой находкой. Действительно очень богатой. По сравнению с ней 95739—А теряет свое значение. Благодарю вас, мистер консул, за то, что своевременно привлекли мое внимание к этому предмету.

— Не стоит благодарности, мистер Лезеруэлл. В конце концов...

— Наша предположительная теория состоит в том, что основной кристаллический фрагмент встретился в какой—то момент с материалом ядра и втянул его в себя. Поскольку мы работали над... я имею в виду, что мы приземлялись на другой стороне астероида, чтобы взять образцы, и совершенно упустили эти аномальные отложения.

Ретиф шагнул в комнату.

— Доброе утро, джентльмены. Мистер Мациевич прибыл?

— Мистер Мациевич находится под арестом у Вооруженных Сил. Мне сообщили, что его доставят сюда.

— Арестован, да? — Лезеруэлл кивнул. —Я говорил вам, что эти люди — это безответственная группа. В каком—то смысле жаль просто так отдавать им такой участок, как 95739—А.

— Я так понимаю, что эту скалу требовала себе «Дженерал Минерале», — с удивленным видом заметил Ретиф.

Лезеруэлл с Мэгнаном переглянулись.

— Э—э, «ДжМ» решила отказаться от заявки на это тело, — сказал Лезеруэлл. — Мы, как всегда, стремимся поощрять

предпринимательство на уровне малого бизнеса. Пусть эта недвижимость достанется им. В конце концов, у «ДжМ» есть и другие месторождения, которые стоит разрабатывать, — он благодушно улыбнулся.

— А как насчет 2645—Р? Вы ведь предложили его группе Сэма.

— Это предложение снимается, естественно! — бросил Лезеруэлл.

— Я не вижу, как вы сможете снять это предложение, — проговорил Ретиф. — Оно записано официально. Это контракт bona fide, обязательный для «Дженерал Минерале», подлежащий...

— По доброте нашего корпоративного сердца, — взревел Лезеруэлл. — Мы согласились отказаться от нашей законной и справедливой заявки на астероид 2645—Р. И вы с дьявольским нахальством разглагольствуете о букве закона? Я уже отчасти собираюсь отказаться от предложения!

— По сути дела, — заметил Мэгнан, глядя в угол комнаты, — я не совсем уверен, что смогу найти запись о предложении насчет 2645—Р. Я записал его на каком—то обрывке бумаги...

— С этим все в порядке, — сказал Ретиф. — У меня был включен карманный магнитофон. Я опечатал запись и разместил ее в архиве Консульства.

Снаружи послышался топот. На настольном экране появилось лицо мисс Гэмбл.

— Здесь несколько человек...— начала было она.

Дверь с грохотом распахнулась. Сэм Мациевич шагнул в комнату; за каждую его руку цеплялось по солдату. Он стряхнул их и пристально оглядел комнату. При виде Ретифа его глаза загорелись.

— Как ты здесь оказался?..

— Послушайте, Монкевич или как вас там, — начал было Лезеруэлл, выскакивая из кресла.

Мациевич, крутанувшись, схватил плотного мужчину за лацканы пиджака и поднял его на цыпочки.

— Ты...

Не дослушав весьма красочного описания особенностей сексуальной жизни уважаемого магната и его близких и дальних родственников, Ретиф прервал Мациевича:

— Не трогай его, Сэм. Он здесь для того, чтобы подписать отказ от прав — если таковые существуют — на 95739—А. Он целиком ваш — если он вам нужен.

Сэм с яростью уставился Лезеруэллу в глаза.

— Это верно? — проскрежетал он.

Лезеруэлл кивнул так, что его подбородки сложились в выпирающие складки.

— Однако, — продолжал Ретиф, — я не был уверен, что вы еще будете на это согласны, потому что он обязался предоставить вашей компании 2645—Р в обмен за отказ от притязаний на 95739—А.

Мациевич сузившимися глазами взглянул на Ретифа. Он отпустил Лезеруэлла, который бухнулся обратно в кресло. Мэгнан бросился из—за своего стола, чтобы позаботиться о магнате. За их спинами Ретиф закрыл один глаз, значительно подмигивая Мациевичу.

— ...и все же, если мистер Лезеруэлл согласится, то в дополнение к тому, что 95739—А будет вашим, он будет покупать вашу продукцию по четыре кредита за тонну, на своей станции приемки...

Мациевич взглянул на Лезеруэлла. Лезеруэлл поколебался, затем кивнул.

— Договорились.

— ...Тогда, я думаю, я подпишу соглашение, освобождающее его от его предложения.

Мациевич взглянул на Мэгнана.

— Вы генеральный консул Земли, — сказал он. — Это все без обмана?

Мэгнан кивнул.

— Если мистер Лезеруэлл согласен...

— Он уже согласился, — заметил Ретиф. — У меня в кармане магнитофон, как вы понимаете.

— Пусть все будет в письменном виде, — потребовал Мациевич.

Мэгнан позвал мисс Гэмбл. Остальные ждали молча, пока Мэгнан диктовал. Он расписался с росчерком, передал бумагу Мациевичу. Тот прочитал ее несколько раз, затем взял ручку и подписал. Мэгнан приложил к бумаге печать Консульства.

— Теперь грант, —сказал Ретиф. Мэгнан подписал заявку, добавил печать. Мациевич убрал бумаги во внутренний карман. Он встал.

— Что же, джентльмены, я думаю, что, может быть, я в вас ошибался, — сказал он, потом взглянул на Ретифа. — Э—э... есть время, чтобы выпить?

— Мне не следует пить в рабочее время, — заметил Ретиф. Он встал. — Поэтому на остаток дня я возьму отгул.

— Я не понимаю, — говорил Сэм, сигнализируя официанту, чтобы тот снова наполнил стаканы. — Что это было за дело с предписанием — и с конфискацией «Герти»? Тебе могло бы не поздоровиться.

— Не думаю, — ответил Ретиф. — Если бы ты действительно собирался что—нибудь сделать своим браунингом, ты бы снял его с предохранителя. А что касается конфискации — приказ есть приказ.

— Я вот думаю, — заметил Сэм. — Та залежь золота. Это тоже был обман, не правда ли?

— Я — простой бюрократ, Сэм. Что я вообще могу знать о золоте?

— Двойной трюк, — сказал Сэм. — Я должен был раскусить фальшивые артефакты — и затем зацепиться за подкинутое золото. И когда Лезеруэлл изложил бы мне свое предложение, я должен был за него схватиться. Я бы решил, что золото стоит немало, и я не мог себе позволить судиться с «Дженерал Минерале». Чертов скунс! А ты должен был заметить золото и рассказать о нем ему.

Бармен взглянул на Ретифа поверх стойки.

— Вас к телефону.

В будке на Ретифа смотрело возбужденное лицо Мэгнана.

— Ретиф, мистер Лезеруэлл в невероятной ярости! Залежь на 2645—Р — она оказалась только поверхностной пленкой, едва ли в несколько дюймов толщиной! Всей залежи не хватит даже на один рудовоз. — На лице Мэгнана возникло выражение ужаса. — Ретиф, что вы сделали с конфискованным рудовозом?

— Э—э, дайте подумать, — ответил Ретиф. — Согласно космическому Навигационному кодексу, любое тело, находящееся на орбите в пределах двадцати миль от населенного безвоздушного небесного тела, представляет собой опасность для навигации. Поэтому я приказал увести его на буксире.

— А груз?

— Ну, ускорять такую массу — дело не дешевое, поэтому, чтобы сэкономить кредиты налогоплательщиков, я потребовал, чтобы его сбросили.

— Куда? — задохнулся Мэгнан.

— На какой—то малозначащий астероид — как предписано правилами, — он кротко улыбнулся Мэгнану. Мэгнан тупо смотрел на него в ответ.

— Но вы же говорили...

— Я сказал только, что на 2645—Р есть что—то такое, что выглядит как ценная залежь. Оказалось, что это поддельное месторождение золота, которое кто—то поспешно там соорудил. Любопытно, да?

— Но вы сказали мне...

— А вы сказали мистеру Лезеруэллу. Неосмотрительно с вашей стороны, мистер консул. Это было сообщение лично для вас — секретная информация, только для внутреннего использования.

— Вы заставили меня поверить, что там коллапсировавшее кристаллическое тело!..

— Я сказал, что Сэм упомянул об этом. Он заявил мне, что его астероид состоит из этого материала.

Мэгнан дважды, с трудом, сглотнул.

— Кстати, — скучным голосом проговорил он. — Вы были правы насчет чека. Полчаса назад Лезеруэлл пытался остановить выплату. Но он опоздал.

— В конце концов, у Лезеруэлла сегодня был знаменательный день, — заметил Ретиф. — Что—нибудь еще?

— Надеюсь, что нет, — ответил Мэгнан. — Искренне надеюсь, что — нет. — Он склонился ближе к экрану. — Будем считать все это дело... конфиденциальным? Нет смысла напрасно осложнять отношения.

— Не тревожьтесь, мистер консул, — весело заметил Ретиф. — Я никоим образом не могу иметь отношения к такому специфическому делу, как тройной трюк на астероиде.

Когда он вернулся к столу, Сэм заказал еще бутылку скального сока.

— Этот дрифт — отличная игра, — заметил Ретиф. — Но давай я покажу тебе одну игру, которой я научился на Йилле...

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК

I

Ретиф запустил через комнату форменный берет цвета бледного бургундского полудня, чуть—чуть промахнувшись мимо стоящей в углу вешалки, и опустил на стол тяжелую картонную коробку, которую он принес с собой. Стройная курносая брюнетка появилась в двери, ведущей во внутренний офис.

— Мисс Брасуэлл, — сказал он, так что она не успела и рта раскрыть. — Здесь у меня два прекрасных пол—литровых

винных бокала, которые я собираюсь проверить в полевых условиях. Вы ко мне присоединитесь?

Она сделала ему знак молчать, указав глазами на внутренний офис. Над ее плечом появилось узкое возбужденное лицо.

— Ретиф! — воскликнул генеральный консул Мэгнан. — Я тут с ума схожу! Как это так получается, что каждый раз, когда грядет катастрофа, вы отсутствуете в офисе?

— Это просто вопрос выбора времени, — успокаивающим тоном ответил Ретиф, освобождая от оберток кубок в форме тюльпана и поднимая его к свету. Кубок, казалось, был сделан из отдельных стеклянных лепестков, сплавленных вместе в виде затейливой фигуры и переливающихся подобно драгоценным камням.

— Очень милые, правда? И едва успели остыть! Только что от стеклодува.

— Пока вы прохлаждаетесь на базаре, —резко бросил ему Мэгнан; его сердитое лицо краснело над широким жестким воротником из желтой пластиткани, — мне одному приходится решать возникшие проблемы! Советую вам отложить в сторону свои игрушки; я официально объявляю о созыве чрезвычайного совещания консульского штата через две минуты!

— Я так понимаю, что это подразумевает вас, меня и мисс Брасуэлл, так как остальные отправились на экскурсию по окрестностям кратера...

— Только вы и я.— Мэгнан вытер лицо большим носовым платком с цветочным орнаментом. —Возникшее чрезвычайное положение — высокой степени секретности.

— О Бог ты мой. На остаток дня я возьму отгул и посмотрю на празднества. — Мисс Брасуэлл подмигнула Ретифу, показала язык спине генерального консула и исчезла.

Ретиф достал из ящика стола бутылку и последовал за Мэгнаном во внутренний офис. Старший офицер дернул себя за жесткий воротник, теперь задыхаясь от испарины.

— Не знаю, почему это не могло подождать, пока не вернется министр Барншайнгл, — сказал Мэгнан. — Он уже задерживается на день. Я пытался связаться с ним, но все без толку. Эта примитивная местная система телесвязи только на линии прямой видимости...— Он прервался. — Ретиф, не будете ли вы так любезны отложить свое пьянство до окончания кризиса?

— О, это не пьянство, мистер Мэгнан. Я провожу анализ товара для своего следующего доклада. Если помните, вы повесили на меня анализ рынка для атташе по коммерции.

— Как уполномоченный по делам в отсутствие министра, я запрещаю пить на службе! — взревел Мэгнан.

— Вы, конечно же, шутите, мистер Мэгнан! Это будет означать конец дипломатии в том виде, в каком мы ее знаем.

— Ну, по крайней мере, хотя бы не до ленча. Я, таким образом, приказываю вам отложить исследование рынка до особого указания; через несколько часов мы можем оказаться на грани катастрофы!

— В чем вообще дело?

Мэгнан взял со своего стола листок желтой бумаги и передал его Ретифу.

— Это пришло по автопринтеру сорок минут назад.

НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ КОНВОЙ, ВКЛЮЧАЮЩИЙ ПЯТЬДЕСЯТ СУДОВ КЛАССА УЛАН, ЗАМЕЧЕН ДВИЖУЩИМСЯ КУРСОМ НА ЙОЛК Ш ЕТА 1500 GST 33 OCT GST. ПОДПИСАНО ПОМФРУА, ЭНСИН ВОЕННОГО ПАТРУЛЯ 786—G.

— «Уланы», — заметил Ретиф. — Это такие транспорты на тысячу человек. И ноль—девятьсот на тридцать третьей означает, что они в двух часах полета от нас.

— Это может оказаться и вторжением, Ретиф! Это не шутки! Вы можете себе вообразить, как будет выглядеть в

моем послужном списке, если прямо у меня перед носом произойдет вторжение на планету!

— Аборигенам в таком случае тоже придется несладко, — заметил Ретиф. — Какие действия вы уже предприняли?

— Действия? Ну, я отменил общественные встречи на сегодняшний день, проверил графики отлета пассажиров... и наточил множество карандашей.

— Вы пытались связаться с энсином Помфруа, чтобы выяснить детали?

— В Центре Связи нет никого на дежурстве, кроме местного клерка—шифровальщика. Он пытается связаться с ним. — Мэгнан нажал на кнопку на столе, — Оо—Джилитит, вам улыбнулась удача?

— У Помфруа—Тик все так же пучок органов в вентральном отверстии...

— Джилитит, я предупреждал вас, чтобы вы следили за своими выражениями! — взревел Мэгнан. — У человека, отвечающего за связь, не должно быть привычки выражаться! — Щелкнув переключателем, он отключился. — Чертовы местные! Это безнадежно, конечно. Наше оборудование не предназначено для поиска движущихся патрульных шлюпок на четырех A—V.

— А как йолкане относятся к ситуации? — спросил Ретиф, все еще поигрывая кубком.

Мэгнан заморгал.

— Ну, насчет этого я... э—э... только что собирался позвонить Оо—Риликуку. — Мэгнан нажал несколько кнопок, и на экране появилось желто—синее лицо с глазами, похожими на золотые булавочные головки, и двигающимися горизонтально челюстями, жующими маслянистую палочку.

— А, привет, Мэгнан, — произнес голос, звучавший, как несмазанное колесо. — Я только что закончил свой ленч. Жареная ножка гигантской саранчи. Изысканное блюдо. — Похожий на кусок зеленой веревки язык слизнул крошку с угла безгубого рта.

— Оо—Риликук, вам что—нибудь известно о большом конвое, который прибывает сюда сегодня?

Риликук промокнул подбородок салфеткой из тонкой ткани.

— Кажется, я припоминаю, что выдал множество виз в течение нескольких прошедших недель людям национальности гроак.

— Гроаки? Пятьдесят кораблей гроаков?

— Что—то вроде этого, — беззаботно ответил йолканец. — Кстати, если вы еще не позаботились об этом, то, может быть, присоединитесь к моей группе холостяков на время приближающихся празднеств...

— Вас ничего не волнует? Возможно, вы не осведомлены о том, что гроаки славятся своим коварством?

— Не стыжусь признаться, что слегка воспользовался своим влиянием, чтобы обеспечить себе грязевую ванну высшего класса. И не будет никакого недостатка в самках — хотя вы не так устроены, чтобы оценить это, верно...

— Могу я поинтересоваться, в каком состоянии находятся системы планетарной защиты? Я вас предупреждаю, гроакам верить нельзя!

— Планетарная защита? — Риликук издал веселое чириканье. — Как убежденные пацифисты, мы никогда не ощущали нужды в таких совершенно бесполезных вещах. Итак, через несколько минут я ухожу из офиса. А что, если я заеду к вам? Мы поедем ко мне, пообедаем, а затем — на болото...

— И вы в такой момент оставляете Министерство иностранных дел? — взвизгнул Мэгнан. — Они начнут приземляться через несколько минут!

— Боюсь, что у меня нет времени, чтобы посвящать эту неделю туристам с Гроа, Мэгнан, — сказал Риликук. — Им придется справляться самим. В конце концов, фестиваль Вум бывает один раз в девяносто четыре стандартных года.

Фыркнув, Мэгнан отключил связь.

— С этой стороны мы вряд ли добьемся помощи.— Повернувшись на стуле, он стал смотреть сквозь мутное стекло на

площадь, вымощенную плитками веселых цветов, окруженную приземистыми одноэтажными магазинчиками, построенными из керамических кирпичей и украшенных фресками, и на блестящие минареты находящегося на расстоянии мили храмового комплекса.

— Если бы эти бездельники меньше энергии затрачивали на свои стекляшки и больше — на иностранные дела, то я не оказался бы в таком неудобном положении.

— Если бы ДКЗ уговорила гроаков продать им несколько тысяч тонн песка, им не было бы необходимости перебирать осколки.

— Сотрудники ДКЗ достойны лучшего применения, чем заниматься добыванием песка, Ретиф... кстати, насколько я заметил, эта куча отходов, из которой они выбирают свои осколки, уже почти кончилась. Возможно, теперь они обратятся к более прибыльным делам и перестанут расточать мастерство поколений на строительство пустых храмов, — он указал на скопление стеклянных башен, сверкающих на солнце. — Они могли бы даже согласиться на экспорт разумных объемов товаров из стекла вместо нынешних символических количеств.

— По причине отсутствия в этом мире песка цена остается высокой; они утверждают, что не могут позволить себе выпускать из своего мира много стекла. Когда оно бьется, оно возвращается в виде куч стеклянных осколков, для повторного использования.

Мэгнан смотрел на равнину, где белые выбросы небольших гейзеров появлялись ненадолго, в то время как бледный дым поднимался прямо вверх в спокойном воздухе. Неожиданно далеко вверху мигнула точка голубого света.

— Странно, — хмурясь, заметил он. — Никогда еще не было такого, чтобы одна из лун виднелась среди белого дня.

Ретиф подошел к окну.

— Этого и сейчас не происходит. Наши гроакские друзья явно прибыли раньше графика. Они идут на ионном приводе, и они не больше чем в двадцати милях от поверхности.

II

Мэгнан с грохотом вскочил на ноги.

— Берите свою шляпу, Ретиф! Мы предстанем перед этими вторгающимися в чужие дела типами в тот момент, когда они ступят на йолканскую почву! Корпус не может допустить, чтобы такие вещи происходили без комментариев!

— Корпус всегда скор на комментарии, — заметил Ретиф. — В этом ему не откажешь.

Снаружи, на площади, было столпотворение — владельцы магазинов, поблескивая праздничной стеклянной бижутерией, закрывали свои палатки, ставили перед закрытыми ставнями магазинами замысловатые украшения, напоминающие перевернутые канделябры, и во весь голос обменивались поздравлениями. Длиннотелый, с розово—красным лицом йолканец в белом переднике, прислонившийся к открытой двери магазина, помахал суставчатым предплечьем.

— Ретиф—Тик! Окажите мне честь, зайдите на последнюю чашечку Бум перед тем, как я закроюсь. И ваш приятель тоже!

— Мне жаль, Оо—Плиф, служба зовет.

— Как я вижу, вы установили контакт с нежелательными элементами, как и всегда, — пробормотал Мэгнан, подзывая такси в виде лодки, пробиравшееся сквозь давку на толстых пневматических колесах. — Посмотрите на этих остолопов! Полностью погрузились в свои фривольные забавы, в то время как опасность приземляется едва ли в миле от них.

Ретиф смотрел на садящийся корабль, пока тот не скрылся за блестящими шпилями города—храма.

— Интересно, почему они приземляются там, а не в порту, — удивился Ретиф.

— Вероятно, они по ошибке приняли храм за город, — заметил Мэгнан. — Следует признать, что он впечатляет гораздо больше, чем это скопление земляных хижин!

— Но не гроаков. Перед тем как что—либо начинать, они тщательно к этому готовятся.

Такси затормозило, и Мэгнан начал давать указания шоферу, который в ответ только размахивал руками, что являлось йолканским эквивалентом пожатия плеч.

— Поговорите с этим парнем, Ретиф! — не выдержал Мэгнан. — Невразумительные диалекты — это ваше хобби, как я понимаю.

Ретиф дал водителю инструкции на местном жаргоне и откинулся на мягкие подушки. Мэгнан сидел на краешке сиденья и грыз ноготь. Машина прошла площадь и понеслась по боковой улице, запруженной аборигенами, направляющимися к болоту, затем по твердой высохшей грязи, дико виляя при объезде булькающих «котлов дьявола» из горячей грязи; то и дело попадавшихся на пути. Неподалеку небольшой гейзер выбросил фонтан горячей воды, окатив открытую машину брызгами. Возник и унесся запах тухлых яиц. С левой стороны солнечный свет отражался от поверхности бескрайнего болота, густо усеянного экзотическими, похожими на лилии, цветами. То там, то здесь из мелкой воды изящными группами возносились древовидные папоротники. Вдоль берега были установлены палатки ярких расцветок, празднующие аборигены собирались между ними группами, покачиваясь туда—сюда и размахивая своими многочисленными руками.

— Это возмутительно, — фыркнул Мэгнан. — Они уже на ногах не держатся, а их дьявольский фестиваль едва успел начаться!

— Это туземный танец, — заметил Ретиф. — Очень приличный.

— Но по какому поводу эти идиотские празднества? Похоже, они полностью парализовали даже то элементарное чувство ответственности, которое еще оставалось у этих балаболов.

— Это каким—то образом связано с соединением четырех лун, — пояснил Ретиф. — Более того, оно имеет какое—то

немаловажное религиозное значение. Танцы символизируют смерть и возрождение или что—то в таком роде.

— Хммф! Я вижу, что танцоры теперь падают ничком, лицом вниз! В религиозном экстазе, несомненно!

Пока они проезжали мимо раскачивающихся аборигенов, водитель рисовал в воздухе кабалистические знаки и едва успел схватить руль, чтобы отвернуть от струи горячего пара, вырвавшейся из расщепленного валуна. Впереди, вокруг места посадки корабля гроаков висело облако пыли; корабль сел едва ли в сотне ярдов от внешнего храма — сверкающей пятидесятифутовой башни из красного, желтого и зеленого стекла.

— Они сели слишком близко и рискуют повредить местные святыни, — заметил Мэгнан, когда такси остановилось рядом с кораблем. — В любой момент толпа может наброситься на них.

Двое местных жителей, вышедших из одной из множества затейливых арок, украшающих входы в храмовый комплекс, только бросили незаинтересованный взгляд на судно, когда в борту корабля открылась дверь и в ней появился гроак с веретенообразными ногами в широких штанах для гольфа и ярких носках.

Мэгнан поспешно выбрался из машины.

— Я хочу, чтобы вы отметили, как я управляюсь с этим делом, — сказал он, глядя на гроакский корабль из—под руки. — Решительное слово, произнесенное сейчас, может отвести опасность инцидента.

— Лучше произнесите решительное слово водителю, иначе обратно нам придется возвращаться пешком.

— Послушайте, Мак—Тик, у меня зарезервировано место в ванне горячей грязи; оно ждёт меня, — крикнул водитель, разворачивая машину. — Пять минут, не больше, ладно?

Ретиф вручил водителю десятикредитную банкноту и пошел по выжженной земле вслед за Мэгнаном к выдвигающейся лестнице. Гроак спускался; все его пять глаз на

стебельках смотрели в разных направлениях — и один на Мэгнана.

— Министр Барншайнгл, — проговорил он своим тусклым гроакским голосом, не успел Мэгнан и рта раскрыть. — Я Фисс, директор по турам из «Гроакских планетарных туров, инкорпорейтед». Полагаю, что вы пришли для того, чтобы помочь небольшой группе моих подопечных справиться с таможенными и иммиграционными формальностями. Итак...

— Директор по турам, вы сказали, мистер Фисс? — перебил его Мэгнан. — Пятьдесят кораблей туристов?

— Совершенно, верно. Могу вас заверить, что все паспорта и визы в порядке и отметки об иммунизации не просрочены. Поскольку мы, гроаки, не имеем дипломатической миссии на Йолке, со стороны ДКЗ это очень любезно распространить на нас свои полномочия.

— Минуту, мистер Фисс! Сколько времени ваши туристы собираются провести на Йолке? Они прибыли только на время фестиваля Вум, как я полагаю?

— Мне кажется, что наши визы дают право... э—э... на бесконечно долгое пребывание, мистер министр.

— Я Мэгнан, заменяю министра на время его отсутствия, — заявил Мэгнан.

Фисс пошевелил своими глазами.

— Министра нет здесь?

— Нет; он сейчас в горах. Очень любит спорт. Теперь, э—э, могу я спросить, где ваши остальные сорок девять кораблей?

— Но где можно найти министра? — задал встречный вопрос Фисс.

— Я действительно не могу сказать, — фыркнул Мэгнан. — От него уже два дня нет известий. Так как насчет ваших остальных кораблей? — настаивал Мэгнан.

— Полагаю, что в этом очаровательном маленьком мирке найдется сорок девять городов, — ровно проговорил Фисс— По одному транспорту на каждый.

— Любопытный способ проводить туристические поездки. — Мэгнан прервался, когда с грохотом открылся грузовой люк и оттуда выбралась тяжелая шестиколесная машина. Ряды многоглазых голов гроаков выглядывали через открытые борта, на которых поспешно были написано слова «ГРОАКСКИЕ МЕЖПЛАНЕТНЫЕ ТУРЫ, ИНК.». За первым вездеходом последовал второй, затем третий, четвертый. Мэгнан, разинув рот, смотрел, как они строятся в ровную колонну по два.

— Послушайте, что это такое, Фисс? — вырвалось у Мэгнана. — Это туристы?

— Конечно! Кто же еще? Пожалуйста, заметьте, что здесь присутствуют дамы и миленькие гроакские личинки. Да, все обычные, любящие повеселиться туристы.

— Почему они в бронированных машинах? — Мэгнан смотрел, как экипажи направляются к стеклянным храмам с башнями. — Постойте, куда они едут?

— Поскольку все население целиком и полностью занято празднованием фестиваля Вум, — вежливо прошипел Фисс, — «Гроакские туры» предусмотрительно позаботились о том, чтобы занять имеющиеся в наличии неиспользуемые жилые помещения.

— Вы что, это же местная Святыня Святынь, — возмутился Мэгнан. — Вам не следует туда входить!

— Эти строения не используются, — прошептал Фисс— И я не вижу возражений со стороны аборигенов, — он указал на водителя такси, который с безразличным видом смотрел, как первый вездеход прошел под изящной хрустальной аркой и вышел на мощенную блестящими стеклянными плитками улицу.

— Эй, Мак—Тик, — позвал Ретифа водитель на йолкском языке. — Мне пора. Я хочу добраться до своей ванны, пока грязь не остыла.

— Вы с ума сошли, мистер Фисс? — требовательно спросил Мэгнан. — Вы намеренно нарываетесь на конфликт! Я

предупреждаю вас, что доложу об этом в штаб сектора и вызову эскадру миротворцев!

— Какая нужда в миротворцах, мой дорогой друг? — вид гроака демонстрировал удивление. — Здесь царит мир. Мы не вооружены. Мы не замышляем никаких насильственных действий.

— С этим мы еще разберемся! — Мэгнан был в ярости. Повернувшись, он направился к ожидающему такси.

— Так предусмотрительно с вашей стороны было встретить нас, — слышался слабый голос Фисса. — Позже я зайду в посольство, чтобы уладить всевозможные формальности. Все вполне законно, уверяю вас.

— Дело хуже, чем я думал, — посетовал консул, когда они с Ретифом сели в такси. — Когда гроак начинает цитировать законы, можно быть уверенным, что налицо злой умысел.

Ш

— Это невероятно! — рявкнул Мэгнан в экран, на котором многоцветная физиономия Оо—Риликука кротко кивала на фоне извивающихся йолканских танцовщиц. — Вы преспокойно признаете, что эти чужеземцы оккупировали все храмы на планете, и продолжаете наслаждаться своими одурманивающими палочками...

— Сейчас сезон Вум, мистер Мэгнан, — благодушно заметил Риликук. — Самое подходящее время.

— Ваше отношение к собственной планете меня удивляет. Этих типов пятьдесят тысяч — и мне всерьез кажется, что они планируют остаться надолго!

— Очень возможно, — согласился Риликук, покачиваясь в ритм с музыкой. —А теперь вы меня извините... —И экран померк.

Мэгнан в отчаянии воздел руки.

— Мне это не нравится, Ретиф. В этом деле есть какой—то аспект, который мы упустили.

Прозвенел звонок. Дверь открылась, и в комнату ввалился гроак Фисс, шумно отдуваясь под тяжестью объемистого портфеля.

— А, мистер Мэгнан! Как любезно с вашей стороны, что вы меня ждете. — Он водрузил портфель на стол и развязал крепкие завязки. — Я уверен, что вы найдете все в порядке: территориальные требования, правительственный устав, заявка на членство в Лиге...

— Что это такое? — Мэгнан просматривал тяжелую пачку документов. — Что вы такое говорите, сэр? Что Йолк... что гроаки... что вы...

— Совершенно, верно, — Фисс кивнул. — Этот мир теперь является собственностью гроаков.

Со стороны пустынной теперь улицы донесся громкий треск. Мэгнан развернулся на стуле и уставился на группу гроаков, которые с деловым видом взламывали при помощи монтировок закрытый ставнями магазин.

— Что они делают? — рявкнул он. — Мистер Фисс, сейчас же прикажите этим вандалам убираться! Ситуация выходит из—под контроля!

— Никоим образом. Эти парни просто следуют моим инструкциям. Теперь, если у вас есть какое—то имущество, которое вы бы хотели взять с собой...

— Э? Имущество? Я никуда не уйду.

— Позвольте мне возразить вам, — мягко прошипел Фисс, тыча в бумагу мокрым с виду пальцем. — Это приказ о выселении. Я считаю, что это скромное строение вполне удовлетворяет моим требованиям к полевой, штаб—квартире здесь, в деревне.

— П—полевой штаб—квартире?

— Полагаю, что в течение нескольких дней мы будем слишком загружены работой, — заметил Фисс, — транспортируя необходимое имущество в наши жилища, — он беззаботно махнул в сторону поблескивавших за болотом башен.

— Вы собираетесь нарушить законы дипломатии? — Мэгнан вытаращил глаза.

— С момента моего прибытия существующее положение изменилось, — подчеркнул Фисс— Между моим правительством и ДКЗ формальных отношений не существует. Поэтому это просто некий офис, а вы — незарегистрированные посторонние.

— Это беззаконие! — Мэгнан брызгал слюной. — Я не уйду!

— Значит, так? — пробормотал Фисс Он шагнул к двери, открыл ее и знаком позвал четверых крупных гроаков.

— Напугать мягкотелых, — прошипел он по—гроакски. — Делать угрожающие жесты.

Двое новоприбывших шагнули к Ретифу. Он небрежно взял их за тощие шеи, провел к окну и выбросил наружу. Вторая пара прыгнула на него, но, после двух сильных ударов, гроаки оказались валяющимися на полу. Фисс испустил слабое, но злобное шипение.

— Не трогай их, скотина! Это законно назначенные судебные приставы!

Ретиф отправил слабо шевелящихся гроаков вслед их товарищам и сделал шаг по направлению к Фиссу. Директор по турам взвизгнул и бросился в дверь.

— Ретиф! — рявкнул Мэгнан. — Остановитесь! В конце концов, эти бумаги...

Ретиф собрал листы и выбросил их вслед Фиссу. В проеме снова появилось разъяренное лицо директора по турам.

— Разбойники! Бандиты! Наше законное и справедливое требование...

— ...не стоит и пластика, на котором оно напечатано, — заявил Ретиф. — И если еще какие—либо туристы забредут в Консульство, я не буду с ними таким вежливым.

Повернувшись, Фисс стал лихорадочно жестикулировать налетчикам.

— Войти и выгнать сумасшедших! — шипел он. — Выкинуть их оттуда!

Несколько дюжин собравшихся гроаков сообща двинулись к дверям дипломатической миссии.

— Вы меня разочаровали, Фисс, — заметил Ретиф, грустно покачивая головой. — Мне казалось, что вы претендуете на то, что все делается абсолютно законно, но между тем среди белого дня собираетесь громить дипломатическую миссию.

Фисс заколебался, затем прошипел приказ своим людям. Они остановились.

— Ну хорошо, мягкотелый, — прошептал он. — Зачем применять силу? В отличие от высших рас, вам с частыми интервалами требуется вода, насколько я знаю. Вы скоро отправитесь на ее поиски, поскольку — увы — я не могу обеспечить ее дальнейшую доставку по водопроводу деревни. Мы будем ждать.

Мэгнан, пошатываясь, встал рядом с Ретифом.

— Мистер Фисс, — воскликнул он. — Это сумасшествие! Не надейтесь оправдать этот возмутительный захват!

— Напротив, мистер Мэгнан,— Фисе взмахнул пачкой бумаг, зажатых в кулаке.— Если вы перечитаете свой Колониальный Кодекс, глава три, статья XI, параграф 9в, вы обнаружите, что — я цитирую — «любое планетное тело, на котором отсутствует туземная культура, может быть занято любыми властями согласно данным статьям».

— Вы, Фисс, конечно, не имеете в виду, что Йолк не населен! Великие небеса, этот мир славится по всему сектору из—за красоты изготовляемых здесь стеклянных и керамических изделий.

— Я ссылаюсь далее на параграф 12д, там же,— стоял на своем Фисс,— в котором определены «следующие критерии оценки культурного уровня согласно Кодексу: а) активно действующее, организованное правительство, способное представлять интересы нации; б) степень социальной организации, представленная наличием городов по меньшей мере в тысячу обитателей; и в) индивидуальный или групповой IQ — коэффициент интеллекта — в среднем на уровне

0,8 от «стандартного», что должно быть подтверждено тестами GST.

— Вы совсем потеряли соображение? — перебил его Мэгнан. — Вы стоите посреди йолканского города! Я ежедневно имею дело с представителями Йолканского правительства! Что же касается интеллекта...

— Город должен быть населенным, мистер Мэгнан, позвольте мне вам напомнить. Минимальное население — тысяча индивидуумов. — Взмахом руки Фисс указал на пустую улицу.— Я не вижу здесь индивидуумов.

— Но они отправились праздновать фестиваль!

— Что же касается правительства, — спокойно продолжал. Фисс, — то мне не удалось обнаружить никакой активно действующей организации. Признаюсь, что я не позаботился о том, чтобы раздобыть образец местной фауны для проверки на IQ, но я уверен, что подобная попытка не будет впечатляющей.

— Вы намеренно устроили этот переворот в такое время, когда можете использовать местные обычаи, — Мэгнан был в шоке. — Кодекс будет исправлен, Фисс!

В качестве презрительного жеста гроак пошевелил своим горловым мешком.

— «Ex post facto» манипуляции с законодательством вряд ли смогут повлиять на существующую ситуацию, закон обратной силы не имеет, мой дорогой Мэгнан.

Мэгнан схватился за край окна.

— Ретиф, — пробормотал он слабым голосом. — Это сумасшествие, но у меня внезапно возникла ужасающая уверенность в том, что юридически его позиция неуязвима.

— Конечно, — продолжал Фисс, — в статье 68 Кодекса решительно запрещена оккупация любого мира, культурного или нет, с применением силы. Однако, поскольку наше прибытие прошло совершенно тихо, то этот пункт вряд ли имеет к нам отношение.

— Фестиваль завтра закончится, — взорвался Мэгнан. — Что тогда?

— Теперь, когда мы законным образом вступили во владение планетой, — прошипел Фисс, — несомненно, будет необходимо подкреплять силой законы справедливости, которые уже сейчас вводятся в действие. Разумеется, для этого потребуется определенное оружие. — Он быстро бросил что—то по—гроакски тройке новоприбывших в коротких черных плащах, которые молча достали из кобур, пристегнутых к бедрам, тяжелые энергетические пистолеты.

— Вы же не планируете... насилие? — задохнулся Мэгнан. — Против нашего дипломатического представительства?

— Что касается этого, — продолжил Фисс, — то я как раз собирался сообщить, что, само собой, официальное обращение к нынешнему правительству по поводу предоставления вам дипломатического статуса будет рассмотрено, разумеется.

— Директор по турам Фисс...— Мэгнан сглотнул.

— Временно исполняющий обязанности Координатора планеты Фисс, если вы не против, — прошипел гроак. — Жаль, что большой мягкотелый действовал с такой поспешностью, но я готов забыть об этом инциденте.

— Э—э, очень любезно с вашей стороны, Коор...

— Вам не повезло, Фисс, — вмешался Ретиф. — Вам придется пиратствовать без санкции ДКЗ.

Мэгнан дернул Ретифа за рукав.

— Ну—ну, Ретиф! Сейчас не время показывать зубы!

— Момент такой же подходящий, как и любой другой, мистер Мэгнан. И министр Барншайнгл может рассердиться, если вернется и обнаружит, что этих сквоттеров признали законным правительством.

Мэгнан застонал.

— Полагаю... полагаю, что вы правы.

— И что же? Впрочем, это не важно, мягкотелый, — шептал Фисс. — Что толку обсуждать вопросы с теми, кто их не решает? Мои наблюдатели докладывают, что группа землян застряла на опасном склоне в нескольких милях отсюда. Несомненно, что министр Барншайнгл, о котором вы

говорите, будет благодарен мне за спасение. Своевременное спасение гроакскими первопроходцами создаст подходящее настроение для установления дипломатических отношений.

— Министр в беде? — ужаснулся Мэгнан.

— В настоящий момент он висит над пропастью на единственной веревке. И вряд ли сможет выбраться без посторонней помощи.

От магазина по ту сторону площади раздался громкий треск, когда зарешеченная дверь наконец поддалась и вылетела. Толпы гроаков методично грабили уже открытые палатки, грузя продукты питания, стекло и другие товары в свои вездеходы.

— Это же неприкрытый грабеж! — возмутился Мэгнан. — Мародерство средь бела дня! Разбой на большой дороге! Вы не имеете права делать это без ордера!

— Придержите язык, сэр! — зашипел Фисс— Я пока не стану возражать против вашей высокомерной ошибки насчет собственности гроаков — из сентиментального уважения к вашему оригинальному дипломатическому языку, но я не потерплю оскорблений!

— Это угрозы, мистер Фисс? — задохнулся Мэгнан,

— Называйте, как хотите, мягкотелый, — заявил Фисс— Когда будете готовы подчиняться, сообщите мне. А пока, если покинете это здание, то погибнете!

IV

Наступили сумерки. Снаружи все так же доносились звуки разбиваемых замков и маневрирующих машин.

За окном уныло ходили гроакские защитники правопорядка в сапогах, с тяжелыми бластерами на изготовку. В то же время, в моменты затишья, со стороны болота доносилось пение йолканцев; там пылали факелы, отражаясь от

черно—зеркальных вод. Две малые луны висели высоко в небе, медленно двигаясь по своим орбитам; третья только что поднялась над горизонтом, отбрасывая пурпурные тени на пол притихшей дипломатической миссии.

— Уже почти стемнело, — пробормотал Мэгнан. — Ретиф, может быть, мне лучше пойти с вами. Фисс может передумать и вышибить дверь.

— Он может войти и в окно в любой момент, когда захочет, — заметил Ретиф. — На данный момент мы ловко запудрили ему мозги, мистер Мэгнан. И кому—то нужно оставаться здесь, чтобы Посольство не оказалось покинутым.

— По зрелом размышлении я решил изменить свои инструкции, — решительно сказал Мэгнан. — Вам лучше не ходить. В конце концов, если министр Барншайнгл предпочтет признать законность этого переворота, то я не вижу резона...

— Я не думаю, что министр, вися над пропастью, сможет трезво и беспристрастно оценить сложившуюся ситуацию. И к тому же надо позаботиться о мисс Брассуэлл. Она где—то там.

— Ретиф, вы не можете надеяться найти ее без того, чтобы вас не арестовали! Город кишит вооруженными гроаками!

— Полагаю, что знаю задние улицы лучше них. Я буду держаться незаметно. Если удастся добраться до Барншайнгла до того, как он успеет что—нибудь подписать, это избавит нас от больших затруднений во всех отношениях.

— Ретиф, я, как замещающий...

— Не давайте мне инструкций, которым я не смогу следовать, мистер Мэгнан. — Ретиф достал из ящика стола фонарик и прицепил его к поясу.— Просто затаитесь здесь и игнорируйте все, что бы вам ни сказал Фисс. Я вернусь через несколько часов.

Ретиф шагнул из проема без двери в тень узкой аллеи, проходившей за Посольством. Он подождал, пока гроак с

раздутыми коленями, в блестящем шлеме пройдет мимо освещенного перекрестка в пятидесяти ярдах от него, затем прыгнул и, зацепившись за край черепичной крыши, взобрался на прилегающее к Посольству строение. В свете встающей четвертой луны он тихо перебрался на противоположную сторону и залег, глядя вниз на боковую улочку, заваленную товарами, брошенными мародерами.

В нескольких окнах горел свет. Одинокий вооруженный гроак стоял под фонарем на углу. Ретиф беззвучно перебрался, перепрыгивая через пролеты между зданиями, на крышу ближайшего к перекрестку строения. Он пошарил рукой, нашел осколок черепицы и бросил его в темноту.

Гроак, бдительно шевеля глазами, взял на изготовку бластер и двинулся вперед на звук. Ретиф бросил еще камешек и, когда гроак вошел в тень, спрыгнул позади него, дернул его назад, бросая на землю, и схватил падающее оружие. Он приставил ствол к пульсирующему горловому мешку гроака.

— Говори, где держат земную самку, — прорычал он, — и тогда, может быть, я не стану завязывать в узел твои глазные стебельки.

— Иииккк! — сказал гроак. — Отпустить меня, ты, демоническая особь!

— Конечно, ты можешь этого не знать, — продолжил Ретиф. — В этом случае мне, к сожалению, придется тебя убить и найти нового приятеля, что было бы неприятно для нас обоих.

— Неуместность нападения на невинного туриста! Подать жалобу в Общество защиты прав путешественников!

— Нет, это было утром, — поправил своего пленника Ретиф. — А днем ты уже стал мирным поселенцем. Ты можешь считать меня неутихомирившимся аборигеном, если это тебе поможет, — он ткнул гроака стволом. — Решайся. У меня мало времени.

— Твоя судьба быть ужасной, — прошипел гроак.

— Что же, мне надо спешить, — сказал Ретиф. — Ты уж извини меня за использование рук; стрельба — это такое грязное дело, и к тому же шумное.

— Сдержать себя, крадущийся в ночи! Показать тебе дорогу к мягкотелой — и наслаждаться моментом, когда ты будешь корчиться на крюках!

— Вот это правильно,— согласился Ретиф.— Думай о чем—нибудь веселом,—ткнув плененного часового, он заставил его подняться на ноги.— А пока,— он перешел на гроакский язык,— разыгрывать свои карты честно, и, возможно,.дожить до зари.

Стоя в тенистой аркаде, проходящей рядом с редким здесь двухэтажным строением, Ретиф осматривал темные окна противоположной стены. Слабый свет виднелся за двумя проемами без стекол.

— Боюсь, мне придется оставить тебя здесь, Тиш, — тихо проговорил Ретиф, — Я просто засуну тебя в один из этих подходящих по размеру баков для мусора. У них герметично закрывающиеся крышки, но примерно на час тебе воздуха хватит. Если ты сказал правду, то все будет в порядке, и я вернусь задолго до того, как ты начнешь задыхаться. Конечно, если случится что—то такое, что меня задержит... что же, на такой небольшой риск нам придется пойти, не правда ли?

— По... Попробовать сначала заднее стекло, — прошептал Тиш.

— Как скажешь, — Ретиф открыл дверцу бака и подтолкнул гроака, Тот сжал свои обонятельные сфинктеры и покорно устроился на куче фруктовой кожуры, панцирей саранчи и черепков от горшков, нагнув голову под низкой крышкой.

— Помнить мою доверчивость, — трясясь, сказал он. — Тщательно избегать быть убитым до того, как вернуться и освободить меня.

— Ну, уж ради этого мне точно придется выжить. — Ретиф захлопнул дверцу, посмотрел по сторонам и перебежал через улицу.

Стенная плитка была глубоко изрезана декоративными орнаментами с цветочными мотивами. Он нашел опоры для пальцев рук и ног, быстро взобрался к окну и скользнул в темную комнату. Ретиф остановился, прислушиваясь. Откуда—то доносились голоса гроаков. В тускло освещенном коридоре голоса слышались четче. Он тихо прошел к ближайшей комнате. Дверь открылась от прикосновения.

Мисс Брассуэлл подпрыгнула с длинной, низкой йолканской кушетки, открыв рот, чтобы завизжать, но сдержалась, узнав в полутьме Ретифа.

— Откуда... мистер Ретиф?

— Ш—ш—ш, — он подошел к ней. На мисс Брассуэлл не было обуви, ее коричневые волосы спутались, на щеке виднелась грязная полоса. К лодыжке была крепко привязана веревка, другой конец которой был закреплен вокруг массивной глиняной скульптуры.

— Что вообще происходит? — прошептала она. — Я только собиралась приобрести миленький ночной горшок ручной работы, когда внезапно целая куча этих отвратительных маленьких созданий выскочила откуда—то, шевеля своими противными глазами.

— Сколько их сейчас в здании? — Ретиф стал возиться с крепкими узлами веревки.

— Святые небеса, я не имею ни малейшего понятия. В течение последнего часа было довольно тихо, — она хихикнула. — Щекотно. Я пыталась его развязать, но сломала ноготь.

Узел поддался, и Ретиф отбросил веревку в сторону.

— Вы в состоянии немного покарабкаться? Мисс Брассуэлл подошла к Ретифу вплотную.

— Как скажете, мистер Ретиф, — пробормотала она.

— Где ваши туфли?

— Я все время лягала их, пока они меня привязывали, поэтому они их забрали. Фу! Эти извивающиеся влажные руки!

— Если мы случайно разделимся, идите в Посольство. Мистер Мэгнан держит там оборону.

— Вы хотите сказать... эти ужасные маленькие гроаки там тоже?

— Вы разве не слышали? Они колонизируют эту планету.

— Ну и нахалы!

Внезапно неподалеку послышались шипящие голоса, Ретиф прижался к стене за дверью. Крутанувшись, мисс Брассуэлл села на шезлонг. Раздалось мягкое шлепанье ног гроаков. Маленькая фигура шагнула в комнату.

— А, молодая женщина, — прошипел гроак тихим голосом. — Пора идти.

— Куда? — громко спросила девушка.

— В более комфортабельные условия в более привлекательном окружении.

— Такое впечатление, что ты все еще находишься на стадии личинки, липкое маленькое насекомое. Держись от меня подальше!

— Вы, млекопитающие, все одинаковы,— прошипел гроак.— Но на меня бессмысленно выставлять эти уродливые части тела, моя девочка.— Еще двое гроаков вошли вслед за первым, который сделал им знак.— Быстро схватить ее руки,— бросил он.— Беречься ее когтей...

Мисс Брассуэлл, вскочив, ударила легкого инопланетянина ладонью так, что тот отлетел назад. Ретиф мгновенно оказался позади двух других, резко стукнул их головами, отбросил от себя и ребром ладони рубанул их лидера по шее.

— Пора сматываться, — выдохнул он. Выглянул из окна, затем перекинул ногу через подоконник. — Это нетрудно; просто цепляйтесь пальцами ног за эти чудесные узоры.

Мисс Брасуэлл снова хихикнула.

— Это довольно сексуально — ходить босиком, не правда ли?

— Это зависит от того, чего именно касаются ступни, — сказал Ретиф. — Теперь поживее. Мы на вражеской территории.

— Мистер Ретиф, — сказала она сверху. — Вы не думаете, что я специально размахиваю своими... э—э...

— Конечно, нет, мисс Брассуэлл. Они сами развеваются. Из сумрака под аркадой внезапно раздался грохот.

— Это просто моему другу Тишу пришло в голову проявить некоторую инициативу, — тихо пояснил Ретиф. Он спрыгнул на землю с высоты в несколько футов. — Прыгайте — я вас поймаю.

Стук продолжался. Мисс Брассуэлл, взвизгнув, отпустила руки и грохнулась на грудь Ретифу. Он поставил ее на ноги.

— У гроаков хороший слух. Пошли!

Они бросились к ближайшей темной аллее, в то время как группа вооруженных гроакских блюстителей порядка показалась из—за угла. Послышался слабый вопль, щелканье оружия, когда четверо инопланетян бросились вслед за ними. Схватив мисс Брассуэлл за руку, Ретиф понесся по узкому проходу. Неожиданно впереди возникла стена, перекрывающая проход. Беглецы резко остановились и повернулись к приближающимся преследователям.

— Лезьте на стену, — резко бросил Ретиф. — Я их задержу! Внезапно между Ретифом и гроаками с металлическим лязгом раскрылась шестифутовая решетка, установленная в мостовой. Гроак, бежавший впереди остальных, кувырнулся через край; через мгновение за ним последовал второй. Ретиф, подняв фонарь, направил свет в глаза двоим оставшимся, и третий бегун, дойдя до провала, исчез из виду. Последний из четверых сумел остановиться, ощутив, что что—то не так, но тут из двери в стене появилась длинная, гибкая фигура йолканца, который со всех сил толкнул гроака в яму, затем отряхнул обе пары рук и наклонил голову в изящном поклоне.

— А, Ретиф—Тик... и Брассуэлл—Тиксим! Какой приятный сюрприз! Пожалуйста, окажите мне честь и посетите мое скромное жилище, дабы насладиться вкусом и ароматом чудесных напитков, столь освежающих после долгого пути!

— Вы появились очень вовремя, Оо—Плиф, — заметил Ретиф. — Мне казалось, что к этому времени вы уже будете на фестивале.

Йолканец протянул руку за дверь и дернул там какой—то рычаг. Решетка встала на место.

— У меня так хорошо шла торговля, когда появились пятиглавые, — решил остаться присматривать за магазином. Еще хватит времени, чтобы отправиться на болото.

Мисс Брассуэлл передернуло, когда она проходила по решетке.

— А что там внизу?

— Всего—навсего добрая старая канализация, очень хорошее место для пятиглазых. После быстрого плаванья они окажутся в болоте и присоединятся к веселью.

— Мне казалось, что вы, йолкане, — пацифисты, — заметил Ретиф, входя в грубо отделанный проход, шедший параллельно внешней стене здания.

— Все йолканцы любят мир и спокойствие. Заметьте, насколько на улице стало спокойнее сейчас, когда шумные пятиглавые наслаждаются купанием. Кроме того, я ведь только открыл крышку, они нырнули в трубу самостоятельно.

— У меня создалось впечатление, что тому последнему типу вы помогли нырнуть.

— Я всегда стремлюсь помочь, когда это только возможно. Послушайте, вы хотите разговаривать или все же желаете освежиться?

Они пошли вслед за Оо—Плифом по внутренним проходам и очутились за стойкой бара в полутемном магазинчике; сели на низкую скамейку и приняли изысканные бокалы с ароматическим напитком.

— Оо—Плиф, я был бы очень благодарен, если бы вы проводили мисс Брассуэлл обратно в Посольство, — сказал Ретиф. — Мне нужно покинуть город по срочному делу.

— Лучше оставайтесь здесь, Ретиф—Тик. Приходите к болоту на кульминацию фестиваля Вум. Осталась всего пара часов.

— Прежде всего мне нужно позаботиться о деле, Оо—Плиф. Мне поручено найти министра Барншайнгла и уведомить его, что Посольство в осаде и что он не должен ничего подписывать, не изучив ситуацию досконально.

— Барншайнгл—Тик—Тик? Тощий землянин с укороченным нижним жвалом и животом, как у королевы, полной яиц?

— Наглядно изложено, Оо—Плиф. Предполагается, что он висит, где—то в горах, если гроаки еще не бросились его спасать.

Оо—Плиф помотал головой, покрытой теперь эмалью праздничных цветов — оранжевого и зеленого, сделав йолканский жест подтверждения.

— Барншайнгл—Тик—Тик в настоящий момент в городе. Прибыл полчаса назад с большим эскортом пятиглазых.

— Х—м—м. Это, возможно, упрощает проблемы. Я думал, что мне придется украсть гроакский вертолет и искать его в дикой местности. Он выглядел, как пленник, Оо—Плиф?

— Трудно сказать, не очень хорошо рассмотрел. Был занят тем, что помогал пятиглавым найти дорогу к болоту.

— Черев дренажную трубу, я так понимаю?

— Несомненно; в городе множество решеток. Должно быть, около пятидесяти пятиглавых сейчас в плавании — большая компания.

— Вы уверены, что они умеют плавать?

— Детали, детали, — успокаивающе проговорил Оо—Плиф. — Вы хотите идти сейчас, нанести визит Барншайнглу—Тик—Тик?

— Как только мисс Брассуэлл окажется в безопасности.

— Я, иду с вами, — быстро сказала девушка. — Я и думать не могу о том, чтобы пропустить такое интересное мероприятие.

V

— Система скрытых проходов — вещь, несомненно, удобная, — заметил Ретиф. — Сколько нам еще?

— Уже близко. Это не совсем скрытые проходы; просто пространство в двойных стенах. Йолкане строят очень прочно.

Они вышли в еще одну из бесчисленных аллей, характерных для этого города, пересекли ее, вошли в другую дверь. Оо—Плиф сделал знак соблюдать тишину.

— Место кишит пятиглавыми. Мы проскользнем и осмотримся, чтобы найти способ избавить Барншайнгла—Тик—Тик от его спасителей.

Пять минут спустя, стоя в узком и пыльном проходе в центре широко раскинувшегося здания, Ретиф услышал неподалёку грохочущие тона голоса Барншайнгла и затем шипящий ответ гроака.

— Проход прямо впереди, в задней стене туалета, — шепнул Оо—Плиф. — Прислушайтесь к происходящему там.

Ретиф осторожно двинулся вперед. Через полуоткрытую дверь туалета он краем глаза видел министра Барншайнгла, неловко сидевшего в низком йолканском мягком кресле, одетого в запыленный туристический костюм. Его окружали полдюжины гроаков в разноцветных одеяниях.

— ...опасная переделка, несомненно, — говорил Барншайнгл. — Я был очень рад, когда появился ваш вертолет, мастер—пилот Фисс. Но я не совсем понимаю смысл нынешней ситуации. Я не утверждаю, что меня держат против моей воли, но мне действительно нужно спешить в свой офис.

— Нет никакой необходимости в спешке, — успокоил его Фисс. — Все делалось в полнейшем соответствии С законом, уверяю вас.

— Но по улицам, похоже, разгуливают сотни ваших... э—э... уважаемых сограждан, — настаивал Барншайнгл. — И у меня возникло четкое впечатление, что происходит множество ненормальных вещей.

— Вы, вероятно, имеете в виду попытки некоторых наших людей убрать определенные препятствия?

— Взлом дверей, чтобы быть точным, — с некоторым раздражением ответил Барншайнгл. — А также вывоз товаров целыми машинами из магазинов, владельцы которых, похоже, отсутствуют.

— А, да, покупки под влиянием настроения. Конечно, это не очень согласуется с присущей гроакам хозяйственностью и бережливостью. Но оставим эту приятнейшую болтовню, мистер министр. Я желал бы обсудить с вами следующее...— И Фисс с пылом рассказал о том, как он мирно захватил планету, цитируя главы и параграфы, когда дипломат пытался вставить возражение.— И, разумеется,— закончил он,— мне хотелось ознакомить ваше превосходительство с фактами до того, как какие—нибудь горячие головы начнут давать вам неблагоразумные советы.

— Н... но, великие небеса, мастер—пилот...

— Координатор планеты, на данный момент, — ровно поправил его Фисс— Теперь я, разумеется, буду рад сразу же ознакомиться с вашими верительными грамотами, чтобы урегулировать отношения между Корпусом и моим правительством.

— Мои верительные грамоты? Но я представил свои верительные грамоты мистеру Риликуку в Министерстве иностранных дел!

— Пожалуй, сейчас не время вспоминать об ушедших режимах, мистер министр. Итак, — Фисс доверительно подался вперед, — мы с вами, если я могу употребить этот термин, люди, трезво смотрящие на жизнь. Стоит ли нам бесплодно тратить эмоциональную энергию по поводу свершившегося, а? Что касается меня, то я просто сгораю от нетерпения показать вам свои офисы в прекраснейшей из башен моей столицы.

— Какие башни? Какая столица?

— Это те привлекательные строения сразу за болотистой местностью, где сейчас развлекаются местные дикари, — пояснил Фисс. — Я назначил...

— Вы осквернили здешнюю Святая Святых? — задохнулся Барншайнгл.

— Неудачный набор слов, — прошипел Фисс — Вы хотите, чтобы я разместил свои министерства в этом кроличьем садке, состоящем из хижин?

— Йолкане...— утомленно начал было Барншайнгл.

— Планета теперь называется Грудлу, — заявил Фисс — В честь Груд, музы, покровительствующей практичности.

— Послушайте, Фисс! Вы хотите, чтобы я повернулся спиной к йолканам и признал вас законным правительством здесь? Просто на основании вашего абсурдного толкования законности?

— За исключением множества неверно подобранных прилагательных, выражено довольно точно, — прошипел Фисс.

— Чего же ради я стану делать такую мерзостную вещь? — требовательно спросил Барншайнгл.

— Что же, молодец, — выдохнула мисс Брассуэлл за спиной Ретифа.

— Ах, да, условия, —утешительно проговорил Фисс — Во—первых, ваша миссия, разумеется, сразу же будет повышена до уровня Посольства, и вы, естественно, станете послом. Во—вторых, у меня есть на примете некоторая местная коммерческая собственность, которая может представить собой ценное дополнение к вашему портфелю. Я могу отдать ее вам по ценам инвестора. Весь процесс передачи будет проведен в условиях крайней секретности, чтобы не возбуждать толков среди тупоголовых. Затем, разумеется, вы пожелаете избрать для себя уютный пентхауз в одной из моих изысканных башен...

— Какой пентхауз? Какой посол? Какая собственность? — бормотал Барншайнгл.

— Я восхищаюсь тем терпением, с которым ваше превосходительство переносило это едва завуалированное оскорбление, заключавшееся в том, что вас поселили в грязных помещениях этой собачьей конуры,— продолжал Фисс— Почему человек должен гнить в этом лабиринте старой фаянсовой посуды, так что о нем никто никогда уже больше не услышит?

— Гнить? — Барншайнгл ошарашенно смотрел на гроака. — А ш... что, если я откажусь?

— Откажетесь? Простите, мистер министр — или, вернее, мистер посол — зачем размышлять о всяческих ужасных вещах, которые могли бы случиться?

— А как насчет моего штата сотрудников? Вы...

— Будут предложены подходящие вознаграждения, — живо зашипел Фисс— Умоляю вас, не думайте об этом. Все выжившие сотрудники миссии останутся с вами — за исключением двоих преступников, которые сейчас сидят в прежнем здании Консульства, конечно.

— Мэгнан? Что вы, он один из моих самых надежных сотрудников!

— Может быть, что—нибудь и можно было бы предпринять в случае мистера Мэгнана, поскольку вы уж проявляете интерес. Что же касается второго — он отправится на Гроак, чтобы предстать перед судом за совершенные преступления против мира и достоинства Гроакского государства.

— Я действительно должен заявить протест...— слабым голосом проговорил Барншайнгл.

— Лояльность вашего превосходительства очень трогательна. А теперь, если вы просто подпишете здесь...— подчиненный передал Фиссу документ, который тот вручил Барншайнглу.

— Ну, старый надувала! — задохнулась мисс Брассуэлл, — Он собирается это сделать!

— Пора прекращать это дело, — шепнул Ретиф Оо—Плифу, — Я позабочусь о Фиссе; вы берите на себя остальных.

— Напротив, Ретиф—Тик, — ответил йолканец. — Крайне недостойно вмешиваться в естественный ход событий.

— Вы, вероятно, не понимаете; Барншайнгл своей подписью собирается лишить вас прав на Йолк. К тому времени, когда вы протянете это дело через суды и вернете отнятое, вы все уже можете оказаться мертвыми. Гроаки рьяно действуют в области контроля за аборигенами.

— Не важно. Мы, йолкане, — мирный народ. Не любим ни с кем ссориться, — спокойно проговорил Оо—Плиф.

— В таком случае, мне придется заняться этим в одиночку. Вы позаботитесь о мисс Брассуэлл...

— Нет, дорогой Ретиф—Тик, даже в одиночку — нет. Во имя духа йолканского пацифизма.

Что—то твердое ткнулось в грудь Ретифу; опустив глаза, он увидел в нижней правой руке Оо—Плифа силовой пистолет.

— Ах, ты, старая вонючка, — воскликнула мисс Брассуэлл.— А я—то считала тебя нормальным парнем!

— Надеюсь вскоре восстановить ваше доброе мнение, Брассуэлл—Тиксим, — сказал Оо—Плиф. — Теперь молчание, пожалуйста.

В комнате Барншайнгл и Фисс произносили по отношению друг к другу поздравительные речи.

— По сути дела, — говорил Барншайнгл, — я никогда и не думал, что эти йолканцы готовы к самоуправлению. Я уверен, что ваша опека — это именно то, что им нужно.

— Пожалуйста — не стоит вмешиваться во внутренние дела, — заметил Фисс. — А теперь давайте переберемся в более подходящую обстановку. Вот подождите, пока увидите вид из окон ваших новых апартаментов, мистер посол...

Они ушли, болтая между собой.

— Что же, вы сделали по—своему, Оо—Плиф, — сказал Ретиф. — Ваш пацифизм отличается любопытной пестротой. Объясните, почему вы возражаете против того, чтобы я не дал нашему несчастному министру сделать из себя идиота?

— Простите меня за то, что я воспользовался оружием, Ретиф—Тик. Глупость Барюпайнгла—Тик—Тик—Тик не имеет значения.

— Он теперь уже трех—Тиковый человек?

— Пятиглавый только что повысил его в должности. А теперь — на болото, все вместе, а, друзья?

— Где остальные сотрудники штата Барншайнгла? На экскурсии по окрестностям кратера они были вместе?

— Все они сидят в доме в нескольких кварталах отсюда. Сейчас лучше пошевеливаться. Скоро наступит кульминация фестиваля.

— Неужели ваш дурацкий старый карнавал значит для вас больше, чем собственная планета? — требовательно спросила мисс Брассуэлл.

— Фестиваль Вум представляет для нации огромную важность, — заявил Оо—Плиф, открывая и закрывая свои костистые жвала наподобие двух половинок ракушки — жест, означающий, что он вежливо забавляется.

Следуя инструкциям йолканца, Ретиф протиснулся сквозь узкие проходы и нашел выход в очередную темную аллею. Рука мисс Брассуэлл крепко сжимала его руку. Звуки взлома и шум моторов машин сошли теперь почти на нет. По близлежащей улице удалялся один из последних вездеходов. Йолканец и двое землян вышли в боковую улочку, окинули взглядом безлюдные мостовые, брошенные гроакскими переселенцами товары. Над линией крыш находящиеся в миле от них башни храма сияли торжественным светом.

— Это так красиво, когда все залито светом, — заметила мисс Брассуэлл, — Я просто поражаюсь, как вы могли позволить этим мерзким маленьким гроакам прийти и отобрать все это у вас.

Оо—Плиф рассмеялся — это было похоже на скрежет песка в подшипнике.

— Башни — дань божествам. Судьба башен теперь в руках богов.

— Хмммф. Они могли бы в какой—то мере воспользоваться и вашей помощью, — презрительно фыркнула мисс Брассуэлл.

— Время идти к превосходному горячему болоту, — сказал Оо—Плиф. — Большое событие теперь уже скоро.

Быстро двигаясь по безлюдной улице при свете четвертой луны, теперь уже поднявшейся высоко в небо, они дошли до угла. Дальше, за широкой последней улицей города

весело сыпали искрами пылающие факелы пирующих на болоте. В тишине до них доносился слабый отзвук голосов йолканцев, соединившихся в пении.

— Что же конкретно представляет собой это большое событие, на которое мы спешим? — спросил Ретиф.

Оо—Плиф указал на большой спутник над головой.

— Когда четвертая луна достигнет положения в десяти градусах к западу от зенита — Вум!

— А, астрологическая символика.

— Не знаю этого длинного слова. Только раз в девяносто четыре стандартных года все четыре луны выстраиваются в линию. Когда это происходит — Вум!

— Вум, — повторил Ретиф. — Но что же означает это слово?

— Прекрасное старое йолканское слово, — заметил Оо—Плиф. — Земной эквивалент... мммммм...

— Вероятно, оно непереводимо.

Оо—Плиф щелкнул пальцами верхней правой руки.

— Я вспомнил, — сказал он. — Означает «землетрясение»! Ретиф застыл на месте.

— Вы сказали — «землетрясение»?

— Верно, Ретиф—Тик.

Левый кулак Ретифа как молот ударил в средние реберные пластинки йолканца. Высокая фигура ухнула, свернулась в шар, царапая землю всеми четырьмя ногами и дико размахивая руками.

— Извини, приятель, — пробормотал Ретйф, подхватывая силовой пистолет. — Не время препираться, — Он схватил мисс Брассуэлл за руку и со всех ног понесся к вздымающемуся к небу замку света.

VI

Они резко остановились, заметив свет, падающий из открытой двери впереди. Гроак, похожий на трубу со стеблеобразными ногами, поспешно вышел из здания, таща на шишковатом плече большой мешок. Второй, в шлеме, бежал за ним, волоча за собой красивую дёсятигалонную плевательницу.

— У них есть вертолет, — тихо проговорил Ретиф. — Он нужен нам. Подождите здесь.

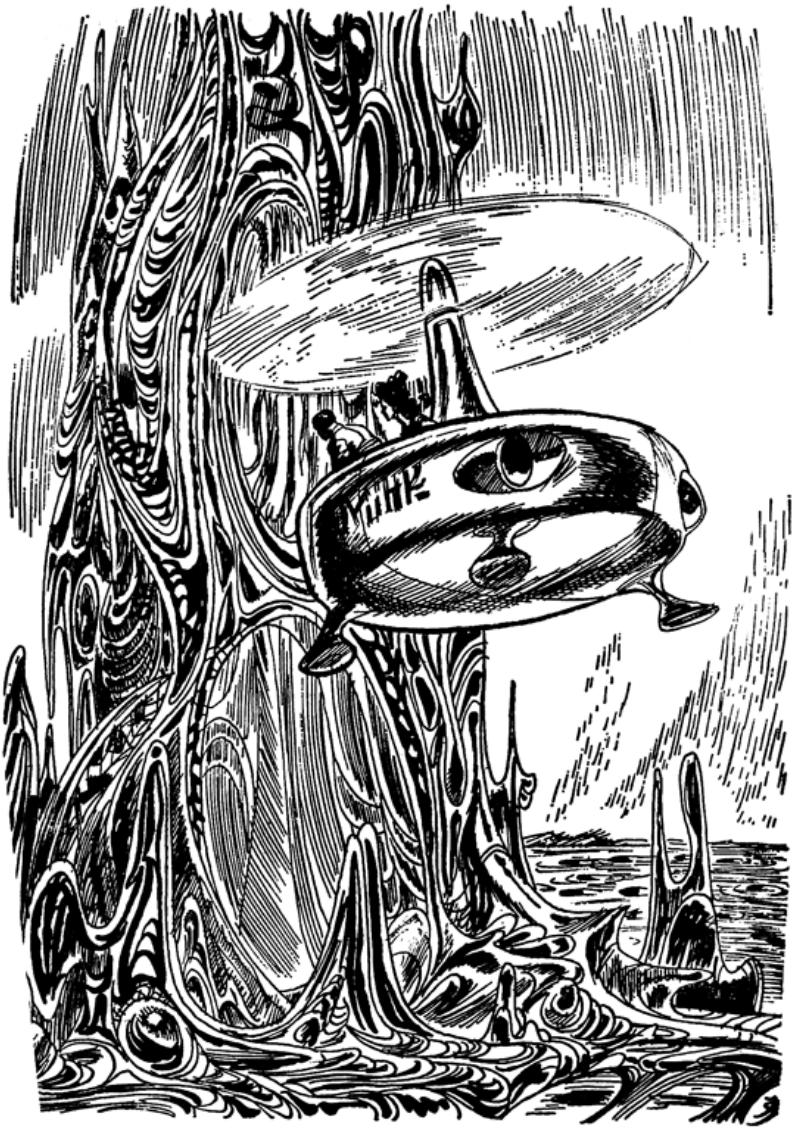
Мисс Брассуэлл еще крепче вцепилась в его руку.

— Я боюсь!

Двое мародеров теперь забирались в свою затемненную машину. Огоньки, тускло мерцавшие на холостом ходу, ярко вспыхнули. Взревели турбины. Ретиф высвободил руку, пробежал тридцать футов открытой мостовой и прыгнул как раз в тот момент, когда вертолет поднялся. Послышались слабые крики застигнутых врасплох испуганных гроаков. Один из них достал силовую винтовку, но Ретиф вовремя выдернул ее у него из рук и бросил за борт. Вертолет дико закачался, чуть не задев за декоративный карниз. Ретиф схватил костистую шею и вышвырнул ее обладателя через борт. Раздался слабый вопль, который тот испустил при ударе о землю. Через мгновение за ним последовал второй гроак. Ретиф схватил рычаги управления, резко развернулся и опустился рядом с мисс Брассуэлл.

— Ох! Я боялась, что это вы упали за борт, мистер Ретиф! — Она забралась на сиденье с ним рядом, помогла ему выбросить плевательницу, которая с грохотом разлетелась на черепице. На соседней крыше два полуживых гроака тонко пищали, как потерянные котята. Вертолет подпрыгнул, быстро пронесся над ними и направился к стеклянным башням.

Город стекла раскинулся на сорок акров — хрустальная фантазия в виде башен, минаретов, подвешенных в пространстве хрупких балконов, изысканных резных украшений, воздушных переходов, раскинувшихся наподобие



паутины между тонкими шпилями, сверкающих светом, расцвеченных оттенками драгоценных камней. Ретиф набрал высоту, затем устремился вниз, так что желудок сжимался, направляясь к самой высокой башне.

— Мисс Брассуэлл, вы умеете управлять этой штукой, не так ли?

— Конечно, я хороший пилот, но...

Ретиф остановил вертолет в трех футах над крошечной террасой, прилепившейся к шпилю.

— Ждите здесь. Я вернусь, как только смогу. Если появится кто—нибудь другой, быстро сматывайтесь отсюда и направляйтесь к болоту!

— Б... болоту?

— Оно будет самым безопасным местом поблизости, когда разразится землетрясение!

Он перебрался через борт, прошел по террасе шириной в пять футов, из прозрачного, как вода, стекла, и исчез в проходе, образованном аркой из переплетающихся стеклянных лоз, увешанных сверкающими алыми и пурпурными ягодами. Узкая винтовая лестница вела вниз и выходила в круглое помещение, стены которого были украшены прозрачными фресками, изображающими залитые солнечным светом сады. Сквозь стекло просматривались освещенные окна следующей башни, а за ними виднелись силуэты полудюжины гроаков и фигура высокого, пузатого землянина.

Ретиф обнаружил еще ступеньки, понесся по ним вниз, проскочил под арку из шпалер со стеклянными цветами. Узкая хрустальная лента, изгибаясь, шла над пропастью к освещенному входу напротив. Он стянул туфли и пятью быстрыми шагами проскочил мостик.

Наверху слышались голоса, темные тени перемещались по полупрозрачному потолку. Ретиф поднялся выше, увидел мельком пятерых богато одетых гроаков, перебирающих пальцами изысканные йолканские бокалы, собравшихся вокруг сутулого, с приплюснутым подбородком, министра Барншайнгла.

— ...удовольствие иметь дело с такими реалистами, как вы, — говорил дипломат. — Жаль насчет местных, конечно, но, как вы и подчеркивали, некоторая дисциплина...

Ретиф сшиб с ног двух гроаков, которые полетели кувырком, затем схватил Барншайнгла за руку, так что напиток пролился на алый обшлаг его жакета.

— Нам нужно идти — быстро, мистер министр! Объяснения потом!

Фисс прошипел приказ; двое гроаков бросились к Ретифу, один из них тотчас был обезоружен. Баршайнгл задыхался, брызгал слюной и дергался, чтобы освободиться. Его лицо приобрело ужасный пурпурный оттенок.

— Что означает эта выходка?

— Извините, мистер министр, — Ретифчисто провел удар правой в челюсть Барншайнгла, подхватил дипломата, когда тот сложился пополам, нагнулся, взвалил его тело на плечи и побежал к двери.

Внезапно гроаки посыпались отовсюду. Двое отлетели в стороны от ударов Ретифа; еще один пригнулся, вскинул

силовую винтовку и выстрелил, но в этот момент Фисс прыгнул и отбил ствол в сторону.

— Подвергать опасности пузатого, — прошипел он — и полетел на пол, когда Ретиф отшвырнул его. Гроакский миротворец в шлеме набросился на Ретифа сзади; Ретиф задержался, чтобы лягнуть его; тот полетел через всю комнату, сшибая остальных. Выстрел из бластера разнес в осколки стекло у Ретифа над головой, шипение разъяренных гроаков доносилось со всех сторон. Ретиф бросился вниз по лестнице. За спиной у него послышался страшный грохот; бросив взгляд через плечо, он увидел, как от упавшей люстры разлетаются осколки. Барншайнгл стонал и слабо шевелил руками. Ретиф влетел на узкий мостик и почувствовал, как тот качается под двойным весом. Он сделал пару шагов, оступился, закачался...

Послышался хрустальный звон, и десятифутовый стержень из канареечно—желтого стекла пролетело мимо него. Он удержал равновесие, сделал еще шаг, качнулся, когда мост вздрогнул, и прыгнул в безопасное место, когда стекло начало рассыпаться на десятки тысяч осколков, сыплющихся вниз сверкающим дождем.

Прыгая через три ступеньки, он понесся вверх. Внезапный крен здания отбросил его на стену, где стеклянные мозаичные картины изображали стеклодувов за работой. Большой кусок сцены выпал назад, так что в помещение ворвался вихрь прохладного ночного воздуха. Ретиф нашел опору для ног, двинулся вверх, ощутил, что стеклянная плита выпала из—под ноги, когда он выскочил на террасу. От винтов вертолета, висевшего в нескольких ярдах, шел сильный поток воздуха. Искрящаяся башня, ранее располагавшаяся рядом, исчезла. Постоянный грохот, будто бы от близкого прибоя, заглушал рев турбин вертолета.

Ретиф снял с плеча Барншайнгла, теперь слабо цеплявшегося руками и хлопавшего затуманенными глазами, и полуподнял, полупихнул его на заднее сиденье.

— Спешите, мистер Ретиф! Оно наступает!

Грохот теперь был оглушающим. Ретиф схватился за распорку, чтобы подтянуться, и внезапно повис на одной руке, болтая в воздухе ногами. Вертолет, поднимаясь, накренился. Ретиф бросил взгляд вниз. Башня рассыпалась под ним; облако разноцветных стеклянных осколков поднималось по мере того, как верхние этажи с оглушительным грохотом исчезали в нем. Тонкий сапфировый шпиль, стоявший теперь почти в одиночестве, изогнулся, как танцор, затем разломился на три больших куска и изящно исчез из виду. Ретиф подтянулся, закинул в вертолет ногу и влез в кресло.

Он поднял руку и ощутил липкую влажность на щеке.

— Мистер Ретиф, у вас кровь!

— Множество осколков летает вокруг. Я оказался слишком близко...

— Мистер Ретиф! — мисс Брассуэлл лихорадочно работала рычагами. — Мы теряем высоту!

Послышался резкий рокот. Ретиф оглянулся назад. Тяжелый бронированный вертолет с гроакскими опознавательными знаками двигался по направлению к ним.

— К болоту! — Ретиф старался перекричать грохот. Послышался шум, и огонь вспыхнул в конструкции над головой Ретифа, вспучивая краску.

— Держитесь! — крикнула мисс Брассуэлл. — Уворачиваюсь!

Вертолет наклонился, дернулся в противоположном направлении, крутанулся и рванулся вперед. Залпы бластера гроаков грохотали вокруг мечущейся машины» не причиняя ей вреда.

— Больше ничего не могу поделать, — задохнулась мисс Брассуэлл. — Слишком быстро теряем высоту.

Вверху сзади возникла вспышка бело—голубого света, за которой последовал приглушенный стук. Ретиф мельком заметил, как вертолет гроаков, дико вибрируя лопастями, завалился позади них. Что—то огромное и темное скользнуло к ним сзади в возрастающем свисте воздуха.

— Ровнее! — крикнул Ретиф. Он поднял бластер, отобранный у Оо—Плифа, опер руку о борт вертолета...

Тень приблизилась; сигнальные огни вертолета осветили тридцатифутовый разлет полупрозрачных ажурных крыльев, отходящих от семифутового тела. Им улыбалось ярко раскрашенное лицо Оо—Плифа. Он парил на расправленных крыльях, поджав руки и ноги.

— А, Ретиф—Тик! Удар по грудной клетке ускоряет метаморфозу! Вылез из куколки как раз вовремя!

— Оо—Плиф! — завопил Ретиф. — Что вы тут делаете?

— Следовал за вами, чтобы предупредить, дорогой друг! Не хотел, чтобы вы встретились с богами в такой Мерзкой компании, как толпа пятиглазых! Теперь на болото, на праздник!

Внизу залитая огнями факелов поверхность болота быстро приближалась. Мисс Брассуэлл пыталась замедлить падение и наконец упала в объятия к Ретифу, в тот момент, когда вертолет с изрядным всплеском плюхнулся в грязь на краю болота. Вокруг появились разрисованные лица йолканцев.

— Добро пожаловать, чужестранцы! — слышались голоса. — Как раз вовремя к началу веселья!

VII

Барншайнгл стонал, сжимая руками голову.

— Что я здесь делаю, по пояс в грязи? — требовательно спросил он. — Где Мэгнан? Что случилось с этим парнем, Фиссом?

— Мистер Мэгнан скоро появится, по словам мисс Брассуэлл. Вы ударились головой.

— Ударился головой? Мне кажется, я припоминаю... Кто—то, барахтаясь, приблизился к ним, задыхаясь и размахивая тощими, измазанными в грязи руками.

— Мистер министр! Эти примитивные существа утащили меня прямо с улицы!

— Мне казалось, что вы не намеревались покидать Консульство, — заметил Ретиф.

— Я просто проводил переговоры, — раздраженно ответил Мэгнан. — Что вы здесь делаете, Ретиф... и мисс Брассуэлл!

— О чем же вы вели переговоры? О личных апартаментах под пентхаузом посла?

— Ч... что случилось? — взорвался Барншайнгл. — Куда делся храм? — он уставился на пылающую кучу, обозначавшую место обрушившихся башен.

— Похоже, что он... э—э... предложен в жертву местным божествам, — заметил Мэгнан. — Похоже, что это традиция.

— И все эти мерзкие пучеглазики вместе с ним, — добавила мисс Брассуэлл.

— Послушайте, мисс Брассуэлл! Я вынужден просить вас не пользоваться эпитетами, указывающими на расовую принадлежность!

— Действительно, очень жаль эти башни; они были ужасно красивые.

Заговорил Оо—Плиф, сидевший подобно огромному насекомому на ближайшем древовидном папоротнике:

— С этим все в порядке. Вторичное использование стекла. Делаем много чаш и горшков из фрагментов.

— Но как насчет всех этих гроаков, перемешанных с осколками?

— Примеси дают превосходные цвета, — заверил ее Оо—Плиф.

— Моя челюсть, — проскрежетал Барншайнгл. — Как так получилось, что я упал и ударился челюстью?

— Ретиф—Тик прибыл очень вовремя, чтобы выдернуть вас из жертвенной кучи. Вероятно, ушибли челюсть в процессе.

— А что вообще вы там делали, мистер министр? — задохнулся Мэгнан. — Вас могли убить.

— Ну как же, меня туда перенесли гроаки. Совершенно против моей воли, разумеется. Я как раз подзуживал их, чтобы вызвать на крайние меры, когда появились вы, Ретиф. После этого мои воспоминания становятся несколько смутными.

— Эти удары по голове часто приводят к тому, что человек забывает, что—то из того, что с ним происходило, — заметил Ретиф. — Могу поспорить, что вы ничего не помните из того, что было сказано, начиная с того момента, когда они сняли вас с этой несчастной горы.

— Не помню? Почему же, я прекрасно помню, что...

— Возможно, что и Оо—Плиф забыл кое—что из того, что он слышал — насчет пентхаузов и акций с золотым обрезом,— продолжал Ретиф.— Может быть, это связано с тем возбуждением, которое вызвало ваше заявление о том, что Йолк будет получать большие транспорты с мелким серым кремниевым песком из Гроака, подходящим для изготовления стекла, через ДКЗ.

— Заявление? — Барншайнгл сглотнул.

— То, которое вы собираетесь сделать завтра, — очень мягко предложил Ретиф.

— А... то, — слабым голосом проговорил министр.

— Пора переходить к следующей фазе празднования, — объявил Оо—Плиф со своего насеста.

— Как прелестно, — заметил Мэгнан, — Идемте, мистер министр.

— Не вам, Мэгнан—Тик, и не_Барншайнглу—Тик—Тик, — заметил Оо—Плиф, — Обряды спаривания — не для пожилых трутней. Вам назначено уютное пребывание в дереве с колючками в порядке церемониального покаяния за безрассудства юности.

— А как насчет нас? — чуть дыша, спросила мисс Брассуэлл.

— О, вам пора заняться безрассудствами юности, чтобы было потом в чем раскаиваться!

— Вы сказали... обряд спаривания. Не означает ли это?..

— Фестиваль Вум просто обеспечивает время, место и партнера противоположного пола, — ответил Оо—Плиф. — Насчет остального решать вам!

ПЛЕТЕНАЯ СТРАНА ЧУДЕС

I

Генеральный консул Мэгнан схватился за свой мешковатый зеленый бархатный берет, чтобы его не сдуло потоком воздуха от лопастей ожидающего вертолета, и подозвал к себе Ретифа.

— Буду с вами откровенным, Ретиф, — проговорил он. — Я совсем не радуюсь тому, что оставляю вас здесь в качестве заместителя шефа под начальством старшего начальника—гроака. Такая комбинация непредсказуемых факторов — это прямая дорога к катастрофе.

— Я ни разу не слышал о катастрофах, которые ждут приглашения, когда речь идет о наших гроакских коллегах, — заметил Ретиф.

— Предоставление прав гражданина Земли гроаку — само по себе неправильно, — продолжал Мэгнан. — Но давать ему пост в Корпусе — просто глупость.

— Не стоит недооценивать парней из штаба, — весело заметил Ретиф. — Может быть, это просто первый шаг в хитроумной схеме захватить Гроа.

— Ерунда! Никто в штабе не станет портить себе послужной список из—за того, что склоняется к подобной политике...— Мэгнан, казалось, задумался. — Кроме того, что такое есть у гроаков, что нужно было бы нам?

— Их твердолобое нахальство было бы ценным приобретением — но я боюсь, что такая неощутимая вещь победит даже самую хитроумную дипломатию.

Мэгнан надул губы.

— Берегитесь, Ретиф. Если что—нибудь пойдет не так, то всю ответственность я возложу на вас.

Старший дипломат повернулся к остальным сотрудникам дипломатического корпуса, ожидавшим неподалеку, прошел вдоль их ряда, дожимая руки, и забрался в вертолет. Тот поднялся и, выделяясь на фоне облаков цвета киновари, плавающих в светло—фиолетовом небе, направился на восток. За спиной Ретифа голос одного из сотрудников Посольства поднялся до визгливого лая:

— Не хочу корзинку! Не надо бус! Хочу тяжелый металл, ты, тупоголовый идиот!

Ретиф обернулся. Коротконогий абориген с длинным торсом, обернутым жестким лимонно—зеленым одеянием, стоял, опустив плечи перед атташе по коммерции, сгибаясь под тяжестью корзин, искусно украшенных бусинами.

— Не хотите? — спросил пун голосом, который, казалось, бренчал у него в груди. — Совсем же дешево...

— Никому они не нужны! Сколько раз тебе еще это повторять, ты, пучеглазый...

Закрывавшая узкий дверной проем портьера шевельнулась; оттуда выглянул гроак, одетый в красно—коричневую рубашку, цветастые шорты и серебристые носки на веретенообразных ногах.

— Мистер Уимпертон, — проговорил он слабым голосом. — Я вынужден просить вас воздержаться от того, чтобы поносить аборигенов так громко. У меня ужасная головная боль.

Пол приподнялся, скрипнув, и затем снова мягко опустился. Прижав ладонь к животу, гроак схватился за косяк двери. Гроака звали Дуле. Он был новичком на своем посту — и в своем гражданстве тоже.

— Ух ты, превосходно, — заметил Уимпертон. — У меня будто бы желудок подлетел вверх и грохнул меня по подбородку!

— Не сомневаюсь, что мы все заметили это движение, мистер Уимпертон. «Очень даже заметили», — прошептал Дуле.

— Послушайте, вы не очень—то хорошо выглядите, мистер генеральный консул, — озабоченно заметил Уимпертон, — Это все из—за этой постоянной качки — вверх—вниз, туда—сюда. Никогда не угадаешь, в какую сторону башня наклонится в следующий раз.

— Да—да, проницательное наблюдение, мистер Уимпертон, — генеральный консул наклонил два глаза на стебельках в сторону Ретифа. — Вы не зайдете на минутку, мистер Ретиф? — он придержал портьеру и отпустил ее, когда Ретиф прошел.

Свет вечернего солнца проникал сквозь плетеные стены Консульства, отбрасывая световые квадраты на цветастые ковры из волокон водорослей, низкие плетеные кушетки, столы и стулья. Генеральный консул Дуле смотрел на Ретифа нервным взглядом.

— Мистер Ретиф,— сказал он своим слабым голосом,— теперь, когда наш предыдущий шеф, мистер Мэгнан, уехал, я, разумеется, считаю себя замещающим его.— Он сделал паузу, пока пол приподнялся и опустился; его глаза на стебельках болезненно закачались.— Как новичок здесь, вы, вероятно, заметили определенные... э—э... недостатки нашей маленькой организации.— Его четыре глаза изучали различные углы комнаты. Ретиф ничего не ответил.

— Я хотел просто предупредить вас: вряд ли было бы разумно проявлять чрезмерное любопытство...

Ретиф ждал. Башня наклонилась, уступая давлению нарастающей бури. Пол стал наклонным. Генеральный консул Дуле вцепился в стол; его горловые мешки завибрировали.

— Для человека здесь существует множество возможностей, — начал он, — оказаться жертвой несчастного случая.

Пол опустился, резко поднялся. Дуле сглотнул, бросил на Ретифа последний отчаянный взгляд и быстро выскочил из комнаты, когда вошел Уимпертон, все еще бормоча. Тот взглянул вслед исчезнувшему гроаку.

— Генеральный консул Дуле не очень хороший моряк, — заметил он. — Конечно, за ту неделю, что вы пробыли здесь, вы еще не видели настоящего ветра...

Местный торговец сунул за портьеру свою круглую голову, протопал по комнате на больших босых перепончатых ногах и задержался перед Ретифом.

— Хотите корзинку? — Круглое лицо с янтарно—оливковым рисунком смотрело на него с надеждой.

— Я возьму вон ту, — сказал Ретиф на местном языке, указывая на одну из корзин.

Большой безгубый рот широко раздвинулся в местном эквиваленте восторженной улыбки.

— Покупка! А я уже начал было думать, что вы, толстокарманные — извините меня, сэр, — что вы, земляне, держитесь за свои карманы крепче клещей. — Он опустил свой товар на пол и достал корзинку.

— Вам не следует его поощрять, — раздраженно заявил Уимпертон. — Уже несколько месяцев я уговариваю этого торговца принести несколько золотых самородков. Земля здесь буквально полнится ими — так ведь нет, они строят свой город среди океана, на плоту из водорослей, и плетут корзинки!

— Они выросли на водорослях, — мягко заметил Ретиф. — И, если они снимут эмбарго с золота, через полгода планета будет кишеть изыскателями, сбрасывающими свою пустую породу в океан. Им нравится так, как есть.

Пун поймал взгляд Ретифа, дернул головой в сторону двери и поднырнул под занавес.

Ретиф подождал полминуты, затем лениво встал и вышел вслед за торговцем.

Везде вокруг более низкие башни вставали над многомильным матом из желто—зеленых водорослей, беспокойно движущимся далеко внизу вместе с длинными океанскими волнами. Морские птицы со спинами цвета водорослей и небесно—голубым брюхом носились и кричали. Между качающимися башнями была сплетена паутина переходов, похожих на гирлянды стоярдовой длины. Воздух был наполнен постоянным скрипом ратана. Вдали виднелась покрытая белыми бурунами поверхность моря.

Ретиф прошел к месту, где пун ждал его у выхода на лестницу.

— Вы, похоже, хороший парень, поэтому я вам дам бесплатный совет, — сказал торговец, оглядывая потемневшее небо, когда Ретиф подошел к нему. —Сегодня будет большой ветер. Спускайтесь вниз, не теряя времени, — Он поднял свои корзины и повернулся к лестнице. — И не беспокойтесь о том, чтобы сообщать об этом этим клоунам, — Пун мотнул головой в направлении офисов Консульства, — Они негодные специалисты. — Кивнув головой, торговец исчез.

Ретиф бросил короткий взгляд на облака, достал сигару, прикурил ее и отвернулся от поручней.

Высокий, широкоплечий человек в темной форме стоял у входа на переход, оглядывая Ретифа с ног до головы. Он прошел по плотно сплетенному полу и протянул большую загорелую руку.

— Я — Кламмер, служба мониторинга планеты. Полагаю, что вы здесь новичок.

Ретиф кивнул.

— Позвольте мне дать вам совет. Берегитесь местных. Они хитрые обманщики и надувалы. — Он помолчал. — Вы только что говорили с одним из них. Не позволяйте им выманить вас вниз, в квартал аборигенов. Там нет ничего, кроме аборигенов и темных дыр, в которые можно упасть. Поножовщина, отравления — ничего такого, ради чего стоило бы спускаться вниз на тридцать плетеных ступенек.

Ретиф потягивал сигару. Ветер уносил клубы дыма.

— Звучит интересно, — заметил он. — Я обдумаю это.

— И здесь, в башне Консульства, можно найти множество занятий, — сказал Кламмер. — Думаю, вы уже видели двадцатифутовый трехмерный проектор и сублимационную камеру. Также есть прекрасный синтезатор пищи для банкетов, библиотека. У них там есть прекрасные чувственные ленты — в прошлом году я конфисковал их с «Веселой Лодки» на двенадцатимильной орбите над Каллисто.— Констебль достал сигару и искоса взглянул на Ретифа.— Что вы думаете о своем гроакском боссе, генеральном консуле Джеке Дулсе?

— Я не очень—то много его видел. Со времени моего прибытия сюда он страдает морской болезнью.

— Впервые я увидел в ДКЗ гроака, — заметил Кламмер. — Ему предоставлено гражданство Земли, как я слышал. Мне кажется, что не все его пять глаз смотрят в одну сторону, я бы советовал за ним присматривать.— Кламмер подтянул свой пояс с оружием.— Что же, мне пора.— Он взглянул на штормовое небо.— Похоже, мне предстоит бурная ночь.

Ретиф шагнул назад в офис. Невысокий круглый человечек со светлыми волосами и бровями поднял глаза от стола.

— О,— Уимпертон заморгал, глядя на Ретифа.— Я думал, что вы уже ушли.— Он поспешно сложил пачку бумаг, надел на них резиновую полоску, повернулся, бросил их в ящик шкафчика и встал.— Что же, пойду потихоньку к спальной башне, пока ветер не стал сильнее. Этот ветерок — ничто по сравнению с тем, что у нас иногда бывает. Я советую вам быть осторожнее на переходах, Ретиф. Это может быть опасным. Противоположные потоки воздуха создают на поверхности океана, по которому дрейфуют все эти сооружения, наложение волн, движущихся в разных направлениях,— он изобразил это своими проворными руками,— В обычное время это поселение просто качается вверх—вниз,— он посмотрел на Ретифа,— Надеюсь, это движение вас не тревожит?

— Мне оно нравится, — ответил Ретиф. — Когда я был маленьким, у меня была привычка есть конфеты — знаете, такие липучие — стоя на голове на карусели.

Уимпертон пристально смотрел на Ретифа. На лбу у него выступил мелкий пот.

— Похоже, буря нарастает, — весело заметил Ретиф. — Чувствуете?

Взгляд атташе по коммерции стал отстраненным, задумчивым.

— Здесь приятно и тепло к тому же, — продолжал Ретиф, — И здесь такой легкий запах рыбы, или осьминогов, или чего—то подобного...

— Э—э... я лучше займусь золотыми рыбками, — выдохнул Уимпертон. Он бросился прочь.

Ретиф повернулся к круглолицему мужчине.

— Как ваша поездка, мистер Пирд?

— Отвратительно...— пропищал Пирд. Голос у него был как у резиновой куклы. — Я посетил континенты Один и Два. Голые скалы. Никаких форм жизни, кроме насекомых, но их зато множество. Как вы знаете, на Пуне никогда не бывает дождей. Все пять континентов — пустыни, а жара...

— Как я понимаю, Штаб Исследований по Зоологии и Комитет по Связям финансировал там пару станций для изучения дикой жизни, — заметил Ретиф.

— Так и есть, ШИЗИКС обеспечил условия, но, к несчастью, не нашлось таких людей, кто добровольно согласился бы на них работать, — Пирд кисло улыбнулся. — Жаль. Генеральный консул Дуле выражал большой интерес к дикой природе. — Пирд схватил папку для бумаг, когда та заскользила по столу. Стены скрипели; ветер свистел; портьера на двери хлопала. Пол поднимался и снова опускался. Пирд сглотнул; он был бледен.

— По—моему, мне лучше уйти, — сказал он, двинувшись к двери.

— Подождите, — позвал Ретиф. Пирд дернулся, моргнул глазами. — Вы ни о чем не собираетесь меня предупредить?

Пирд пристально посмотрел на него, затем поспешно ушел.

Оказавшись в одиночестве, Ретиф, стараясь удержаться на ногах, постоял в офисе Консульства, теперь едва освещаемого слабым светом штормового закатного солнца. Он прошел к шкафчику, достал из кожаного футляра небольшой инструмент и занялся замком. Через пять минут верхний ящик выскочил на полдюйма.

Ретиф вытянул его; он был пуст. Во втором ящике оказался засохший сэндвич и небольшая зеленая фляжка с виски. В нижнем ящике нашлись четыре потрепанных номера «Скабрезных Историй», цветной, с пространственными изображениями, проспект, описывающий «Игры на Парадизе, планете с традициями», глянцевые каталоги, перечисляющие новейшие достижения в производстве двухместных спортивных геликоптеров, и толстый документ, перехваченный широкой резинкой.

Ретиф достал его и развернул плотные бумаги. Это был изложенный заумным языком официальный договор. В пятом параграфе там было написано:

«...поскольку данное тело необитаемо, некулътивировано, и ранее на него не предоставлялось заявок, направленных соответствующим властям, как изложено в параграфе 2А/3/ выше, и:

Поскольку заявитель должным образом установил, личным пребыванием в течение не менее чем шести стандартных месяцев, или путем введения усовершенствований на стоимость не менее...»

Ретиф читал дальше, затем снял с документа изысканно гравированную обложку, свернул его и спрятал во внутренний карман.

Ветер снаружи все усиливался. Пол трясся; стены опасно клонились. Ретиф взял из ящика журнал, вставил его в обложку документа, сложил, надел резинку, положил обратно в ящик и закрыл его. Замок защелкнулся. Ретиф вышел из Консульства и по переходу прошел в соседнюю башню.

II

Ретиф стоял в дверях своей комнаты и курил сигару. Пирд, только начавший спускаться по лестнице, занервничал:

— Лучше поспешите, сэр. Все остальные уже сошли вниз. Ветер усиливается очень быстро.

— Скоро пойду. — Ретиф бросил взгляд вдоль опустевшего коридора, волнообразно движущегося в слабом вечернем свете, затем прошел к занавешенной двери и шагнул на продуваемый балкон. От него отходил раскачивающийся плетеный переход к расположенной в сотне— ярдов башне Консульства.

В офисах Консульства помаргивал слабый свет, медленно перемещаясь. Ретиф смотрел на него мгновение, затем поднял воротник штормовки и ступил в темный тоннель дико раскачивающегося перехода. Ветер набрасывался на тоннель с яростью, которая усилилась даже за те четверть часа, которые Ретиф провел в спальной башне. Небо потемнело до зловещего розовато—лилового цвета, прорезаемого ярко—алыми полосами. Внизу, на других уровнях, сверкали огни.

Последние пятьдесят футов перехода представляли собой крутой подъем вверх по провисшему туннелю. Внезапно переход резко осел на три фута и завис, наклон пола теперь превышал 45 градусов. Ретиф восстановил равновесие и двинулся дальше, теперь уже карабкаясь вверх. В десяти футах впереди, в конце перехода, виднелось что—то желто—голубое. Оно шевелилось. Тонкая фигура консула Дулса появилась на мгновение, обернутая в темное пончо, затем исчезла из виду.

Ретиф преодолел еще два ярда, взбираясь по наклонному тоннелю, когда услышал хруст — резкий металлический звук. Дыра, через которую был виден кусок пурпурного неба, появилась в плетеной крыше у него над головой. Она расширялась...

С резким треском разрывающихся волокон конец перехода оборвался и стал падать. Ретиф вцепился в искореженный раттан и удержался. Мимо него неслась поверхность башни. Он съехал на два фута, и его корпус оказался наполовину высунувшимся из открытого конца тоннеля. Воздух свистел у него в ушах. В футе от глаз Ретифа промелькнул свободный конец несущего троса — ровно обрезанный.

Ретиф, взглянув вниз, увидел массу огней квартала аборигенов, несущуюся ему навстречу. Падающий тоннель миновал стену, коснувшись ее, пролетел мимо низких башен с освещенными окнами, в которых мелькали пораженные лица аборигенов. Ретиф на бреющем полете пронесся над узкой улицей, освещенной цветными огнями, ощутив встряску, когда тоннель задел здание, где—то наверху. Затем улица стала удаляться, и плетеный переход, щелкнув, как бич, начал возноситься в свободном полете, теперь уже замедляясь...

Перед ним замаячила стена с узким балконом перед освещенными окнами. На мгновение балкон как бы завис перед его лицом — и Ретиф бросился вперед, оттолкнувшись, чтобы высвободить ноги из искореженной плетенки. Он схватился за тяжелый раттановый поручень перил и повис, стараясь найти опору ногами, в то время как ветер трепал его, визжа в ушах...

Его схватили чьи—то руки, рывком подняли наверх. Тяжелая занавесь скользнула по лицу, и Ретиф оказался внутри дома. Он потряс головой, приходя в себя. Ретиф стоял на неустойчивом полу, моргая в мягком свете примитивной лампы накаливания, ощущая тепло и странный, пряный запах комнаты чужого.

Перед ним стоял пятифутовый абориген, с тревогой глядя на него снизу вверх большими выпуклыми зелеными глазами на гладком лице оливкового цвета. Широкий, почти человеческий рот открылся; мельком показался его розовый язык.

— С тобой все в порядке, приятель? — вопросил странно резонирующий голос на местном булькающем языке.

Ретиф с кислым видом пощупал челюсть, пошевелил плечами.

— Слегка голова кружится от той скорости, с которой работают парни, но вообще все прекрасно, — ответил Ретиф.

— Ты говоришь по—пунски как местный, во имя Хупа! — заметил чужой. — Садись здесь, — он указал на низкую кушетку, заваленную разноцветными подушками, и направился к буфету, переставляя по качающемуся полу широкие ступни с перепонками, в ярко—желтых сандалиях. — Как насчет глотка йикиля? Ты упал с перехода, да?

— Вроде того. — Ретиф принял от него глубокий фарфоровый кувшин изысканной формы с двумя ручками. Он понюхал напиток, затем отпил.

— Меня зовут Урл Юм. Я оптовый поставщик в «Пищевых поставках всего мата».

— Я Ретиф. Из Консульства Земли. — Он оглядел комнату. — У тебя тут приятная квартирка.

— Вполне.

У двери раздался резкий свист.

— Ты не хочешь познакомиться с группой людей? Думаю, они видели, как ты падаешь, и толпятся сейчас, чтобы взглянуть на тебя. Здесь, в городе, мы нечасто видим землян, как ты понимаешь.

— Прямо сейчас мне не хочется выходить на всеобщее обозрение, Юм.

— Конечно, я понимаю, что ты чувствуешь. Несколько месяцев назад мне нужно было съездить в Драйпорт по делам, и каждый чертов доброжелатель хотел затащить меня на чай, чтобы посмотреть на меня.

У двери снова раздался свист. Урл Юм протопал к встроенному шкафу, достал большую сумку и вытащил из нее ярко окрашенное устройство из пластика и металла.

— Я как раз собирался пойти поплавать. Почему бы тебе не присоединиться ко мне? На этом ветру ты не захочешь

возвращаться обратно наверх сегодня вечером. Мы можем выйти через черный ход. Как насчет этого?

— Плавать? В такую погоду?

— Лучшее время. Отличная охота. Мелочь прячется под матом, а крупная дичь за ней охотится — а мы охотимся за крупной дичью, — он показал полированный наконечник остроги.

— Послушай, Юм. Я простой землянин. Я не могу задержать дыхание более чем на минуту—две.

— И я не могу. Это оборудование для того и предназначено. Вы дышите кислородом, так же, как и мы, не так ли?

Снова раздался свист, уже более настойчивый.

— Эй, Юм! — послышался голос. Ретиф допил свой напиток.

— Этот йикйль — прекрасная вещь, Юм; он уже начинает воздействовать на мои решения. Пошли!

Они стояли в узком проходе, который вился между высокими стенами, увешанными вывесками; утыканными балконами, соединенными раскачивающимися переходами. По ним ходили толпы хорошо одетых, увешанных драгоценностями пунов. Завывал ветер, аборигены пересвистывались, башни скрипели...

— Я слышал о кривых дорогах, — крикнул Ретиф. — Но впервые в жизни вижу такую, которая действительно закручена!

Юм приблизил рот к уху Ретифа.

— Ты знаешь диалект свиста?

— Я могу его понять, — крикнул Ретиф в ответ. — Но сам не могу свистеть.

Юм сделал ему знак следовать за ним, прошел по боковой аллее до занавеса, украшенного морскими раковинами, и, толкнув его, оказался в низкой комнате с кушетками вдоль одной стены и открытыми полками с другой. Осанистый пун, переваливаясь, вышел вперед.

— Ой, Юм! Ой, незнакомец!

— Ой, — сказал Юм. — Джипп, это Ретиф. Мы отправляемся вниз. Ты мог бы его опрыскать?

— Удачно, что вы пришли ко мне, Юм. У меня как раз есть компаунд, специально приготовленный, чтобы удовлетворять требованиям землян, свежая пачка, только вчера приготовил.

— Отлично. Ретиф, сложи свои вещи там. — Юм открыл свою сумку, достал оборудование и разложил его на низком столике. Он выбрал пару защитных очков, отдал их Ретифу, — Они немного велики, но, думаю, сядут нормально. — Потом вручил землянину тяжелый цилиндр, размером и формой похожий на пивную бутылку, и присовокупил еще пару других вещей.

— Итак: движитель, фонари для связи, дыхательный аппарат, спасательное оборудование. Теперь — когда ты разденешься и прикрепишь оборудование, Джипп снабдит тебя ластами и опрыскает.

Ретиф надел на себя оборудование и с интересом смотрел, как осанистый владелец из тестообразного материала сформировал на его ногах большие плавники, которые затвердели до плотности резины, затем принес переносной аппарат с баком, компрессором и трубкой с широким раструбом.

— Сделай его шагающим дьяволом, Джипп, — приказал Юм. Джипп колебался, глядя на Ретифа.

— Полагаю, у вас достаточно опыта...

— С ним все будет в порядке, — ввернул Юм. — Он быстро схватывает, и у него сильные руки.

— Как скажешь, Юм, но ты должен предупредить его, что ангел смерти бросается на шагальщика, как только его увидит.

— Само собой. Таким образом, нам не придется его искать.

— Что же, если хоть одного поймаете, не забывай, что я плачу за камни максимальные цены.

— Тебе первому будет предложено.

Джипп включил компрессор, пощелкал настройкой и направил тяжелую струю вязкой зеленоватой жидкости в грудь Ретифу, создавая рисунок, доходивший ему до колен. Затем пун отключил систему и начал менять шланги.

— Зачем этот состав? — спросил Ретиф, изучая толстый мягкий слой, застывающий у него на коже.

— Защитное покрытие. Оно прочное, как шкура юка. И у него мембранное действие — пропускает внутрь кислород, а наружу — углекислый газ. Цвет маскирует тебя, чтобы ты не пугал добычу, и законченное покрытие придерживает на месте все твое оборудование. Также это хорошая изоляция. Вода холодная. Когда вернешься, ее легко можно будет отодрать.

Джипп работал еще минут пять. Ретиф крутил головой, чтобы оглядеть себя. Его спина, насколько он заметил, была тусклого черного цвета, с красными и белыми пятнами, и отделялась от блестящей зеленой передней стороны бледно—серыми боками. Широкие розовые жабры сияли от горла до плеч. Лодыжки и покрытые плавниками ноги были ярко—красными.

— У него подходящая комплекция, — заметил Джипп, оглядывая Ретифа. — Если бы не я сам сделал эту работу, я бы поклялся, что он настоящий шагалыцик, во имя Хула!

— В том—то и суть, Джипп. А теперь придай мне вид обычного большеротого.— Юм достал из бокового кармана фляжку и предложил ее Ретифу, который отпил изрядный глоток, затем передал ее Джиппу, возившемуся с аппаратом.

— Нет, спасибо. Сегодня мне не требуется искусственно поднимать настроение. Я надеюсь, что мой бизнес неплохо продвинется еще до того, как шторм достигнет максимума. — Он тщательно занимался делом, покрывая Юма ровным тусклым серым цветом, и в завершение добавил острый гребень кричащего желтого цвета.

— Ладно, Ретиф, — Юм вручил ему легкую винтовку с коротким стволом, из которого торчал острый как бритва наконечник стрелы. — Давай погружаться.

Джипп провел их в заднюю комнату и открыл плетеный люк в полу. Ретиф взглянул на наклонную поверхность трехфутовой трубы из плотно переплетенных полосок.

— Следуй за мной, — сказал Юм и, нырнув головой вперед, исчез из виду. Ретиф сжал свое ружье со стрелой, весело махнул Джиппу и нырнул вслед за Юмом.

III

Вода была черной, как чернила, но в ней мелькали вспышки красного и желтого, медленно двигались зеленые и синие силуэты, и, далеко внизу, виднелись тусклые отблески фиолетового. Ретиф, двинувшись вперед, увидел, как огоньки рассыпались перед ним в фосфоресцирующем вихре.

Темная тень вырвалась из полумрака и зависла перед Ретифом. Он узнал желтый гребень Юма, мягко покачивающийся в движущейся воде.

— Единственное спокойное место в городе, когда дует ветер, — протрещал в ушах Ретифа голос Юма. — Давай отправимся на восток, чтобы уйти подальше от этого столпотворения, и там посмотрим, не удастся ли нам выманить ангела наверх!

— На какой мы глубине?

— Толщина самого мата здесь метров двадцать. Мы сначала исследуем его нижнюю поверхность; если дело не пойдет, опустимся глубже.

Юм поплыл куда—то в темноту, двигая перепончатыми ногами. Ретиф последовал за ним. Над ними плавучий континент водорослей представлял собой волшебное переплетение гибких лоз, кораллов фантастической формы, скручивающихся кольцами водорослей и движущихся огоньков.

— При помощи кнопки на левом бедре ты можешь управлять реактивным двигателем, — сообщил Юм. — Правь

ногами — и держи винтовку наготове. Если увидишь, что—то похожее на самого себя, стреляй.

Ретиф ради пробы нажал на кнопку и почувствовал, как вода взвихрилась вокруг его колен; его бросило вперед, и он понесся с такой скоростью, что ландшафт вверху стал размытым. Легкий поворот лодыжек резко послал его в глубину; небольшая корректировка снова вернула к Юму. Глаза Ретифа приспособились к темноте, и он теперь за огоньками различал темные силуэты. Массивные, медлительные пловцы перемещались, разинув широкие челюсти. Тонкие веретенообразные тени крутясь быстро проносились мимо. Туманный силуэт, от которого исходил перламутровый розовый свет, поднялся из глубины и протянул к ним свои перистые руки. Юм резко отвернул в сторону. Ретиф следовал за аборигеном в пятнадцати футах в стороне от его пузырькового следа.

После десятиминутной гонки Юм замедлился, поднялся, коснувшись коралловых деревьев, перевернулся вверх ногами, поставил их в дымчатом облачке ила и встал вниз головой. Ретиф приблизился и, перевернувшись, принял такое же положение. Под ногами колыхался мягкий ил.

— Поначалу это кажется слегка необычным, — четкий голос Юма донесся до ушей Ретифа. — Но ты привыкнешь.

Ретиф огляделся. Бескрайняя поверхность массы водорослей простиралась, исчезая в глубоком мраке, утыканная извивающимися лозами, красно—фиолетовыми деревьями с жесткими ветками, оранжевыми и зелеными кораллами, перистыми кочками кустиков с разноцветными цветами размером с суповую тарелку, среди которых искрились и играли огоньки.

— Я буду держаться слева от тебя. Передвигайся большими, прыгающими шагами. Любая другая живность подобного тебе размера будет обходить тебя стороной, исключая другого шагальщика. Если его увидишь, сразу же стреляй. Целься в середину тела. Далее, если мы встретим ангела, ты сначала заметишь тень. Просто продолжай

движение; я подберусь снизу и поражу его туда, куда надо. Когда он повернется, целься рядом с большим красным пятном у него на спине. Понятно?

— Сколько выстрелов в этой винтовке?

— Пять в магазине, и запасной у тебя на левом плече.

— Как мы узнаем, что поблизости нет других охотников? Мне бы не хотелось по ошибке проткнуть стрелой одного из твоих друзей.

— У тебя в наушниках зазвучат позывные, если кто—то окажется ближе пятнадцати ярдов — может быть. Это часть игры. В прошлом году из моей левой ноги вырезали отличную стрелу. Какому—то шутнику потребовался большеротый, чтобы нарезать из него наживки. — Юм махнул рукой и исчез.

Ретиф выбрал открытую дорогу между нависающими кораллами и двинулся по ней. После нескольких шагов идти оказалось не так трудно. Ретиф подумал, что это похоже на прогулку по пыльной поверхности астероида, если не считать того, что оборудование для подводного плавания гораздо менее обременительно, чем скафандр.

Справа Ретиф заметил какое—то движение. Высокая двуногая фигура появилась ярдах в десяти от него, едва видимая в свете фосфоресценции. Ретиф остановился и прицелился. Новоприбывший двинулся дальше огромными прыжками, на мгновение останавливаясь между ними. Ретиф повернулся, чтобы последовать за ним.

— Не обращай внимания на шагалыцика, — заметил Юм. — Он тебя не заметил; должно быть, он только что кормился. Мы сейчас свернем направо, чтобы оставить ему эту территорию.

Ретиф посмотрел, как двуногий исчез во мраке, затем двинулся вперед.

Впереди тьма казалась глубже. Существо размером с корову, с бородавками и светящимися кругами вокруг широко расставленных глаз, промчалось мимо. Пронеслась крошечная рыбка. Тьма сгущалась.

— Внимание! — голос Юма в наушниках звучал напряженно. — Продолжай идти; приближается целая махина, чтобы посмотреть на нас!

Ретиф извернулся, чтобы взглянуть в глубину, подобную черному небу, в котором двигалось темное облако. Он продолжал идти вперед.

— Это он и есть. Действуй, будто его не замечаешь; иначе он выпустит свою маскировку, и нам придется работать в темноте...

Тень перемещалась, все больше расширяясь. Все вокруг потемнело. Наконец медлительное морское животное прошло мимо, поднимая за собой туманный след из ила.

— Эй, — послышался голос Юма. — Оно проходит мимо нас, движется дальше.

— Может быть, он сегодня просто не голоден.

— Это из—за того шагалыцика, которого мы видели; он идет за ним. Пошли!

Ретиф повернулся, заметил фосфоресцирующий вихрь и понесся за ним, включив двигатель. Поверхность водорослей шла вниз в виде перевернутого холма. Ретиф присоединился к Юму, следуя за огромной тенью, летевшей над подвижной поверхностью. Появился шагалыцик, стоящий спиной к двум охотникам.

— Возьми его! — рявкнул Юм—— Я заберусь под большую дичь! — Он исчез в вихре. Ретиф прижал винтовку к плечу, прицелился...

Яркий луч ударил из груди шагалыцика. Морское животное потянулось, хватая его за спину...

— Стоп! — резко бросил Юм. — Это не шагалыцик! Длинный зеленоватый луч фонаря дернулся, отражаясь от коралловых деревьев, сквозя через клубящиеся облака ила. Чертов дурак! Ему лучше быстро потушить этот свет!

Ангел смерти приблизился, подобный стофутовому одеялу из черного желе; незнакомец отшатнулся, лихорадочно пытаясь вставить магазин в винтовку, поднял ее...

Ангел ударил. На мгновение он накрыл незнакомца, создавая сильные волны движениями огромного тела, затем резко поднялся, дико отскакивая...

— Отлично! — завопил Юм. — Я попал чисто и точно! Подходи и бей в светящуюся точку, Ретиф, и мы полночи будем считать деньги за бутылочкой столетнего йикиля!

Ретиф бросился вперед, оттолкнувшись от поверхности водорослей, прицелился в красное светящееся пятно в центре огромной извивающейся массы, выстрелил, выстрелил снова, затем закувыркался в потоках воды, вызванных извивающимся телом животного.

Ретиф с Юмом наклонились над распростертым телом жертвы ангела.

— Это и в самом деле землянин, Ретиф. Интересно, что он делал внизу в одиночестве?

— Вероятно, это турист, разглядывал виды. Хотя я не слышал о том, чтобы какие—либо путешественники регистрировались в Консульстве.

— Может быть, ты и прав. Мы недалеко от Кормящего Корня; он направлялся в ту сторону, и, похоже, он знал, куда идет.

Ретиф осмотрел оборудование незнакомца, проверил его пульс и дыхание.

— Похоже, с ним все в порядке.

— Конечно. Его просто ударило волной. Мы не дали большой дичи вонзить в него свой раздирающий крюк.

— Нам лучше поднять его наверх.

— Конечно. Как только мы выпотрошим от камней нашего ангела, пока до него не добрались большеротые. Неподалеку есть общественный входной колодец; возможно, он им и воспользовался. Мы просто потащим его на буксире за собой. С ним все будет в порядке.

Огромная туша ангела парила ярдах в пятидесяти от верхушек коралловых деревьев. Они подплыли к ней, прогнали любопытного падальщика, проплыли к красному пятну на огромном пространстве черной шкуры. Короткая стрела торчала вертикально, наполовину погруженная в самый центр мишени. Вторая стрела находилась в футе от нее.

Юм присвистнул.

— Четко работаешь, Ретиф. Прекрасная стрельба. — Он отщелкнул нож с узким лезвием, сделал разрез, сунул руку в резиноподобное тело и достал округлый орган размером с грейпфрут. Он снова свистнул.

— Это, должно быть, король всех ангелов! Посмотри, какая у него большая сумка! — Он осторожно надрезал кожистое тело, сунул туда два пальца и достал черную сферу размером с большую виноградину.

— Ретиф, мы с тобой представляем отличную команду. Посмотри на эти камни!

— Для чего вы их используете?

— Мы перемалываем их и посыпаем ими пищу. Величайший деликатес.

— Юм, а что это за Кормящий Корень, о котором ты упоминал?

— А? Ну, это... это тот корень, который обеспечивает питанием мат.

— Только один корень на все эти водоросли?

— Конечно; это все одно растение — весь мат.

— Мне бы хотелось на него посмотреть. Не могу себе представить, чтобы землянин плавал здесь в разгар шторма просто для того, чтобы вертеть головой, — разве что это действительно стоящее зрелище.

— В нем нет ничего особенного. Просто большой крепкий кабель, уходящий вниз, в большие глубины. — Юм спрятал жемчужины в мешочек, пристегнутый к ноге, и повел Ретифа по понижающейся поверхности водорослей. Он указал на черную массу впереди.

— Вот он — в той массе отростков. Сам корень имеет сто футов в диаметре, и он более мили длиной. Он служит в качестве якоря для мата и также кормит его.

— Давай посмотрим поближе.

Ретиф передвигался среди покачивающихся отростков.

— Слушай — а что это такое? — раздался голос Юма в его наушниках. Впереди между сдвоенных корней виднелся большой темный силуэт. Ретиф подплыл поближе.

— Это разведывательная подводная лодка, сконструированная на Земле. — Ретиф проплыл к входному люку, обнаружил, что тот заперт. — Давай тут немного еще поразведаем, Юм.

Они вдвоем поплыли над колеблющейся массой отростков, держась поближе к обросшей мхом и морскими желудями стенке огромного корня. Ретифу на глаза попался белый предмет, шевелящийся в темной воде. Он поплыл к нему.

Это был пластиковый ярлык, прикрепленный проволокой к спице, воткнутой в кору корня. Под ней висела небольшая, покрытая металлом коробочка, из которой сбоку выходил изолированный провод.

— Что это такое? Кому потребовалось появляться здесь, и возиться с Корнем? — озадаченно спросил Юм.

— Это детонатор, — сказал Ретиф. — Провод должен вставляться в пакет с зарядом взрывчатки.

— Взрывчатка! Здесь, у Корня?

— Сколько времени проживут водоросли, если корень будет перерезан?

— Проживут? Не проживут и дня! Если отрезать веточку водорослей, она завянет за несколько минут. Ну, плоды, листья, шипы достаточно прочные — но вся масса развалится, как кусок сахара в чаше горячей роки.

— Где—то находится бомба, которая должна быть присоединена к детонатору, Юм, — сказал Ретиф. — Возможно, в подводной лодке. Я бы предположил, что наш пловец и собирался ее достать. Давай посмотрим, нет ли у него ключей.

Юм обыскал вялое тело.

— Он чист, Ретиф. Должно быть, потерял их во время схватки.

— Ладно; давай доставим его на поверхность и посмотрим, что он сможет нам сказать.

IV

В пропахшей влагой пещере общественного входа Ретиф стоял над находившимся без сознания человеком. С него капала вода, собираясь в лужу на плотном раттановом пандусе, наклонно уходящем в воду. Дежурный служитель вышел вперед и щелкнул языком при виде вялого тела.

— Он уходил отсюда, и пятнадцати минут не прошло. Не захотел принять мое предложение насчет гида. Я его предупреждал...

— Где его одежда? — перебил Ретиф.

— На полке... там, — служитель указал на плащ, брюки, ботинки, путаницу тяжелых кожаных ремней и пустую кобуру, уложенные в аккуратную кучу.

— Полицейский? — спросил Ретиф. Он изучил одежду. — Никаких документов, — заметил он. — И ключей нет.

— Что случилось? —— спросил служитель.

— На него напал ангел.

— Тогда он еще несколько часов будет в отрубе, — заметил служитель. —Крупный ангел бьет достаточно сильно. Ха! Эти туристы все одинаковые.

— Юм, у вас есть здесь полицейские силы — или армия?

— Нет. Зачем они нам нужны?

— Тогда ты не мог бы собрать несколько друзей — добровольцев, чтобы они наблюдали за лодкой, которую мы нашли?

— Конечно, Ретиф. Все, что захочешь.

— Расположи примерно дюжину людей в растительности вокруг лодки. Скажи, чтобы не высовывались — нам не следует отпугивать кого бы то ни было. Но будьте осторожны. Ружье со стрелами не может сравниться с бластером «Марк IV».

— Я позову парней. — Юм прошел в офис служителя и вышел через пять минут.

— Все улажено, — заявил он. — А как насчет него? — он указал на спящего полицейского.

— Пусть дежурный смотрит за ним, пока не придут твои друзья. И пусть пока уберет его куда—нибудь, чтобы не лежал на виду.

— А что насчет бомбы?

— Нам придется попробовать спровоцировать кого—нибудь. Кто бы ни послал сюда нашего приятеля, они не знают, что он не выполнил свою задачу.

Сосредоточенно хмурясь, Ретиф смотрел на Юма.

— Юм, сдирай свой пугающий костюм и надевай форму. — Он и сам стал снимать с себя покрытие шагающего дьявола. — Я позаимствую какую—нибудь местную одежду.

— У тебя есть идея?

— Не совсем. Просто дикое предположение.

Юм ногой отшвырнул остатки оборудования для плавания, натянул одежду патрульного. Она нелепо висела на его приземистой фигуре.

— Ретиф, я же никого этим не одурачу.

— В этом и суть, Юм. Теперь давай двигаться!

Юм остановился перед темным входом и указал на освещенный этаж наверху.

— Вон там! — прокричал он, перекрывая вой ветра. Длинный плащ хлопал Ретифа по лодыжкам; Юм одной рукой держался за свою фуражку патрульного.

— Ладно. — Ретиф склонился к Юму и прокричал: — Ты подожди пять минут, Юм; затем просто пройди по улице. Иди так, будто бы спешишь. Затем тебе лучше вернуться и помочь парням. Если кто—нибудь к тебе приблизится, дай ему раскрыться, затем быстро бей.

— Ну... надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Ретиф взбирался по дрожащей плетеной лестнице, схватившись за перила, когда неистовый порыв ветра бросил его на качающуюся стену. Поднявшись на два пролета, он толкнул занавес с надписью ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО ЗЕМЛИ — ОТДЕЛ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ.

Уимпертон и Пирд подняли глаза от стола, на котором была разложена еда из рационов НЗ; стол освещался холодным светом слабой лампочки накаливания. У Уимпертона отпала челюсть. Пирд с трудом поднялся и встал, вытирая пальцы о свой розовый жилет.

— Привет, парни, — весело сказал Ретиф, — Со мной произошла наимерзейшая вещь. Вы никогда не догадаетесь.

— Э—э... вы упали из окна? — рискнул Уимпертон.

— Близко, но не совсем; подо мной обрушился переход. Веселенькая поездка. — Он подошел к окну, — Ну и ветер! Я бы сказал...

— Да, действительно, изрядный ветер, вы правы, — пропищал Пирд.

— Смотрите, — сказал Ретиф. — Это там кто, патрульный? Интересно, что он там делает во время шторма!

Уимпертон и Пирд бросились к окну, склонились. Внизу неловкая фигура Юма, переваливаясь, поспешно двигалась по улице, затем завернула за угол.

— Эй, это же...— начал было Уимпертон.

— Да, это странно, действительно, — перебил его Пирд. — Погода для прогулок неподходящая.

— Но это же не был...

— Не было ничего такого, о чем бы нам стоило беспокоиться, ха—ха, — пробормотал Пирд. Он притворно зевнул. — Что же, пора и на боковую, а? — он похлопал себя по рту, внимательно наблюдая за Ретифом.

— Я рад, что вы это предложили, — заметил Ретиф. — Я опасался, что вам захочется сесть и поговорить.

— Располагайтесь просто в первой комнате отсюда, — с пылом проговорил Пирд. — Прекрасная комната. Просто ложитесь и отдыхайте. Уимпертон, покажите мистеру Ретифу комнату, а я просто... э—э... проверю кое—что.

Ретиф оглянулся у двери, мельком увидел, как Пирд бросился сквозь наружный занавес. Он шагнул в комнату. Там была аккуратная постель, кресло, ковер, трехмерный телевизор.

— Превосходно, — он похлопал по кровати. — Что же, Уимпертон, спокойной ночи.

— Да, спасибо. Вам также. — Уимпертон исчез.

Ретиф выключил свет, лег на кровать и стал ждать. Прошла минута. Дверной занавес на мгновение отошел, затем упал обратно. Свет во внешней комнате заморгал.

Ретиф встал и выглянул. Убежище было покинуто. Он прошел к наружному занавесу; прыгая через три ступеньки, понесся вниз по лестнице, вышел на ветреную улицу. Пирд и Уимпертон, таща по чемодану, качаясь, скрылись за углом. Ретиф поплотнее завернулся в плащ и последовал за ними.

Стоя в тени скрипящей плетеной стены общественного входного колодца, Ретиф смотрел, как Уимпертон и Пирд ходили туда—сюда по пандусу. Пирд взглянул на часы на пальце.

— ...сейчас в любой момент... — слова едва слышались сквозь грохот ветра и стон плетеного раттана. Пирд остановился перед Уимпертоном, явно, о чем—то спрашивая.

Уимпертон полез в плащ, достал толстую пачку бумаг, перехваченную красной резинкой, помахал ими перед Пирдом и положил их обратно. Ретиф подошел немного ближе.

— ...тоже не нравится, — слышался носовой голос Уимпертона. — Или аборигены слишком умные, или они снюхались с...— ветер отнес слова в сторону.

Ретиф шагнул назад, на улицу, увидел розовое свечение общественного телефона в пятидесяти ярдах. Борясь с ветром, он прошел к нему, набрал номер и попросил к телефону Юма.

— Здесь пока никакой активности, — сообщил абориген. — Как прошло дело?

— Наши голуби улетели из клетки, все нормально. Они знают, что у них проблемы, но не уверены, какие конкретно. Они находятся у общественного входа рядом с Консульством и ждут, пока их подберут.

— Им придется долго ждать. Их водитель еще спит.

— Юм, у меня такое впечатление, что бомба должна взорваться в самый разгар шторма. Сколько еще до этого времени?

— Ну, часа два, я бы сказал.

— А каковы сейчас условия на верху Консульской башни?

— Сложные. Башни склоняются под ветром. Потолки складываются, прижимаясь прямо к полу, при хорошем ветре — а сейчас ветер превосходный.

— Мы почти отстаем от графика, Юм, и есть еще две стороны, о которых мы ничего не знаем. Боюсь, что мне придется еще раз прогуляться по этому ветру.

— Ты возвращаешься сюда?

— Я иду наверх — и мне пора двигать, пока в Консульстве еще остается место, где можно проползти.

Визжащий ветер ударил Ретифа в лицо, когда он вышел из темного прохода на балкон тридцатого этажа и взглянул вверх, на наклоненную поверхность башни. В сорока футах над ним в полутьме едва виднелись перила, ограничивающие террасу пентхауза Консульства.

Башня под Ретифом дрожала и шевелилась наподобие живого существа. Он ухватился и полез вверх по плетеной стене. Порывы ветра стремились оторвать его от башни. Ретиф отдыхал, прижимаясь к поверхности, затем лез дальше. Через десять минут он перевалился через перила и во весь рост растянулся на наклонной крыше башни.

Из—за наклона пола ветер здесь был слабее. Ретиф соскользнул по полу, прыгнул, ввалился через потрепанный ветром занавес в помещение, остановился и стал осматриваться в темноте пустого офиса.

От дальней стены послышались звуки, похожие на хрюканье. Ретиф прошел через комнату и щелкнул настенным выключателем. Вспыхнул слабый свет, осветивший связанную фигуру генерального консула Дулса, лежащего в углу, образуемом стеной и цолом. Его пять налитых кровью глазных стебельков призывно смотрели в направлении Ретифа.

Ретиф прошел к наклоненному столу, вынул из держателя нож для бумаг, вернулся и перерезал связывавшие гроака веревки, затем вытащил затычку из жвал.

— Ах, да засияет солнце на холм яиц ваших предков, — задыхаясь, проговорил Дулс по—гроакски. — Выражать сердечную благодарность; клясться в вечной дружбе...

— Не думайте об этом, мистер Дулс. Вы себя достаточно хорошо чувствуете, чтобы передвигаться? Нам придется спускаться по наружной стороне. Лестница зажата.

— Как приятно видеть вас живым, дорогой друг, — продолжал Дуле на общеземном языке. — Я опасался, что негодяи добились наихудшего. Я пытался вмешаться, но — увы...

— Я вас видел. В тот момент у меня возникла мысль, что это вы пилили, но затем я подумал о выпивке и о непристойных журналах в шкафчике для бумаг. Алкоголь отравил бы вас, а что касается неприкрытых молочных желез...

— Мистер Ретиф, осторожнее! — прошипел Дулс— У меня хороший слух; кто—то идет сюда...

Ретиф взглянул в сторону двери, затем поспешно спрятал обрезанные концы веревки под телом Дулса.

— Ведите—ка себя соответственно, мистер Дулс, — предупредил он.

Высокая фигура пробралась сквозь дверной занавес и встала, скорчившись на покатом полу, опираясь о пол одной рукой. Вторая рука сжимала силовой пистолет, направленный на Ретифа.

— Просто стой, где стоишь, умник, — Клампеpу приходилось перекрикивать вой ветра. — Не беспокойся о том, чтобы его развязывать. Мое дело займет не больше минуты.

Он полупрополз, полупроскользил к шкафчику для бумаг, не сводя глаз с Ретифа, порылся в кармане и достал ключ. Он открыл верхний ящик, затем следующий, порылся, проверил третий, затем повернулся к Ретифу, оскалив ровные белые зубы.

— Я совсем отупел на этой чертовой планете. Купился на рассказ тех двоих идиотов. Уимпертон разевал рот, как индюк, когда открыл папку и обнаружил там эту порнографию. Я всерьез думал, что это дело рук аборигенов... Ну, где документы? Выворачивай карманы!

Ретиф покачал головой.

— Если вам нужны бумаги, забудьте о них. Я оставил их в другом костюме.

— Ты уничтожил результаты полугодовой работы, салага. Но я вернусь, чтобы заполнить бланки снова. Плохо, что ты этого уже не увидишь.

Он поднял силовой пистолет; Дулс, бросившись сзади, вцепился в его лодыжку.

Луч голубого огня пролетел мимо уха Ретифа, не задев его, в то время как Ретиф ударил Клампера по правой руке и затем коленом в лицо. Клампер отлетел от удара, поднялся, цепляясь за наклонный стол, затем нырнул в дверной проем. Дулс бросился было вслед за ним.

— Пусть уходит, мистер Дулс, — сказал Ретиф. — Мне кажется, я знаю, куда он направляется. Теперь давайте выбираться отсюда, пока наша одежда не оказалась проутюженной — вместе с нами!

V

У общественного входного колодца Ретифа встретил Юм с группой мускулистых аборигенов.

— Наш человек был здесь минут десять назад, — успокаивающе сообщил Юм. — Крупный парень, очень спешил.

— Вы его пропустили?

— Именно так.

— Тогда вы предупредили парней у лодки, чтобы они его остановили?

— Н—ну, нет, Ретиф. Я сказал им, чтобы они его пропустили. Как ты и говорил, у него бластер. Он сейчас в нескольких сотнях миль отсюда.

Ретиф сложил руки на груди.

— Здесь творится что—то странное, Юм. А как насчет бомбы? Она, вероятно, должна взорваться в разгар шторма — скажем, в ближайшие десять минут.

— А, это. Я нашел ее. О ней позаботились.

— Где нашел? И что ты можешь сделать с запечатанным в титанит зарядом?

— Она была на борту лодки. Ты был прав насчет этого...

— Давай, Юм, выкладывай!

— Н—ну, Ретиф, я слегка полюбопытствовал. Ты не можешь меня винить после того, как я встретил тебя в таких... необычных обстоятельствах. Я прошерстил твою одежду. И нашел это, — он поднял документ, который Ретиф позаимствовал из бумаг Консульства. — Оригинальная бумага, предъявляющая права на владение всей планетой Пун — которая, как тут написано, необитаема, — а такой бы она и была, если бы затея с бомбой сработала. Мат развалился бы от ветра, и по окончании урагана все выглядело бы просто как очередная природная катастрофа. Через несколько месяцев все пять континентов превратились бы в одну большую золотую копь.

— И ты?

— И я стал действовать независимо от тебя. У нашего спящего приятеля все же были ключи. Я вернулся и открыл лодку. Там и была бомба — полностью укомплектованная, готовая к взрыву.

— Если не считать детонатора. Он был привязан проволокой к корню.

— Эге. Ради отвода глаз. Но я нашел другой. Его не так уж трудно было установить. У меня была мысль, что владелец проверит ее до наступления часа «Ч», и мне не нравилось то, что эта штука стоит себе посреди пола, поэтому я убрал ее.

— Куда?

— В ящик для хранения карт.

Ретиф крутанулся к форме землянина, сдернул с лацкана коммуникатор, набрал код на официальной частоте.

— Клампер, если вы меня слышите, отвечайте — быстро! Через мгновение послышался голос Клампера — тонкий писк в миниатюрном наушнике. Юм с Дулсом склонились поближе.

— Здесь Клампер. Это кто?

— Это Ретиф, Клампер...

— А, да, умный молодой чиновник. Что же, я предсказываю, что в ближайшем будущем для вас настанут большие перемены. Примерно через тридцать секунд, если быть точным.

— Клампер, там бомба...

— Ну—ну, значит, вы пронюхали и об этом тоже. Прошу прощения, но ничем не могу вам помочь. Так что пока, со...— наушники замолкли.

— Клампер!

Юм взглянул на часы.

— Точка в точку.

— По меньшей мере, — заметил Дулс, — он прожил достаточно долго для того, чтобы успеть оправдать мистера Ретифа.

Послышались поспешные шаги. Ретиф с Юмом обернулись. В дверях Уимпертон и Пирд стояли наподобие взъерошенных птиц и пристально смотрели на них.

— Боюсь, что вы, парни, опоздали на лодку, — заявил им Ретиф.

Юм сделал знак рукой. Полдюжины местных жителей рассредоточились, окружив пришедших.

— О, мистер Ретиф... Чего ради вы выбрались из постели? — пискнул Пирд.

— А, я просто заскочил сюда вниз, чтобы предложить вам прекрасную новую возможность устроиться на работу в Корпусе Достижений. Генеральному консулу Дулсу требуются два добровольца для работы на станциях по учету дикой жизни на континентах Один и Два. Вам первым я собираюсь предложить эти должности. Мы пройдем в убежища и напечатаем ваши рапорты об уходе из ДКЗ и пару пятилетних

контрактов на работу в КД — на бескомпенсационной основе, разумеется.

У Уимпертона отпала челюсть.

— А у меня есть множество записей на микропленке, которыми я могу поделиться, — заметил Дулс— Они очень интересные. Все про бомбы, про притязания на землю и золотые разработки. Вы можете их слушать на досуге — во время песчаных бурь, возможно.

— Но... мистер Ретиф! — возопил Пирд. — Мы... мы находим, что условия здесь не совсем подходящие...

— А что, если мы откажемся? — Уимпертон сглотнул,

— В таком случае Юм со своими коллегами захотят проинтервьюировать вас на предмет свободного поселения.

— Где подписывать? — поспешно сказал Пирд.

— Я попрошу пару парней проводить этих двоих филантропов к Консульству, — сказал Юм. — Дело может подождать и до утра. Нам с тобой нужно еще прикончить бутылку йикиля, Ретиф.

— Покажи мистеру Дулсу пару жемчужин из тех, что мы добыли, Юм.

Юм достал камни, вручил их Дулсу, который склонил к блестящим дюймовым сферам две пары глаз на стебельках.

— Джентльмены, это в точности тот продукт, который мне нужен, чтобы квалифицировать Пун в качестве коммерческого мира первого класса! Эти вещи можно добывать в любом количестве? Скажем, по дюжине в месяц?

— Думаю, это можно устроить, — ответил Юм на общеземном языке с сильным акцентом. — Почему бы вам не присоединиться к Ретифу и ко мне с парнями для того, чтобы выпить?

— Ну, я не думаю...

— Я знаю бармена, который может составить подходящий напиток для любого типа метаболизма, — уговаривал Юм. — И средство от похмелья впоследствии.

Ретиф взял тощего гроака под руку.

— Идемте, мистер генеральный консул, — сказал он. — Отрицательного ответа мы не примем.

ГИГАНТСКИЙ УБИЙЦА

1

Когда Ретиф расплатился с перевозчиком и поднялся на причал, второй секретарь посольства Маньян с трудом протолкался через толпу, собравшуюся у входа в ограду королевской резиденции. Его узкое лицо пылало от внутреннего напряжения.

— Вот вы где! — закричал он, заметив своего подчиненного. — Я разыскиваю вас повсюду! Посланник Пинчботтл будет вне себя от ярости!..

— Что это у вас на голове? — Ретиф разглядывал дряблый воздушный шарик унылого желтого цвета, свисавший над левым ухом Маньяна.

Маньян скосил глаза на разноцветный помпон, подпрыгивающий при каждом движении, пучок развевающихся замызганных перьев и болтающуюся связку длинных грязных шнурков — все это крепилось к его голове при помощи розовой ленты сомнительной чистоты, завязанной под подбородком.

— Это же церемониальный головной убор на Рокаморре, вот, возьмите, — он порылся в своей форменной фиолетовой визитке, вытащил связку резиновых шариков и перьев и протянул их Ретифу. — Это для вас, напяльте их сейчас же. Боюсь, несколько перьев помялось...

— Где Посланник? — прервал его Ретиф. — Я должен ему кое—что сообщить.

— Вы должны будете много кое—чего сообщить ему, — перебил Маньян. — Включая и то, почему вы на полчаса опоздали на церемонию вручения верительных грамот!

— Ага! Вот он с членами миссии направляется ко дворцу. Извините, мистер Маньян... — Ретиф, расталкивая толпу, бросился к широкой входной арке в высоком кубическом строении в дальнем конце двора. Длинноногий, с коротким туловищем, без всяких признаков шеи и с огромными плоскими ступнями абориген, одетый в изысканный костюм из кружев и оборочек, с пикой в руке, величественным жестом разрешил ему пройти.

В нескольких ярдах отсюда Посланник и члены его миссии стояли в тусклом полумраке перед аляповатой картиной из светящегося пластика, раскрашенной в слизисто—зеленый, диспептически—розовый и цирротически — желтый цвета.

— ...классический дипломатический ход, — говорил Пинчботтл. — Хотел бы я посмотреть на физиономии наших коллег с планеты Гроуси, когда они узнают, что мы их обскакали!

— Мистер Посланник... — начал Ретиф.

Пинчботтл резко обернулся, с минуту стоял, уставившись в точку над поясной пряжкой Ретифа, затем дернул шарообразной лысой головой и окинул холодным взглядом своего подчиненного.

— Сколько раз я предупреждал вас, чтобы вы оставили свою привычку бесшумно подкрадываться сзади! — взвизгнул он. — В моем присутствии топайте ногами, когда входите!

— Мистер Посланник, я бы хотел...

— Избавьте меня от перечисления всего того, чего вы хотите или не хотите, мистер Ретиф! Церемония вот—вот начнется... — он повернулся, обращаясь к более широкой аудитории. — Джентльмены! Я надеюсь, вы все можете засвидетельствовать, как умело я выдерживал протокол с момента нашего прибытия на Рокаморру сегодня утром.

Прошло не более шести часов, а мы уже почти добились статуса первой дипломатической миссии, когда—либо аккредитованной на этой планете! Планете — не мне напоминать вам об этом — которая славится наиболее энергичной коммерческой активностью и неослабевающей враждебностью к дипломатам. И все—таки я...

— Прежде чем продолжить все это дальше, мистер Посланник, — вмешался Ретиф, — я думаю...

— Позвольте напомнить вам, сэр! — повысил голос Пинчботтл. — Сейчас говорю я! О предмете чрезвычайной важности, а именно — о себе! То есть о моем... э—э вкладе в историю дипломатии.

Пара одетых в широкие мантии рокаморранцев засуетились вокруг землян, размахивая вычурными канделябрами, из которых валили клубы едкого красного и зеленого дыма. Туземцы принимали различные причудливые позы, громкими голосами нараспев произносили непонятные ритуальные заклинания, затем отступили назад. Один из них указал тонким многосуставчатым пальцем на Ретифа и издал звук, похожий на звук пилы, проведенной по натянутой басовой струне виолончели.

— Где ваш головной убор, Ретиф? — прошипел Пинчботтл.

— У меня его нет, и я вот что хотел сказать вам...

— Немедленно наденьте! И становитесь на свое место в моем эскорте! — угрожающе проскрипел Посланник, следуя по пятам за местными официальными лицами.

Маньян, подоспевший к этому моменту, возбужденно замахал перьями.

— Не обращайте внимания на то, что они слегка поломались! Надевайте — и все!

— Оставьте это! — отмахнулся Ретиф. — Мне они не понадобятся.

— Что вы хотите этим сказать? Мы все должны носить это.

— Только не я. Я не буду участвовать в церемонии. И советую вам...

— Грубейшее нарушение субординации! — ахнул Маньян и поспешил следом за Посланником. Два высоких стражника выступили вперед, чтобы воспрепятствовать не имеющему официального головного убора Ретифу следовать дальше.

2

Это была весьма колоритная церемония, которая включала в себя энергичную порку дипломатов вполне реальными розгами, погружение в бассейн, вода в котором, судя по выражению окунавшихся лиц, была значительно холоднее, чем бодрящий утренний ветерок. Заканчивалось все это быстрой пробежкой вокруг огражденной территории резиденции — десять кругов, — во время которой запыхавшихся землян подгоняли местные сановники, размахивавшие бичами и скакавшие вприпрыжку позади них. Ретиф, наблюдая за происходящим с удобной позиции среди зевак за линией ограждения, выиграл десять кредитов в местной валюте, поставив на главу миссии, чью спортивную форму он оценил значительно выше, чем у остальных коллег по финальному забегу.

Под звон глухо звучащего гонга рокаморранцы согнали вместе тяжело дышавших землян и прочли им по длинному свитку речь. Затем маленький абориген выступил вперед, неся на пурпурной бархатной подушке с вышитыми буквами «МАМА» длинный шестифутовый меч — земного происхождения, как отметил про себя Ретиф.

Высокий рокаморранец в розовато—лиловом и красновато—коричневом одеянии выступил вперед и поднял меч. Посланник отшатнулся, пробормотав: «Послушайте, милейший...», но тут же был водворен обратно на место. Носитель

меча торжественно опоясал дородную фигуру дипломата украшенной бисером перевязью и прикрепил к ней ножны.

Затем наступило молчание. Местные аборигены уставились на земного эмиссара.

— Маньян, вы отвечаете за протокол. Что мне по—вашему, теперь следует делать? — пробормотал Посланник уголком рта.

— Я бы порекомендовал сейчас вашему превосходительству отвесить... э... легкий поклон, после чего мы все повернемся и уйдем, пока они не придумали еще новых пыток...

— Ол райт, ребята, все вместе, — хрипло прошептал Пинчботтл. — Налево кру—у—гом!

Маньян охнул, получив во время выполнения этого маневра чувствительный удар ножнами по ноге. Затем они торжественно удалились во главе с Посланником, который, гордо выпрямившись во весь свой, увы, далеко не внушительный рост — он едва достигал пяти футов — важно шествовал впереди, вычерчивая за собой острием меча дорожку в пыли. Из толпы туземцев доносились веселые возгласы, которые быстро слились во всеобщий радостный крик. Аборигены оживленно хлопали землян по плечам, предлагали им ароматизированные сероводородом наркотические сигаретки, протягивали фляжки с зеленоватой жидкостью. Вся церемония вылилась во всеобщее ликование.

Ретиф, протиснувшись через толпу, перехватил Посланника, который с трудом пробирался среди возбужденных аборигенов.

— А—а—а, Ретиф! — прорычал тот. — Отсутствовали во время процедуры, я заметил! Всю дорогу сюда только и знали, что сидели, как сыч, у себя в каюте, а теперь бойкотируете свои официальные обязанности! Явитесь ко мне, как только я пристрою это великолепное символическое оружие, которого я был удостоен!..

— Как раз об этом я и хотел сказать, мистер Посланник. Это оружие отнюдь не символическое. От вас ожидают, что вы примените его по назначению.

— Что? Употребить по назначению? Мне? — Пинчботтл кисло усмехнулся. — Я повешу его на стене как символ...

— Быть может потом, сэр, — перебил Ретиф. — сегодня вам предстоит с ним поработать.

— Поработать?..

— Мне кажется, вы неправильно поняли смысл церемонии. Рокаморранцы ничего не смыслят в дипломатии. Они думают, что вы прибыли сюда для того, чтобы помочь...

— Так оно и есть, — фыркнул Пинчботтл. — А теперь посторонитесь и пропустите меня!

— ...поэтому они ожидают, что вы выполните свое обещание.

— Обещание? Какое обещание?

— В этом и заключалась церемония! У рокаморранцев сейчас крупные неприятности, и вы обещали избавить их от этих неприятностей.

— Разумеется! — решительно кивнул Пинчботтл. — Я уже запланировал проведение экономического обследования.

— Это совсем не то, мистер Посланник. Тут поблизости разгуливает на свободе девяностофутовый динозавр по имени Грундертуш...

— Динозавр?.. — голос Пинчботтла сорвался на визгливой ноте.

Ретиф кивнул утвердительно.

— Вы только что поклялись убить его завтра до захода солнца...

3

— Послушайте, Ретиф, — озадаченно спросил первый секретарь Уоффл, — как это вам удалось понять суть церемонии, которая велась на этом варварском местном жаргоне?

— Я и не понял — они болтали чересчур быстро. Но я успел немного познакомиться с их языком по дороге сюда, изучая его по магнитофонным записям, и сегодня имел приятную беседу с переводчиком...

— Я откомандировал вас позаботиться о помещении и обслуживающем персонале, а не болтать со всяким местным сбродом! — раздраженно фыркнул Пинчботтл.

— Но должен же я был как—то изъясняться, арендуя помещение. Местные жители не понимают языка жестов.

— Дерзите, мистер Ретиф? Можете считать себя временно отстраненным от должности.

Группа рокаморранских чиновников приблизилась к ним в сопровождении колонны копьеносцев, невозмутимых и грозных в своих зеленых чешуйчатых нагрудниках и наколенниках.

— Да, вот еще что, — добавил Пинчботтл. — прежде чем вы отправитесь под домашний арест, мистер Ретиф, объясните этим деятелям, что мы вряд ли сможем быть им полезны в деле уничтожения этого... э... чудовища.

Тем не менее я полагаю, что могу обещать им небольшую библиотечку службы информации, отлично укомплектованную последними брошюрами ДКЗ (Дипломатического Корпуса Земли).

Один из рокаморранцев выступил вперед и слегка поклонился, обращаясь к посланнику:

— Досточтимый сэр, я имею удовольствие быть Хаккопом, переводчиком ротовых звуков землян, выученных от целой кучи немецких, японских и еврейских землян—торгашей. Мы с ними разводили приятные тары—бары еще до того, как вы, ребята, брякнулись на наше побережье...

— Ах, вот как! Жаль, что вас не было рядом во время церемонии. Теперь мы разберемся во всем этом недоразумении!

Посланник бросил на Ретифа уничтожающий взгляд.

— Я слышал... э... про какого—то динозавра, который... ха, ха! — бродит по окрестностям...

— Да, да, досточтимый сэр! Чертовски удачно вы, ребята, попали сюда при данных обстоятельствах!

Пинчботтл нахмурился.

— Пожалуй, лучше будет, если я сразу разъясню нашу позицию, просто на случай какой—нибудь грубой ошибки в переводе. Разумеется, я аккредитован Дипломатическим Корпусом Земли как Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр при вашем правительстве, наделенный неограниченными правами для...

— Гикк! С таким громким титулом вы, конечно, не можете сплоховать! Возьмите наших ребят для подмоги, или вы сами справитесь с Грундертушем, чтобы отхватить побольше славы?

— Эй! Послушайте — я же дипломат! Моя миссия состоит в том, чтобы помочь вашей бедной отсталой нации...

— Да, да — правильный жест межпланетного правительства!

— Минуточку, — Пинчботтл выпятил нижнюю губу и направил указующий перст в небеса. — Я осуществляю свои функции при помощи слов и документов, сэр, а не физическими действиями! То есть я уполномочен обещать вам все, что посчитаю нужным и полезным, но выполнение всего этого я оставляю людям более низкого ранга.

— На этом конце Галактики друг сказал — друг сделал...

— Конечно! Я свяжусь с сектором Главного Штаба не позже следующего месяца, когда вернется мой корабль. Думаю, кое—что можно будет устроить.

— Грундертуш злодействует сейчас! Нельзя ждать будущего месяца! У вас есть настоящий меч — японская фирма — и Вы убиваете Грундертуша!

Нижняя челюсть Пинчботтла задрожала.

— Сэр! Вы забываетесь! Я — Посланник Земли, а не проклятый забойщик скота!

— Ты, парнишка, нарушаешь рокаморранскую традицию номер шесть — ноль

— два, которую выдал пару часов назад досточтимый Совет Старикашек!

Пинчботтл отстегнул меч и отшвырнул его в сторону. Ретиф, моментально нагнувшись, поймал его на лету, прежде чем он упал в грязь. Посланник Пинчботтл, скрестив руки на груди, свирепо сверкнул глазами на рокаморранца.

— Позвольте мне заявить здесь, немедленно и без оговорок, что ни с каким динозавром я сражаться не намерен!

Лицо Хаккопа сморщилось, словно ком сырой глины.

— Это окончательное решение?

— Именно так, сэр!

Переводчик повернулся к копьеносцам и произнес несколько слов на горловом рокаморранском языке. Те сомкнулись и направили копья на четырех дипломатов, которые принимали участие в церемонии принятия клятвы.

— Послушайте, что здесь происходит? — воскликнул Посланник.

— Похоже, сэр, что они забирают вас в местную каталажку, — сказал Ретиф.

— Они не имеют права! А вас почему не трогают?

— Я ведь не давал клятвы...

— Ты, парнишка, двигай вперед, — произнес Хаккоп, глядя на Посланника. — Рокаморре некогда возиться с нарушителями присяги!

— Простите, сэр! — заблеял первый секретарь. — Как долго мы будем находиться в заключении?..

— Один день! — ответил Хаккоп нехорошо улыбаясь.

— Ну, это еще не так плохо, Ваше превосходительство, — заметил Маньян. — Мы можем провести время, обдумывая свое алиби, — я, конечно, имею в виду составление донесения в главный штаб с изложением всех обстоятельств этой, с позволения сказать, дипломатической победы, наоборот.

— Завтра, — рявкнул Пинчботтл. — завтра, милейший, могу вас в этом заверить, я предприму решительные шаги...

— Я имею удовольствие сомневаться в этом, вероломный обманщик! — резко оборвал Посланника Хаккоп. — Ведь чертовски трудно делать шаги с отрубленной головой?..

4

Посланник Пинчботтл сердито смотрел на Ретифа через зарешеченное окно тюремной камеры.

— Я считаю вас, сэр, полностью ответственным за то, что вы своевременно не сообщили мне об этом варварском обычае! Надеюсь, вы установили связь с кораблем и потребовали его немедленного возвращения!?

— Боюсь, что нет, сэр. У местного передатчика нет нужных диапазонов.

— Вы в своем уме!? Это значит... — тут Пинчботтл обессиленно повис на перекладинах решетки. — Ретиф, они же снимут с нас головы... — простонал он.

Отряд рокаморранцев с копьями вывернул из—за угла и промаршировал к двери камеры землян. Хаккоп достал массивный ключ.

— Ну, что, парнишка? Ты готов принять участие в экзекуции?

— Минуточку, — вмешался Ретиф. — они же обещали убить Грундертуша к завтрашнему заходу солнца. У нас есть в запасе еще целый день.

— Верно. Только отрубление головы у нас всегда делают после обеда. Так выгоднее: больше зрителей по кредиту за вход.

Ретиф покачал головой.

— В высшей степени незаконное действие. Казнь нескольких дипломатов вещь вполне естественная, но она должна проводиться в соответствии с протоколом, иначе вам на голову свалится эскадра Объединенных сил по поддержанию мира еще до того, как вы успеете произнести «вмешательство во внутренние дела».

— Мм... Пожалуй, ты прав, землянин. О'кей, отложим это на завтрашний вечер. Будет казнь при факелах: очень красиво!

— Ретиф! — Маньян задыхаясь протиснулся к решетке и с мольбой посмотрел на него. — Неужели нет способа предотвратить эту ужасную судебную ошибку?

— Способ один: ты, парнишка, передумай и убей Грундертуша, — весело сказал Хаккоп.

Ретиф задумался.

— А что, эти джентльмены обязаны лично выполнить работу?

— Обязательно! Я не могу допустить, чтобы этот героический акт сделал любой Том, Жорж или Мейер. К тому же уничтожители Грундертуша не просто национальные герои.

Они получают много—много прохладительного, а также зелененькие бумажки!

— Что вы на это скажете, сэр? — обратился к шефу Уоффл. — Придется пойти, а? Терять нам, пожалуй, нечего...

— Но как? Не могу же я убить чудовище, швырнув в него папку с отчетами?

— Может быть, выкопать яму, и пусть он в нее провалится?

— А вы имеете представление, каких именно размеров понадобится яма, чтобы причинить хоть маленькую неприятность девяностофутовой рептилии, вы, идиот?

— Предположим, Посланнику будет оказана некоторая помощь, — решил вмешаться Ретиф. — Это не будет расходиться с правилами?

Хаккоп насторожился, склонив набок свою лягушачью голову.

— Это хороший вопрос. Должен проверить в Министерстве традиций.

— Я бы с радостью помог, конечно, — тотчас же, заявил Маньян. — да только вот этот мой проклятый кашель... — он судорожно сглотнул.

— Именно — кха, кха! — подхватил Уоффл. — Наверное, сырой воздух, сквозняки, все эти каналы...

— Но Вы освободите их из тюрьмы, чтобы они могли обследовать район действий и составить хоть какой—нибудь план операции? — спросил Ретиф.

— Нет, — покачал головой Хаккоп. — Нарушители клятвы попадают в карцер по приказу Большого Начальника. И освобождать можно только через него. Но буду рад навести справки по этому вопросу после тихого часа.

— Когда же это будет?

— Тихий час завтра после обеда. Карлик—с—блестящей—головой и его друзья как раз будут иметь время, чтобы выкинуть какой—нибудь номер до начала представления.

— Но как же мы можем убить динозавра, сидя здесь взаперти? — возмутился Пинчботтл.

— Надо было подумать об этом до того, как нарушить присягу, — живо ответил Хаккоп.

— Интересный вопрос, правда? Стоит поломать головы, пока они совсем не слетели.

5

На улице Ретиф отвел Хаккопа в сторонку.

— Не думаю, чтобы нашлись какие—нибудь возражения против того, чтобы я тут немного поосмотрелся? Хотелось бы увидеть, как выглядит это чудовище.

— Конечно, делай что хочешь. За осмотр Грундертуша денег не берут, смотри в любое время, бесплатно — только деньги надо на дорогу.

— Понятно. Вряд ли Вы дадите мне официального проводника...

— Верно. Рокаморранцы очень скупые, ничего не дают, особенно иностранцам.

— Но у меня только мелочь в кармане. Полагаю, Вы не оплатите мне чек?

— Смотри—ка, опять угадал! Ловко же это у тебя получается, землянин. Ты, наверное, всегда выигрываешь пари?

— Что же со мной будет, когда кончатся деньги?

— Ага, не догадался, испортил репутацию! Ладно, так и быть, подскажу: когда кончатся деньги, ты сразу попадаешь в рабство.

— Да—а—а... Я чуствую, вас не особенно тревожит, будет ли устранена угроза чудовища.

— Правильно отгадал! Большие туристы приезжают, заключают пари. Больше интереса, когда есть на кого поставить. Сейчас ставка десять к одному против землян.

— А тем временем динозавр пожирает людей?

— Конечно, нескольких крестьян он уже сожрал. Но пока Грундертуш не сможет съесть меня лично, это меня не колышет, выражаясь словами великого барда.

— Шекспира?

— Нет, Эгберта Гизензеккера, одного из первых торгашей—землян, того самого, кто доставил игральные карты на Рокаморру.

— Карты и кости, вот как?

— Конечно! Ты играешь в карты, землянин? Пойдем развлечемся, оставим заботы и печали, скоротаем время до великого представления завтра вечером.

— Отличная мысль, Хаккоп! Показывай дорогу.

6

На рассвете Ретиф вышел из рокаморранского игорного притона. Он вел Хаккопа на тонкой цепочке, прикрепленной к стальному кольцу на его тонкой лодыжке. Тот послушно тащил вместительную корзину рокаморранских денег.

— Эх, Ретиф—хозяин, паршивую шутку сыграл ты со мной, сдав мне трех дам дурной репутации...

— Я, кажется, предупреждал тебя насчет моральных принципов, Хаккоп. Лучше скажи, можно ли полагаться на все те разговоры о повадках Грундертуша, которые я слышал от ваших ребят там, в кабаке?

— Конечно, Ретиф—шеф, информация первый класс!

— Ол райт! Следующая остановка — Министерство традиций. Показывай дорогу, Хаккоп.

7

Спустя час Ретиф вышел из Министерства. Он был хмур и озабочен.

— Не сказал бы, что это лучшая сделка в мире, но, пожалуй, это лучше, чем ничего.

— Надо было предложить взятку крупнее, босс.

— Ладно, справимся и так, если повезет. Мне понадобится вертолет и хороший бинокль. Организуй все это и жди меня через час у большого канала.

— Зачем ломать себе голову из—за каких—то ничтожных людишек там, в каталажке, сэнсэй? Слушай, у меня есть план: мы заключаем сделку. Ты играешь, а я околачиваюсь вокруг и подаю сигналы солнечными зайчиками при помощи специальных противосолнечных очков?..

— Дела мы обсудим потом. А теперь шевелись, пока я не заявил на тебя в Комитет по Рабовладельческим правам!

— Сию минуту, барин! Тип—топ!

Хаккоп стремглав бросился выполнять поручение, а Ретиф отправился в ближайший магазин спортивных товаров.

8

Через час Хаккоп посадил подержанный вертолет на поплавках у причала, где уже ожидал Ретиф, сидя рядом с целой горой разнообразного добра. Землянин поймал швартовый канат, подтянул легкую машину поближе к берегу, передал на борт все свои покупки и залез сам.

— Говорят, Грундертуш пасется, где—то в одной—двух милях к востоку от города. Держи курс туда, попробуем его обнаружить.

Вертолет поднялся над папоротникоподобными пальмами и, набирая высоту, повернул на восток над сверкающей водной чешуей канала и куполообразными жилищами Рокаморр—сити. Там, за окраиной города, между последними участками возделанной земли и далекой полосой джунглей на горизонте, простиралось обширное болото.

— Вот он, хозяин! — подпрыгнул на сиденье Хаккоп, указывая вдаль.

Ретиф взял бинокль и с трудом разглядел массивную тушу, почти неразличимую среди высоких деревьев, поднимавшихся отдельными группами из мелкой воды болота.

— Да, великоват, ничего не скажешь. Но ведь он поедает верхушки деревьев, а говорили, что он хищник.

— Конечно, хищник, хозяин! Глупые крестьяне спасаются от него на деревьях, и Грундертушу не приходится даже нагибаться.

Вертолет приблизился к лакомящемуся динозавру футов на триста и Хаккоп принялся кружить над чудовищем, чтобы дать возможность Ретифу хорошенько разглядеть его. Гигантская рептилия, раздраженная жужжащей помехой, подняла голову с огромными челюстями и издала рев, похожий на звук исполинской трубы. Ретиф имел возможность полюбоваться впечатляющим зрелищем багровой пасти, достаточно широкой, чтобы туда мог въехать бульдозер, утыканной острыми зубами, похожими на сталактиты.

— Ничего себе, добродушный парнишка! А можно ли предугадать, куда он двинется дальше?

— Думаю, можно. Грундертуш всегда выбирает путь полегче: сначала объест как следует одну деревню, потом идет к следующей. Тут, как я понимаю, уже все закончено. Значит, после обеда он отправится дальше, к ближайшей деревне в полумиле к югу отсюда.

— Поворачивай туда!

Хаккоп снизился до высоты в пятьдесят футов и на бреющем полете повел вертолет над широким пространством мелкой воды, оставляя позади волнистую рябь и склоняющиеся под ветром от винта камыши.

— Какая тут глубина? — спросил Ретиф.

— По колено при низком отливе.

— А когда наступает отлив?

— Сегодня за час до заката.

— А грунт?

— Исключительно жидкая топкая грязь. Эй, хозяин, не хочешь ли спуститься и поваляться немного в грязи? Очень помогает от всяких болезней.

— К сожалению, мы, земляне, не земноводные.

— Ой, большие извинения, шеф! У меня и в мыслях не было намекать на расовые недостатки!

— Как думаешь, Грундертуш направится прямо по болоту?

Вертолет уже повис над глинобитными стенами ближайшей деревни. Ретиф мог наблюдать ее обитателей, занимавшихся обычными делами, по—видимому, вовсе не встревоженных своим положением очередного блюда в меню гигантского пресмыкающегося.

— Трудно сказать, хозяин. Может и свернуть, если соблазнит какой—нибудь аппетитный рыбак или компания неосторожных купальщиков.

— Сумеем ли мы здесь достать пару лодок и нанять нескольких рабочих?

— Ретиф—хозяин, у тебя столько денег, что ты можешь нанять целый город! — вздохнул Хаккоп. — Я все время вспоминаю о том предпоследнем трюке. Никак не мог предположить, что у тебя на монете два орла и ни одной решки!

— Ладно, нечего скулить после драки! — прикрикнул на него Ретиф. — Спускайся здесь, на базарной площади.

Хаккоп приземлился и кивнул в сторону растущей толпы любопытных туземцев:

— Сказать деревенщине — пошли вон, — чтобы не мешать Ретифу—хозяину делать покупки, да?

— Ни в коем случае. Они нам понадобятся. Слушай внимательно, Хаккоп, вот я что придумал...

9

После полудня Ретиф, мокрый и покрытый до самых бедер черной грязью, приказал Хаккопу приземлиться на

самой северной окраине деревни — узкой полоске земли, огражденной с обеих сторон подпорными стенами из засохшей грязи. В полумиле отсюда, неуклюже переваливаясь в болоте, медленно пробирался по мелководью Грундертуш, издавая негромкие ворчащие звуки.

— Звук хорошо доносится по воде, — заметил Ретиф, обернувшись к Хаккопу. — Кажется, будто, он уже прямо над головой.

— И скоро будет, тип—топ! — предсказал Хаккоп. — Ретиф—мастер думает, что веревка через болото заставит этого большого болвана упасть и разбиться вдребезги? — Рокаморранец указал рукой на прочный дюймовый нейлоновый канат, протянутый на высоте двух футов над поверхностью воды поперек пути чудовища.

— Он сюда не дойдет, если все сработает как надо. Сколько у нас времени в запасе? Еще час?

— Смотри, хозяин, Грундертуш остановился, чтобы почесаться...

Ретиф увидел, как динозавр уселся на корточки, погрузившись в болото по самые ляжки. Затем он поднял массивную ногу, чтобы поскрести свою бронированную шкуру двухфутовыми когтями, вздымая при этом целые каскады и фонтаны болотной воды.

— Может, еще час, а может, и все полтора, до обеда, — рассудительно закончил Хаккоп.

— О'кей, давай действовать! Гони сюда тягловую команду, пусть привязывают веревку к центру каната и натягивают его в ту сторону, пока не зацепят за крюк, — Ретиф указал на прочную конструкцию, состоящую из восемнадцатидюймового бревна, торчащего из земли на высоту одного ярда, с прикрепленным на его конце рычагом.

— Ретиф—хозяин, твои смиренные рабы целый день трудились в зарослях, привязывая веревки к деревьям...

— Ничего, еще немного осталось. Как там команда зарубщиков справляется со столбом?

— Первый класс, сахиб. Почти скоро один конец будет очень острый, а на другом — зарубка...

— Как только столб будет готов, тащите его сюда. Уложите его на пару развилок, которые твои люди должны были заколотить вон там, в дне болота.

— Слишком много дел в одно время, — захныкал Хаккоп. — Бвана Ретиф имеет очень странное хобби!

— Я полетел на вертолете в город, через полчаса вернусь. Чтобы все было приготовлено точно так, как я объяснил, иначе головы полетят не только у землян!

10

Огромное бледное солнце Рокаморры со своим маленьким голубовато—белым спутником, расположившимся в непосредственной близости от светила, только что начало погружаться в величественный пурпурный и розовый закат, когда Ретиф вернулся и посадил вертолет у края мола.

— Охайо, Ретиф—сан! — окликнул его Хаккоп. — Все готово по плану. Теперь надо попадать в точку, очень быстро! Грундертуш чересчур близко, чтобы менять прицел!

— Вы только взгляните на это чудище! — ахнул Уоффл, выбираясь из вертолета. — Оно размером с Джиль—Джосский дворец, и двигается прямо в нашем направлении!

— Зачем Вы привезли нас сюда, Ретиф? — испуганно спросил Пинчботтл. Сейчас он был значительно бледнее чем обычно. — Я предпочитаю быть... э... обезглавленным, чем служить закуской этому левиафану!

— Все очень просто, мистер Посланник, — говорил успокаивающе Ретиф, ведя за собой толстого дипломата к тому месту, где рядом с готовым к действию механизмом уже стоял сияющий Хаккоп. — Вам только придется пустить в ход этот деревянный молот, чтобы спустить курок. Тот

освободит канат, который сократится и метнет этот заостренный кол...

— Р... Ретиф! Вы что, не видите, что... что...

— Да, я знаю — он выглядит довольно внушительно с расстояния в сотню ярдов. Не правда ли, мистер Маньян? Но двигается он медленно. У нас еще много времени.

— У нас? Вы что, и нас собираетесь втянуть в это безумное предприятие? — возмутился оправившийся дородный эмиссар.

— Вы же слышали, что сказал Хаккоп, сэр. Вы, джентльмены, должны лично убить это животное. По—моему, я устроил все так, чтобы...

— Ооо! Шеф! — завопил Хаккоп. — Посмотрите туда! Двое пьяных отправились на рыбалку!

Ретиф быстро обернулся и увидел плоскодонку, которую толкали, весело распевая во все горло, двое нетвердо державшихся туземцев. Выведя лодку на глубину, они разобрали весла и направили лодку в сторону от динозавра, так что лодка должна была проплыть в пятидесяти ярдах от него.

— Останови их, Хаккоп! Если он сейчас изменит направление, все пропало!

Хаккоп, не раздумывая, с размаху прыгнул в болото, приложил ладони ко рту и заорал. Рыбаки заметили его, весело помахали в ответ и двинулись дальше.

— Ничего не выйдет, сэнсэй. — Хаккоп зашлепал по грязи обратно к берегу. — Послушай, лучше мы с тобой уберемся отсюда, нагрянем в один городишко тут неподалеку, на другом конце архипелага, и займемся азартной игрой...

— Мистер Посланник, приготовьтесь! — крикнул Ретиф, срываясь с места.

— Я сейчас подманю его сюда. Когда я подам знак, бейте молотом по крючку, но ни секундой раньше!

Он бросился к маленькому деревянному причалу, прыгнул в стоящую там лодку, сорвал ее с привязи и быстро заработал веслами, погнав лодку в сторону Грундертуша.

Ящер уже заметил рыбаков и, раскрыв пасть, нерешительно поглядывал в их сторону. Затем он издал рокочущий рев, тяжеловесно повернулся и двинулся им наперерез. Ретиф замахал веслом и закричал, преграждая ему дорогу. Гигантская тварь заколебалась, обернулась, чтобы посмотреть на Ретифа, и заревела опять. Однако после очередной вспышки веселья, сопровождавшимся громким пением и хохотом в лодке рыбаков, она снова решительно направилась к ним. Ретиф нагнулся, нашарил на дне лодки тяжелое ржавое грузило и швырнул его в Грундертуша. Грузило ударилось в необъятную кожаную грудь с громким звуком — бломм! — после чего чудовище замешкалось и уставилось левым глазом на Ретифа. Оно глядело, так и сяк поворачивая голову, словно гигантская курица, чтобы подключить к действию и правый глаз. Затем в его крохотном мозгу созрело окончательное решение: массивная лапа с чавкающим звуком поднялась из болота, и ящер шагнул к Ретифу. Тот быстрыми гребками весел погнал лодку обратно к берегу. Динозавр, раздраженный видом ускользающей добычи, прыгнул вперед, сократив расстояние на тридцать футов, и поднял такое волнение, что утлая лодчонка Ретифа запрыгала и закачалась на волнах. Ретиф, пытаясь удержать равновесие, потерял весла.

— Бонза—Ретиф! — завопил Хаккоп. — Сейчас не время валять дурака!

— Да сделайте же что—нибудь! — пронзительно заголосил Маньян.

— Он же его сожрет! — визжал Уоффл.

Динозавр прыгнул опять. Его огромные челюсти, похожие на ковш гигантского экскаватора, с треском захлопнулись на расстоянии одного ярда от лодки. Ретиф, стоя на корме, прикинув расстояние, повернулся, поднял руку и резким рубящим движением опустил ее вниз.

— Пускайте, мистер Посланник! — закричал он и прыгнул через борт.

Окаменевший Посланник Пинчботтл ошалело стоял возле пускового устройства гигантского самострела, не в силах пошевелиться. Расширенными от ужаса глазами он глядел, как Грундертуш вытянул над водой во всю длину свою двадцатифутовую шею со стекающими по ней ручьями

грязи и с жутким ревом ринулся за Ретифом, который изо всех сил пытался доплыть до берега. В последнее мгновение Ретиф увернулся и нырнул влево. Озадаченный ящер снова поднял голову, чтобы осмотреться. Взгляд его остановился на группе дипломатов, столпившихся на берегу, теперь уже не более чем в пятидесяти футах от него. От этого взгляда Пинчботтл, вцепившийся в рукоятку деревянного молота, как в последнее спасение, с неподобающим его комплекции и возрасту проворством, повернулся и бросился бежать к вертолету. Трое других землян с воплями ужаса последовали за ним. Когда толстый глава миссии кенгуровыми скачками проносился мимо секретаря Маньяна, тот, как бы невзначай, вытянул ногу. Посланник запнулся и шлепнулся лицом в мягкую грязь. Молот, кувыркаясь полетел в сторону. Маньян прыгнул, на лету поймал его, подскочил к пусковому крючку, размахнулся и изо всех сил ударил по рычагу.

Раздался глубокий музыкальный звук: бон—н—н! Заостренный двенадцатифутовый кол из твердого дерева выпорхнул, словно стрела из лука, брошенный тугой тетивой нейлонового каната. Грундертуш, как раз готовившийся к последнему броску на ничтожную, барахтавшуюся перед ним в грязи козявку, резко осел назад, когда гигантское копье вонзилось в его грудь, погрузившись в нее на половину своей длины. Ретиф вынырнул как раз в тот момент, когда динозавр зашатался и рухнул с чудовищным всплеском во взбаламученную воду, подняв огромную волну, которая достигла берега и залила дерущихся за место в вертолете обезумевших землян болотной грязью, перемешанной с кровью...

Пинчботтл, пошатываясь, поднялся на ноги, отплевываясь и отфыркиваясь. Когда вода спала, Маньян тяжело опустился на землю, достал из кармана носовой платок и принялся машинально вытирать грязь с отворотов пиджака, наблюдая за конвульсиями агонии смертельно раненного

чудовища. Хаккоп радостно завопил и бросился в воду, чтобы помочь Ретифу выбраться на берег.

— Отличная работа, босс! Куча мяса на жаркое для целого города! Во всяком случае, прекрасная компенсация за разочарование, что не придется увидеть, как рубят головы землянам!

11

Промокая платком покрытый грязью пластрон своей рубашки, Посланник Пинчботтл снисходительно кивнул Ретифу:

— Хоть Вы и поставили меня в такое неудобное положение, молодой человек, но я рад отметить, что вы все же довели дело до относительно удачного завершения. Естественно, я в любой момент мог бы вывести из затруднительного положения и себя, и штат моих коллег, направив нужное слово по нужному адресу, но я решил, что для вас будет очень ценным практическим опытом завершить начатое вами самостоятельно.

— Эй, Ретиф—хозяин, когда будем сгонять землян в гусиный строй, чтобы надевать им на ноги цепи?

— Не думаю, чтобы это было так уж необходимо, Хаккоп.

— Что такое? Какие цепи? — Пинчботтл резко повернулся к рокаморранцу.

— Эй, послушайте, Вы, негодяй! Я убил ваше чудовище, к чему меня обманом вынудил ваш варварский закон! А теперь я требую...

— Раб не требует ничего, — резко перебил его Хаккоп. — Раб только крепко держит язык за зубами, много работает и надеется избежать побоев...

Посланник обернулся к Ретифу:

— Что, смею спросить, имеет в виду этот идиот?

— Видите ли, мистер Посланник, у рокаморранцев очень жесткие правила в такого рода делах. Однако, мне удалось с ними договориться. Давший клятву, по закону не имеет права пользоваться посторонней помощью во время выполнения взятых обязательств.

— Помощью? Какой помощью? Ах, да, я припоминаю, что вы резвились и плескались в болоте, в то время как я... э... хм... то есть член моего коллектива, хотел я сказать, уничтожил зверя!

— Верно. Но рокаморранцы считают, что каким—то образом и я тоже замешан в этом деле и, при сложившихся обстоятельствах, они согласились заменить всем вам приговор на пожизненное рабство.

— Рабство?

— К счастью, мне все же удалось откупить у них исключительное право на пользование вашими услугами — тем более, что ваши головы еще на плечах...

— Откупить?! Ну, в таком случае, мой мальчик, я думаю, что смогу закрыть глаза на все ваши огрехи. А теперь, будьте любезны, проследите, чтобы мой багаж...

— Боюсь, все не так просто, сэр. Мне ведь необходимо оплачивать ваше содержание, а так как я истратил все деньги, купив вас в качестве рабов...

— Пинчботтл поморщился, — ...придется вам поработать, чтобы хоть как—то прокормиться до прибытия звездолета.

— Но... но... но... пройдет больше месяца...

— О'кей, земляшки, я, Хаккоп, есть главный надсмотрщик над рабы. Вы будете слушать мой команда. Первый работа — снимать жир с туша, хороший работа, кушать две недели не меньше раза в день, получать пачка сигарет раз в неделя, если не лениться...

— Но... но... Ретиф! А вы что будете делать?

— Хаккоп говорит, в двух милях отсюда пасется еще один динозавр. Если мне удастся его убить, я смогу обеспечить вас работой еще на две недели. Самое главное, продержаться до прибытия звездолета.

— Эй, Ретиф—сан! — Хаккоп подошел вплотную к землянину и стал шептать ему на ухо. — Может, лучше взять худолицый раб, Маньян, вместе с я и ты. Коротышка—дурной—глаз не простит Маньян, что подставил ножка, помешал первым залезть в геликоптер.

— Неплохая мысль, Хаккоп. Веди его сюда...

12

Через два часа Ретиф, Хаккоп и Маньян, вымытые и одетые в новые рокаморранские камзолы, сидели на высокой террасе под черепичной крышей и лакомились отлично приготовленной запеканкой из белой рыбы со специями и съедобными морскими водорослями. Вид на город и водную гладь на востоке был восхитителен. Три яркие луны Рокаморры вычерчивали три серебристые дорожки на воде, освещая живописные островки—деревушки и, в отдалении, огромную тушу динозавра, лежавшего на спине с задранными кверху лапами. Отсюда видны были даже маленькие фигурки, ползающие по туше, как блохи. Можно было различить их ручки, размахивающие мачете.

— Ретиф, зачем зря терять время над сочной туземной едой? — капризно скулил Хаккоп. — Большая игра в Красный Глаз идет сейчас полным ходом в таверне «Золотая пивная кружка».

— Не торопи меня, Хаккоп. Закажи—ка лучше выпивку по второму заходу — но только не для мистера Маньяна. Ему нельзя злоупотреблять спиртным. Посланник не одобряет выпивку.

Маньян бросил на него задумчивый взгляд.

— Кстати, Ретиф, зная ваши таланты в карточной игре... и в этом... э... мини—блиц—домино... Как это вы не сумели сколотить достаточно средств, чтобы содержать Посланника

Пинчботтла и остальных без необходимости заставлять их разделывать динозавров?

Ретиф выбрал свежий напиток из коллекции, которую официант поставил перед ними, и одобрительно кивнул.

— Мистер Маньян, корабль прибудет не раньше, чем через шесть недель, а может и позже. Неужели бы вы хотели, чтобы неаккредитованный дипломат с натурой Посланника Пинчботтла бегал на свободе среди рокаморранцев в течение всего этого времени?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Ретиф. Но если он узнает, он придет в ярость.

— Я не собираюсь нагружать его знаниями, мистер Маньян. А вы?

Маньян поджал губы.

— Нет, — сказал он. — Чего он не знает, то его не тревожит, верно?

Ему удалось изобразить слабое подобие улыбки.

— Кстати, по этому поводу, я думаю, что все же смогу позволить один стаканчик...

ФОКУС-ПОКУС, ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ДИПЛОМАТИЯ

I

Большое яйцо зеленым пятном растеклось по прозрачной плексигласовой дверной панели, едва та захлопнулась за Ретифом. В другом конце узкого длинного холла стоящий под ослепительно сияющей вывеской «ГОСТИНИЦА РИЦ — КРУДЛУ» портье оторвал взгляд от стойки, быстро обогнул ее и устремился к новоприбывшим. Длиннотелый, с короткими ножками абориген шел с таким выражением на плоском, цвета дубленой кожи лице, будто учуял неприятный запах. Он вытянул шесть из восьми похожих на ложки ручек, крепящихся к узеньким плечикам, а двумя другими всплеснул в жесте сожаления.

— Гостиниц, он набитком! — просипел он. — Куда—нибудь другая дома, вы уводить ваших клиентов, да?

— Минутку, — бросил Ретиф четырем землянам, вошедшим перед ним через дверь.

— Привет, Стран, — кивнул он разволновавшемуся портье. — Брось! Это мои друзья. Посмотри — ка, не сможешь ли ты найти для них какую—нибудь комнату?

— Как только что я объясняй, комнаты — он занят! — Страп указал на дверь. — Благоприятные возможности предоставлять дирекцией размещать себя обратно наружу пользуйтесь!

Неожиданно распахнулась узкая дверца за регистрационной стойкой, и через нее проскользнул второй гаспьер, который моментально оценил ситуацию и издал резкое шипение. Страп обернулся, и его руки замелькали, передавая какое—то непонятное землянам сообщение.

— Не обращай на это внимания, Страп, — резко прервал его вошедший на правильном земном и совершенно без акцента. Он вытащил украшенную узорами полоску и потер ею под дыхательными отверстиями, расположенными по бокам шеи, а потом взглянул на группу землян и снова на Ретифа:

— Ах, могу ли я что—нибудь сделать для вас, мистер Ретиф?

— Добрый вечер, Хруз, — поздоровался Ретиф. — Разрешите вам представить моих уважаемых сограждан: мистер Юлий Мульвихил, мисс Сюзетта Ла — Флам, Крошка Вилли и профессор Фэйт. Они только что прибыли из Внешней Системы, и я подумал, что, может быть, вы сможете их разместить.

Хруз с некоторой тревогой взглянул на дверь, через которую только что вошли земляне, нервно подергивая мигательными перепонками.

— Вы же знаете, какая сейчас сложилась ситуация, дорогой мистер Ретиф! — упрекнул он. — Лично я, конечно, ни в коей мере ничего не имею против землян, вы же знаете, но если я их здесь поселю...

— Я вот подумал, что вы могли бы поселить их в свободных комнатах — ну, просто жест доброй воли с вашей стороны.

— Если мы этих землянцев в Риц — Крудлу впускать, последствия политические из бизнеса нас лишать! — в отчаянии запротестовал Стран.

— Ближайший корабль отправляется только через два дня, — объяснил Ретиф, — А до тех пор им же нужно, где—нибудь остановиться, не правда ли, добрейший Хруз?

Тот посмотрел на Ретифа и снова потер свои дыхальца.

— Я перед вами в неоплатном долгу, мистер Ретиф, — наконец сказал он. — Два дня, однако, это все, что я могу сделать лично для вас!

— Но... — начал было Страп.

— Заткнись! — пренебрежительно отмахнулся Хруз. — Посели их в двенадцать — ноль — три и двенадцать — ноль — четыре.

Он отвел Ретифа в сторонку, когда маленький коридорный в желтой униформе, напоминающей больше упряжь, начал взваливать багаж землян себе на спину.

— Как обстоят дела? — осведомился Хруз. — Как вы думаете, есть ли какая—нибудь надежда, что удастся подключить Эскадру Мироблюстителей, чтобы та стояла наготове во Внешней Системе?

— Боюсь, что нет. Штабной Сектор, похоже, считает, что это может быть расценено крулчами как демонстрация военной силы.

— Безусловно! Это именно то, что они способны понять...

— Как бы не так, посол Шипшорн питает великую веру в силу слов, — возразил Ретиф. — У него репутация великого эксперта по вербальному каратэ — это, так сказать, Чингисхан круглого стола.

— А что, если вы проиграете? Кабинет министров проголосует завтра за договор с крулчами, и если он будет подписан, то Гаспьер станет заправочной станцией военного флота крулчей. А вы, земляне, закончите свои дни рабами!

— Да уж, печальный будет конец для великого бойца невидимого фронта, — признался Ретиф. — Будем надеяться, что завтра он будет в хорошей форме.

В убогонькой комнатушке на двенадцатом этаже Ретиф бросил толстую пластиковую монету носильщику, который ловко подхватил ее на лету и, довольный, удалился, издавая на ходу тоненький скрежещущий писк, заменявший, видимо, этому народу посвистывание.

Мульвихил — огромного роста мужчина с усами, напоминавшими и формой и размерами велосипедный руль, огляделся, швырнул на изрядно потертый ковер свой громадный, разбухший, как бочонок, чемодан и в ярости принялся оттирать пурпурного цвета пятно, отчетливо выделявшееся на его красной пластиковой куртке, — явно результат прямого попадания какого—то местного эквивалента гнилого овоща, впрочем, такого же вонючего, как и на Земле.

— Ну, попадись мне только этот паршивый гаспьеришка, — прогремел он басом, напоминающим рев быка.

— Это все презренная толпа снаружи, — заметила мисс Ла — Флам, стройная рыжеволосая девушка с татуировкой на крепком левом бицепсе. — Для нас, мистер Ретиф, тот факт, что посол передумал помочь нам выбраться с планеты, явился настоящим ударом. Судя по взгляду, которым наградил меня старый зануда, когда я слегка налетела на него, подозреваю, что у него в жилах вместо крови течет ледяная вода.

— У меня есть смутное подозрение, мистер Ретиф, что вы действуете на свой страх и риск, — прогремел гигант Мульвихил. — У посла, конечно, голова забита более важными делами, чем заботы о каком—то безработном варьете.

— Это первый раз, когда «Чудо — Чародеям» определенно не повезло с гастролями, — подытожил лилипут не более трех футов ростом, но с огромными роскошными бакенбардами, одетый в старомодный сюртук поверх клетчатой жилетки. Голос его напоминал перезвон колокольчиков.

— И как нас только угораздило оказаться замешанными в политику?

— Помолчи — ка, Вилли, — посоветовал здоровяк. — Уж кто — кто, а мистер Ретиф не виноват, что мы приехали сюда.

— Пожалуй, — уступил лилипут. — Полагаю, вам, ребятам из ДКЗ, тоже пришлось туго с попытками вытащить гаспьеров из заднего кармана крулчей... Эх, братцы, хотел бы я посмотреть на представление, которое развернется завтра, когда Земной посол и Глава Миссии Крулчей будут лезть из кожи вон, чтобы перетянуть на свою сторону гаспьеров.

— Я мельком видел в порту это ужасное военное судно, открыто стоявшее под боевым флагом крулчей! Это же вопиющее нарушение межпланетных обычаев...

— Эй, проф, приберегите — ка лучше свои речи для ДКЗ, — оборвала его девушка.

— Если нельзя будет пользоваться портами на Гаспьере, все планы крулчей на экспансию через скопление Глуб обратятся в ничто. Их фирма не потерпит...

— Хорошо бы вышвырнуть их к чертовой матери с планеты вообще, — проворчал Мульвихил. — Но крулчи играют наверняка.

— А цель гаспьеров — оказаться на стороне победителя, — заметил тоненьким голосом лилипут. — И вдобавок все те отступные, что находятся в сейфах на борту этого военного крулчского корабля, служат веским аргументом для правильного выбора.

— Похоже на то, мистер Ретиф, что земляне здесь — законная добыча, — заметил Мульвихил. — Так что уж поосторожней, когда будете возвращаться назад.

Ретиф кивнул:

— А вы оставайтесь в своих комнатах. Если голосование обернется завтра не в нашу пользу, нам всем, возможно, придется искать способ поскорей убраться восвояси.

II

Выйдя на улицу, Ретиф пошел по узкой надземной эстакаде, которая связывала между собой серые, мрачные, похожие на надгробия городские постройки. Аборигены, которым были свойственны тонкие черты лица, бросали на него подозрительные взгляды. Одни с опаской обходили землянина далеко стороной, другие же, наоборот, старались побольнее пихнуть его локтем, притискиваясь почти вплотную.

Путь Ретифа лежал недалеко — к зданию, где разместилась земная делегация. Когда он уже почти добрался до него, из магазинчика вывалилась пара крулчей и повернула в его сторону. Это были кентавроиды, с малым крупом и впалой узенькой грудью. На наглых рылоподобных мордах выделялся квадратный подбородок. Они были одеты в ливреи Военного флота крулчей в белую и красную полоску, наряд завершался короткими офицерскими стеками, которые они вертели в руках.

Ретиф предусмотрительно посторонился, двинувшись вправо, уступая им дорогу. Крулчи заметили его, переглянулись, хихикнув, и расположились таким образом, что целиком блокировали тротуар. Землянин, не замедляя шага, направился прямиком между ними — крулчи сошлись вплотную. Он отступил назад, намереваясь обойти моряка слева. Кентавроид сдвинулся боком в ту же сторону, по — прежнему загораживая Ретифу дорогу.

— Ох — ох, что за времена наступили, земляшка болтается по улицам, — звук его голоса оказался не более мелодичным, чем визг песка, попавшего в коробку передач. — Ты что, земляшка, заблудился?

Второй крулч оттеснил Ретифа к краю эстакады, прижав его к перилам:

— Ты куда это прешь, земляшка? Не видишь, что ли?.. Без всякого предупреждения Ретиф нанес мощный удар ногой

по голени стоявшего перед ним крулча, одновременно вырвав у него стек и ударив им по запястью второго моряка, когда тот полез за пистолетом. Оружие с грохотом стукнулось о тротуар и соскользнуло с эстакады.

Крулч, которого Ретиф пнул, прыгал от боли на трех конечностях, издавая какие—то квохчущие звуки. Землянин, резко извернувшись, выдернул у него из кобуры пистолет и наставил на второго крулча.

— Забирай — ка лучше своего дружка на корабль да присмотри за его ногой, — посоветовал Ретиф. — По — моему, я сломал ее.

Тем временем вокруг них, запрудив весь тротуар, образовалась плотная толпа зевак — гаспьеров. Ретиф засунул пистолет в карман, повернулся к крулчам спиной и начал протискиваться сквозь толпу. Ему навстречу устремился здоровый гаспьерский полицейский, явно намереваясь загородить ему дорогу. Не останавливаясь, Ретиф двинул его локтем, а когда тот сложился пополам, рубанул ребром ладони по затылку и отпихнул в сторону. Позади раздался гневный ропот гаспьеров.

Посольство было уже видно, и Ретиф свернул, направляясь ко входу. Там, впереди, стояли под навесом двое облаченных в желтую униформу гаспьерских полицейских и молча следили за его приближением.

— Землянин, ты что, не слышал о комендантском часе? — вкрадчиво поинтересовался один из них на режущем слух, но тем не менее правильном земном.

— Не могу сказать, что слышал, — согласился Ретиф. — По крайней мере, еще час назад ничего подобного не было и в помине.

— А теперь вот есть! — рявкнул второй коп. — Вы, земляне, здесь очень непопулярны. Раз вы пытаетесь вызвать волнения среди населения, угрожая мирным гражданам разрушить все дома, то мы больше не можем гарантировать вашу безопасность.

Внезапно он замолк, углядев торчавший из кармана дипломата крулчский пистолет.

— Где ты взял эту штуку? — насторожился гаспьер. Сказал он это по — гаспьерски, но тут же переключился на пиджин—терриш[7], еще раз повторив фразу.

— Да тут парочка малышей баловалась с ним на улице, — как ни в чем не бывало ответил Ретиф на местном диалекте. — Я и забрал его у них, пока никто не успел пострадать.

Он собрался пройти мимо.

— Стой на месте, умник, — распорядился полицейский. — Мы еще не закончили с тобой. Мы скажем, когда тебе можно будет идти, приятель. А сейчас...

Он сложил на груди верхнюю пару рук:

— Ты немедленно отправишься в свои комнаты. Ввиду напряженной межпланетной ситуации вы, земляне, должны оставаться в своих апартаментах вплоть до особого распоряжения. Я выставил своих людей на всех переходах, чтобы — мм — мм — мм... обеспечить вашу защиту.

— Вы, что же, сажаете дипломатическую миссию под арест? — вкрадчиво осведомился Ретиф.

— Я бы не стал высказываться так категорично. Давайте просто скажем, что было бы небезопасным для чужестранцев рискнуть показываться на улицах в столь напряженные времена.

— ...И к тому же угрожаете?

— Ну что вы, эта мера необходима всего лишь для того, чтобы предотвратить несчастные случаи!

— А как насчет крулчей? Они ведь тоже чужестранцы. Вы и их запрете в спальни?

— Крулчи — старые добрые друзья гаспьеров, — холодно ответил капитан. — Мы...

— Знаю — знаю. С тех пор как они установили вооруженное патрулирование прямо над атмосферой Гаспьера, вы

---

[7] Пиджин-терриш-гаспьеро — земной гибридный упрощенный язык с искаженными морфологически и фонетически словами. (Прим. автора.)

питаете к ним невероятную привязанность. Конечно, их торговые миссии тоже помогают.

Капитан самодовольно ухмыльнулся.

— Что бы там о нас, гаспьерах, ни говорили, но непрактичными нас не назовешь! — Он протянул свою двупалую клешнеобразную руку. — А теперь ты мне отдашь оружие.

Ретиф подчеркнуто любезно вручил ему пистолет.

— Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату, — бросил полицейский.

Ретиф кивнул, соглашаясь, и проследовал за гаспьером через небольшой вестибюль в лифт.

— Я рад, что вы решили быть благоразумным, — заметил капитан. — В конце концов, если вам, землянам, все же удастся убедить Кабинет, то во всех отношениях гораздо лучше, чтобы не произошло никаких неприятных инцидентов.

— Не могу с вами не согласиться, — вежливо ответил Ретиф. Он вышел из лифта на двадцатом этаже.

— А теперь не забудьте, — напутствовал его капитан, наблюдая, как землянин отпирает дверь, — просто оставайтесь внутри, и все тогда будет в порядке.

Он сделал знак полицейскому, стоявшему в нескольких ярдах дальше по коридору.

— Не спускай глаз с этой двери, Каоста.

Оказавшись внутри, Ретиф, не теряя ни секунды, схватил телефон и набрал номер апартаментов посла. В трубке раздалось бесстрастное гудение — никто не отвечал. Он окинул комнату взглядом. Прямо напротив двери находилось высокое узкое окно со створчатой фрамугой, открывающейся наружу. Ретиф распахнул ее, далеко высунулся из окна и посмотрел, на головокружительной высоты, фасад здания, сплошной отвесной стеной уходящий вниз — до верхнего уровня эстакады, в семидесяти ярдах под ним.

Стена над головой поднималась еще на двадцать футов, заканчиваясь выступом карниза. Ретиф подошел к шкафу и

сдернул с полки одеяло. Разрезав его на четыре широкие полосы, он связал их вместе и прикрепил один конец этого импровизированного каната к ножке кресла, которое прочно установил под окном. Затем перебросил ноги через подоконник, крепко уцепился за свое изделие и заскользил вниз.

Окно этажом ниже было заперто на задвижку и задернуто шторами. Ретиф осторожно встал на наружную часть подоконника и резким ударом ноги разбил стекло, разлетевшееся вдребезги с оглушительным треском. Он нагнулся, просунул руку, освобождая задвижку, широко распахнул окно и, откинув штору, спрыгнул в погруженную в полумрак комнату.

— Кто там? — раздался резкий голос.

Высокий сутулый мужчина в измятой рубашке и болтающемся на шее незавязанном

узеньком галстуке, широко разинув от удивления рот, взирал на Ретифа, застыв в дверях, ведущих в следующую комнату.

— Ретиф? Вы как сюда попали? Я думал, никому из персонала не дозволяется покидать свои комнаты. Я согласен, что содержание под стражей... э — э — э... похоже...

— Весь персонал заперт здесь, в этом здании, мистер посол. И я бы предположил, что они собираются продержать нас здесь, по крайней мере, до окончания заседания Кабинета. Похоже, у крулчей там есть свои люди.

— Ерунда! У меня имеются твердые гарантии со стороны министра, что никакое окончательное решение не будет принято без консультации с нами...

— И тем не менее, мы находимся под домашним арестом — видимо, просто для того, чтобы у нас не было возможности попытаться перетянуть кого—нибудь из членов Кабинета на свою сторону.

— Вы, что же, полагаете, что я позволил применить к нам незаконные меры без всякого протеста? — посол Шипшорн просверлил Ретифа пронизывающим взглядом, который, впрочем, тут же потерял свою остроту.

— Это место было наводнено вооруженными жандармами, — признался посол. — Ну что я мог сделать?

— Может быть, помогли бы несколько пронзительных воплей о грубом попрании закона? — предположил Ретиф. — Впрочем, еще не слишком поздно. Если как можно быстрее нанести визит в Министерство иностранных дел...

— Вы что, с ума сошли? Вы же видите, как настроено местное население. Да нас же на кусочки разорвут!

Ретиф кивнул, соглашаясь.

— Очень даже вероятно, но как вы думаете, каковы будут наши шансы завтра, после того как гаспьеры заключат договор с крулчами?

Шипшорн безуспешно пытался сглотнуть.

— Но, Ретиф, ведь вы не...

— Боюсь, что я да, — перебил его Ретиф. — Крулчам необходимо яркое подтверждение их исключительности в глазах гаспьеров. И они к тому же не прочь вовлечь последних в свои грязные махинации — просто для того, чтобы гарантировать их преданность. И высылка миссии земных дипломатов на алмазные копи убила бы сразу двух зайцев.

— Боже, какой ужас! — вздохнул посол. — А ведь мне осталось всего лишь девять месяцев до пенсии.

— К сожалению, должен вас покинуть, — сказал Ретиф. — В любой момент здесь может появиться толпа разъяренных полицейских, а мне бы очень не хотелось облегчать им задачу моей поимки.

— Полиция? Вы хотите сказать, что они даже не собираются дожидаться официального решения Кабинета?

— О, это касается всего лишь меня лично. Я тут причинил некоторый ущерб собственности Военного флота крулчей и слегка надавал по шее представителю гаспьерских властей.

— Я ведь предупреждал вас персонально! — укорил Шипшорн. — Я считаю, что вам следует немедленно подняться наверх и просить о снисхождении. Если вам повезет, вы отправитесь на копи. И будьте уверены, я лично замолвлю за вас словечко!

— Боюсь, это, некоторым образом, не совпадает с моими планами, — ответил Ретиф, подходя к двери. — Я постараюсь вернуться до того, как гаспьеры предпримут что—нибудь окончательное. В любом случае, держитесь здесь. Если они придут все — таки за вами, процитируйте им административное уложение. Надеюсь, они найдут это впечатляющим.

— Ретиф, что это вы задумали? Я положительно запрещаю вам...

Ретиф шагнул за порог и прикрыл за собой дверь, оборвав излияния Посольской Премудрости. Вялый полицейский, стоящий на посту у самой двери, посторонился.

— Все в полном порядке, можешь отправляться домой, — сказал Ретиф на чистейшем гаспьерском. — Шеф передумал. Он решил, что вторжение на территорию Земного

Посольства может только усугубить беспорядки. В конце концов, крулчи еще не победили.

Полицейский пристально посмотрел на Ретифа, а затем кивнул.

— То—то я удивлялся, не была ли вся эта операция в некотором смысле демонстрацией готовности лизать задницу крулчам... — он заколебался. — Но что ВЫ знаете об этом?

— Я только что имел приватную беседу с капитаном.

— Ну что ж, раз он позволил вам спуститься сюда, то, полагаю, все в порядке.

— Если вы поторопитесь, можете успеть вернуться в казармы до того, как поднимется вечерняя заварушка. — Ретиф беззаботно махнул рукой на прощание и непринужденным шагом удалился по коридору.

III

Оказавшись на первом этаже, Ретиф воспользовался узеньким служебным коридором, который вел в заднюю часть здания, а оттуда выходил в пустынный внутренний дворик. Ретиф прошел через него и открыл еще одну дверь. Миновав очередной коридор, он наконец оказался у двери, выходившей на улицу. В поле его зрения не было ни одного полицейского. Землянин выбрал самый безлюдный и поэтому практически самый безопасный нижний уровень и торопливо отправился в путь.

Спустя десять минут Ретиф уже изучал подступы к гостинице «Риц — Крудлу» из своего убежища на межуровневой лестнице.

Пандус перед входом в здание был запружен бурлящей толпой гаспьеров, по краю которой патрулировали несколько одетых в желтое полицейских. Плакаты, то тут, то там торчавшие над морем лысых, как колено, голов гаспьеров, гласили:

ЗЕМЛЯШКИ, УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ И ПРЕКРАТИТЕ ДУРАЧИТЬ ГАСПЬЕРОВ

Держась немного в стороне, на эту картину одобрительно взирал крулчский офицер в мундире, расшитом галуном от самых копыт до кончиков ноздрей. Рядом с ним подобострастно суетилась парочка престарелых местных чиновников.

Ретиф вернулся на заваленный кучами мусора нижний уровень, находившийся футах в двадцати ниже, и разыскал восемнадцатидюймовую щель между зданиями, которая выходила на задний двор гостиницы.

Он медленно протиснулся сквозь нее и добрался до двери, но обнаружил, что та заперта. Ему пришлось приложить немало усилий, пока защелка наконец—то открылась. Он вошел внутрь, напряженно вглядываясь в смутные очертания пустого складского помещения. В противоположном его конце была еще одна дверь, но и она оказалась заперта. Ретиф отступил назад и сильно ударил по ней ногой на уровне замка. Дверь с грохотом распахнулась.

На секунду замерев в ожидании звуков тревоги, которых, к счастью, так и не последовало, Ретиф двинулся дальше и, миновав коридор, обнаружил заваленную строительным мусором лестницу.

Он с трудом перебрался через груды хлама и заспешил наверх. На двенадцатом этаже он вышел коридор — там не было ни души. Ретиф торопливо подошел к двери с номером 1203 и тихонько постучал. Изнутри донесся приглушенный звук, а затем чей—то голос прогромыхал басом:

— Кто там?

— Это Ретиф. Откройте, пока меня не засек гостиничный детектив.

Замок щелкнул, дверь широко распахнулась, и в ней появилось усатое лицо Юлия Мульвихила. Он схватил Ретифа за руку и рывком втащил в номер.

— Вот те на, мистер Ретиф. А мы как раз беспокоились о вас. Сразуже после того, как вы ушли, старина Хруз позвонил сюда и предупредил, что в городе начался бунт!

— Ничего серьезного, всего лишь несколько энтузиастов перед входом решили продемонстрировать крулчам верноподданнические настроения.

— Что случилось? — спросил Крошка Вилли, появившийся из соседней комнаты, вытирая намыленный подбородок. — Они уже выпроваживают нас с планеты?

— Нет еще, пока вы здесь, вам практически ничего не угрожает. Но мне нужна ваша помощь.

Гигант Мульвихил озадаченно склонил голову и развел руками.

Сюзетта Ла — Флам сунула Ретифу стакан:

— Присядьте и расскажите об этом поподробнее.

— Рад, что вы обратились к нам, Ретиф, — прочирикал Крошка Вилли.

Ретиф занял предложенный ему стул, пригубил напиток, а потом в общих чертах обрисовал сложившуюся ситуацию.

— То, что я задумал, возможно, будет очень опасно, — закончил он.

— Почему бы и нет? — воскликнул Крошка Вилли.

— Для этого потребуется ловкость рук и крепость ног, — добавил Ретиф.

Профессор прочистил горло.

— Я не лишен определенных способностей... — начал было говорить он.

— Дайте же ему закончить! — оборвала рыжеволосая девушка.

— И я даже совсем не уверен, что это вообще осуществимо, — подвел черту Ретиф.

Великан обвел собравшихся взглядом.

— Существует множество вещей, которые кажутся нам невозможными, но «Чудо — Чародеи» так или иначе справляются с ними. Это именно то, что принесло такой шумный успех нашим представлениям на ста двенадцати планетах.

Девушка согласно тряхнула огненными волосами:

— Похоже, все складывается так, мистер Ретиф, что если кто—нибудь что—нибудь не предпримет, то завтра к этому времени земляне на этой планете станут законной дичью.

— Те, кто избегнут участи быть растерзанными толпой, остаток своих дней проведут в рабстве на военных кораблях крулчей, — пропищал Крошка Вилли. — Поскольку, как вы сказали, Миссия заперта в своих апартаментах, то вся инициатива, надо думать, ложится на наши плечи.

— Ну что же, если вы все согласны, тогда... вот что я придумал...

Когда Ретиф в сопровождении четырех землян появился в коридоре, тот по — прежнему был пуст.

— А как мы собираемся проскочить мимо толпы перед входом? — опасливо поинтересовался Мульвихил. — Меня не покидает чувство, что они готовы на нечто более радикальное, чем простые лозунги.

— Попытаемся смыться через черный ход.

Внезапно из дальнего конца коридора донесся гвалт. С полдюжины гаспьеров, запыхавшихся после быстрого подъема, ворвались в холл двенадцатого этажа. Они зашипели, замахали руками, указывая на землян, и бросились к ним, резво перебирая коротенькими ножками. В тот же самый момент дверь в противоположном конце коридора широко распахнулась, и через нее с воплями ввалилась еще одна команда аборигенов.

— У меня такое впечатление, что они решили кого—то линчевать, — грозно рявкнул Крошка Вилли. — Ну — ка, зададим им перца, Юлий!

Он опустил голову, набычился и бросился в атаку. Приближающиеся гаспьеры попытались притормозить и отпрянуть в сторону. Один, который оказался не столь расторопным и слегка замешкался, с глухим стуком, словно кегля, отлетел к стене, когда лилипут врезался в него как раз на уровне колен. Остальные развернулись и попытались схватить Крошку Вилли, когда тот приостановился, чтобы развернуться для второго захода. Мульвихил взревел, сделал три гигантских шага, схватил пару ближайших гаспьеров за шиворот, поднял их в воздух и, стукнув друг о друга, отбросил в стороны.

Тем временем второй отряд, сопя от возбуждения, отчаянно поспешил с явным намерением принять участие в драке. Первого Ретиф встретил прямым правым, двух следующих сбил с ног боковыми и помчался к дверям, через которые те появились. На бегу он оглянулся и увидел, как Мульвихил отшвыривает от себя еще одного гаспьера, а затем выдергивает из образовавшейся кучи — малы Крошку Вилли.

— Сюда, Юлий! — крикнула девушка. — Уходим, профессор!

Высокий сутулый землянин, прижатый к стене тремя сопящими гаспьерами, вытянул вперед свою неимоверно длинную, с ярд, руку и взмахнул кистью. Откуда ни возьмись появился большой белый голубь, забил крыльями, недовольно заклекотал и зафыркал. Профессор рванулся сквозь в изумлении замершее окружение, ловко на ходу подхватил птицу и сломя голову бросился к дверям, где его поджидали Ретиф и девушка.

Из лестничного колодца донесся топот множества ног — это на помощь авангарду подходили остальные силы гаспьеров. Ретиф прыгнул вперед и, схватив пятерней лицо предводителя, мощным толчком, словно ядро, послал его в толпу. За эти мгновения к их группе успел присоединиться Мульвихил с лягающимся Крошкой Вилли, переброшенным у него через плечо.

— Их там целая куча! — крикнул Ретиф. — Придется подниматься вверх.

Девушка кивнула и побежала по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Мульвихил поставил лилипута на ноги, и тот стремительно понесся за ней. Профессор Фэйт засунул свою птицу на место и гигантскими шагами скрылся наверху, оставив Мульвихила и Ретифа далеко позади.

Выбежав на крышу, Ретиф захлопнул за собой тяжелую дверь и задвинул массивный засов. Был уже поздний вечер; прохладный голубоватый воздух струился над плоской крышей. С расположенной двадцатью этажами ниже улицы доносился слабый на такой высоте гул толпы.

— Вилли, пойди — ка закрой другую дверь! — скомандовал Мульвихил. Сам он подошел к краю крыши, посмотрел вниз, покачал головой и направился на другую ее сторону, когда Сюзетта позвала его:

— Иди сюда, Юлий.

Ретиф присоединился к ним, встав рядом с девушкой. Дюжиной футов ниже и футах в двадцати впереди, на той

стороне узенькой улочки находилась покатая крыша соседнего здания. Неподалеку от ее конька, рядом с торцом дома, специальные кронштейны удерживали длинную лестницу.

— Похоже, это как раз то, что нам нужно, — кивнул Мульвихил.

Сюзетта сняла с крючка на своем поясе сложенную кольцами тоненькую веревочку, прикинула расстояние до выступающего вентиляционного патрубка, раскрутила веревку над головой и бросила конец. Широкая петля опустилась на противоположной крыше, захлестнув мишень. Девушка рывком затянула ее, а свободный конец ловко и быстро привязала к четырнадцатидюймовой трубе. Она нагнулась, сняла туфли, заткнула их себе за пояс и попробовала ногой туго натянутый канат.

— Не волнуйся, малышка, спокойней, — пробормотал Мульвихил.

Она кивнула, встала на тугой наклонный канат, развела руки в сторону и одним плавным движением скользнула по веревке, спрыгнула на другой стороне, повернулась и склонилась в изящном реверансе.

— Сейчас не время разыгрывать представление, — упрекнул Мульвихил.

— Просто привычка, — ответила девушка. Она взобралась на конек крыши, освободила лестницу и отпустила защелку, которая удерживала раздвижные секции, затем подошла к краю крыши и ловким движением привела лестницу в вертикальное положение.

— Держите! — она отпустила ее, слегка наклонив в сторону Мульвихила и Ретифа. Мужчины подхватили лестницу на лету и опустили на скат крыши.

— Эй, ребята! — заорал Крошка Вилли. — Никак не могу закрыть эту штуку.

— Теперь уже неважно! — гаркнул в ответ Мульфихил, а затем повернулся к сутулому престидижитатору. — Давайте, проф. Вы — первый.

Адамово яблоко профессора судорожно дернулось, когда он попытался сглотнуть. Он взглянул на видневшуюся далеко внизу улочку и тут же отпрянул назад, вскарабкался на лестницу и, встав на четвереньки, двинулся вперед.

— Не смотрите вниз, профессор! — крикнула Сюзи. — Смотрите лучше на меня.

— Пошли, Вилли? — бросил Мульвихил через плечо. Он отвязал веревку, перебросил ее на соседнюю крышу Сюзетте, а потом встал на лестницу и двинулся вперед, передвигаясь маленькими осторожными шажками.

— Да, вот как раз в этом—то я и не силен, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Профессор уже добрался до противоположной стороны, а Мульвихил был, где—то на середине пути, когда внезапно раздался вопль Вилли. Ретиф обернулся — лилипут изо всех сил налегал на дверь, которую пытались открыть изнутри.

— Эй! — заорал Мульвихил.

Сюзи пронзительно завизжала. Ретиф рванулся к сражающемуся лилипуту, подхватил его на лету, когда того отшвырнуло в сторону распахнувшейся дверью, изрыгнувшей на крышу трех гаспьеров, которые пытались сохранить равновесие, цепляясь друг за друга, в чем им помешал землянин, опрокинув на крышу пинком. Выпустив Крошку Вилли, он швырнул ближайшего гаспьера внутрь люка, отправил вслед за ним и двух оставшихся, а затем захлопнул дверь и попытался задвинуть засов.

— Готово, — бросил он. — Пошли, Вилли! — Он подхватил человечка на руки и побежал к лестнице, на которой все еще стоял, застыв на месте, Мульвихил.

— Ну, давай, Юлий! — отчаянно крикнула девушка. — Она не выдержит вас всех!

Вопли на месте потасовки возобновились с новой силой, дверь с треском распахнулась, и толпа гаспьеров хлынула через нее. Мульвихил презрительно фыркнул, двумя огромными шагами закончил переход и встал на гребень крыши, с трудом сохраняя равновесие.

Ретиф вступил на прогибающуюся под сдвоенной тяжестью лесенку и, держа Крошку Вилли под мышкой, двинулся вперед.

— Осторожно! — нервно бросила Сюзетта. Ступеньки под ногами Ретифа подпрыгнули, когда он добрался до крыши и опустил лилипута. Он обернулся и увидел, как кучка гаспьеров изо всех сил дергают лестницу. Одни из них, дошедший до безумия в своем рвении, собрался было перейти по ней. Ретиф приподнял конец лестницы и слегка встряхнул ее, абориген пронзительно завизжал и, позабыв обо всем от страха, начал судорожно карабкаться назад.

— Поднимайтесь сюда, — позвала Сюзетта.

Ретиф взобрался по скату на конек крыши, заглянул через него вниз и заметил открытый люк. Вслед за остальными он пролез в него и, очутившись на затхлом и пахнущем плесенью чердаке, запер его за собой.

Чердачная дверь вывела их в пустой коридор. Пройдя по коридору, они обнаружили лифт и благополучно спустились на нижний уровень. Снаружи, в грязном и заваленном всяким хламом переулке, шум толпы был едва слышен.

— Похоже, нам удалось перехитрить этих нехороших людей, — заметил профессор Фэйт, приглаживая манжеты рукавов.

— Гаспьеры не так уж далеко, — проворчал Крошка Вилли. — Давайте — ка лучше побыстрее двинем отсюда.

— Нам нужно найти какое—нибудь место, спрятаться там до полного наступления темноты и определить программу действий на ближайшее будущее, — сказал Ретиф. — А уж тогда мы и осуществим нашу попытку.

IV

Тусклый свет трех гаспьерских лун, размером каждая чуть больше обычной звезды, призрачно освещал узкий извилистый переулок, по которому Ретиф вел четырех землян.

— Порт находится в полумиле от городской стены, — прошептал Ретиф Мульвихилу, шагающему рядом с ним. — Мы сможем взобраться на нее, где—нибудь между сторожевыми башнями и выйти к порту с востока.

— А они не выставили там охранников? — с тревогой поинтересовался гигант.

— Ага... Вот и стена...

Впереди показался барьер двенадцатифутовой высоты. Сюзетта подошла к нему и внимательно оглядела конструкцию.

— Я проверю, что там наверху, — сказала она. — Подсади меня, Юлий.

Великан поднял ее легким движением, вытянув руки на всю длину. Девушка поставила ногу ему на макушку и ухватилась за край стены.

— Смотри, чтобы какой—нибудь полицейский не заметил тебя.

— Все чисто. — Она подтянулась и забралась на стену. — Давай, Вилли, я подам тебе руку.

Мульвихил поднял лилипута, тот ухватил девушку за руку и вскарабкался наверх. Гигант нагнулся, и Ретиф встал на его сложенные чашей ручищи, потом на могучие плечи, а затем перебрался на верхушку стены. Девушка спустила Мульвихиду веревку, тот поднялся по ней, тихо ругаясь, и с помощью Ретифа взгромоздился на стену. Минуту спустя компания уже спокойно пересекала открытую площадь, удаляясь в направлении южной границы космопорта.

Распластавшись у края стены, ограждающей взлетную площадку, Ретиф внимательно изучал рваный в бешеном свете прожекторов силуэт корабля.

— Это именно то, — сказал он. — Полмиллиона тонн, экипаж — три сотни.

— Не маленький, а! — отметил Крошка Вилли.

— Тссс! Там ведь крулч! — напомнил Мульвихил.

Ретиф поднялся на ноги.

— Подождите, пока я спрячусь за тем заправочным монитором, — он указал рукой на темную массу, возвышающуюся в пятидесяти футах от них, — а потом организуйте какие—нибудь подозрительные звуки.

— По — моему, будет лучше, если я пойду с вами, мистер Ретиф, — начал Мульвихил, но того уже и след простыл.

Осторожно продвигаясь вперед, он добрался до аппарата и укрылся за его массивной опорой, наблюдая, как приближается часовой — крулч, по — оленьи грациозно ступая на своих четырех копытах.

Чужак был уже в ста футах от него, когда позади Ретифа раздался резкий свист. Охранник насторожился и застыл на месте; Ретиф услышал щелчок предохранителя пистолета. Крулч свернул в его сторону, и Ретиф ясно мог теперь расслышать цоканье копыт о бетон — приближался кентавроид. На расстоянии десяти футов четвероногий замедлил продвижение и остановился.

Землянин видел безжалостное дуло пистолета, осмотрительно наставленное во тьму. С места расположения остальной группы донесся еще один свист. Стражник выдернул что—то из портупеи, крест — накрест перетягивающей его грудь, и осторожно направился в сторону источника звука. Когда он проходил мимо Ретифа,

то внезапно насторожился и схватился было за передатчик. Ретиф стремительно выпрыгнул из своего укрытия и изо всех сил стукнул кулаком по костлявой физиономии крулча, подхватив микрофон прежде, чем тот шлепнулся на бетон.

От удара кентавроид пошатнулся, но встал на дыбы и бросился на землянина, выставив свои острые, как ножи, копыта передних ног. Землянин ловко уклонился и нанес свирепый удар ребром ладони по ключице часового. Тот с глухим стуком упал на землю. Подбежавший Мульвихил подхватил слабо сопротивляющегося охранника, сорвал с него портупею, связал все четыре ноги вместе, потом, воспользовавшись оставшимися ремнями, скрутил крулчу руки, а в довершение всего вставил ему кляп меж мощных челюстей.

— Что теперь? — полюбопытствовал Крошка Вилли. — Ты собираешься перерезать ему глотку?

— Оттащи его за монитор! — взревел Мульвихил, передавая пленника в распоряжение Вилли.

— Ну, а сейчас давайте посмотрим, насколько близко мы сможем подобраться к кораблю, чтобы не быть при этом обнаруженными, — сказал Ретиф.

Могучее боевое судно крулчей — вздымающаяся в ночи черная колонна — подмигивало разноцветными ходовыми и навигационными огнями. Гигантские прожекторы, установленные на гладких боках корабля, разбрасывали лужи голубовато — белого режущего света на бетон космодрома.

Из главной рубки в средней части корабля, сквозь широкие иллюминаторы, сиял более мягкий свет.

— Все зажжено, словно свечи для бала, — проворчал Мульвихил.

— На такой бал трудно будет попасть без приглашения, — сказал Крошка Вилли, запрокидывая голову и разглядывая длинный конусообразный корпус.

— Думается, я вижу путь, мистер Ретиф, — сказала Сюзетта. — Что это за маленькое квадратное отверстие — вон там, сразу за орудийным люком?

— Похоже, это грузовой люк. Кстати, он не такой уж и маленький, мисс Ла — Флам. Только вот путь до него долгий...

— Вы считаете, что я пройду через него?

Ретиф утвердительно кивнул, поглядев на гладкую поверхность металла над ним.

— Вы сможете добраться туда? — спросил он с сомнением.

— Меня, бывало, рекламировали, как женщину — божью коровку. Пара пустяков!

— Если проникнете туда, — сказал Ретиф, — постарайтесь найти дорогу в кормовой отсек. Если вы сможете открыть один из этих входных шлюзов, то мы войдем.

Сюзетта кивнула, достала свою верную веревку, набросила петлю на выступ в пятнадцати футах над ними и быстро взобралась по стабилизатору до места его соединения с корпусом корабля. Положив ладонь на изгибающуюся, слегка наклонную стенку гладкого корпуса и опершись одним башмаком со специальной подошвой о едва различимый сварной шов, она начала восхождение по крутой стене.

Прошло десять минут. Из густой тени у кормы корабля Ретиф следил, как стройная фигурка дюйм за дюймом упорно взбирается вверх, огибая ряд светящихся оранжевых панелей — кривобоких крулчских идеограмм, образующих название судна. Воспользовавшись вентиляционным отверстием для минутного отдыха, а затем поднимаясь все выше и выше — тридцать футов, сорок футов, сорок пять футов... она добралась до открытого люка, осторожно приподняла голову, заглянув внутрь, потом молниеносно подтянулась и исчезла в недрах корабля.

Юлий Мульвихил испустил вздох облегчения.

— Это было самое трудное восхождение, какое Сюзи, когда — либо совершала, — пророкотал он.

— Тихо ты, не сглазь, — предостерег Крошка Вилли. — Самое трудное у нее еще впереди.

— Уверен, у нее не возникнет никаких затруднений, — беззаботно высказался профессор. — Наверняка сейчас во всем корабле нет ни одной живой души на вахте.

Прошло несколько минут, и вдруг раздался скрежет металла и тихий стук. В нескольких футах над бетоном

распахнулась панель, и в отверстии появилось лицо Сюзи, измазанное машинным маслом и пылью.

— Да, ребята, им не мешало бы как следует здесь прибраться, — прошептала она. — Пошли. Судя по шуму, веселье у них в самом разгаре и все они на пирушке.

Внутри гулкого, погруженного во тьму машинного отсека Ретиф внимательно осмотрелся, изучая планировку оборудования, размещение гигантских охлаждающих экранов и очертания переборок.

— Это, безусловно, постройка крулчей, — сказал он. — Но, сдается мне, это всего лишь абсолютно точная копия старого линкора типа «Конкорд». А это значит, что рубка управления еще далеко впереди.

— Ладно, тронулись! — Крошка Вилли направился к мостику с широкими, разработанными специально для крулчей ступеньками и начал карабкаться вверх. Не успел он преодолеть первую ступеньку, как грубый крулчский голос рявкнул прямо у них за спиной:

— Стоять на месте, земляшка!

Ретиф медленно обернулся. Перепачканный грязью с ног до головы крулч, в мешковатом рабочем комбинезоне, вышел из своего укрытия за громадным ион — коллектором, держа в руке нацеленный на землян зловещего вида энергетический пистолет. К нему присоединились второй и третий моряки, тоже оба вооруженные.

— Отличный улов, Иуда, — восхищенно сказал один из них по — крулчски. — Капитан говорил, что нам не мешало бы обзавестись рабами — землянами на обратном пути, но я уж никак не ожидал увидеть добровольцев.

— Отведи их наверх, Иешуа, — приказал первый крулч. Его товарищ вышел вперед, сделав землянам знак пистолетом.

— Ретиф, по — замшельски сечете? — прошептал Мульвихил,

— Угу, — ответил дипломат.

— Вы нападаете на того, что слева, а я беру этого козла справа. Проф...

— Не сейчас, — оборвал Ретиф.

— Прекратить разговоры! — рявкнул крулч, переходя на земной. — Ну — ка, пошевеливайтесь!

Земляне спустились на палубу и встали неплотной кучкой.

— Встать тесней! — приказал моряк и, чтобы команда выглядела более убедительной, подтолкнул девушку пистолетом.

Сюзетта ядовито улыбнулась ему:

— Ах ты, ослоухое козлиное отродье, ну подожди, доберусь я еще до твоей поганой бороденки!

— Немедленно прекратить разговоры.

Между тем профессор Фэйт протиснулся вперед и заслонил девушку. Он вытянул обе руки вперед, повертел ими, показывая с двух сторон, а затем, крутанув кистями, развернул веером две колоды карт, взявшихся невесть откуда. Он взмахнул ими перед самым носом застывшего в изумлении ближайшего кентавроида — они с хлопком исчезли.

Двое других, стоявших позади раскрыв рты, подтянулись поближе. Профессор щелкнул пальцами, и с кончиков вытянутых вперед указательных сорвались струйки пламени. Крулчи от неожиданности подпрыгнули на месте. Долговязый землянин взмахнул руками, выудил из ниоткуда газовый голубой платок, повертел им так — сяк — теперь тот стал красным. Он резко встряхнул его, и настоящий дождь из конфетти посыпался на потерявших дар речи крулчей. Профессор сложил кулаки вместе, открыл ладони и дунул в лица инопланетян. И тотчас большая белая птица забила крыльями в воздухе.

— Сейчас! — гаркнул Ретиф, подскочил к ближайшему крулчу и влепил ему мощный апперкот — тонкие ноги кентавроида подломились, и он с грохотом рухнул на палубу. Мульвихил перепрыгнул через поверженного врага и заехал крулчу номер два по голове сокрушительным прямым

правым. Третий вояка издал звук, напоминающий скрежет раздираемого металла, и выхватил пистолет, наводя на Ретифа с очевидным намерением подстрелить землянина. Но в тот же миг Крошка Вилли метнулся ему под ноги. Выстрел проделал глубокую борозду в стене, когда Мульвихил могучим ударом отправил несчастное создание в глубокий нокаут.

— Ловко сработано, — признал профессор Фэйт, рассовывая свои магические причиндалы за обшлага рукавов. — Поверите ли, мне почти жаль терять такую чуткую аудиторию.

Стоя рядом с тремя крулчами, надежно связанными по рукам и ногам своими собственными портупеями, Ретиф пихнул одного из них носком ботинка.

— Знаешь, у нас есть очень важное дело в рубке управления, — сказал он. — Поскольку мы не хотим никого беспокоить, Иуда, то предпочли бы тихо и спокойно пройти через черный ход. Что бы ты мог нам предложить?

Крулч в двух словах высказал свое предложение. Ретиф заметил:

— Профессор, вероятно, будет лучше, если вы преподадите ему несколько уроков.

— С удовольствием — профессор Фэйт вышел вперед и взмахнул руками. В одной из них материализовался устрашающего вида остроотточенный нож. Он испробовал его остроту на подушечке большого пальца, на которой тут же выступила капелька крови. Профессор провел над ранкой другим пальцем, и кровь моментально исчезла. Он удовлетворенно кивнул.

— Ну — с, а теперь, мой козлобородый друг, — обратился он к моряку, — я слышал, что вы, негодяи, придаете огромное значение вашим бороденкам, — так как насчет побриться?

Он потянулся к бороде крулча. Тот издал дребезжащий звук.

— Мостки по левому борту! — завизжал он дурным голосом. — Но это вам не поможет, вам не уйти отсюда живыми!

— Да ну, не может быть, не уйти, значит? — Профессор сладко улыбнулся, сделал в воздухе пару пассов и извлек из пустоты небольшой цилиндрик.

— Позволю себе усомниться, что кто—нибудь забредет сюда, даже случайно, еще долгое время, — сказал он. — И поэтому, если мы не вернемся через час живыми и невредимыми, этот маленький приборчик взорвется с силой, достаточной, чтобы рассеять все атомы ваших тел на территории примерно в двенадцать квадратных миль.

Профессор пристроил цилиндрик рядом с крулчем, который скосил на него полные ужаса глаза.

— Ой — ой — ой, по зрелом размышлении я решил, что вам лучше попробовать служебный проход за главным тунелем! — завопил он.

— Вот так—то лучше! — наставительно заметил Ретиф. — А теперь вперед!

V

В узеньком коридорчике ясно был слышен шум крулчского застолья.

— Похоже, они решили устроить маленькое торжество накануне завтрашней большой дипломатической победы, — сказал Мульвихил.

— Вы полагаете, что большинство их собралось там?

— Ну, некоторое количество, несомненно, на вахте, — ответил Ретиф, — Но, судя по шуму, пара сотен крулчей на ближайшее будущее выведена из строя — по крайней мере, до тех пор, пока мы не сделаем какой—нибудь неверный шаг и не поднимем тревогу.

— Вроде дальше все в порядке, — вернулся из разведки профессор Фэйт, на ходу вытирая пыль с рук. — А потом, боюсь, нам так и придется пересечь открытое пространство.

— Мы теперь не так уж далеки от командной палубы, — успокоил их Ретиф. — Еще двадцать футов по вертикали — и мы на месте.

Компания полезла вверх, преодолела крутой поворот и вышла к входному шлюзу. Профессор Фэйт приложил к панели ухо.

— Кажется, все тихо, — наконец сказал он. — Отправимся дальше?

Ретиф подошел к шлюзу, осторожно приоткрыл его, заглянул внутрь, а затем вошел туда, подав остальным знак следовать за ним. Здесь было значительно тише и уютнее, под ногами мягко пружинил длинный ворс роскошного ковра, в воздухе стоял аромат чужестранной пищи и плавал душистый дымок.

— Территория комсостава, — пробормотал Мульвихил. Ретиф указал на дверь, помеченную крулчскими письменами.

— Кто—нибудь может прочесть это?

Ответом было дружное покачивание голов и отрицательный шепот.

— Придется рискнуть. — Ретиф приблизился к двери, крепко взялся за рукоятку и рывком распахнул ее настежь.

Тучный крулч, туго перепоясанный портупеей, но без форменной ливреи, удивленно взирал на него поверх яркого иллюстрированного журнала, на обложке которого землянин успел разглядеть глянцевые фото изящных крулчских кобылок, кокетливо позирующих перед объективом камеры, выставив напоказ все свои прелести.

Крулч широко разинул рот, запихнул журнал в ящик стола, вскочил на ноги, потом развернулся и бросился к панели управления, размещенной по другую сторону узкого прохода. Крулч уже почти дотянулся до массивного рычага, пытаясь перекинуть его вниз, когда Ретиф достал моряка в броске. Человек и кентавроид вместе рухнули на пол. Рука Ретифа рассекла воздух, крулч пару раз дернулся и затих.

— Этот рычаг — вы понимаете?.. — начал было Крошка Вилли.

— Скорее всего, сирена тревоги, — поднимаясь на ноги, ответил Ретиф. — Дальше!

Он побежал по коридору — тот круто уходил вправо. Тяжелая дверь выходного шлюза начала закрываться перед ним. Он подбежал к ней, втиснулся в неумолимо суживающийся просвет, изо всех сил сопротивляясь напору стальной панели. Под скрежет механизмов она замедлила свое движение, тут на помощь подоспел Мульвихил и, схватившись за кромку двери, изо всех сил дернул ее на себя. Где—то под ними натужно заскрипел металл и раздалось громкое «клад!» — затрещали ломающиеся шестерни. Дверь беспрепятственно скользнула назад.

— Готово, — проворчал Мульвихил. — Еще бы минуту — и... Он замолк, обернувшись на раздавшийся за его спиной звук.

В десяти футах сзади по проходу бесшумно задвинулась вторая панель, блокировав коридор. Великан прыгнул к ней, врезавшись плечом в ее поверхность, но без всякого результата.

Впереди Ретиф увидел третью панель — она по — прежнему была широко открыта. Недолго думая, он проскользнул в нее и... замер, как вкопанный. Прямо перед ним находился офицер — крулч, весь увешанный медалями, сжимая в каждой руке по лучевому пистолету. Из уголка его рта свисала пурпурная сигара в добрый фут длиной. Он стукнул по рычажку, находившемуся рядом с ногой, и дверь за спиной Ретифа со свистом закрылась.

— А, землянин, добро пожаловать к нам на борт, — радостно приветствовал капитан. — Вы будете первым из своего рода — племени, кто в полной мере насладится радушием крулчей. Я наблюдал за вашим продвижением по личному экрану внутреннего обзора, — капитан кивнул на маленький экранчик, который показывал четырех землян,

тщетно боровшихся с дверьми, которые закрылись со всех сторон, поймав их в ловушку.

— Интересно, — прокомментировал Ретиф.

— Вы удивлены утонченностью оборудования, которым мы, крулчи, управляем? — Капитан выпустил струйку ароматного дыма, обнажив свои роговые десны в гримасе, отдаленно напоминающей улыбку.

— Да бросьте вы, любой, кто так или иначе наворовал требуемую сумму денег, может купить гроакскую систему «Недремлющее Око», — высокомерно ответил Ретиф. — Но я, не скрою, нахожу интересным тот факт, что вам пришлось потратить такую уйму денег только для того, чтобы следить за своей командой, — Не слишком достойны доверия, а? — спросил он соболезнующим тоном.

— Что?! Да любой из моего экипажа рад жизнь отдать по первому моему слову!

— Да, я думаю, такая возможность будет им предоставлена, — кивнул, соглашаясь, Ретиф, — Кстати, как насчет того, чтобы опустить один из пистолетов, кэп, если, конечно, вы не опасаетесь осечки.

— Крулчское оружие никогда не дает осечки, — капитан отбросил один из пистолетов в сторону. — Но, согласен, я уж чересчур перестраховался против пустяшной угрозы, со стороны одного — единственного, жалкого земляшки.

— Вы упустили одну мелочь — у меня есть друзья. Крулч издал звуки, похожие на скрип когтей по пенопласту.

— Они полностью обезврежены, — отмахнулся он, — А теперь лучше скажите — ка мне, чего вы рассчитывали добиться, проникнув сюда?

— Да я и сейчас собираюсь сделать то же самое — арестовать вас, — пояснил Ретиф, — Не возражаете, если я присяду?

Капитан разразился хохотом, если можно было так назвать резкие скрипучие звуки, и взмахнул двупалой клешнеобразной лапой.

— Ну что вы! Устраивайтесь, поудобнее, — сказал он. — Пока еще можете. А теперь расскажите мне, как вам удалось

протащить на корабль оборудование так, что это осталось незамеченным? Я, конечно же, посажу на кол ответственных за это бездельников.

— О! У нас нет, никакого оборудования! — весело сообщил Ретиф.

Он принюхался.

— Капитан, это, часом, не лавенбройская сигара, а?

— Никогда не курю ничего другого, — гордо заявил крулч, — Не желаете ли?

— Не откажусь, — признался с благодарностью землянин, взяв предложенную восемнадцатидюймовую сигару, и закурил.

— А теперь вернемся к вопросу об оборудовании, — настойчиво продолжил капитан, — Я полагаю, что вы использовали пятидесятифутовые пожарные лестницы. Однако, должен признаться, я не понимаю, как вам удалось протащить их в порт...

— Лестница? — Ретиф довольно улыбнулся. — Нам, землянам, лестницы ни к чему, знаете ли. Мы просто отращиваем крылья, — скромно признался Ретиф.

— Крылья?!

— О, мы необычайно разносторонне одарены. Мы, земляне... На лице капитана застыло выражение крайнего неодобрения.

— Раз у вас не было лестниц, то я, следовательно, должен сделать вывод, что вы умудрились проделать дыру в корпусе на нижнем уровне, — раздраженно бросил крулч. — Чем вы воспользовались для этого? По моим подсчетам, потребовалось бы по крайней мере пятьдесят киловатт в секунду подводимой мощности, чтобы проделать отверстие в двух дюймах огнеупорного керамического сплава...

Ретиф укоризненно покачал головой, выпустив струйку дыма.

— Прекрасный вкус, — заметил он. — Нет, мы всего — навсего протерли в нем дыру голыми руками. Для нас, землян...

— Черт бы вас побрал, землян! Этого никто не может, не морочьте мне голову, — капитан плотно сжал губы, разъяренно выпустив дым кверху. — Только что, снаружи, в камере предварительного контроля, вы сорвали механизм закрывания дверей. Где ваш гидравлический домкрат, который вы использовали для этого?

— Как я уже говорил, мы, земляне...

— Вы проникли в коридор особо секретного доступа — почти сразу, как только оказались на борту моего судна! — визгливо пролаял капитан. — Моим людям сделаны прививки против всех мыслимых и немыслимых наркотиков правды. Что вы сделали с моими людьми, чтобы заставить заговорить Иуду, который дал вам нужную информацию?!

Ретиф успокаивающе поднял руку:

— Капитан, не надо так строго, мы, земляне, можем быть чертовски убедительны. Вот, например, прямо сейчас, в этот самый момент, вы сами уже близки к тому, чтобы быть убежденным в обреченности всех попыток перехитрить нас, землян...

Привыкший отдавать команды рот крулча беззвучно открылся и закрылся.

— Я?! — переведя дух, выпалил он, — Вы, что же, действительно считаете, что крулчского боевого офицера можно заставить отступить от выполнения своего долга?

— Уверен! — пропищал чей—то тонкий голосок сверху и сзади капитана. — Пара пустяков.

Копыта крулча лязгнули, когда тот резко обернулся. Он застыл как вкопанный, завороженно глядя на маленькое круглое личико Крошки Вилли, улыбающееся ему из вентиляционной отдушины над пультом управления.

Ловким движением Ретиф наподдал инопланетянину по запястью и выхватил пистолет из безвольно повисшей руки.

— Ну вот, убедились? — сказал он, в то время как капитан ошеломленно переводил взгляд то на него, то на лилипута. — Никогда не недооценивайте нас, землян...

При этих словах капитан осел в своем кресле, вытирая лицо белым в черный горошек носовым платочком, любезно предоставленным ему Крошкой Вилли.

— Этот допрос — вопиющее нарушение закона! — простонал он. — Я был уверен, что все, что вы говорили о вашем виде...

— Мы немало искушены в хитростях, — признал Ретиф. — Но уверен, вы сможете без труда простить маленькую невинную ложь, стоит вам только постараться понять нашу природу. Мы любим борьбу, и нам казалось, что это самый легкий путь — подстрекнуть вас к какому — никакому сражению.

— Подстрекнуть к какому — никакому сражению? — прохрипел пораженный крулч.

— Да — да, вы знаете, есть что—то в беззащитном с виду простофиле, что пробуждает в людях авантюристов, — объяснил землянин. — Таким образом, это для нас самый простой способ опознать смутьянов, чтобы можно было с ними быстренько разделаться. По — моему, вы, крулчи, сейчас прекрасно подходите для этой цели. Дело в том, что у нас как раз закончены несколько новых приборов — планетоуничтожителей, которые мы уже давно хотели подвергнуть полевым испытаниям.

— Вы блефуете! — отчаянно проблеял крулч. Ретиф энергично кивнул.

— Я обязан предупредить вас, но вы вовсе не обязаны верить мне. Поэтому, если вы по — прежнему настаиваете померяться силами...

С пульта управления раздалось резкое жужжание; часто замерцал пронзительный желтый огонек. Рука капитана инстинктивно дернулась, когда он вперился взглядом в коммуникатор.

— Давайте — давайте, отвечайте, — подбодрил его Ретиф, — Но уж будьте любезны не говорить ничего такого, что могло бы раздосадовать меня. У нас, землян, крутой нрав.

Крулч щелкнул переключателем.

— Ваше благородие, — затараторил, захлебываясь от волнения, крулчский голос. — Мы убиты пленными! Я хочу сказать, пленены убийцами! Их было двенадцать, а может, и все двадцать! Одни высоченные, как столетнее дерево Фуфу, а другие маленькие — меньше, чем копытные гниды! Еще у одного из них глаза, как горящие уголья, а из рук вырывалось пламя в десять футов длиной, которое расплавляло все, к чему ни прикоснется, а другой...

— Заткнись! — взорвался капитан. — Кто ты? Где ты? Что, во имя двенадцати Дьяволов, здесь происходит? — Он резко повернулся к Ретифу.

— Куда подевались остальные ваши коммандос? Как вам удалось ускользнуть от моей системы наблюдения? Что?..

— Ну — ну, — усмехнулся Ретиф. — Сейчас моя очередь задавать вопросы. Во — первых, мне нужны имена всех чиновников — гаспьеров, которые принимали от вас взятки.

— Вы, что же, думаете, я так вот и выдам моих соратников, чтобы обречь их на мучительную смерть от ваших рук?

— Ничего подобного, все, что нам нужно, — узнать, кто с вами сотрудничает, и то только для того, чтобы я мог сделать им более выгодное предложение.

Раздалось тихое «бряк!» — на сей раз замерцал голубой огонек. Офицер — крулч настороженно посмотрел на него.

— Это моя внешняя «горячая» линия связи с Министерством иностранных дел, — сказал он. — Когда до Правительства Гаспьера дойдет известие о пиратском акте, который вы, якобы миролюбивые земляне, осуществили за фасадом дипломатии...

— Так скажите им, в чем дело, — предложил Ретиф. — Пришло им время открыть для себя, что они не единственные, кто знает толк в изящном искусстве трирушничества.

Крулч поднял трубку.

— А — а? — отрывисто спросил он. Его лицо вытянулось, и он вытаращил глаза на землянина, а потом и на второго.

— Что — что? — заорал он в коммуникатор. — Летают по воздуху? Забрались куда? Что вы имеете в виду — гигантские белые птицы?!

— Малыш! — подбодрил его Крошка Вилли. — Эти гаспьеры наверняка преувеличивают.

Капитан в ужасе уставился на крошечного человечка, сравнивая его рост с шестью футами тремя дюймами Ретифа. Он вздрогнул.

— Знаю, — сказал он в трубку. — Они уже здесь... Он бросил трубку на рычаг, взглянул на телефонную панель и медленно потянулся к ней рукой.

Это, напомнило мне кое о чем, — сказал Ретиф. Он направил пистолет прямехонько в центр груди крулчского офицера. — Не будете ли вы так любезны приказать всему экипажу собраться в главном кубрике?

— Они... они и так там, — ломающимся голосом проговорил капитан, не сводя глаз с пистолета.

— Просто для уверенности.

Капитан надавил кнопку общего оповещения, прочистил горло и скомандовал:

— Всему личному составу в центральный столовый отсек — бегом!

Какое—то мгновение стояла тишина, затем с другого конца линии донесся голос крулча:

— Осмелюсь предположить, что вы имеете в виду всех, кроме аварийных команд в машинном отделении и в оружейном отсеке, Ваше благородие?

— Я сказал — ВЕСЬ личный состав, черт бы тебя побрал! — прорычал капитан. Он выключил коммуникатор.

— Понятия не имею, чего вы этим хотите добиться, — резко бросил он. — В моем распоряжении на борту этого судна три сотни бесстрашных воинов, вам не уйти с этого корабля живыми!

Прошло две минуты — включился коммуникатор:

— Все в сборе, сэр.

— Эй, Вилли, видишь тот большой белый рычаг? — обратился Ретиф к лилипуту. — Окажи любезность, просто опусти его вниз, и следующий тоже.

Капитан попытался вскочить. Пистолет Ретифа взметнулся прямо к его лбу. Вилли прошел мимо крулча и опустил рычаги. Где—то вдали, надсадно заурчали механизмы, отчетливый толчок потряс массивный корабль, затем последовал и второй толчок.

— Что это было? — поинтересовался Вилли.

— Это закрылись аварийные перегородки, — объяснил Ретиф. — И три сотни бесстрашных воинов просто оказались между ними.

Капитан с пораженным видом осел в кресле.

— Откуда вы так прекрасно осведомлены об устройстве моего судна? — потребовал он ответа. — Эти засекреченные...

— ...чертежи — результат кражи кое — чьих разработок, а те, нехорошие люди, надо думать, изучали их. А теперь, Вилли, впусти Юлиуса и остальных. Тогда, я думаю, мы вполне будем готовы приступить к обсуждению условий почетной сдачи.

— Этот день навсегда останется в анналах вероломства, — подавленно проскрипел капитан.

— Нет — нет, я полагаю, что нет нужды вносить его в эти анналы, — успокоил крулча Ретиф. — Конечно, в том случае, если нам удастся прийти к взаимопониманию — попросту, как водится между джентльменами.

VI

Уже прошел час с момента восхода солнца, когда закончилось историческое чрезвычайное заседание гаспьерского Кабинета Министров. Посол Шипшорн, который появился из конференц — зала, был погружен в оживленную беседу с

весьма мрачным офицеромкрулчем, наряженным в тщательно пригнанное полное парадное обмундирование, но остановился, заметив Ретифа:

— А, вот и вы, мой мальчик! Я был обеспокоен, когда вы так и не вернулись вчера вечером, но, как я только что указывал уважаемому капитану, это было всего — навсего ужасным недоразумением. И поскольку позиция почтенных крулчей была прояснена — к обоюдному удовлетворению, они на самом деле предпочитают скотоводство и народные танцы всякого рода военным авантюрам, то Кабинет Министров оказался в состоянии прийти к благоприятному для нас решению по заключению Договора о Мире и Дружбе, дающему землянам полный Статус Наибольшего Благоприятствования.

— Рад слышать это, мистер посол, — ответил Ретиф, кивнув стоявшему рядом с надменным лицом командиру крулчей. — Уверен, что мы все предпочли бы дружеское соперничество демонстрации наших дипломатических способностей в дальнейшем.

В конце коридора возникло какое—то замешательство: таща за собой на буксире крулча — писаря, к капитану торопливо подскочил крулч — офицер и отдал честь:

— Ваше благородие, этот парень только что освободился от какого—то вида магического паралича!

— Это... Это был он! — ткнул в Ретифа пальцем моряк. — Он и остальные.

Он горестно посмотрел на землянина:

— Это был грязный обман — сказать нам, что та штука, которую вы установили, — бомба. Мы провели тяжелую ночь, прежде чем обнаружили, что это гнусное надувательство.

— Извините, — сказал Ретиф; впрочем, раскаяния в его голосе слышно не было.

— Послушайте, ваше благородие, — моряк перешел на шепот. — О ком я по — настоящему хотел предупредить вас, так это о том землянине — такой длинный, с костлявым

задом и огненным дыханием; он — колдун, он взмахивает руками — и появляются белые гигантские летающие создания...

— Заткнись, идиот! — рявкнул капитан. — У тебя что, ни черта нет наблюдательности? Они не создают птиц, это может любой дурак! Они трансформируют самих себя! А теперь убирайся с глаз моих долой! Нет, как только вернемся домой, отправлюсь в монастырь и займусь медитацией!

Он коротко кивнул и застучал копытами, удаляясь.

— Странный малый, — прокомментировал Шипшорн. — Интересно, о чем это он говорил?

— Должно быть, просто какая—нибудь принятая в узком кругу шутка, я подозреваю, — ответил Ретиф. — Кстати, насчет этой труппы землян, о которых я вам упоминал...

— Да — да. Я, наверное, был несколько грубоват, Ретиф. Но, само собой разумеется, я был занят планированием моей стратегии на сегодняшнюю встречу. Да, возможно, я был резок.

— Я взял на себя смелость, мистер посол, пойти немного дальше, — сказал Ретиф. — Поскольку новый договор предусматривает земные культурные делегации, я подписал с ними шестимесячный контракт на проведение шоу здесь, на Гаспьере.

Шипшорн нахмурил брови.

— Вы перешагнули границы своих полномочий, Ретиф, — резко бросил он, — Я думал, мы могли бы выписать труппу или две, которые бы декламировали избранные отрывки из Материалов Заседания или исполнили бы что—нибудь из классической музыки. К тому же я уже почти пообещал министру культуры гроаков, что найму одну из его трупп носовых флейтистов...

— Я подумал, что как раз при нынешнем положении дел было бы неплохо продемонстрировать сплоченность землян, — заметил Ретиф. — А потом, демонстрация шпагоглотания, престидижитация, глотание огня, ходьба по канату,

акробатика и чудодейство могли бы стать именно тем, что нужно, чтобы подчеркнуть нашу разносторонность.

Шипшорн задумчиво пожевал губами, потом кивнул.

— Пожалуй, у вас правильная точка зрения в этом вопросе, мой мальчик. Мы, земляне, очень разносторонняя порода. К слову сказать, жаль, что вас не было сегодня утром с нами, чтобы посмотреть, как я вел переговоры! То я весь был огонь и свирепость, то спокоен и гладок, как йилльский шелк.

— Восхитительное представление, осмелюсь предположить, мистер посол.

— Да уж, действительно, — посмеиваясь, потер руки Шипшорн. — В некотором смысле, Ретиф, саму дипломатию можно считать отраслью шоу — бизнеса, а? Следовательно, этих актеров можно считать своего рода коллегами.

— Верно, но я бы воздержался упоминать об этом публично, находись они в пределах слышимости.

— Да, это могло бы вскружить им головы. Ну что ж, я удаляюсь, Ретиф. Мой отчет о сегодняшней утренней работе станет классическим примером по изучению тонкостей Земной Дипломатии. — Он поспешил прочь.

К Ретифу подскочил гаспьер, вооруженный массивной бифокальной камерой.

— Я из «Утреннего Выдоха Гаспьера», — отрекомендовался он, — Правда ли, сэр, что вы, земляне, если пожелаете, можете превращаться в огнедышащих драконов?

Между ними втиснулся второй репортер.

— Я слышал, вы читаете мысли, — заявил он, — И еще насчет этой возможности проходить сквозь стены...

— Одну минутку, ребята, — Ретиф выставил руку. — Я, конечно же, не хочу, чтобы на меня ссылались, но только между нами... Вот что произошло на самом деле: как только посол заглянул в свой магический хрустальный шар...

БРОНЗОВОЕ БОЖЕСТВО

I

Хуганский камердинер, одетый в черное, был высокого роста и с поднятыми плечами. У него была огромная куполообразная голова, полого снижавшаяся к массивным плечам. Глаза, на костистом лице, были похожи на свежеочищенных устриц. По бокам туловища свисали длинные руки.

Он обернулся к группе дипломатов с Земли, которые стояли, держа свои чемоданы, под высоким сводом огромного, темного зала. Лучи света странных оттенков проникали сквозь цветные стекла узких окон, расположенных высоко в стенах, слабо освещая неровный каменный пол. Настенная роспись и драпировки тусклых цветов изображали характерные картины семи кругов хуганского ада. Темные коридоры расходились от круглого зала; между ними стояли хуганские копейщики в шлемах и килтах, неподвижные, как каменные горгульи, выглядывавшие из высоких ниш.

— Его Вызокомерие Епископ любезно бредозтавил в ваше разборяжение эти уютные абартаменты, — сказал камердинер глубоким, глухим голосом. — Вы теберь можете выбрать зебе комнаты на верхних этажах и одеться в бредозтавленные одежды.

— Послушайте, мистер Одом—Глом, — вмешался посол Страпхэнгер. — Я это обдумал, и мы решили, что я со своим штатом сотрудников вернусь на корабль, чтобы провести ночь там.

— Его Вызокомерие ожидает ваз на пиру в епископских залах джерез джаз, — гнул свое хуганец. — Его Вызокомерие не любит, когда его зазтавляют ждать.

— О, мы все глубоко осознаем ту честь, которую Его Высокомерие оказывает нам, предоставляя апартаменты здесь, в Епископальном дворце, но...

— Один джаз, — повторил Одом—Глом, так что его голос эхом разнесся по залу. Он отвернулся; ритуальная цепь, надетая на шею, позвякивала при движении. Камердинер задержался, затем снова повернулся к ним.

— Кзтати, вам даютзя инзтрукции игнорировать любые мелкие... э—э... вторжения. Езли увидите джто—нибудь... необыджное, сразу же зовите зтражу.

— Вторжения? — с раздражением повторил Страпхэнгер.— Что за вторжения?

— Во дворце, — сообщил Одом—Глом, — водятзя бривидения.

Поднявшись над приемным залом на четыре оборота каменной лестницы, второй секретарь Мэгнан осторожно шел рядом с Ретифом. Они шли по отдающему эхом коридору, мимо черных, обитых железом дверей и замшелых драпировок, едва различимых в свете факела.

— Странные поверья у этого отсталого народа, — Мэгнан прилагал усилия, чтобы говорить добродушно. — Привидения, еще бы! Какая глупость! Ха!

— Почему вы шепчете? — спросил Ретиф.

— Просто из уважения к Епископу, разумеется, — резко остановившись, Мэгнан схватил Ретифа за рукав. — Ч—ч— что это там? — он указал.

Дальше по коридору что—то маленькое и темное выскользнуло из тени пилястра и скрылось в дверях.

— Вероятно, просто наше воображение, — предположил Ретиф.

— Но у него были большие красные глаза, — возразил Мэгнан.

— Их вообразить так же легко, как и любые другие.

— Я только что вспомнил — я забыл свою шапочку для душа в багаже. Давайте вернемся.

Ретиф двинулся дальше.

— Это всего через несколько дверей. Шесть, семь... мы на месте, — он вставил ключ, которым снабдил их помощник

Одом—Глома. Тяжелая дверь открылась со скрипом, перешедшим в низкий стон. Мэгнан, поспешив вперед, задержался у ближайшей настенной драпировки, на которой была изображена группа хуган, подвешенных головами вниз над пылающим пламенем, в то время как гоблины различных форм и видов тыкали их длинными зазубренными копьями.

— Любопытно, насколько схожим может быть религиозное искусство в разных мирах, — заметил он.

Оказавшись в комнате, Мэгнан в замешательстве уставился на влажные каменные стены, две спартанские койки и резных демонов, стоявших по углам.

— Какие идеально мерзостные апартаменты! — он уронил свой чемодан и прошел к ближайшей койке, чтобы ткнуть ее, проверяя на мягкость. — Ого, такой матрас мой позвоночник вынести не в состоянии! Завтра я буду инвалидом, после первой же ночи! А сквозняк — Я непременно простужусь! А... а...— его голос прервался.

Трясущимся пальцем Мэгнан указал в самый темный угол узкой комнаты, где высокий пучеглазый демон, вырезанный из бледно—голубого камня, подмигивал гранатовыми глазами.

— Ретиф! Там что—то шевелилось — и оно было похоже на демонов на картинках! Оно все в пушистой рыжей щетине й с глазами, горящими в темноте!

Ретиф открыл свой чемодан.

— Если увидите еще одного, запустите в него туфлей. Прямо сейчас нам лучше переодеться; в сравнении с раздраженным послом несколько демонов — это просто добродушные домашние зверюшки.

Через полчаса, когда Мэгнан обтерся губкой над каменной раковиной, глаза у него все так же нервно блестели. Он поправил складки хуганского церемониального саронга перед потускневшим, неровным зеркалом.

— Думаю, это действительно просто нервы, — заметил он. — Во всем виноват этот тип, Одом—Глом, со своими

причудливыми местными суевериями! Признаюсь, его замечания вогнали меня на некоторое время в состояние неуравновешенности.

На другом конце комнаты третий секретарь Ретиф вставлял заряды размером со спичечную головку в магазин пистолета неприметного вида.

— Возможно, таким образом они предупреждают нас насчет мышей, — заметил он.

Мэгнан повернулся и заметил отблеск оружия.

— Послушайте, Ретиф! Что это такое?

— Замечательное средство против местных привидений — если те становятся слишком шумными, — он спрятал пистолет так, чтобы его не было видно под хуганским саронгом. — Просто думайте о нем, как о талисмане, приносящем удачу, мистер Мэгнан.

— Нож в рукаве — это старая дипломатическая традиция, — с сомнением проговорил Мэгнан. — Но силовой пистолет под саронгом...

— Я беру его на тот случай, если кто—нибудь выскочит из стены и набросится на нас, — успокаивающе сказал Ретиф.

Мэгнан фыркнул, глядя на свое отражение в темном стекле.

— Я испытал большое облегчение, когда посол настоял на том, чтобы сотрудники сегодня были облачены в местное платье вместо полагавшейся церемониальной обнаженности,— он повернулся, чтобы изучить неровную линию низа саронга, открывавшую его голые лодыжки.— Я подумал, что это одно из его важнейших достижений. Посол действительно производит впечатление, особенно, когда его щеки приобретают этот пурпурный оттенок. Даже Одом—Глом не осмелился ему противоречить. Хотя мне все же хотелось бы, чтобы он продвинулся еще на один шаг и добился права носить брюки...— Мэгнан прервался, не сводя глаз с черных занавесей, закрывающих высокое узкое окно.

Тяжелая ткань пошевелилась.

— Ретиф! — задохнулся он. — Оно снова здесь!

— Ш—ш—ш, — Ретиф смотрел, как занавес шевельнулся снова. Часть головы с крошечной, отсвечивающей красным, бусиной глаза появилась из—за края портьеры, примерно в футе над полом; высунулась тонкая, как проволока, нога, затем другая. Появилось тело, похожее на пушистый рыжеватый шар; красные глаза на двухдюймовых стебельках шевелились, внимательно оглядывая комнату. Их взгляд задержался на Ретифе; существо вышло из—за портьеры целиком, постояло, затем двинулось к нему на быстрых ногах...

Мэгнан с воплем бросился к двери и широко ее распахнул.

— Стража! На помощь! Гоблины! Привидения! — его голос разнесся по коридору, смешавшись со звоном оружия и шлепаньем широких ступней хуганцев.

При этом вопле вторгшееся существо заколебалось, подумало мгновение, затем, испустив писк, как фея, за которой гонятся гуси, двумя конечностями порылось в чем—то, прикрепленном к его спине.

За дверью визгливый голос Мэгнана выделялся на фоне хора вопросов хуганцев.

— Тогда найдите кого—нибудь, кто знает земной! — вопил он. — В это самое мгновение монстр терзает моего сотрудника!

Ретиф быстро прошел к окну, раздвинул портьеры и открыл раму, впустив поток влажного ночного воздуха.

— Выбирайся здесь, приятель, — сказал он. — Тебе лучше двигаться, пока не появились полицейские.

Пушистый шар бросился через комнату и, покачиваясь, затормозил перед Ретифом. Он делал быстрые, нервные движения.

Квадратик сложенной бумаги упал Ретифу под ноги. Затем существо прыгнуло к открытому окну и исчезло, в то время как ноги хуганцев затопали у двери.

— Где спизм? — на плохом земном требовательно спросил грубый голос. Коническая голова хуганца в ярком шлеме поворачивалась, оглядывая комнату.

Мэгнан выглядывал из—за спины стражника.

— Где этот зверь? — верещал он. — Он был, по меньшей мере, четырех футов ростом, а клыки у него в четыре дюйма, ничуть не меньше!

Хуганец вошёл в комнату. Своей семифутовой пикой с широким острием он указал на открытое окно.

— В конце концов это оказалась мышь, — сообщил Ретиф. — Она убежала.

— Вы позволил спизму бежать?

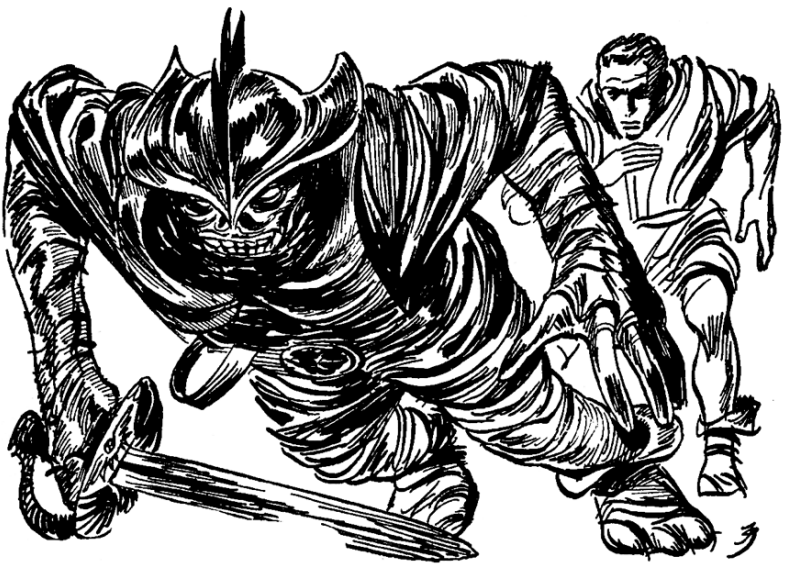
— А что, я не должен был? — мягко спросил Ретиф, кладя бумажку в карман.

— Спизм — блохой демон из того мира; может укусить землянина, полуджить заражение кровь.

— Мне кажется, ваши слова неуместны, — резко вмешался Мэгнан. — Кусать землянина — совершенно безвредно...

Хуганец повернулся к нему, зловеще наклонив пику.

— Вы бойдете со мной, — приказал он. — Нагазание за связь зо служителями подземного мира — вас варить в масле.



— Послушайте, — Мэгнан отступил на шаг. — Отойдите, приятель...

Хуганец потянулся к Мэгнану длинной щупальцеобразной рукой; Ретиф зашел ему за спину, выбрал точку и резко ударил сложенными вместе кончиками пальцев. Стражник споткнулся, пролетел мимо Мэгнана и с грохотом уткнулся подбородком в пол. Его пика загремела, скатившись вдоль стены.

— Ретиф! — чуть не подавился Мэгнан. — Вы о чем—нибудь думаете? Вы подняли руку на рядового Епископальной стражи!

— У меня создалось впечатление, что этот парень упал, зацепившись носком ноги за ковер. Вы разве не заметили?

— Ну, вы же прекрасно знаете...

— Как раз перед тем, как ему удалось бы вас достать, мистер Мэгнан.

— А... ну, да, теперь, когда вы об этом упомянули, мне тоже кажется, что он споткнулся, — тон Мэгнана внезапно стал оживленным. — Скверное падение. Я бросился было, чтобы его поддержать, но — увы! — не успел. Бедняга! Так ему и надо, зверюге. Мы проверим его карманы?

— Зачем?

— Вы правы; на это нет времени. Это падение, несомненно, было слышно по всему дворцу.

У открытой двери появился второй хуганец; на его шлеме был клыкастый ангел, что указывало на офицерское звание. Он оглядел лежащего копейщика.

— Вы напали на этого? — требовательно спросил он. Мэгнан взглянул на жертву так, словно заметил его в первый раз.

— Он, по—видимому, упал.

— Убивать хуганца — противозаконно, — зловеще заявил капитан.

— Он... э—э... сломал свое копье, — угодливо напомнил Мэгнан.

— Оджень блохое брезтупление — озквернение церемониального кобья,— строго проговорил капитан.— Требуетзя церемония оджищения. Оджень дорого.

Мэгнан порылся в мешочке для денег, висевшем у него на бедре;

— Я буду рад внести небольшую лепту.

— Дезять хуганских кредитов; все забыто. Еще пять — избавить от тела.

Лежащий хуганец пошевелился, забормотал, сел на полу.

— Ха! — заметил капитан. — Похоже, дела не будет. Но за доболнительные пять кредитов...— он снял с пояса короткую, уродливую дубинку, — ...приконджить незчазтную жертву земного назилия.

— Стоп! — возопил Мэгнан. — Вы с ума сошли?

— Озкорбление звидетеля — священника крепости зтоить вам еще два кредита. Для вас делать озобую тсену — три за пять.

— Подкуп? — задохнулся Мэгнан. — Коррупция?

— Три и езть, — хуганец кивнул. — Тшто назщет тебя? — он повернулся к Ретифу. — Платить, как и другой землянин?

— Послушайте, я вам ничего не плачу — рявкнул Мэгнан. — Просто помогите этому несчастному выйти отсюда, будьте так любезны, и мы продолжим одеваться!

— Небольшие религиозные поджертвования — старая добрая хуганская традитция! — возразил свидетель. — Хотеть нарушить мезтные табу?

— У нас, землян, есть кое—какие свои обычаи, — спокойно ответил Ретиф. — Мы полагаем, что пожертвование должно выплачиваться добровольно, — он протянул банкноту, которую офицер ловко схватил.

Стражник теперь уже стоял на ногах, покачиваясь. Капитан рявкнул ему приказ, и его подчиненный собрал обломки копья, бросил на Мэгнана ненавидящий взгляд и вышел. Капитан последовал за ним.

Ретиф закрыл Дверь за ушедшими посетителями, достал бумажку, брошенную убегающим спизмом, и развернул ее.

У ФОНТАНА С ВЕЛИКАНОМ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ВОСХОДА ЛУНЫ; ПРИКОЛИТЕ ЖЕЛТЫЙ НАВОЗНЫЙ ЦВЕТОК.

Мэгнан, снова крутясь перед зеркалом, глубоко вздохнул.

— Не слишком—то благоприятное начало, — прокомментировал он. — Бог ты мой! Уже двадцать тридцать! Мы опаздываем! — Он в последний раз поддернул саронг и разгладил редеющий локон на лбу.

Мэгнан пошел первым по отдающему эхом коридору, вниз по спиральной лестнице до арки, выходящей на широкие ступени над неровной лужайкой. Голубые фонари, свисавшие с ветвей скелетообразных деревьев, слабо светили на грибоподобные декоративные растения. Скульптуры, изображающие мучающиеся души, были расставлены рядом с широкими столами, заставленными земными деликатесами, ради этого случая поспешно сгруженными с транспорта Корпуса. Дюжина фонтанов гротескной формы распространяла по саду тонкий туман и запах серы.

За высокой стеной, утыканной по верху остриями, на расстоянии в полмили от них возвышалась зловещая фигура огромного идола, окрашенного в цвет бронзы. Факелы освещали его свирепую ухмылку, правая рука была поднята в хуганском королевском салюте — локоть прямо вперед, предплечье поднято вертикально вверх, пальцы растопырены, левая рука сжимает бицепс правой.

Мэгнана передернуло.

— Этот звероподобный идол скорее похож на недоделанного хуганца, — заметил Мэгнан. — Это у него там дым идет из носа?

Ретиф фыркнул.

— Что—то горит, — согласился он.

II

Из плотной тени у локтя Мэгнана выступила темная фигура.

— Запах зтарых газет вы джуствуете, — прогрохотала она. — Наши хуганские боги полезны — они злужат общине в качестве музоросжигателей.

Одом—Глом! Вы меня перепугали! — воскликнул Мэгнан. Он отмахнулся от насекомого, жужжащего у его лица. — Надеюсь, что вечер будет удачным. Со стороны Его Высокомерия так предусмотрительно было позволить Корпусу выступить сегодня принимающей стороной; это такой дружественный жест.

— — Гость должен оказывать гостеприимство — это зтарая хуганская традитция, — заявил Одом—Глом. — Вам было бы неплохо знать все наши зтарые хуганские традитций, чтобы не получилозь как с предыдущим земным дибломатом.

— Да, неудачно получилось? что предшественник посла Страпхэнгера был отлучен от церкви и так далее. Но, в самом деле, откуда ему было знать, что он должен был наполнить Епископальную чашу для подаяний стокредитными банкнотами?

— Дело не зовсем в поджертвованиях, но он вылил туда конзервированные бобы и изпортил банкноту, которую Его Вызокомерие положил в каджестве намека.

Недостойная сцена, — согласился Мэгнан. — Но я уверен, что сегодняшний вечер поможет избавиться от остатков взаимного непонимания.

Оркестр начал настраивать инструменты, над лугом стали разноситься мрачные, стонущие звуки. Вооруженная епископальная стража занимала свои посты, а одетые в саронги дипломаты выстраивались в линию у каменной арки, через которую должны были прибыть сановные лица.

— Мне надо зпешить — позмотреть разположение орудий,— сказал Одом—Глом.— Одно позледнее предупреждение: мирзкие ценнозти, конеджно, ниджего не значат для Его Вызокомерия, но змертный грех, который Его Вызокомерие ненавидит больше всего,— это зкупость.— Он ушел, позвякивая своими цепями.

— Посол еще не пришел, — нервно заметил Мэгнан. — Бог ты мой, надеюсь, он появится до того, как прибудет Епископ Ай—Поппи—Гуги. Я боюсь того, что мне придется занимать Его Вызокомерие светской беседой.

— Согласно рапорту поста, с ним общаться совсем не трудно, — сообщил ему Ретиф. — Просто дарите Епископу все, что попадется ему на глаза, а если это его не удовлетворит, подарите еще что—нибудь.

— Как я вижу, вы начинаете разбираться в дипломатии, Ретиф, — одобрительно проговорил Мэгнан. — Но я все же беспокоюсь.

— Поскольку по протоколу ваша функция состоит в том, чтобы задабривать трудных гостей, — заметил Ретиф, — то почему бы вам не встретить Епископа у ворот и не рассказать ему пару скабрезных историй?

— Не могу себе вообразить, что глава теократического государства станет положительно реагировать на похабные анекдоты, — чопорно ответил Мэгнан.

— Ну, разговоры о биологии совершенно не считаются греховными здесь, на Хуге, наоборот, не погрязайте в вежливых беседах. Кстати, согласно руководству, в культурных кругах здесь имеется негласное соглашение о том, что конфеты приносит аист.

— Серьезно? Бог ты мой, а у нас на всех сладостях помечено: «Сделано в Гонконге»! Мне придется сказать распорядителю, чтобы он заменил этикетки. А пока я этим занимаюсь, вам лучше занять свой пост у ворот. Вы сегодня поработаете в первую смену. Через час я пришлю Стрингуисла, чтобы он вас сменил.

— Я мог бы задержать для вас Епископа на несколько минут, — предложил Ретиф, когда они подходили к воротам. — Допустим, я начну с того, что потребую, чтобы он предъявил свое приглашение.

— Бросьте ваши несвоевременные шутки, Ретиф! После провала предыдущей миссии необходимо установить сегодня дружеские отношения с Епископом — это обеспечит нам всем повышение по службе.

— Мне кажется, что традиционная вечеринка на лужайке — это дело, слишком утонченное для такого парня, как Епископ. Нам следовало бы воспользоваться более простыми методами — типа нескольких залпов тяжелой артиллерии, размещенной вокруг дворцовых садов.

— Вряд ли это можно считать дипломатическим подходом, — фыркнул Мэгнан. — Опыт столетий доказывает, что, если достаточное количество дипломатов ходят на вечеринки, то в конце концов все получится как надо.

— Интересно, понимают ли эту традицию хуганцы?

— Конечно, мы ведь все схожие друг с другом существа — под кожей мы братья, по сути дела.

— В таком случае, эта кожа должна быть не менее дюйма толщиной и прочнее армопласта. Я не уверен, что мы сумеем добраться до братского слоя, чтобы вовремя остановить кровопролитие.

— По сути дела, я с нетерпением жду момента, когда можно будет посостязаться с Его Высокомерием в составлении эпиграмм сегодня,— величественно проговорил Мэгнан, повернувшись, чтобы обозреть сады.— Как вам известно, при общении с высокопоставленными гостями я всегда нахожусь в самой лучшей форме — и, разумеется, их габариты и сила ничуть не нагоняют на меня робость.

Мэгнан обернулся на звук, раздавшийся позади него, издал придушенный вопль и наступил на ногу хуганскому официанту, когда отпрыгнул от завернутой в золотую ткань фигуры хуганца семи футов высотой и шести шириной. Позолоченные черты лица монстра включали в себя дюймовые

носовые дыры, огромные водянистые красноватые глаза и широкий рот, изогнутый в виде кошмарной гримасы, обнажающей зубы, покрытые коронками полированного золота. Две кисти унизанных кольцами пальцев сжимали рукоять огромного обоюдоострого меча.

— Джто—то плохо пакхнет! — прогрохотала фигура. Она склонилась вперед, решительно принюхалась к Мэгнану и фыркнула.

— Ужазно! — объявил Епископ, локтем отодвигая Мэгнана в сторону. — Уйди, парень! Ты заражен острой формой лишая!

— Что вы, Ваше Высокомерие, — это просто прикосновение скобки на коже за ухом.

— Пахнет как позле дешевой ночжи в веселом домике. Где Посол Хапстринкер? Волагаю, вы бриготовили много еды. Как я бонимаю, вы, земляне, оджень интерезуетесь готовкой, — Епископ подмигнул влажным розовым глазом, ткнул Мэгнана под ребра и довольно заржал.

— Уф! — сказал Мэгнан. — Ваше Высокомерие!

Епископ уже шагал к ближайшему столу, его эскорт из вооруженных стражников в шлемах тащился вслед за ним, держа руки на кривых саблях и не сводя подозрительных глаз с дипломатов.

— Я... думаю, что пробегусь немного и посмотрю, как там закуски,— проблеял Мэгнан.— Ретиф, сопровождайте Его Высокомерие и развлекайте его, пока не прибудет помощь — я имею в виду, пока не появится посол! — И он исчез.

Епископ погрузил безкостный палец в большую хрустальную чашу с сырным соусом, изучил его на расстоянии вытянутой руки, понюхал, затем, резко дернув гибким запястьем, разбрызгал соус по гофрированным рубашкам и остекленевшим улыбкам дипломатов, выстроившихся в линию для приема.

— Кто эти бездельники? громко спросил он. — Вероятно, бедные родзтвенники, оджидающие подаджек. У меня та же броблема. Вернее, у меня была та же броблема, я долджен

зказать. Две недели назад был Фезтиваль замоотречжения. Я зделал самое значительное пожертвование и всех их предлоджил духам предков.

— Отказаться от родственников из религиозных соображений — это хорошая идея, — заметил Ретиф. — Это может войти в моду.

Епископ поднял блюдо изящных сэндвичей, высыпал пищу, понюхал блюдо и откусил небольшой кусочек.

— Я много слышал о ваших земных блюдах, — заметил он, шумно жуя. — Немного жесткое, но неблохое,— он откусил еще немного тонкого фарфора и предложил Ретифу.

— Кусни, — сердечно сказал он.

— Нет, спасибо, перед самым прибытием Вашего Высокомерия я подкрепился бутылкой пива, — отказался Ретиф. — Попробуйте суповые тарелки. Они считаются восторгом эпикурейцев.

Неподалеку от широких дверей террасы возникло оживление. Амбициозные мелкие клерки посольства приняли позу нетерпеливого ожидания, приготовив восторженные улыбки. Появилась приземистая фигура министра Страпхэнгера, чрезвычайного посла Земли и полномочного представителя на Хуге. На нем было короткое, но богато украшенное парчой лонги, блестящий красный кушак, который чуть ли не тащился по земле, и украшенные драгоценными камнями сандалии. Рядом с ним пыхтел его спутник, примерно такого же телосложения и так же одетый, отличавшийся только пучком ярко—оранжевых волос. В двух ярдах за ними тащился Мэгнан.

— А, посол — двойняжки? — спросил епископ, двинувшись к новоприбывшей паре.

— Нет, это миссис Страпхэнгер, — ответил Ретиф. — На месте Вашего Высокомерия я бы выбросил это блюдце — в ярости она страшна.

— А, тибичная самка, взегда озабоченная броблемами конзервации пищи, — Епископ выбросил ободок блюда за цветущий куст.

— Эй, привет, посол Стракхампер! — проревел он. — И твоя оджаровательная корова! Она зкоро бринесет бриплод, как я понимаю?

— Приплод? Как это? — Страпхэнгер озадаченно огляделся.

— Как я понимаю, ты держишь своих коров беременными? — прогрохотал Епископ. — Или, может быть, эта уже злишком зтарая. Но не важно — в звое время она, незомненно, была великой броизводительницей.

— Вот те раз! — резко бросила миссис Страпхэнгер, едва сдерживаясь.

— Кстати, — продолжал Ай—Пошш—Гуги. — Я не выношу обзуждать финансы за едой, поэтому я бредлагаю зразу же обзудить броблему зоответственного бодарка. Конеджно, я вболне готов забыть банальное недопонимание, возникшее у наз з предыдущим послом, и без уверток принять любую зумму не менее одного миллиона гредитов.

— Один миллион кредитов? — пробормотал Страпхэнгер. — Подарок?

— Конеджно, езли вы предподжли бы избежать репутации труса, то лишний миллион никогда не повредит.

— Миллион кредитов из фондов Корпуса? Но... но чего ради?

— Ай—ай, — Епископ предостерегающе погрозил осязательным органом. — Не стоит лезть во внутренние дела хуганцев!

— О, нет, ничуть, Ваше Высокомерие! Я только имел в виду... по какому случаю? Подарок. Я имею в виду.

— Зегодня вторник.

— А.

Епископ безмятежно кивнул.

— Вам повезло, джто вы не узтроили это мероприятие в среду — это день удвоенных подарков. — Он взял стакан с подноса, который держал официант, вылил содержимое на лужайку, откусил от края кусочек своими полированными металлическими зубами и стал задумчиво жевать.

— Не хватает зпеций, — прокомментировал он.

— — Мой лучший хрусталь, — задохнулась миссис Страпхэнгер. — Из самого Бруклина, а он жрет его как козел!

— Гозел? — Епископ подозрительно на нее уставился. — Не думаю, джто мне известен этот термин.

— Это... что—то... вроде гурмана, — сымпровизировал Страпхэнгер. На лбу у него блестел пот, — Известного изысканностью вкуса.

— Теперь бобоводу бензин, — продолжал Епископ. — Я не вижу нужды в боказухе. Бростая тысяджа в день в знак уважения от Корбуса вболне эойдет.

— Тысяча чего в день? — вопросил посол, демонстрируя застывшую дипломатическую улыбку, открывающую старомодные съемные зубные протезы.

— Гредитов, гонеджно. И еще есть броблема зубзидий в хуганскую бромышленность, зкажем, бядьдесят тысядж в месяц. Не беспокойтезь об их распределении, бросто выбисывайте чеки на выблату мне лиджно...

— Хуганская промышленность? Но мне дали понять, что здесь, на Хуге, нет промышленного производства.

— Поэтому мы и требуем зубзидию, — вежливо ответил Епископ.

Страпхэнгер с трудом вернул улыбку на место.

— Ваше Высокомерие, я здесь просто для того, чтобы установить дружеские отношения, чтобы ввести Хуг в поток культурной жизни Галактики...

— Что моджет быть дружезтвеннее денег? — спросил Епископ громким голосом, тоном окончательного решения.

— Что же, —уступил Страпхэнгер, — мы могли бы организовать заем...

— Прямой грант — гораздо броще, — подчеркнул Епископ.

— Конечно, это будет означать дополнительный штат сотрудников, чтобы справляться с административной нагрузкой, — с задумчивым блеском в глазах Страпхэнгер потер

ладони друг о друга. — Скажем, человек двадцать пять для начала.

Епископ повернулся, когда к нему подошел хуг среднего роста, одетый в облегающую черно—серебряную одежду, пробурчал что—то ему на ухо и махнул резиновой рукой в сторону дома.

— Джто? — взорвался Епископ. Он резко повернулся к Страпхэнгеру, — Вы зкрываете табулированных существ? Делитесь витанием з призпешниками оббозиции?

— Ваше Высокомерие! — голос Страпхэнгера дрожал на фоне возрастающего рева духовного лица. — Я не понимаю! Что сказал этот парень?

Епископ стал выкрикивать команды на хуганском. Его эскорт рассеялся и стал рыскать по кустам, окружавшим сад. Посол семенил рядом с почетным гостем, который большими шагами прошел к накрытым столам с закусками и стал пожирать хрупкий фарфор, бормоча про себя.

— Ваше Высокомерие, — Страпхэнгер старался отдышаться, — если бы у меня было хоть какое—нибудь объяснение! Я уверен, что все это — просто ужасная ошибка. Что ищут эти люди? Я вас заверяю...

— Из доброты звоего зердца я бриглазил ваз на Хуг! — взревел Епископ. — В каджестве огромного комплимента я узвоил важ язык! Я даже готов был бринять налиджные — велиджайший джезт! А теперь я обнарудживаю, что вы открыто общаетезь с врагами Богов!

Оставаясь на обочине словесной перепалки, Ретиф окинул взглядом сад. Он заметил фонтан в виде двухголового хуганского карлика с чрезмерно увеличенными зубами и брюхом и двинулся к нему.

Кто—то дернул его за завязку сандалии. Он посмотрел вниз. Два ярких глаза на концах похожих на проволоки стебельков призывно смотрели из травяной кочки. Ретиф огляделся — все взгляды были направлены на Епископа.

— Ты ищешь меня? — тихо спросил Ретиф.

— Именно! — проскрипел тонкий голос. — С тобой непросто ухитриться побеседовать в спокойной обстановке, мистер... э—э...

— Ретиф.

— Привет, Ретиф. Меня зовут Джекспурт. Парни назначили меня представителем, чтобы я рассказал вам, землянам, о том, что происходит. В конце концов, я полагаю, что у нас, спизмов, тоже имеются некоторые права.

— Если ты сможешь объяснить мне, что происходит в этом гадюшнике, я вечно буду твоим должником. Давай, выкладывай.

— Проблема в хуганцах — они ни на минуту не оставляют нас в покое. Все дело в гонениях. Ты знаешь, эти гиппопотамы, распевающие псалмы, обвиняют нас во всех несчастьях — от скисшего молока до потери потенции! Доходит уже до того, что после захода солнца небезопасно выходить на прогулку.

— Подожди, Джекспурт. Может быть, будет лучше, если ты просветишь меня в отношении некоторых деталей. Кто вы такие? Почему хуганцы вас преследуют? И где ты научился говорить на земном с таким безупречным произношением согласных?

— Я был талисманом на земном торговом корабле, я спрятался там, когда он приземлился здесь с целью ремонта. Это была великолепная жизнь, но со временем я соскучился по дому, по старому доброму Хугу — ты знаешь, как это бывает...

— Ты — исконный житель этого очаровательного мира?

— Конечно — мы, спизмы, живем здесь дольше хугов. И тысячелетиями мы жили с ними без всяких проблем. Хуги взяли себе поверхность, а мы устроились, приятно и удобно, под землей. Затем у них появилась религия, и жизнь с тех пор стала адом.

— Подожди, Джекспурт. Насколько я слышал, религия всегда оказывает благотворное влияние на тех, кому посчастливилось ее иметь.

— Это зависит от того, на чьей ты стороне.

— Это точно.

— Но я не изложил тебе еще всю картину. Эти хуганские священники начали полномасштабную пропагандистскую кампанию против нас — нарисовали множество религиозных картин, где спизмы тыкают хугов вилами, так что вскоре после этого каждый хуг, встретив на улице вышедшего подышать свежим воздухом спизма, начинал подпрыгивать на месте, рисовать в воздухе кресты и бормотать заклятья. Потом мы внезапно осознали, что идет полномасштабная война! Я говорю тебе, Ретиф, мы, спизмы, сейчас находимся в тяжелом положении — и будет еще хуже!

Стражник постепенно приближался к фонтану с великаном.

— Проклятье, жандармы, — сказал Ретиф. — Тебе сейчас лучше скрыться с глаз, Джекспурт. Они рыскают по кустам, ищут тебя. Почему бы нам не продолжить разговор попозже?

Спизм скрылся в траве.

— Но это важно, Ретиф! — донесся из куста голос Джекспурта. — Парни на меня рассчитывают.

— Тихо! Смотри на меня и действуй соответственно. Мэгнан, обернувшись, подозрительно смотрел на Ретифа. Он приблизился к своему подчиненному.

— Ретиф, если вы замешаны в этой суматохе...

— Я, мистер Мэгнан? Каким же образом? Я прибыл сюда только сегодня днем, так же, как и вы.

— Мэгнан! — голос Странхэнгера покрыл шум голосов. — Епископ проинформировал меня, что на территории Посольства сегодня вечером было замечено демоническое существо какого—то вида! Конечно, мы о нем ничего не знаем, но Его Высокомерие пришел к неприятному для нас выводу, что мы общаемся с обитателями нижнего мира! — он понизил голос, когда Мэгнан приблизился.— Суеверный вздор, но нам приходится играть в эти игры. Вы вместе с остальными рассредоточьтесь и сделайте вид, что ищете этого мифического демона. Я утихомирю Его Высокомерие.

— Конечно, мистер посол. Но... э—э... что, если мы его найдем?

— Тогда вы еще больший идиот, чем я думал! — Страпхэнгер вернул кривую улыбку на место и повернулся к Епископу.

— Ретиф, вы начинайте отсюда, — Мэгнан указал на фасад дома. — Я пойду пошарю в кустах. И, что бы вы ни делали, не вздумайте ничего находить — типа того отвратительного существа, на которое мы наткнулись наверху. — Внезапно его лицо приняло испуганное выражение.— Бог ты мой, Ретиф! Вы не думаете?..

— Никоим образом. Лично я предоставляю себе демоническое существо в виде дракона средних размеров.

— И все же... может быть, мне стоило бы сообщить об этом послу...

— И подтвердить мнение Епископа? Очень храбро с вашей стороны. Вы не против, если я постою здесь, чтобы насладиться этим зрелищем?

— С другой стороны, он слишком занятый человек, — поспешно заметил Мэгнан. — В конце концов, зачем беспокоить его банальностями? — Он поспешил занять позицию рядом с Епископом и, нагнувшись, стал делать вид, что вглядывается в изгороди из растений, похожих на хвойные.

Ретиф вернулся к столу, теперь покинутому, если не считать одинокого хуганского уборщика, который на дальнем конце стола собирал пустую посуду на широкий поднос и бросал влажные бумажные салфетки в объемистый мешок для использованной бумаги. Ретиф взял пустое блюдо из—под сэндвичей и сказал:

— Пссст!

Хуганец поднял глаза, когда Ретиф бросил блюдо, уронил свой большой бумажный мешок и поймал брошенную посуду:

— Здесь есть еще, — с готовностью заметил Ретиф. Он собрал и передал пару блюдец, три пустых стакана и пару надкушенных сэндвичей с сыром. — Тебе лучше взвалить это на спину и следовать за Его Высокомерием, — предложил Ретиф. — Он оставляет за собой след из осколков блюд.

— Пытаешься уджить меня моей работе? — свирепо спросил хуганец, в то время как Ретиф, покопавшись, нашел ложку и уронил ее на траву, прямо под краем свисающей скатерти.

— Конечно, нет, приятель, — заверил Ретиф сердито смотревшего на него аборигена. Он наклонился за ложкой и мельком заметил выглядывавший из теней глаз.

— Залезай в мешок, — краем рта прошипел Ретиф.

— З гем разговариваедж? — слуга наклонился и стал смотреть под стол. Позади него бумажный мешок негромко зашуршал, когда спизм юркнул в него.

— Просто обратился с несколькими словами к ложечному богу, — мягко ответил Ретиф. — Уронить ложку — плохая примета, как тебе известно.

— Да? — сказал хуганец, Он оперся на стол, вытащил весьма изношенную зубочистку и стал ковырять ею в своих грязных зубах. — У ваз, инозтрандзев, ненормальные идеи. Взем извезтно, джто уронить лоджку — хорошая бримета, блохая бримета — уронить вилгу, — он тщательно осмотрел конец зубочистки.

— У нас дома неблагоприятным предзнаменованием считается падение с десятиэтажного здания, — продолжал бессвязно болтать Ретиф, наблюдая за вооруженными стражниками Епископа, приближающимися к ним. Один из них подошел к столу, бросил на Ретифа изучающий взгляд, сунул голову под стол, затем потянулся к мешку с бумагой.

— Как насчет того, чтобы немного освежиться?

Ретиф взял чашку, погрузил ее глубоко в сосуд с густым пурпурным пуншем, сделал шаг к воину и, казалось, споткнулся; липкая жидкость плеснула в хуганца как раз под защелкой, удерживавшей капюшон радужных оттенков, и растеклась в виде оригинального рисунка по его полированной нагрудной пластине. Слуга схватил свой поднос и мешок и поспешно отступил, в то время как шипящий стражник хлопал гибкими пальцами по пурпурному пятну.

— Идиод! Неуглюджий урод!

— Джто? Бьянзтво на злуджбе? — прогремел громкий голос. Епископ, отодвинув пузом Ретифа, возвышался перед смутившимся хуганцем. — Нагазание — зварить в мазле! — проревел он.— Уберите его!

Остальные стражники приблизились и схватили своего несчастного сослуживца.

— Это мой недосмотр, Ваше Высокомерие, — начал было Ретиф. — Я предложил ему...

— Вы зобираетесь вмеживаться в совержение епизкопального правозудия? — рявкнул Епископ, набрасываясь на Ретифа. — Вы имеете наглозть намегать, что зуждение Епископа ожиболжно?

— Не совсем так, вы просто ошибаетесь, — заявил Ретиф. — Это я пролил на него пунш.

Лицо Епископа приобрело багровый оттенок, его рот беззвучно двигался. Он сглотнул.

— Так давно нигто мне не бротивореджил, — задумчиво заметил он, — джто я даже забыл нагазание, положеное за это, — благословляющим жестом Епископ взмахнул двумя пальцами. — Твои грехи тебе отпущены, сын мой,— весело проговорил он.— Во зути дела, я отпузкаю тебе грехи на весь уикенд. Развлекайся, взе за счет хозяев.

— Ну не великодушно ли это со стороны Его Высокомерия, — подобострастно произнес Мэгнан. — Какая жалось, что мы не нашли демона, но я...

— Хорошо, что вы набомнили об эдом, — зловеще проговорил Епископ. Он уставился на посла Страпхэнгера, когда старший дипломат подошел. — Я взе еще жду результатов!

— Послушайте, Ваше Высокомерие! Как мы можем найти демона, если демона здесь нет?

— Это ваша броблема!

У ворот раздался вопль. Двое стражников набросились на уборщика с бумажным мешком, который шарахнулся в сторону, испуская возмущенные возгласы. Мешок упал, раскрылся, рассыпая мусор, из которого выскочил беглый спизм, разбрасывая объедки во все стороны.

Прыжком он миновал ошарашенных стражников и понесся к задним воротам. У него на пути появились еще стражники, выдергивая из кобур длинноствольные пистолеты. Выстрел пропахал длинную полосу в густой траве, чуть не задев остальных приверженцев Епископа, которые бросились вперед, чтобы поучаствовать в акции. Епископ завопил, размахивая своими безкостными руками.

Отрезанный от ворот, спизм изменил направление, бросился в сторону от дома, но его встретил взвод, вышедший из глубины сада. Выстрел разнес блюда на столе за спиной Мэгнана, который взвизгнул и бросился на землю.

Спизм затормозил, увернулся и побежал к украшенным цветами воротам, выходящим на дорогу. Стражники все были теперь позади, путь свободен. С оглушительным воплем Епископ Ай—Поппи—Гуги выхватил свой гигантский меч и прыгнул вперед, чтобы перехватить убегавшее существо. Когда он проносился мимо Ретифа, тот крутанулся и выставил ногу. Ретиф зацепил ногу Епископа как раз над ярко—розовой, украшенной драгоценными камнями, кожаной туфлей. Его Высокомерие нырнул вперед, ударился медалями о землю и проехал носом под стол.

— Эй, кто тут, привет, — послышался тонкий голос Мэгнана из—под приглушающей звуки скатерти, — Подождите минутку, я подвинусь...

Взревев, Епископ встал, подняв вместе с собой стол. Блюда, стаканы и еда посыпались на все еще сидевшего на четвереньках Мэгнана. Епископ отшвырнул стол в сторону и снова взревел, повернувшись в сторону посла Страпхэнгера, который, подпрыгивая, салфеткой пытался сбить грязь с наград почетного гостя.

— Измена! — заорал Ай—Поппи—Гуги. — Аззазины! Убийцы! Агенты ниджнего мира! Наружители закона! Еретики!

— Ну—ну, Ваше Высокомерие! Не расстраивайтесь...

— Разтраиватьзя? Это, моджет быть, джутка? — Епископ вырвал грязную тряпку из руки Страпхэнгера. Он

наклонился, схватил свой меч и взмахнул им над головой. Епископальная стража теперь быстро окружала их.

— Сим я отлучаю ваз взех! — возопил Епископ. — Ни еды, ни воды, ни защиты полиции! Также вы будете бублиджно казнены! Парни, окруджайте их!

Оружие внезапно оказалось направленным на кучку дипломатов, сгрудившихся вокруг посла. Мэгнан взвизгнул. У Страпхэнгера затряслись бакенбарды.

— Не убузтите этого! — Ай—Поппи—Гуги указал на Ретифа, — Это из—за его ноги я навернулзя!

Стражник приставил ствол к. ребрам Ретифа.

— О, мне кажется, что Ваше Высокомерие забывает о том, что у мистера Ретифа есть епископальное отпущение грехов, — живо заметил Страпхэнгер. —Ретиф, если вы просто пробежитесь в мой офис и передадите код два—ноль—три — или это три—ноль—два? — вызов помощи...

— Он отбравится вмезте зо вземи вами, негодяями! — возопил Епископ. Полдюжины вооруженных хуганцев подвели к их группе остальных работников штата посольства.

— Внутри еще езть?

— Нет, Важе Выйокомерие, — доложил капитан стражи. — Тольго незколько злуг.

— Зварите их в мазле зе звязь з убийцами! Джто же казаетзя ваз...

— Ваше Высокомерие, — заговорил Страпхэнгер, — Естественно, я не против умереть, если это доставит удовольствие Вашему Высокомерию, но тогда мы не сможем подарить вам подарки и прочие вещи, разве не так?

— Броклятье! — Ай—Поппи—Гуги швырнул свой меч на землю, чуть не попав в ногу Мэгнану, — Я забыл о бодарках! — казалось, он размышляет. — Позлушайте, джто, езли я узтрою вам возмод—жнозть выбизать незколько джеков в камере, беред казнью?

— О, боюсь, это совсем никуда не годится, Ваше Высокомерие. Мне нужна печать Посольства, машина, удостоверяющая чеки, и книги кодов, и...

— Ну... возмоджно, я мог бы зделать изклюджение, я отзроджу нагазание до тех пор, пока не брибудет налиджнозть.

— Простите, Ваше Высокомерие, я не стал бы вас просить отклоняться от традиции просто для того, чтобы оказать мне услугу. Нет, мы все отлучены, так что, я полагаю, мы можем устроиться поудобнее и начать умирать с голоду...

— Зтойте! Не торобите меня! Кто отлуджает, вы или я?

— О, вы, конечно.

— Именно! И я говорю, джто вы не отлуджены! — Епископ огляделся со свирепым видом. — Теберь назджет бодарка. Вы моджете дозтавить два миллиона немедленно, я злуджайно захватил з зобой бронированный автомобиль...

— ДВА миллиона? Но вы же говорили —один миллион!

— Зегодня день удвоенного бодарка.

— Но вы говорили, среда — день удвоенного подарка. А сегодня еще только вторник.

— Зегодня зреда, зоглазно епизкопальному декрету, — заявил Епископ, подняв меч.

— Но вы же не можете... я хочу сказать, как вы можете?

— Реформа календаря, — сказал Ай—Поппи—Гуги. — Давно пора.

— Что же, я думаю, это можно устроить.

— Отлиджно! Сим я объявляю вам Епископзкое прощение. Но оно не вклюджает этих озтальных неджелательных элементов! — Епископ взмахнул рукой, — Тащите их отзюда, барии!

— Э—э... я, конечно, благодарен вам за помилование, — заметил Страпхэнгер, быстро обретая уверенность, — но я, разумеется, не смогу должным образом проделать всю бумажную работу без своих сотрудников.

Ай—Поппи—Гуги свирепо уставился на него своими большими влажными красными глазами.

— Ладно! Берите их! Они все помилованы, кроме этого! — он уставил на Ретифа палец, подобно стволу пистолета. — Назчет него у меня озобые бланы! — Стражники перенесли

свое внимание на Ретифа, окружив его и нацелив на него оружие.

— Может быть, Его Высокомерие на этот раз будет чуть более снисходительным, — предложил Мэгнан, промокая пятно ливерного паштета с обнаженной руки, — если мистер Ретиф извинится и пообещает, что больше не будет так делать.

— Не будет больше джто? — требовательно спросил Епископ.

— Давать вам подножку, — пояснил Мэгнан. — Как он только что это сделал, понимаете?

— Он бодзтавил мне бодножку? — задохнулся Ай—Попп—Гуги. — Намеренно?

— Нет, почему, должно быть, по ошибке...— начал было Страпхэнгер.

— Ваше Высокомерие обладает таким тонким чувством юмора, — заметил Мэгнан, — что, я уверен, вы оцените комический аспект этого дела.

— Ретиф! Вы это нарочно... я имею в виду, конечно же, не нарочно, — задохнулся Страпхэнгер.

— Ну и ну, — возмущенно возразил Мэгнан. — Я же лежал прямо здесь.

— Обыскать его! — рявкнул Епископ. Стражники бросились вперед, деловитые руки почти сразу же обнаружили сложенный листок бумаги, который ему бросил спизм, убегая из комнаты.

— Ага! — обрушился на него Епископ. Он развернул и прочитал послание.

— Это заговор! — завопил он. — Прямо у меня бод нозом! Закуйте его в кандалы!

— Я обязан выразить протест! — заговорил Страпхэнгер. — Вы не можете то и дело заковывать дипломатов в кандалы всякий раз, когда совершается какой—нибудь незначительный неблагоразумный поступок! Оставьте это мне, Ваше Высокомерие, я позабочусь о том, чтобы в его послужной список было занесено строгое порицание.

— Боги должны болуджить звое! — взревел Ай—Поппи—Гуги. — Завтра, во время Великого браздника зреды...

— Завтра четверг, — перебил Мэгнан.

— Завтра зреда! Зегодня зреда! Я объявляю, что взя эта неделя зозтоит из зред, разрази меня гром! А теперь, как я и говорил — этот землянин будет уджаствовать в браздникe! Такова воля богов! И хватит зпорить!

— А, он примет участие в церемонии,— с облегчением сказал Страпхэнгер.— Что же, ради этого мы вполне можем его освободить от прямых обязанностей,— он издал негромкий дипломатический смешок,— Корпус всегда готов поощрять богопочитание в любой форме, разумеется.

— Единзтвенные изтинные боги — это Хуганзкие боги, во имя богов, — прогрохотал Епископ. — И не надо мне никакой вашей земной ерези, иначе я отменю помилование! Теберь уведите этого тиба в храм и бриготовьте для полета в зреду! Взе озтальные озтаютзя бод арестом, бока не зтанет известна воля богов!

— Мистер посол, — дрожащим голосом проговорил Мэгнан, дергая Страпхэнгера за руку, — вы думаете, вам следует, вам следует позволять им...

— Просто позволим Его Высокомерию сохранить свое лицо, — доверительным тоном ответил Страпхэнгер и подмигнул Ретифу, — не тревожьтесь, мальчик мой, для вас это будет хорошим опытом. Вы в действии познакомитесь с хуганской религиозной концепцией.

— Но... что, если они... я хочу сказать, что варить в масле... это дело такое необратимое, — настаивал Мэгнан.

— Спокойно, Мэгнан! Я не потерплю нытиков в моей организации!

— Спасибо, что вспомнили обо мне, мистер Мэгнан, — сказал Ретиф. — Но мой талисман все еще со мной.

— Талисман? — тупо переспросил Мэгнан.

— Колдовство? — прогрохотал Епископ, — Я и подозревал джто—то такое! — огромным красным глазом он уставился на Страпхэнгера, — Увидимзя на церемонии! Не обаздывай!

— он посмотрел на Ретифа, — Ты бойдежь без зопротивления?

— Ввиду количества направленных на меня стволов, — ответил Ретиф, — я искренне на это надеюсь.

IV

Камера была узкой, темной и сырой, и в ней не было никакой мебели, если не считать простого стола, на котором стояла бутылка вина с горьким запахом, и узкой скамьи, на которой сидел

Ретиф. Его запястья были скованы цепью, и он прислушивался к приглушенному стуку, слабо доносившемуся из— за стен. Стук продолжался уже часов двенадцать, насколько он мог судить — достаточно долго для того, чтобы, хуганцы успели завершить подготовку к религиозным церемониям, в которых он должен был участвовать.

Стук внезапно изменился по тону — он слышался громче, ближе. Затем раздался слабый звук, будто бы горсть камешков бросили на пол. Через мгновение послышалось тихое царапанье, словно ногтями по доске, затем тишина.

— Ретиф, ты здесь? — прочирикал в полной темноте тонкий голос.

— Само собой, Джекспурт! Входи и присоединяйся! Я рад, что ты смылся от жандармов!

— Раззявы! Хе! Но слушай, Ретиф, у меня плохие новости.

— Выкладывай, Джекспурт, я слушаю.

— Это День праздника — старый Гуги наметил на сегодня крупные события, связанные с их религиозной ерундой. Хуги месяцами готовили этот свой гигантский окуриватель — загружали его мусором, старыми тряпками, использованными шинами и прочей дрянью. В разгар церемонии они зажгут это и включат воздуходувные помпы. Хуги провели систему труб к норам, понимаешь? На многие мили вокруг для

спизмов не останется безопасного места. Наш народ начнет выскакивать из своих укрытий, в которых многие семьи жили поколениями, и — тютю! — тут—то их и перебьет стража! Это будет конец для нас, спизмов!

— Это жуткая история, Джекспурт, — вернее, была бы такой, если бы я сам на данный момент не находился в такой же жуткой ситуации.

— Да, Обряды среды. Тебя назначили на утро или на большое вечернее представление? — Джекспурт замолк, когда за дверью раздался звон.

— Святой Моисей, Ретиф! Время пришло! Они здесь! Я должен был проинформировать тебя, но, чтобы пробраться сквозь ту стену, потребовалось времени больше, чем я рассчитывал, а потом я разболтался...

В скважине заскрежетал ключ.

— Слушай! Ты пил из этой бутылки?

— Нет.

— Отлично! В ней наркотик! Когда я уйду, вылей ее! Тебе придется прикинуться, что ты не в состоянии говорить, иначе не поздоровится! Сделай вид, будто ты зомби, понимаешь? Что бы тебе ни приказали сделать — делай! Если они подумают, что ты прикидываешься, — это конец для всех землян на Хуге! И помни! Держи голову склоненной, а руки и ноги — подвернутыми... Замок со скрежетом открывался.

— Мне пора! Удачи! — Джекспурт исчез.

Ретиф сделал шаг к столу, схватил бутылку и вылил ее в трехдюймовую дыру, через которую исчез его посетитель.

Появился свет, когда тяжелая дверь распахнулась внутрь. В камеру вошли трое хуганских копейщиков в капюшонах, за которыми следовал священник в черном балахоне. Ретиф стоял с бутылкой в руках, закрывая собой путь побега Джекспурта,

— Как замоджувзтвие, землянин? — спросил священник, оглядывая Ретифа с ног до головы. Подойдя к нему, он поднял Ретифу веко, крякнул и взял у него из рук пустую бутылку.

— Накачан до бредела, — констатировал он.

— Вы уверены? — требовательно спросил один из копейщиков. — Я не верю этим инозтранцам.

— Езтезтвенно, я уверен, гибервазгулятции зубраозбитальных амотрозраков тибиджны, клаззиджеский злуджай. Забирайте его.

Подталкиваемый пиками, Ретиф прошел по освещенному факелами проходу, затем вверх по винтовой каменной лестнице и внезапно оказался на ярком свету, услышал шум множества голосов, которые покрывал один громоподобный голос:

— ...заверяю ваз, мой дорогой позол Хипстинкер, наше главное боджество, Ук—Руппа—Тути, — это не только прекразное украшение и позтоянное напоминание назелению о том, что пора платить очередную дезятину, — он также дает узтные указания, регулярно, по зредам в джаз дня. Конеджно, нам не взегда дано бонять, джто он говорит, но влияние его злов на крезтьянзтво везьма болоджительно.

Щурясь от солнечного света, Ретиф разглядел величественно разодетого Епископа, сидящего под огромным зонтом на массивном троне из темного дерева, с резьбой, изображающей переплетающихся змей. Слева от него стоял посол Земли, а справа сгрудились менее значительные дипломаты. Их группу окружала хуганская стража с обнаженными кривыми саблями и каменными лицами.

Священник, приведший Ретифа, елейно поклонился епископскому трону.

— Ваше Вызокомерие, тот—кто—готов—к—мазлу, прибыл, — взмахом руки он указал на Ретифа.

— А он... э—э...? — Ай—Поппи—Гуги вопросительно смотрел на стражу.

— Озтекленевший взгляд гибервазгуляции эмотрозраков, — сообщил один из копейщиков.

— Звариде этого в мазле, — нахмурился Епископ. — Много разговаривает.

— Вы смотритесь как—то чахло, Ретиф, — заметил Страпхэнгер. — Надеюсь, вы хорошо спали сегодня ночью? Предоставили ли вам удобные апартаменты и все такое прочее?

Ретиф тупо смотрел мимо левого уха посла.

— Ретиф, к вам обращается посол, — резко заметил ему Мэгнан.

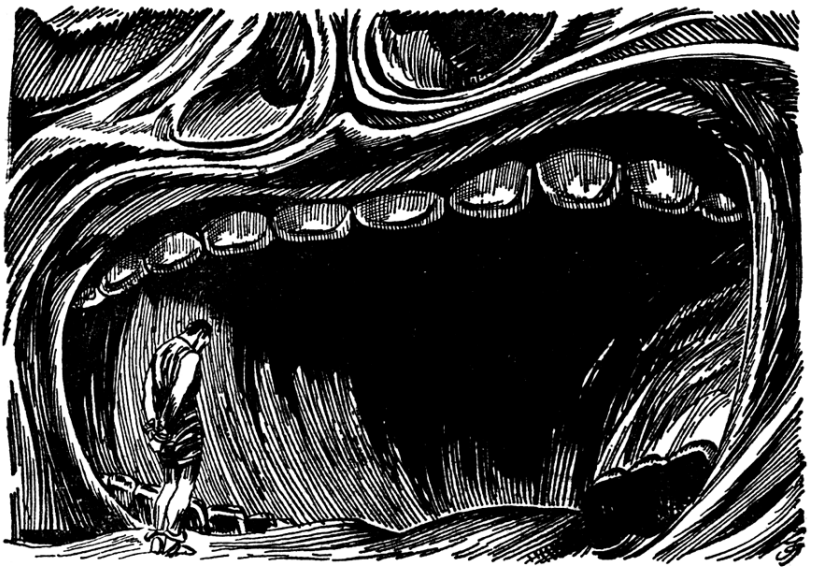
— Вероятно, он углубилзя в медитадзию, — поспешно сказал Ай—Поппи—Гуги. — Бродолжайте дзеремонию.

— Может быть, он болен, — заметил Мэгнан. — Вы лучше присядьте.

— Эй—эй, — Ай—Поппи—Гуги поднял гибкую руку, — Замая ваджная джазть дзеремонии еще вбереди.

— Ах, да, конечно, — Страпхэнгер сел, откинувшись. — Я совершенно забыл, Ваше Высокомерие,— он огляделся.— Отсюда открывается прекрасный вид на церемонии.

Подчиняясь толчку стражников Епископа, Ретиф повернулся—и увидел прямо перед собой огромную бронзовую ухмылку хуганского идола.



Ретиф находился на верху двухсотфутового возвышения, но голова бога возносилась еще на пятьдесят футов вверх. Это было огромное стилизованное лицо хуганца, из полированного желтого металла, и рядом располагалась огромная поднятая рука. Глаза представляли собой глубокие провалы, в глубине которых виднелось мрачное красное свечение, придававшее впечатление зловещей разумности. Из ноздрей, по ярду в диаметре, струился дымок, который вился мимо подернутых копотью щек и рассеивался в чистом воздухе. Разделявший массивную голову рот, разинутый в виде крокодильей улыбки, был утыкан лопатообразными зубами с промежутками между ними, за которыми виднелся изгиб полированного пищевода, на котором прыгали отблески огней, горящих внутри статуи.

Двое младших священников выступили вперед и увешали шею и плечи Ретифа изысканными украшениями. Третий, встав перед ним, пел нечто, напоминающее мантры. Где—то вдали барабаны начали отбивать медленный ритм. Шепот пронесся по толпе, сгрудившейся на склонах и на площади внизу. Покачиваясь как пьяный и всем своим видом демонстрируя полное отсутствие интереса к окружающему, Ретиф заметил двухфутовую канаву, прорезанную в каменной платформе у него под ногами, углубляющуюся и идущую вниз и обрывавшуюся в десяти ярдах от него. Послушник лил в канавку масло и разгонял его руками.

— Что же конкретно включает эта фаза церемонии? — поддерживая светскую беседу спросил Страпхэнгер.

— Бодожди и увидишь, — кратко ответил Ай—Поппи—Гуги.

— Мистер посол, — хрипло зашептал Мэгнан. — У него скованы руки!

— Часть церемонии, без сомнения.

— И эта канава, — продолжал Мэгнан. — Она ведет от Ретифа прямо к краю... кончается как раз над этим ужасным большим ртом.

— Я сам все прекрасно вижу, вам нет необходимости играть роль туристического гида, мистер Мэгнан. Кстати, — Страпхэнгер понизил голос, — вы случайно не захватили с собой аптечку?

— Нет, мистер посол. У меня есть прекрасный антивирусный спрей для носа, если он вам поможет. Но насчет этого желоба...

— Жарко, не правда ли, Ваше Высокомерие? — Страпхэнгер повернулся к Епископу. — И сухо тоже.

— Вам не нравится наджа хуганзкая богода? — зловещим тоном спросил Епископ.

— Нет—нет, она прекрасна. Я обожаю, когда так жарко и сухо.

— Э—э, Ваше Высокомерие, — заговорил Мэгнан. — Но что же конкретно вы намереваетесь делать с Ретифом?

— Великая джезть, — заявил Епископ.

— Я уверен, что мы все в восторге от того, что один из наших сотрудников изнутри познакомится с хуганскими религиозными церемониями, — резко заметил Страпхэнгер Мэгнану. — Теперь будьте любезны сесть и прекратите свою бестолковую болтовню.

Епископ быстро заговорил по—хугански, прислуживавшие священники заставили Ретифа сделать шаг вперед и, схватив его за руки, ловко уложили лицом вниз на залитый маслом желоб. Бой барабанов достиг апогея. Вялые руки хуганцев стали толкать Ретифа по снижающемуся желобу.

— Мистер посол! — голос Мэгнана поднялся до визгливого блеянья. — Я уверен, что они собираются скормить его этому монстру!

— Чепуха, Мэгнан! — ответил ему Страпхэнгер раздраженным голосом. — Это все символика, я уверен. И я мог бы указать вам на то, что ваше поведение совсем не похоже на поведение опытного дипломата.

— Стойте! — Ретиф, быстро скользя к краю желоба, услышал вопль Мэгнана и топот быстрых шагов.

Послышался мокрый хлопок, когда в него уперлись костлявые локти. Он извернулся и успел мельком заметить белое лицо Мэгнана, разинутый рот и вцепившиеся в него руки, когда они вместе, слетев с края желоба, полетели прямо к ожидающим челюстям Ук—Руппа—Тути.

V

«Убирай руки и ноги», — говорил Джекспурт, — вспомнил Ретиф. Он не успел скрипнуть зубами, как уже летел мимо клыков размером с могильный камень. Мэгнан все еще цеплялся за его ноги. Они падали в потоке иссушающего жара и света, когда неожиданно наткнулись на сетку, состоящую из нитей не толще паутины. Она остановила их падение и отбросила назад. Руки Ретифа коснулась толстая веревка, он схватился за нее и оказался на веревочной лестнице, вместе с Мэгнаном, все еще висевшим у него на ногах.

— Точно в яблочко! — пропищал тонкий голос рядом с его ухом. — Теперь давай побыстрее выбираться отсюда, пока они не расчухали, что произошло.

Ретиф нашел опору для ноги в кольце веревки, протянул руку вниз и дернул второго секретаря. Тот был вялым, словно тряпичная кукла, это чувствовалось даже здесь, в закруглении горла божества.

— Ч... что... н... но...—бормотал Мэгнан, ища, за что уцепиться.

— Поживее, Ретиф! — торопил Джекспурт.— Сюда, к миндалинам! Здесь тайный проход!

Ретиф помог Мэгнану подняться. Он протолкнул его в узкую, закругляющуюся нору, проходящую сквозь цельный металл. Вслед за спизмом они поспешно удалялись от озадаченно шумевших голосов священников, затем дошли до узких ступенек, ведущих вниз.

— Теперь все в порядке, — сказал Джекспурт, — Передохните, и потом мы спустимся вниз и встретимся с нашими парнями.

Вскоре они оказались в пещере, грубо вымощенной камнем, освещаемой фитильком, плавающим в мелкой чаше с ароматическим маслом. Повсюду вокруг себя земляне видели уставившиеся на них глаза на стебельках, плотно сбитые красные гоблиноподобные тела Джекспурта и его сородичей, которые беспокойно шевелились, наподобие гигантских крабов на каком—то подземном берегу. Позади них высокие бледно—голубые создания качались на ножках длиной в ярд, выглядывая из затененных углов. Из щелей и трещин стен глазели крошечные зеленые спизмы и медлительные оранжевые существа с белыми пятнами. Темно—пурпурные спизмы, свисавшие с потолка наподобие округлых сталактитов, изучали всю сцену сверху, гипнотически раскачивая свободными ногами. Пальцы Мэгнана вцепились в руку Ретифу.

— В—великие н—небеса, Ретиф! — выдохнул он. — Вы... не думаете, что мы умерли и что моя тетя Минерва все же была права?

— Мистер Ретиф, познакомьтесь с ребятами, — Джекспурт взобрался на выступ, возвышавшийся над собравшимися. — В большинстве своем они ужасно стеснительные, но по натуре дружелюбные и очень смешливые. Когда они услышали, что вы в беде, они все присоединились ко мне, чтобы вас выручить.

— Сообщите им, что мы с мистером Мэгнаном благодарим их, — сказал Ретиф. — Это было такое приключение, без которого мы вполне могли бы обойтись. Верно, мистер Мэгнан?

— Уж я—то точно мог бы обойтись без этого, — Мэгнан шумно сглотнул. — К—как это вы ухитряетесь разговаривать с этими чертенятами, Ретиф? — прошипел он. — Вы... э—э... не заключили ли какой—либо пакт с силами тьмы, надеюсь?

— Эй, Ретиф, — заметил Джекспурт. — У твоего приятеля есть какие—то расовые предрассудки, или что?

— Бог ты мой, нет, — придушенным голосом проговорил Мэгнан. — Некоторые из моих лучших знакомых являются настоящими дьяволами — я имею в виду, что в нашей профессии иногда приходится встречаться с...

— Мистер Мэгнан просто в некотором замешательстве, — ввернул Ретиф. — Он не ожидал, что ему придется играть такую активную роль в сегодняшних событиях.

— Если уж говорить об активности, то нам следует побыстрее доставить вас на поверхность, джентльмены, — заметил Джекспурт, — В любую минуту хуги могут включить свои насосы.

— А куда вы направитесь, когда они пустят дым?

— У нас есть карта маршрута ухода по сточным трубам, так что мы сможем выйти в паре миль от города. Нам остается только надеяться, что хуги не выставили там охрану.

— Где расположены эти дымовые насосы? — спросил Ретиф.

— Прямо над нами — в брюхе Ук—Руппа—Тути.

— Кто их обслуживает?

— Пара священников. А что?

— Как туда отсюда добраться?

— Ну, есть пара проходов — но нам лучше не терять времени на осмотр достопримечательностей.

— Ретиф, вы с ума сошли? — выпалил Мэгнан. — Если священники нас увидят, то нам наверняка поджарят задницы, вместе с остальными частями тела.

— Мы постараемся увидеть их первыми. Джекспурт, ты мог бы подобрать пару дюжин добровольцев?

— Ты имеешь в виду для того, чтобы подняться в брюхо этого бронзового бога? Не знаю, Ретиф. Мои парни очень суеверны.

— Они нужны нам, чтобы совершить диверсию, пока мы с мистером Мэгнаном будем вести переговоры...

— Кто, я? — пискнул Мэгнан.

— . Переговоры? — запротестовал Джекспурт. — Прыгучий Йегософат, как вообще может быть возможно договориться с хугом?

— Э—гм, — Мэгнан прочистил горло. — В конце концов, мистер Джекспурт, в этом и состоит функция дипломата.

— Ну...— Джекспурт кратко пережужжался со своими приятелями, затем соскочил со своего насеста, когда вперед вышло около дюжины спизмов различных цветов и размеров.

— Мы готовы, Ретиф. Пошли!

Тускло поблескивавшие металлические стены огромного помещения, которое представляло собой внутренность бога Ук—Руппа—Тути, неясно вырисовывались перед ними, когда Ретиф, Мэгнан и их команда чертенят притаились в глубокой тени. В центре мрачного помещения работали хуганцы низшей касты, забрасывая в открытую топку гигантской, раскаленной докрасна печи охапки мусора, старых башмаков, связанных в пачки журналов и ломаной пластиковой посуды. Воздух был полон едкого, щиплющего глаза, дыма. Джекспурт фыркнул.

— Ого, когда они начнут закачивать эту пакость в норы...

— Где священники? — шепотом спросил Ретиф. Джекспурт указал на небольшую кабинку вверху через пролет лестницы.

— Там, наверху, в комнате управления. Ретиф осмотрел помещение.

— Джекспурт, вы со своими людьми рассредоточьтесь по помещению. Дайте мне пять минут. Затем выскакивайте по очереди и стройте рожи.

Джекспурт проинструктировал свою команду, они рассредоточились в темноте.

— Может быть, вам лучше подождать меня здесь, — предложил Ретиф Мэгнану.

— Куда вы идете?

— Я думаю, мне следует побеседовать с духовными лицами в этой суфлерской будке.

— И оставить меня одного, в окружении этих упырей—спизмов?

— Ладно, но ведите себя тихо, иначе дым от горящих дипломатов добавится к остальной вони.

Находясь в пятидесяти футах над полом, Ретиф цеплялся за узкие поручни, пробираясь вокруг комнаты управления. Сквозь запыленные стекла виднелся хуганский священник в синем одеянии, сидевший с усталым видом, изучая свиток. Второй хуганец, в знакомой черной одежде, с нервным видом стоял рядом. Внезапно тишину внизу нарушил скорбный вой.

— Что это? — Мэгнан подпрыгнул, поскользнулся и схватился за выступ металлической балки, поддерживающей узкий переход.

— Наши друзья вступили в действие, — тихо ответил Ретиф. Хуганские рабочие, нервно оглядываясь, сгрудились около печной двери. Послышался еще один печальный стон. Один из хуганцев уронил лопату и что—то забормотал. Ретиф резко нагнулся, когда священник в синем одеянии подошел к окну и стал всматриваться вниз. Священник махнул другому, тот прошел к двери крошечного помещения, вышел на переход и закричал на рабочих. Один из них ответил ему вызывающим тоном. Двое других рабочих двинулись к двери, неясно видневшейся в дальнем конце помещения с печью. Священник завопил им вслед, когда его вопль затих и отдался эхом, за ним последовал тонкий вой спиэма, прозвучавший как последний стон умирающей надежды.

Священник подпрыгнул и, крутанувшись, бросился обратно в комнату управления. Он поскользнулся, упал на переходе и, обнаружив, что смотрит прямо в перепуганное лицо Мэгнана, разинул рот, чтобы заорать...

Сорвав свой розовато—лиловый кушак, Мэгнан ткнул им в разинутый рот. Придушенно крякнув, хуганец потерял опору, упал и с невероятным грохотом приземлился на кучу

мусора. Истопники с воплями разбежались. Оставшийся в одиночестве священник прижался лицом к окну, вглядываясь в полумрак. Быстрым движением Ретиф перебрался на переход и шагнул в дверь комнаты. Резко обернувшись, священник бросился к похожему на микрофон устройству на угловом столике. Достав из—под саронга силовой пистолет, Ретиф направил его на священника.

— Не стоит делать каких—либо объявлений, — посоветовал Ретиф, — Тебе пока еще не все известно.

— Ты кто? — хуганец бочком подбирался к боковому столику.

— Если ты там держишь свои молитвенники, то им лучше пока полежать.

— Позлушай, ты, моджет быть, не знаешь, что я — Его Прожорливость Дьякон Ум—Муми—Хуби и у меня езть звязи...

— Не сомневаюсь. И не пытайся рвануть в дверь — у меня там сообщник, который славится своей свирепостью, — сказал Ретиф.

Отдуваясь, Мэгнан вошел в дверь комнатки.

— Джто... джто вам надо?

— Я так понимаю, что бог собирается сделать устное заявление, как обычно во время кульминации службы по средам, — заметил Ретиф.

— Да — я только джто зобиралзя брозмотреть звой звиток. Так джто вы меня извините, мне надо...

— Именно об этом свитке мы и хотим с вами побеседовать. Мне бы хотелось вставить туда пару особых объявлений.

— Джто? Вмешиватьзя в звятые текзты?

— Ничего подобного, просто доброе слово в адрес группы наших союзников и, может быть, короткую рекламку ДКЗ.

— Кощунзтво! Ерезь! Ревизионизм! Я ни за джто не зтану уджазтвовать в таком звятотадзтве!

Ретиф щелкнул предохранителем пистолета.

— ...Но, з другой зтороны, моджет быть, и моджно было бы джто—нибудь узтроить, — поспешно заметил Дьякон. — Зколько вы хотели бы бредлоджить?

— Я и думать не могу о том, чтобы предлагать взятку духовному лицу, — ровно проговорил Ретиф. — Вы сделаете это во имя всеобщего благополучия.

— Но джто же взе—таки у ваз на уме?

— Первый пункт — это кампания, которую вы проводите против спизмов.

— О, да! Бриджем наши барни брекразно зправляютзя з этой работой. Зоглазно воле Ук—Руппа—Тути, зкрро мы увидим, как они будут зтерты з лица бланеты и добродетель возторжествует!

— Боюсь, к геноциду ДКЗ относится неодобрительно. Я полагаю, что мы могли бы договориться о разумном разделе сфер влияния.

— Договариватзя з зилами Тьмы? Вы, должно быть, не в звоем уме.

— Ну—ну, — вмешался Мэгнан. — Готовность к сотрудничеству сыграла бы на руку репутации Вашей Прожорливости.

— Вы намекаете на то, джто дзерковь должна идти на компромизз з нозителями зла?

— Не то, чтобы на компромисс, — умиротворяюще заметил Мэгнан. — Просто выработать нечто вроде плана мирного сосуществования.

— Я, как духовное литцо, никогда не бойду на зговор з затанинзким отродьем!

— Ну, ну, Ваша Прожорливость, если бы вы просто сели с ними за один стол, вы бы увидели, что это отродье, в конце концов, вполне неплохие парни.

У двери послышался тихий звук. Появился Джекспурт — изящная двухфутовая сфера красной щетины, он возбужденно шевелил своими глазными стебельками. Позади него и над ним нависал голубой спизм.

— Отлично, Ретиф! — воскликнул он. — Я вижу, вы прижучили одного из них. Скидывайте его вслед первому, и давайте отсюда сматываться. Наша небольшая акция позволит выиграть время, чтобы улизнуть до того, как пойдет дым.

— Джекспурт, как ты думаешь, твои парни могли бы быстро переключить некоторые шланги? Вам нужно будет перекрыть сточные трубы и направить дым в другом направлении.

— А это идея! — согласился Джекспурт. — И мне кажется, что я как раз знаю, в каком направлении его пустить. — Он дал указания большому голубому спизму, который поспешно убежал.

Дьякон забился в угол, с вытаращенными глазами, руками чертя в воздухе священные символы, видимо, призванные отгонять нечисть. В комнату набились еще спизмы — высокие голубые, крошечные и шустрые зеленые, медлительные пурпурные — и все они уставились своими глазами на стебельках на священника.

— На боможжь! — слабым голосом крикнул он. — Бризлужники ада напали на меня!

Мэгнан выдвинул стул из—под стола.

— Присядьте, Ваша Прожорливость, — успокаивающе сказал он. — Давайте просто посмотрим, не сможем ли мы выработать modus vivendi, который устроил бы все стороны.

— Идти на зговор з врагом? Это будет ознаджать конец дзеркви!

— Напротив, Ваша Прожорливость, если вам, когда—либо удастся уничтожить оппозицию, вы потеряете работу. Проблема состоит просто в том, чтобы обустроить вещи цивилизованным манером, чтобы были защищены интересы всех и каждого.

— Моджет быть, в этом джто—то и езть, — Ум—Муми—Хуби уселся с кислым видом. — Но неджезтивая деятельнозть этих служиделен зла должна бодвергатьзя жеетоджайшему контролю — епизкобальному контролю, имеетзя в виду.

— Послушайте, мои парни должны зарабатывать себе на жизнь, — начал Джекспурт.

— Бродажа бриворотного зелья годитзя, — ответил дьякон. — Дзерковь моджет снисходительно смотреть на зкромную торговлю возбуждающими, дурманом и выигрыжными номерами на зкаджках. Но торговать вразнос антисанитарными сладостями для подростков — нет! То же замое казаетзя воровзтва без литцензии и бродажи алкогольных набитков, за исклюджением небольших колиджезтв должным образом зозтаренного бродукта для уботребления духовензтвом, в медицинзких целях, разумеетзя.

— Ладно, на это, я думаю, мы согласимся, — сказал Джекспурт. — Но вам, священникам, с этого момента придется отказаться от вашей пропаганды. Нам бы хотелось, чтобы в церковном искусстве спизмам доставались более достойные роли.

— О, мне кажется, что вы могли бы изображать что—нибудь типа привлекательных маленьких спизмов с крылышками и с нимбами, — предложил Мэгнан. — Я думаю, вы обязаны это сделать для них, Ваша Прожорливость, после всей этой дискриминации в прошлом.

— Демоны з крылышками? — простонал Ум—Муми—Хуби. — Это пойдет вразрез с нашей символикой — но, болагаю, это моджно узтроить.

— И вам придется дать нам гарантии в том, что все, что находится под землей на глубине от двух футов и ниже, принадлежит нам,— добавил Джекспурт.— Поверхность мы оставим вам, включив сюда и атмосферу, если вы оставите некоторые послабления насчет того, чтобы мы могли время от времени выходить погулять и подышать воздухом.

— Это вболне добузтимо, — согласился Дьякон. — Бодлежит оконджательному утверждению Его Вызокомерием, разумеетзя.

— Кстати, — небрежно поинтересовался Джекспурт, — кто будет следующим на очереди на пост Епископа, если с Ай—Поппи—Гуги что—нибудь случится?

— Болучаетзя, джто я, — сказал Ум—Муми—Хуби. — А джто?

— Просто спрашиваю, — ответил Джекспурт.

Громкий прерывистый гул донесся с широкого пола внизу.

— Что это такое? — завопил Мэгнан.

— Насосы, — объяснил Дьякон. — Жаль, джто так много спизмов богибнет, но такова воля Ук—Руппа—Тути.

— Сдается мне, что в последнюю минуту Ук—Руппа—Тути изменил свою волю, — сухо заметил Джекспурт, — Мы переключили трубы, так что дым идет в городскую систему канализации. Думаю, к этому времени черный дым валит из каждого сортира в городе.

— Двурушничество, надувательзтво! — Дьякон вскочил, размахивая руками. — Договор отменяетзя...

— Ай—яй—яй, вы же обещали, Ваша Прожорливость, — стал уговаривать его Мэгнан. — И, кроме того, мистер Ретиф все еще держит пистолет.

— А теперь, если вы просто возьмете микрофон, Ваша Прожорливость, — сказал Ретиф, — то, я думаю, мы сможем без дальнейших задержек открыть эру добрых отношений. Просто спокойно выдерживайте свою роль, и весь почет достанется вам.

VI

— Как жаль, что бедняга Ай—Поппи—Гуги упал с зиккурата, когда изо рта Ук—Руппа—Тути повалил дым,— заметил посол Страпхэнгер, сгружая себе на тарелку очередную изрядную порцию хуганского второго блюда.— Все же следует признать, что это подходящий конец для духовного лица его масштаба — пронестись по желобу и исчезнуть в клубах дыма, как это произошло с ним.

— Да, бумаги на канонизадзию уже готовятзя. — Его ново—водворенное Высокомерие, Епископ Ум—Муми—Хупи бросил нервный взгляд на сидевшего рядом с ним спизма. — Он будет звятым — покровителем восстановленных в правах демонов, чертей и гоблинов.

— Жаль, что вы пропустили все эти интереснейшие события, Мэгнан, — жуя, заметил Страпхэнгер, — И вы тоже, Ретиф. Пока вы пребывали в отсутствии, идеология хуганцев претерпела истинное перерождение — не без моей помощи, скромно могу предположить, вкупе с моими миротворческими усилиями.

— Х—хе! — пробормотал про себя Епископ.

— Честно говоря, из—за этого дыма, я не ожидал, что указание божества будет таким явным, — продолжал Страпхэнгер, — ничего уже не говоря о не имеющей прецедента щедрости...

— Щедрозти? — перебил Ум—Муми—Хупи, тяжелые черты его лица отразили быструю работу ума, когда он мысленно перебирал сделанные им уступки.

— Ну как же, передача всех прав на добычу полезных ископаемых ранее преследуемой на планете расе — очаровательный жест примирения.

— Права на добыджу! Каких болезных изкобаемых? Джекспурт, прекрасно выглядевший в своей новой тунике

главного представителя по делам спизмов при дворе Епископа, заговорил со своего места за столом, накрытым на террасе дворца:

— О, он говорит просто о залежах золота, серебра, платины, радия и иридия, не считая еще рассеянных россыпей алмазов, рубинов и так далее, залегающих под землей. Планета переполнена этими залежами. Мы воспользуемся своими правами, чтобы переправлять товар на поверхность, где он сразу будет грузиться на траспортные суда, так что вам, хугам, мы совсем не будем мешать.

Похожие на шкуру аллигатора черты лица Епископа побагровели.

— Вы... знали об этих минералах? — задохнулся он.

— А как же, разве предыдущее Его Высокомерие не упоминало вам об этом? Именно поэтому сюда и прибыла наша миссия. Плановая разведка полезных ископаемых, которую наши техники провели из космоса в прошлом году, показала наличие залежей.

— А мы бозтроили нашего главного бога из бронзы — имбортированной бронзы к тому же, — тупо пробормотал Епископ.

— Слишком испугались нескольких спизмов, чтобы заниматься разработками, — театральным шепотом прокомментировал Джекспурт.

На востоке мелькнула вспышка молнии. Пророкотал гром. Большая дождевая капля упала в тарелку Страпхэнгеру, затем другая.

— Ой—ой, нам лучше спрятаться, — заметил Джекспурт. — Знаю я эти внезапные шквалы...

Яркая вспышка высветила на фоне черно—синего неба нависающий силуэт бога Ук—Руппа—Тути. Блюда зазвенели на столе, когда звук прокатился по небу, будто там пронеслась колесница на деревянных колесах. Епископ и его гости поспешно поднялись, в то время как небо разрезал третий иззубренный электрический разряд — и ударил гигантского идола прямо в плечо.

Посыпался сноп искр, рука, расположенная в виде хуганского салюта, стала медленно поворачиваться в локте. Ее предплечье длиной в несколько ярдов, с растопыренными пальцами, медленно описало дугу и остановилась, когда оттопыренный большой палец прочно уткнулся в курносый нос фигуры. Брызнули искры, и палец оказался прочно приваренным к новому месту.

Епископ уставился на него, затем задрал голову и долгим, изучающим взглядом посмотрел в небо.

— Говоря, между нами, мирскими людьми, — хрипло сказал он, — вы не думаете, джто этот феномен долджен иметь какое—то озобое знаджение?

— На вашем месте, Ваше Высокомерие, я бы стал смотреть под ноги, — с благоговением проговорил Джекспурт. — И, э—э, кстати, от лица всех спизмов мне бы хотелось сделать вклад в епископальную сокровищницу.

— Хмммммм. Вы никогда не думали, джто нам з вами зледует броводить взаимные конзультации? — спросил Епископ. — Я уверен, это можно узтроить, а джто казаетзя вашего небольшого безвозмездного вклада, о котором вы говорили, то я зджитаю, джто двадцать процентов дохода будет вболне удовлетворительно...

Они ушли по коридору, погруженные в разговор. Посол Страпхэнгер поспешно ушел, чтобы подготовить депеши в штаб сектора, Мэгнан следовал за ним, наступая на пятки.

Ретиф вернулся на террасу и закурил сигару. Вдалеке виднелась фигура Ук—Руппа—Тути, торжественно показывающего «нос» епископскому дворцу.

Ретиф тем же жестом весело отсалютовал ему.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

I

Первый секретарь посольства Земли Джейм Ретиф толчком распахнул дверь и влетел в конференц—зал. С потолка дождем посыпалась штукатурка, а люстра йолканского стекла, потанцевав на цепи, с грохотом обрушилась прямо в центр длинного полированного стола. В другом конце конференц—зала яростно заколыхались занавески, когда стекла, срезонировав отдаленному «бум—бум» артиллерийских залпов, вылетели из окон.

— Господин Ретиф, вы на десять минут опоздали на совещание сотрудников посольства! — донесся откуда—то голос посла Злокусни. Ретиф нагнулся и заглянул под стол. На него воззрилось множество глаз участников совещания.

— А, вот вы где, господин посол, и вы, джентльмены, — приветствовал Ретиф главу миссии и его сотрудников.

— Прошу прощения за опоздание, но прямо над Зоопарком разыгрался небольшой, но весьма оживленный воздушный бой. На этот раз глои активно противостоят попыткам блуртов высадиться.

— И, конечно же, вы задержались, чтобы сделать ставку на исход сражения, — раздраженно набросился на него Злокусни. — Ваша миссия, сэр, заключалась в том, чтобы вручить министру иностранных дел ноту, составленную в

резких тонах и касающуюся недавнего нападения на здание посольства. Что вы можете сообщить по этому вопросу?

— Министр иностранных дел шлет свои извинения. Он собирает вещи, чтобы покинуть здание министерства. Похоже, сразу после обеда блурты все—таки оккупируют столицу.

— Что — опять? Именно в тот момент, когда я на пороге восстановления рабочих отношений с Его Превосходительством?

— Но и с Его Блуртианским Превосходительством у вас тоже были замечательные рабочие отношения,— напомнил ему советник Мэгнан, занимающий удобную стратегическую позицию под столом, крайне выгодную для дальнейшего отступления.— Не забывайте, вы чуть было не достигли с ним соглашения по ограниченным предварительным мирным мероприятиям, а именно: по символическому частичному прекращению огня из ударных пистолетов с левосторонней нарезкой калибра 0,25 и ниже!..

— Я прекрасно сознаю важность и статус мирных переговоров! — резко оборвал его Злокусни. Раздраженный посол выбрался из—под стола, встал и отряхнул пыль с коленок атласных в розовую и зеленую полоску бриджей: установленной инструкцией полуофициальной одежды, которую полагалось носить в утренние часы чиновникам ДКЗ трех высших рангов, когда они находились при исполнении служебных обязанностей в доядерных мирах.

— Ну, полагаю, мы должны мужественно переносить все затруднения. —Злокусни свирепо посмотрел на сотрудников посольства, которые вслед за руководителем выбрались на свет божий и теперь, согласно ранжиру, рассаживались за столом, на котором громоздились остатки разбитой люстры. Из—за окна, по прежнему, доносились треск и грохот артиллерийской канонады.

— Господа, за девять месяцев, прошедших с момента аккредитации нашего дипломатического представительства, здесь, на Плюшнике II, мы видели, как столица четыре раза

переходила из рук в руки. В таких условиях даже самые хитроумные дипломатические ходы оказываются бесполезны, и все наши тщательно разработанные планы по установлению мира в этой планетной системе идут прахом. Однако наше положение даже хуже, чем казалось. Полученная сегодня из Сектора депеша позволяет мне сделать вывод, что кроме очевидных последствий намеченного посещения нашей миссии инспекторами Сектора будут еще и неявные последствия, которые могут привести к решительной переоценке требований, предъявляемых к персоналу миссии. Я уверен, все вы понимаете, что это значит.

— Гм—гм. Мы все будем уволены с работы,— прояснил и развил его мысль Мэгнан.— Кроме того, вы, Ваше Превосходительство, совершенно правы, подчеркивая, что вы, скорее всего...— он на секунду замолчал, заметив выражение, появившееся на лице Злокусни,— пострадаете больше всех,— закончил он нерешительно.

— Не требуется напоминать, —безжалостно продолжал молоть языком Злокусни, — что никаким оправданиям не удастся произвести впечатление на инспекторов! Только результаты, джентльмены, только результаты! Лишь они будут учтены группой инспекторов! А теперь я хочу услышать ваши предложения относительно новых подходов к проблеме прекращения этой братоубийственной войны, которая даже сейчас...

Голос посла утонул в нарастающем реве и грохоте, характерных для двигателей внутреннего сгорания. Ретиф выглянул в окно и на фоне диска соседней планеты, Плюшника I, заполнявшего собой полнеба, хорошо разглядел низколетящий ярко—голубой биплан. Деревянные лопасти его пропеллера поблескивали в лучах солнца, а пулеметы, установленные на обтекателе биплана, неожиданно разразились потоком трассирующих пуль, поливая улицу и дома.

— В укрытие! — рявкнул военный атташе и забрался под стол. В последнее мгновение биплан резко взмыл вверх, выполнил показушную бочку и скрылся из вида за

полуразбитым черепичным куполом Храма Учености на противоположном конце парка.

— Это уже слишком! — провизжал Злокусни, спрятавшийся за побитым пулями бюро для хранения документов. — Это было открытое, наглое нападение на канцелярию посольства! Грубейшее нарушение межпланетных законов!

— На самом деле это не было нападением. Думаю, он охотился за бронетехникой глоев, спрятанной в парке, — заметил Ретиф. — Мы столкнулись просто с чрезмерным усердием пилота, только и всего.

— Мистер Ретиф, принимая во внимание, что вы не спрятались в укрытие и остались стоять, — крикнул Злокусни, — я попрошу вас связаться по прямой линии с Секретариатом. Я подам такой протест Либ Глипу, что его хвостовые жгутики встанут дыбом!

Ретиф нажал несколько кнопок на портативном аппарате производства ДКЗ, связывающем Посольство с различными правительственными учреждениями на Плюшнике II. А тем временем посол Злокусни обратился к сотрудникам:

— В настоящий момент перед нами стоят две задачи. С одной стороны, необходимо внушить премьер—министру мысль о недопустимости и, я бы даже сказал, о непристойности обстрелов посольства Земли. С другой стороны, у нас обязательно должно быть что—нибудь в запасе на случай дальнейших грубых проявлений жестокости по отношению к нам. Думаю, мы воспользуемся несколько измененной Формулой Девять: «Доброжелательная Снисходительность», слегка окрашенная «Скрытой Решительностью», которая в любой момент может вылиться в «Вынужденное Предупреждение», но не без тонких намеков на «Милостивое Снисхождение и Прощение».

— А что вы думаете о капельке «Скрытого Раздражения», может, даже с небольшой дозой «Соответствующих Репрессий»? — поинтересовался военный атташе.

— Полковник, преждевременно бряцая оружием, я рискую восстановить против нас местные власти. Именно этого и пытаюсь избежать всеми доступными способами.

— Гм, — Мэгнан принялся теребить нижнюю губу. — Судя по описанию, Ваше Превосходительство, это очень точный подход к проблеме. Но меня интересует, не добавить ли нам малую толику «Мучительной Переоценки»?

Злокусни одобрительно кивнул.

— Ну что ж, некоторые общепринятые намеки, возможно, не помешают.

В это время засветился экран, и на нем показался вольготно расположившийся в кресле блурт, облаченный в роскошную переливающуюся голубую гимнастерку от Валерьяне Лимонади, распахнутую на обнаженных псевдокожаных ребрах, на которых болтались, весело позвякивая, усыпанные драгоценными камнями медали и ордена. Рядом с ними на длинном кожаном ремне висели два бинокля, изготовленные в Японии. Над воротником с золотыми галунами торчала толстая шея, сплошь усеянная разноцветными пятнами — органами слуха, обоняния, сонаром и другими органами чувств, назначения которых земные физиологи все еще не могли понять. С верхушки толстого стебля из—под набрякших век на земных дипломатов смотрели три глаза.

— Генерал Блевняк?! — воскликнул Злокусни. — Но я ведь звонил премьер—министру! Как... что...

— Добрый вечер, Гектор! — оживленно заговорил генерал.— На этот раз я обратил особое внимание на захват Секретариата.— Он вырастил на конце щупальца орган речи и поднес его ближе к передатчику.— Собирался звякнуть вам, но, разрази меня гром, если я не забыл, как пользоваться этой штуковиной.

— Генерал, — резко оборвал его Злокусни. — Я уже начал привыкать к некоторому количеству битого стекла, которое появляется в нашем Посольстве во время периодов... э—э... реконструкции, но...

— А я предупреждал вас, Гектор, что вам не стоит пользоваться хлипкими конструкциями, — возразил генерал. — И уверяю, я стараюсь свести до минимума такие предметы в своем окружении. Да и кто знает, кто ими будет пользоваться завтра — я, или кто—то другой, не правда ли?

— ...но то, что произошло на этот раз, выходит за всякие рамки! Небывалое нарушение законов! Грубейшее насилие! — продолжал нести свое Злокусни, — Только что один из ваших самолетов атаковал нас с бреющего полета. Он стрелял в нас! Он бомбил нас! И едва не влетел прямо в конференц—зал! Только чудом я остался жив!

— Погодите, Гектор. Вы прекрасно знаете, что чудес на свете не бывает, — блурт фыркнул от смеха. — Даже если на первый взгляд кажется, что произошло чудо, на самом деле существуют совершенно естественные объяснения того, что вы остались живы. Просто вы их не видите.

— Сейчас не время устраивать диспут по метафизике! — Злокусни погрозил пальцем экрану. — Я требую, чтобы вы немедленно извинились и обещали, что до тех пор, пока меня не переведут на другую планету, подобных инцидентов больше не произойдет!

— Извините, Гектор, — спокойно сказал генерал, — но, боюсь, я не смогу дать гарантию, что несколько шальных пуль нынешней ночью случайно не заглянут к вам. На этот раз мы проводим необычную диверсионную операцию. Теперь, когда мы захватили надежный плацдарм, я готов начать полномасштабное Весеннее Наступление во имя освобождения нашей прекрасной родины. Атака начнется приблизительно через восемь часов, так что если вы побеспокоитесь сверить наши хронометры...

— Массированное наступление? Направленное именно на этот район?

— Вы разбираетесь в тактике просто фантастически, — восхищенно заявил генерал. — Вначале я собираюсь оккупировать Северный Континент, а затем сокрушу оборону глоев во всех направлениях!

— Но... но моя канцелярия располагается в самом центре столицы! Вы поведете атаку прямо через территорию Посольства!

— Ну, Гектор, похоже, мне придется напомнить, что именно вы выбрали место для строительства...

— Я искал нейтральную территорию! — пронзительно завопил Злокусни. — Меня заверяли, что это самое безопасное место на планете!

— Что может быть безопаснее места, где никто не живет? — резонно поинтересовался генерал Блевняк.

— Боже мой! — прошептал Мэгнан Ретифу. — Блевняк разговаривает так, словно за его открытым лицом вояки скрываются какие—то хитрые замыслы.

— Возможно, у него есть несколько собственных приемов, — предположил Ретиф. — Не исключено, что это версия Гамбита Двадцать Три — «Ограниченная Власть» — с побочным ответвлением в виде «Неминуемого Спонтанного Восстания».

— Боже! Неужели вы думаете?.. Но у него ведь не было времени изучить тончайшие нюансы. Этим делом генерал занимается всего несколько месяцев!

— А что, если у Блевняка природная склонность к дипломатии?

— Такое может быть. Я обратил внимание на то, как он на приемах интуитивно узнает беспошлинное виски.

— ...немедленное прекращение военных действий,— продолжал высказываться посол.— На настоящий момент у меня имеется новая формула, основанная на позициях сторон на десятый день третьей недели Лунного Месяца Безграничного Поглощения, как определено решениями мирной конференции, проводившейся во вторую неделю Лунного Месяца Беспристанных Жалоб, приведенными в соответствие с Политическим Курсом ДКЗ номер 746358—6, исправленными...

— Вы очень заботливы, Гектор. — В спокойном, сдержанном жесте генерал Блевняк, выставил одно из своих

щупалец. — Однако должен заметить, что ваши усилия по установлению мира становятся бессмысленными, поскольку эта кампания будет завершающей кампанией Войны за Освобождение Родины.

— Кажется, я уже слышал подобные заявления, и не один раз — перед началом Осенней Кампании, перед Ранне—Зимним Наступлением, перед Зимним Противостоянием, перед Постзимним Аншлюсом и перед Ранне—Весенним Ударом, — колко ответил Злокусни. — Почему бы вам, генерал, не изменить решение? Ведь в противном случае будет множество новых и совершенно напрасных жертв.

— Отнюдь не напрасных, Гектор, отнюдь. Жертвы нужны и вам, чтобы поднять дисциплину. Да и в любом случае на этот раз все будет иначе. Я применяю новый способ — массированная бомбардировка листовками с последующими интенсивными парадами в честь победы, гарантирующей надежное подавление любого сопротивления. Если только вы немного подождете...

— Немного подождать, пока на меня не рухнет здание Посольства? — возмущенно прервал его Злокусни. — Я немедленно отбываю в провинцию...

— Гектор, учитывая столь неустойчивое положение, вы поступите не слишком мудро. Лучше оставайтесь на месте. Даже более того — вы можете считать это приказом, отданным мною по законам военного времени. И, если сочтете мой приказ слишком суровым, вспомните: я поступаю так ради благой цели. А теперь, Гектор, мне нужно идти. Недавно, на заказ, построили новый броневик, для Очень Важных Персон, с кондиционером и музыкой. Я умираю от желания испытать его. Бай—бай. Экран неожиданно погас.

— Это просто фантастика! — в поисках поддержки посол обвел взглядом сотрудников. — Просто неслыханно! В прошлом противостоящие армии, по крайней мере, делали вид, что уважают дипломатические привилегии. А теперь они даже не скрывают намерений сделать нас центром массированного наземного, воздушного и морского столкновения!

— Мы должны немедленно связаться с Либ Глипом, — решительно заявил секретарь по вопросам политики, — Возможно, удастся убедить его, что столицу необходимо объявить открытым городом.

— Разумное предложение, Оскар, — согласился посол. Он вытащил из кармана большой платок с монограммой в углу и вытер лоб. — Ретиф, не оставляйте попыток связаться с ним.

Полминуты спустя на экране появился салон автомобиля с мелькавшими за окнами витринами магазинов и круглое лицо глоянского министра иностранных дел. Пара блестящих черных глаз уставилась на землян сквозь спутанный клубок толстых щупалец. Весьма курьезное зрелище, ибо в таком виде министр весьма смахивал на засаленную оранжевую швабру, на которую нацепили шапку—ушанку и темные очки.

— Здорово, друзья, — весело приветствовал он землян. — Извиняюсь, что сорвал официальный завтрак, но вы же сами знаете, Злокусни, какова жизнь дипломата — Фигаро тама, Фигаро тута, так, кажется, говорится? Но не в этом дело. Я звоню вам, собственно, затем...

— Это я звоню вам! — влез посол, — Послушайте, Либ Глип. Из заслуживающих доверия источников, которые я не могу раскрыть, стало известно, что столица в ближайшее время станет объектом массированного штурма блуртов. В связи с этим, считаю, что вы поступите порядочно, сдав столицу без боя и тем самым избежав возможного межпланетного инцидента...

— А, так болтун Блевняк уже виделся с вами? Бросьте, друзья, расслабьтесь. Все будет хорошо. У меня есть небольшой сюрпризец для этих нищих цвета индиго.

— Вы решили предложить одностороннее прекращение огня? — выпалил с надеждой Злокусни. — Необыкновенный жест доброй...

— Злокусни, это что, шутка? Выкинуть белый флаг и оставить нашу благословенную родину на поругание

паршивым узурпаторам? — Глой нагнулся к экрану. — Я выдам вам маленькую тайну.

Наше отступление — просто диверсия, провоцирующая Блевняка растянуть линию войск. Как только он бросит все свои наличные силы на эти учения — бам! Я поражу его изящным карамболем на левом фланге и одержу победу над мощным экспедиционным корпусом блуртов! Одним ударом я верну утраченную колыбель расы глоев и на веки вечные положу конец этой войне!

— Но Посольство находится именно там, где будут проходить, так сказать, учения! — запротестовал Злокусни. — Я напомню вам, сэр, что данная территория принадлежит не глоям или блуртам, а землянам!

Словно чтобы подчеркнуть его протест, с потолка рухнул кусок штукатурки.

— Ну, сами—то мы не обстреливаем ваше Посольство. По крайней мере, намеренно не обстреливаем. Кроме тех случаев, когда войска Блевняка пытаются использовать его как убежище. Советую вам спуститься в подвал, иначе некоторые из вас едва ли отделаются простыми царапинами.

— Подождите! Мы собираемся эвакуироваться! Поэтому я требую у вас пропуск...

— Прошу извинить, но буду слишком занят. Сейчас мне предстоит проверить приборы управления нового истребителя ручной сборки, чтобы подготовить его к переброске на Южный Полюс. Однако после наступления...

— Вы будете пилотировать боевой самолет?

— Да, конечно же! Он — просто красотища! На нем есть все, кроме отдельного сортира. Вы же знаете, в Военном Кабинете портфель министра обороны у меня. А место руководителя — рядом с его войсками, на фронте. Ну, может, не совсем на фронте, — поправился он. — Но неподалеку — это уж точно.

— А не слишком ли вы рискуете?

— Ничуть, если отчеты о моем G2 верны. Кроме того, я ведь уже сказал вам, что это будет решающее и последнее сражение.

— Но то же самое вы утверждали, когда учились управлять обитым кожей танком, который сконструировали!

— Не отрицаю. Но это сражение будет действительно последним и решающим. А теперь надо бежать, иначе придется самому выбивать подпорки из—под колес своего самолета. Да, кстати, теперь до самой победы вы не сможете связаться со мной — я предписал хранить полное радиомолчание. Чао!

Инопланетянин отключил связь.

— Чертовы разбегающиеся галактики! — Злокусни рухнул в заваленное обломками штукатурки кресло. — Это — катастрофа! Посольство будет уничтожено, а мы погребены под руинами.

В дверь конференц—зала осторожно постучали. Она приоткрылась, и в щель осторожно заглянул младший клерк.

— Э—э... господин посол, тут находится человек, требующий немедленной встречи с вами. Я объяснял ему...

— Прочь с дороги, соплявка! — раздался низкий рык. Дверь распахнулась, и в зал вошел невысокий коренастый мужчина в мятом синем мундире.

— У меня боевое срочное донесение высшей степени секретности, — сообщил он и обвел взглядом, присутствующих. — Кто тут старший?

— Я! — рявкнул Злокусни. — А это мои сотрудники, капитан. Что у вас за депеша?

— Не знаю. Я из Торгового Флота. Какая—то военная шишка заловила меня и попросила передать сообщение. Сказали, что это очень важно.

Вновь прибывший вытащил из сумки розовый конверт с экстренной депешей и протянул его Злокусни.

— Капитан, судя по всему, вам неизвестно, что у нас и без того кризис, осложненный двумя чрезвычайными обстоятельствами! — Злокусни возмущенно посмотрел на конверт.

Торговец с интересом лицезрел конференц—зал.

— В самом деле, мистер, — согласился он, — глядя на это, я должен признать, что у вас серьезные проблемы. По пути сюда сам попал под несколько фейерверков. У вас тут что, китайцы справляют Новый год?

— В чем суть новых чрезвычайных обстоятельств? — Мэгнан вытянул шею, пытаясь заглянуть в бумаги в руке Злокусни.

— Джентльмены, это — конец! — глухо сообщил Злокусни, оторвав глаза от депеши. — Они будут здесь утром.

— Ну и ну, в самый разгар боевых действий! — заметил Мэгнан.

— Самодовольный идиот, чему вы радуетесь?! — завопил Злокусни. — Это будет последняя капля! Труппа инспекторов, которая должна оценить эффективность моих миротворческих усилий, получит большое удовольствие, лицезрея кровавую бойню, имеющую место у самого порога!

— Может, нам удастся убедить их, что это просто местный Водный Фестиваль...

— Молчать! — взвизгнул Злокусни. — Наше время подходит к концу! Если мы не примем приемлемого решения, нас с позором вышвырнут из ДКЗ.

— Если вы согласны разделить трюм с грузом икры рыбы—прилипалы с Морского Уха, вы можете отправиться со мной, — под возобновившуюся артиллерийскую канонаду предложил торговец. — Потерпите всего пару месяцев, пока я не сяду на Саманку. Слышал, там организовали небольшую колонию для добычи буры. Вы сможете отработать свой стол и дождаться Весеннего конвоя барж.

— Благодарю вас, — холодно сказал Злокусни, — Не забуду ваше предложение.

— Только не тяните слишком долго. Сразу после разгрузки я улетаю.

— Ладно, джентльмены, —угрожающе сказал посол, когда торговец отправился на поиски чашечки кофе. — Я приказываю всему персоналу посольства на период кризиса

удалиться в погреб. Разумеется, никто из вас не смеет покидать здание посольства. Мы должны соблюдать комендантский час, введенный Блевняком. Этой ночью будем пахать как трактора, и, если к рассвету не изобретем выдающийся способ прекратить эту дурацкую войну, вам придется, скорее всего, подать прошения об отставке. Разумеется, это касается только тех, кто переживет нынешнюю ночь!

II

В коридоре Ретиф столкнулся со своим туземным секретарем, который только что напялил плоский берет, в знак политических симпатий, окрашенный в оранжевый цвет.

— Привет, мистер Ретиф, — хмуро поздоровался он. — Я ухожу. Думаю, вы уже знаете, что блурты вернулись в город.

— Похоже на то, Дил Снуп. Как насчет посошка на дорогу?

— Согласен. Они не успеют так скоро деблокировать улицы.

Дил Снуп поставил пузатый портфель на пол в кабинете Ретифа и из стакана, наполненного на три пальца, аккуратно, стараясь не пролить ни капли, перелил темное бренди в карман, весьма похожий на сумку кенгуру.

И испустил тяжкий вздох.

— Послушайте, мистер Ретиф, когда появится этот синяк дилетант, скажите ему, чтобы не устраивал беспорядка в архиве. Прошлый раз там был такой кавардак, что я только—только успел привести все в порядок.

— Я учту твое пожелание, — сказал Ретиф — Знаешь, Снуп, я никак не пойму, почему вы, глои, не можете мирно, без пушек и танков, уладить разногласия с блуртами. Вашей перестрелке—перепалке много лет, а толку от нее — шиш с маслом.

— Да, ей сотни лет, — признал Снуп. — Но как можно миром разрешить спор с бандой вероломных, не признающих никаких законов, бессмертных, бессовестных, бесчестных, крадущих чужие планеты мошенников?! Я имею в виду, разумеется, блуртов. — Дил Снуп изобразил удивление, быстро сплетая и расплетая щупальца вокруг глаз.

— Они мне кажутся достаточно безобидными, — заметил Ретиф, — Чем они заслужили такие сочные эпитеты?

— Чем они заслужили их? — Дил Снуп обвел комнату щупальцем. — Да вы только посмотрите на этот кабинет! В здании иностранного Посольства, между прочим, дыры от пуль, все стены изрешечены шрапнелью...

— Следы от шрапнели оставили нам на память твои приятели в оранжевых беретах, когда они в прошлый раз захватывали столицу, — напомнил ему Ретиф.

— Э—э... ну... ну, этот маленький инцидент произошел, когда мы в очередной раз предотвращали попытку блуртов захватить и ограбить взрастивший нас мир. И позвольте напомнить вам, сэр, что до этого они вторглись на священную землю Плюшника I, украли у нас целую планету, и нам, чтобы спастись, пришлось закопаться в этом вшивом мире.

— А мне он кажется весьма неплохим, — заметил Ретиф.— Да к тому же у меня сложилось впечатление, что он — ваша родина.

— Нет, черт его возьми! Это место? Тьфу! Там, — он указал щупальцем на диск соседней планеты, видневшейся в окне, — милая сердцу земля, по которой ступали мои предки.

— Ты когда—нибудь был там?

— Во время летних каникул несколько раз участвовал во вторжениях. И, честно говоря, — он понизил голос, — мне там показалось слишком уж холодно и сыро. Но, это должно остаться, между нами.

— А как блуртам удалось его украсть?

— Из—за нашей беспечности, — признался Снуп. — Войска были здесь, задавая блуртам трепку, но те вероломно проскользнули за спиной и захватили нашу планету.

— А что сталось с женами и малышами?

— Ну, в конце концов мы произвели обмен заложниками. Ведь эти подлые блурты своих мерзких отпрысков и сварливых самок оставили здесь, на Плюшнике II.

— А из—за чего началась ваша старинная вражда?

— Не знаю. Думаю, причина сокрыта пеленой времени или чем—то вроде этого. — Он поставил стакан и встал.— Мне пора идти, мистер Ретиф. Объявлен призыв резервистов, и через полчаса я должен явиться в свою часть.

— Ну что ж, Дил Снуп, будь осторожен. Думаю, мы скоро встретимся.

— Не могу поручиться за это. Старина Либ Глип принял командование на себя и сжигает солдат, как китайские курительные палочки.

Снуп натянул берет и вышел. Мгновение спустя в двери показалось узкое лицо Мэгнана.

— Пошли, Ретиф. Посол хочет сказать несколько слов сотрудникам. Через пять минут все должны собраться на складе.

— Я и так знаю его мнение — считает, что темнота и одиночество благоприятствуют творческому мышлению.

— Вы зря недооцениваете эффективность техники «глубокого погружения». У меня уже появилось целых шесть предложений, как нам поступить в сложившейся ситуация.

— И хоть от одного из них будет толк? Мэгнан хмуро посмотрел на него.

— Нет, но на комиссию они смогут произвести хорошее впечатление.

— Серьезный аргумент, мистер Мэгнан. Ну что ж, приберегите для меня местечко в темном уголке. Как только я разберусь с парой неясных вопросов, сразу же приду.

Следующие четверть часа Ретиф провел, копаясь в архивных папках с секретными документами. Когда он закончил,

в дверь просунулся пучок визуальных и прочих органов восприятия блурта, наряженного в бесформенный синий мундир и каску.

— Здравствуйте, мистер Ретиф, — без всякого выражения прогнусавил блурт. — Я вернулся.

— И тебе того же, Карк, — приветствовал Ретиф юношу. — А ты рано. Я ждал тебя завтра после ленча.

— Я пролез на первый транспортник, а как только мы приземлились, ускользнул, чтобы предупредить вас. Сегодня ночью здесь будет очень жарко.

— Я слышал об этом, Карк. — Снаружи раздался оглушающий взрыв, зеленый всполох залил кабинет. — Карк, у тебя новая медаль?

— Ага.— Юноша коснулся бирюзовой ленты, прикрепленной к его третьему ребру,— Я получил ее за проявленный героизм, выходящий за рамки больших и малых нужд.

Он подошел к одному из столов и выдвинул ящик.

— Как я и ожидал. Этот глоянский вор не оставил ни капельки сливок для кофе. Я всегда оставляю ему хороший запас, но разве он может оценить подобную любезность? Что ему Гекуба, он всего лишь обычный оранжбяка!

— Карк, что ты знаешь о причинах этой войны?

— А? —Карк перестал молоть кофе. — Ну, это что то, связанное с отцами—основателями. Хотите кофе? Черный, разумеется.

— Спасибо, нет, Карк. Что значит для тебя опять вернуться на старый добрый Плюшник II?

— Старый добрый? А, понял. Ну, это хорошо. Хотя здесь жарковато и слишком сухо.

Здание Посольства мелко задрожало. По улице прокатился рев моторов тяжелой бронетехники.

— Ну ладно, сэр. Мне, пожалуй, пора заняться работой. Наверное, для начала я займусь отчетами о разрушениях. Мы и так отстаем на три вторжения.

— Карк, лучше пока оставь бумаги в покое. Попытайся собрать хоть часть технического персонала Посольства. Нужно

срочно убрать осколки стекла и навести в Посольстве какой—нибудь порядок. К рассвету мы ожидаем прибытия нескольких, Очень Важных Персон, и если не убрать, то они решат, что мы каждый день закатываем тут дикие попойки.

— Надеюсь, сэр, вы не собираетесь выходить на улицу? — встревожился Карк. — Не стоит делать этого. Там сейчас воздух полон беспризорных металлических осколков. А со временем их станет еще больше!

— Наверное, я прогуляюсь к Храму Высшего Знания.

— Но... но это же запретная территория для всех неплюшников...— Карк очень обеспокоился, о чем свидетельствовало ритмическое покачивание его глаз.

Ретиф кивнул.

— Храм, наверное, надежно охраняется?

— Только не во время сражения. Глои призвали под ружье всех, кроме увечных калек. Они готовятся к очередному, плохо подготовленному контрвторжению. Но, мистер Ретиф, если вы думаете, что я думаю, что вы думаете, что я не думаю...

— Карк, я не буду думать об этом. — Ретиф приветливо махнул ему рукой и вышел в безлюдный коридор.

III

Половину вечернего неба Плюшника II занимал огромный диск Плюшника I, висящий всего в тысяче миль от своего брата, словно цветная рельефная карта. В лучах солнца сверкал лишь узкий серп Плюшника I, остальная часть планеты, погруженная в глубокую тень, сияла огнями городов. От больших военных баз блуртов сквозь не совсем безвоздушное пространство между планетами к Плюшнику II тянулась неровная изогнутая цепочка из крошечных мерцающих звеньев — корабли армии вторжения. Пока Ретиф смотрел на небо, громадный диск Плюшника I заметно

приблизился к горизонту, завершая двухчасовой путь по орбите вокруг общего центра системы.

В четверти мили от Ретифа на другой стороне парка возносился к небу высокий персиковый купол университетской библиотеки. Над куполом с проворством и ловкостью голодных комаров по кругу гонялись истребители. В дальнем конце улицы пронеслась колонна ярко наряженных броневиков глоев, преследуя по пятам дивизион легких танков с реющим над ним знаменем блуртов. Небо на западе и севере постоянно озарялось вспышками — артиллерийская дуэль синих и оранжевых не прекращалась ни на секунду. С пронзительным свистом в полуквартале от Ретифа, разворотив тротуар, упал шальной снаряд. Ретиф подождал, пока в воздухе перестанут носиться обломки асфальта и осядут клубы пыли, и через парк направился к библиотеке.

За густым барьером из акульих деревьев с острыми зубами—колючками поднимались высокие мозаичные стены Центра Знаний. С помощью карманного излучателя Ретиф прорезал для себя узкий проход меж деревьев, и перед ним открылась ухоженная зеленая лужайка. Он пересек ее и обогнул аккуратно подстриженную розовую клумбу, на которой лежало пыльное чучело совы, уставив в ночь взгляд стеклянных красных глаз. Наверху в глухой стене священного здания зияла неровная дыра, со всех сторон оплетенная густыми побегами винограда.

За пару минут Ретиф с легкостью добрался до дыры, сквозь которую были видны разбитые стеклянные стенды и кусок коридора. Бросив последний взгляд на исчерченное зенитными прожекторами небо, Ретиф пролез в отверстие. Вдали горел тусклый свет. Ретиф, крадучись, прошел по коридору и, открыв дверь, оказался в обширном помещении, заставленном длинными стеллажами с веерообразными книгами, одинаково любимыми и глоями, и блуртами. Едва он вступил в книгохранилище, как луч света скользнул по его груди и замер, нацеленный в среднюю пуговицу на темно—зеленом блейзере.

— Ни шагу дальше! — раздался Дрожащий пронзительный голосок. — Я навел этот свет прямо на ваш глаз и нацелил ударный пистолет туда, где, по моим предположениям, находятся ваши жизненно важные органы!

— О, вы ослепили меня, — сказал Ретиф. — Боюсь, теперь я ваш пленник.

Сквозь слабое мерцание фонарика Ретиф разглядел хрупкую фигуру дряхлого глоя, задрапированного в полосатую, как у зебры, профессорскую мантию.

— Судя по всему, вы тайком пробрались сюда, чтобы украсть исторические сокровища Плюшника, — обвиняюще заявил старик.

— Если честно, я просто высматривал темный уголок, чтобы зарядить свою «лейку».

— А—а, так вы еще плюете на запреты и грубо нарушаете авторские права плюшников, беззастенчиво фотографируя их культурное достояние, да? Пока вы заслужили две смертные казни. Еще один неверный шаг — их станет три, и вам конец.

— Вы слишком строги ко мне, профессор, — заметил Ретиф.

— Я просто выполняю свою работу. — Старик выключил фонарик. — Думаю, мы можем обойтись без него. От этого света у меня флурги просто раскалываются. А теперь нам лучше укрыться в бомбоубежище. Подлые блурты бомбят даже земли Храма, а я не хочу, чтобы вы легко отделались, погибнув до казни.

— Ну, ясное дело. Кстати, раз уж мне суждено погибнуть в самом расцвете лет за кражу информации, не будет ли позволено задать несколько вопросов до казни?

— Гм... Пожалуй, это будет справедливо. Что бы вы хотели узнать?

— Многое. А для начала — что послужило поводом к этой войне?

Хранитель библиотеки понизил голос.

— А вы никому не расскажете?

— Навряд ли мне представится такая возможность...

— Да, действительно. Ну что ж, кажется, в хранилище было что—то...

IV

— ...и с тех пор они все время хранились здесь, — закончил рассказ старый глой, — Думаю, теперь вы убедились, что в сложившихся обстоятельствах просто немыслимо положить конец вражде.

— Вы замечательно осветили этот вопрос, — согласился Ретиф. — Кстати, пока читали лекцию, мне пришло в голову, что требуется срочно разрешить пару небольших проблем. Нельзя ли перенести казнь на завтра?

— Ну, не знаю... это несколько необычно. Но, с другой стороны, на улицах идет перестрелка, и я не представляю, как в таких условиях мы сможем провести соответствующую церемонию. Полагаю, могу поверить на слово. Для чужака вы выглядите порядочным парнем. Но не забудьте вернуться к полудню. Ненавижу готовить виселицу в последний момент. — Его рука неожиданно поднялась, раздалось резкое «зуп!», и горящая лампочка в дальнем конце комнаты взорвалась и погасла.

— И все же хорошо, что вы задали мне этот вопрос, — сказал старик, подул в дуло пистолета и спрятал оружие.

— Обязательно вернусь, — заверил его Ретиф. — А теперь, как только вы покажете мне ближайший выход, я сразу же займусь делом.

Старик проковылял по узкому коридору и открыл деревянную дверь, ведущую в задний садик.

— Прекрасная ночь, —пробормотал он, глядя на небо, где среди созвездий таяли белые петли инверсионных следов истребителей. — Трудно придумать лучшую для... Скажите, а что это за проблемы, которые вы кинулись разрешать?

— Проблемы культурного достояния. — Ретиф приложил палец к губам, и вышел в ночь.

Путь до гаража Посольства, где стоял небольшой служебный флот — мощные машины ДКЗ, занял у него минут десять. Ретиф выбрал скоростной одноместный курьерский флайер, мгновение спустя лифт поднял машину на крышу. Ретиф выверил приборы, потратил минуту, настраивая узколучевой искатель на личный код главы глоянского государства, и взлетел.

V

С высоты полутора тысяч футов Ретифу открылся замечательный вид. На

плацдарме, занятом блуртами к северу от города, широким полумесяцем вытянулись бронетанковые подразделения, готовые на рассвете пойти в атаку и стереть столицу с лица земли. К западу от города собрались для контрудара колонны глоев. А на стыке двух противоборствующих армий жалко и заброшенно светились огни посольства Земли.

Продолжая быстро набирать высоту, Ретиф сверился с дрожащим лучом искателя на экране и подкорректировал курс на полтора градуса. Впереди, примерно в миле, показались зеленые и красные навигационные огни

биплана, который, рыская, летел под углом к курсу флайера. Ретиф пришпорил свою маленькую машину, чтобы уравнять высоту, и повис на хвосте самолета. Теперь, приблизившись, Ретиф смог разглядеть задрапированные яркой тканью крылья, туго натянутые проволочные растяжки, яркий оранжевый герб глоев на фюзеляже, а над ним — витиеватую личную эмблему маршала Либ Глипа. Ретиф рассмотрел даже очки и черты «лица» воинственного премьер—министра, слегка блестящие в зеленоватом свете приборов, и его шарф

цвета японского фарфора, залихватски развевавшийся за спиной.

Ретиф маневрировал до тех пор, пока не оказался прямо над самолетом ничего не подозревающего Либ Глипа, потом сделал полубочку и отвалил влево, пролетев достаточно близко от легкого самолета, чтобы тот затрясся, попав в зону разрежения. Сделав крутой вираж, Ретиф развернулся, пронесся над бипланом, когда тот накренился вправо, ушел влево, чтобы пролететь под самолетом Либ Глипа, и, когда глоянский ас повернул ему навстречу и попал во флайер из пулеметов, дипломат увидел ряд звездочек, появившихся на пластмассовом фонаре флайера рядом со своей головой.

Ретиф опустил нос флайера, спикировал, уклоняясь от потока свинца, выровнял машину и, круто взмыв вверх, опять пристроился в хвост биплану. Либ Глип — прекрасный пилот, проделал серию вертикальных восьмерок, бочек, иммельманов и мертвых петель, но все без толку. Флайер настолько плотно сидел у него на хвосте, что Ретиф почти мог коснуться рукой дико вихляющих хвостовых рулей.

Через пятнадцать минут, испробовав все маневры уклонения, Либ Глип пустился в бегство. Ретиф, бездельничая, летел рядом, заставляя доведенного до отчаяния Либ Глипа следовать нужным курсом. Когда глоянский ас посмотрел на него, Ретиф махнул рукой вниз, указывая на землю. А потом поднялся чуть выше, завис прямо над ярко окрашенным бипланом и немного опустился.

Под собой он видел Либ Глипа, напряженно смотрящего вверх. Ретиф еще на фут опустил флайер. Либ Глип сразу же повел биплан на снижение. Ретиф не отставал, заставляя его опускаться все ниже и ниже, пока тот не понесся над самыми верхушками деревьев, похожих на сельдерей—переросток. Впереди показался расчищенный участок. Ретиф опустился еще ниже, и киль его флайера завис в опасной близости от топливного бака, установленного на верхнем крыле биплана. Смирившись с неизбежным, глоянский премьер сбросил газ. Его самолет коснулся неровной земли,

тяжело подпрыгивая, прокатился по кочкам и едва не врезался в деревянную изгородь. Ретиф тоже приземлился и затормозил рядом с бипланом.

Когда Ретиф открыл люк флайера, разъяренный премьер—министр уже вылез из кабины и стоял на земле, размахивая большим ручным пулеметом.

— Что это все значит? — завопил Либ Глип, — Кто вы такой?! Как... Эй, вы случайно не мистер, Как Бишь Вас Там, из Земного Посольства?

— Совершенно верно, — подтвердил Ретиф. — Это я. Поздравляю, Ваше Превосходительство, у вас замечательная память.

— Чего вы хотели добиться этой совершенно беспрецедентной, наглой выходкой? — пролаял премьер. — Вы разве не знаете, что идет война? Я руководил победоносным воздушным налетом на этих синебрюхих блуртских...

— В самом деле? А мне показалось, что ваши эскадрильи находились в нескольких милях к северу и вели неравный бой с громадной армадой бомбардировщиков. А заодно и с самолетами, которые, на мой непросвещенный взгляд, были весьма активными истребителями прикрытия.

— Ну, я был вынужден удалиться на разумное расстояние, чтобы видеть всю картину боя, — объяснил Либ Глип. — Но до сих пор не понимаю, почему Земной дипломат набрался наглости и, нимало не скрываясь, вмешался в мои действия. Мне очень хочется наделать дырок в вашем бренном теле, а министр пропаганды пускай потом объясняется с вашим послом!

— Не стоит, — посоветовал Ретиф. — Маленькая штучка в моей руке — это бластер. Но в дружеских компаниях оружию нет места.

— Дипломатия с позиции силы? — поперхнулся Либ Глип. — Просто неслыханно!

— Забыл предупредить, я сейчас не на службе, — сказал Ретиф. — У меня личное дело. И хотел бы попросить вас о небольшой любезности.

— Лю... любезности? Какой любезности? — Нужно прокатиться на вашем самолете.

— И вы силой принудили меня приземлиться только для того, чтобы... чтобы...

— Совершенно, верно. И поскольку у нас мало времени, то пора отправляться на прогулку.

— Я встречал разных фанатиков воздухоплавания, но вы — нечто потрясающее! Ну ладно, раз уж вы здесь, я воспользуюсь случаем и расскажу об устройстве моего самолета. У него шестнадцатицилиндровый V—образный движок, вращающий пропеллер из двадцатичетырехслойной фанеры, синхронизированные девятимиллиметровые скорострелки, двойные фары, шины низкого давления, сиденья из вспененной резины, настоящие навигационные приборы — без этих дурацких лампочек. Да к тому же его десять раз вручную покрывали лаком. Крутая машина, а? Когда же вы увидите встроенный бар, то просто закачаетесь!

— Великолепный самолет, Ваше Превосходительство, — согласился Ретиф, — Я займу заднее сиденье и скажу, куда лететь.

— Скажете мне, куда?..

— Не забывайте: у меня бластер.

Либ Глип фыркнул и забрался в кабину. Ретиф сел на заднее сиденье. Премьер—министр завел мотор, вырулил к дальнему концу поля, дал газ и после небольшого разбега поднялся в испещренное трассирующими пулями небо.

VI

— Это он, — показал Ретиф на одинокий танк, взгромоздившийся на вершину холма, у подножия которого гремела оживленная перестрелка. Все поле боя купалось в голубоватом свете восходящего Плюшника I, нижним концом серпа,

зацепившегося за горизонт, а верхним нацелившегося в зенит.

— Это слишком опасно! — сквозь завывания проволочных растяжек крикнул Либ Глип, когда самолет по широкой спирали заскользил вниз. — Его танк просто набит орудиями, и...— Он прервался и резко накренил самолет. Внизу неуверенно засверкали яркие голубые вспышки. В призрачном свете Плюшника I блеснули орудия броневика, нацеленные на спускавшийся самолет.

— Дайте короткую очередь по его передку! — крикнул Ретиф. — Но только осторожно, без больших повреждений.

— Но это же личный броневик Блевняка! — воскликнул Либ Глип. — Ни я не могу стрелять в Блевняка, ни он... у нас нечто вроде джентльменского соглашения...

— Лучше стреляйте, — сказал Ретиф, наблюдая, как трассирующие снаряды все ближе и ближе пролетают от биплана. — Блевняк явно считает, что здесь ваши соглашения теряют силу.

Министр направил нос самолета на броневик и нажал на гашетку спаренной скорострельной установки. Биплан на бреющем полете пронесся над броневиком, и на земле рядом с гусеницами появилась цепочка оспин.

— Это отучит его стрелять не глядя, — заметил Либ Глип.

— Возвращайтесь назад и садитесь! — крикнул Ретиф. Премьер недовольно буркнул, но повиновался. Самолет прокатился по земле и остановился в ста футах от броневика, который развернулся и пришпилил его лучами фар. Либ Глип встал, поднял руки над головой и спрыгнул вниз.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — со злобой сказал он. — Вы принудили меня отдаться в руки этого варвара и тем самым грубейшим, возмутительнейшим образом вмешались во внутренние дела плюшников! Ну да ладно... Послушайте, если этот синебрюхий мерзавец был настолько подл, что посмел предложить вам взятку, то я, как государственный деятель, официально заявляю: я подлее его. Сколько бы он вам ни предложил, я дам больше...

— Спокойно, Ваше Превосходительство, спокойно. Это всего лишь дружеское неофициальное совещание. Давайте—ка пойдем к нему и удовлетворим любопытство генерала, пока он не решил опять покашлять из своих пушек.

Когда Ретиф и премьер—министр приблизились к броневику, тяжелый люк на его башне распахнулся и из отверстия осторожно высунулся глазной стебелёк генералиссимуса блуртов. Три глаза осмотрели окрестности, и только потом показалась увешанная наградами грудь Блевняка.

— Эй, к чему вся эта стрельба? — раздраженно поинтересовался блурт... Это ты, Глип? Явился согласовать условия капитуляции, да? Неужели ты повредился...

— Сам сдавайся моей двоюродной бабушке Прошме по материнской линии! — завопил Либ Глип. — Меня похитили и, угрожая пистолетом, заставили прилететь сюда!

— Что? — Блевняк с удивлением воззрился на Ретифа. — А я думал, ты захватил Ретифа как беспристрастного свидетеля тех чрезвычайно либеральных условий капитуляции, Которые я собирался тебе предложить...

— Джентльмены, если вы хоть ненадолго забудете о вражде, — вмешался Ретиф, — я смогу объяснить цель этой встречи. Я признаю, что приглашения вы получили довольно необычным, даже сказал бы, несколько неофициальным образом. Но уверен, услышав новости, вы признаете, что овчинка стоила выделки.

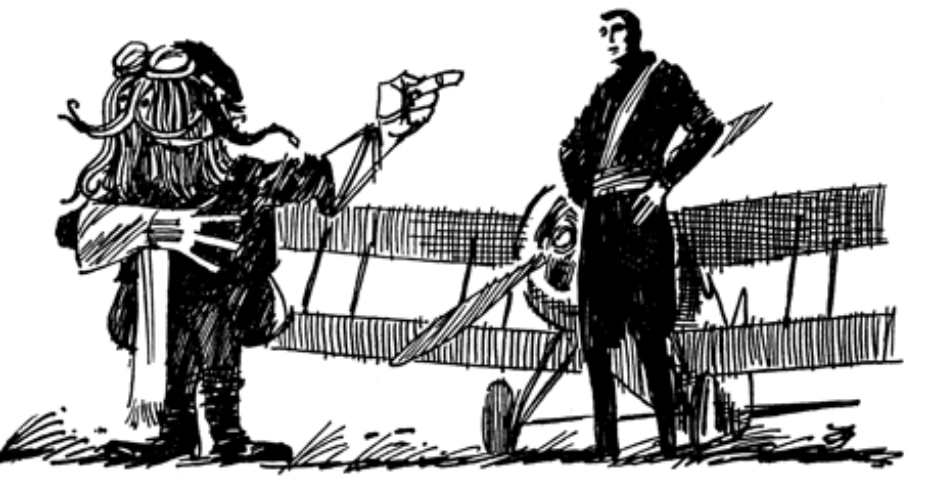
— Какие новости? — хором переспросили противники. Ретиф вытащил из внутреннего кармана толстый веерообразный листок бумаги.

— Военные новости, — твердо сказал он. — Мне тут случилось рыться в некоторых старых документах, и я наткнулся на полный отчет о предыстории вашего конфликта. Собираюсь отдать этот отчет газетчикам, но, думаю, вы захотите первыми взглянуть на него, чтобы пересмотреть свои военные цели.

— Пересмотреть? — осторожно переспросил Блевняк.

— Предыстория? — засомневался Либ Глип.

— Джентльмены, в своих действиях я исхожу из того, что вы знаете историю, — Ретиф, помахивая документом, сделал многозначительную паузу.



— Ну... э—э... на самом деле...— промямлил Блевняк. — Боюсь, что в подробностях я... гм—гм...— прохмыкал премьер.

— Но нам, блуртам, и не требуется копаться в прошлом, чтобы найти причину для нынешнего крестового похода против этих... этих глоев и за восстановление поруганной чести нации! — заявил Блевняк.

— Глоям достаточно и новейшей истории, чтобы поддержать их стремление изгнать захватчиков со священной земли своей родины, — презрительно фыркнул Либ Глип.

— Не отрицаю. Но мои известия вдохновят войска,— заметил Ретиф.— Представьте себе, джентльмены, как подскочит дисциплина и моральный дух солдат, господин премьер,— обратился он к Либ Глипу,— когда станет известно, что предки блуртов были группой правительственных служащих со Старого Плюшника, посланных сюда, на Плюшник I и Плюшник II, для основания новых колоний.

— Правительственные служащие, да? — нахмурился Блевняк. — Полагаю, они были гражданскими чиновниками высокого ранга или нечто в этом роде?

— Нет, — обломал его Ретиф. — Если честно, они были тюремными охранниками, и их ранг был Англ—19.

— Тюремными охранниками? Англ—19? — прорычал негодующе Блевняк, — Да это же был самый низкий ранг в табели правительственных служащих Старого Плюшника!

— Разумеется, теперь отпадают все обвинения в снобизме, — тепло поздравил его Ретиф.

Из органа речи Либ Глина вырвалось с трудом сдерживаемое хихиканье.

— Простите мне мое веселье, — с трудом выдавил премьер—министр, — после всей той ахинеи... ха—ха—ха... которую они несли про славное прошлое блуртов...

— И это возвращает нас к глоям, — влез Ретиф. — Они, что очевидно, во время бунта — или мне стоило бы выразиться точнее — побега? — путешествовали на том же самом корабле, что и блурты.

— На том же самом корабле? Ретиф утвердительно кивнул.

— В конце концов, тюремные охранники должны же были кого—то стеречь?

— Вы хотите сказать...

— Именно так, — любезно сообщил Ретиф. — Отцы—основатели Глои были группой преступников, приговоренных к пожизненной ссылке.

Генерал Блевняк хрипло взвизгнул от удовольствия и хлопнул себя по бедру.

— Не понимаю, почему я раньше интуитивно не додумался до этого! — фыркнул он. — Ретиф, вы поступили совершенно правильно, раскопав такие замечательные, такие очаровательные подробности!

— Эй, вы! — завизжал Либ Глип, — Вы не посмеете опубликовать подобную дезинформацию! Я подам в суд...

— И вся галактика будет заливаться смехом, читая утренние газеты, — поддержал его Ретиф. — Отличная идея, мой дорогой Глип, ничего не скажешь!

— И все равно я вам не верю! Это паутина лжи! Сплошная брехня! Грязная, подлая фальшивка, мерзкая газетная утка!

— Убедитесь сами,

Ретиф протянул ему документы. Либ Глип повертел плотный пергамент, с недоумением взглянул на сложные иероглифы.

— Похоже, он написан на староплюшникском, — проворчал премьер. — Боюсь, я никогда не увлекался мертвыми языками.

— А вы, генерал?

Ретиф протянул бумаги Блевняку. Тот, продолжая хихикать, взглянул на них и вернул Ретифу.

— Увы, нет. Придется поверить вам на слово — и я поверю!

— Прекрасно, — сказал Ретиф. — Однако есть еще одна небольшая загвоздочка. Джентльмены, больше двух столетий ваши народы занимались вторжениями и

контрвторжениями. И это, что вполне естественно, не могло не отразиться на архивных записях. Все, что касается периода войн, там изложено весьма сумбурно, и узнать правду почти невозможно. Однако, джентльмены, надеюсь, не станете отрицать, что противоборствующие народы в ходе конфликта поменялись планетами. Вы, блурты, — кивок в сторону Блевняка, — оккупировали родную планету глоев, а вы, глои, — быстрый взгляд на Либ Глипа, — захватили территорию блуртов!

Оба противника кивнули: один — весело, другой — мрачно.

— Однако мне придется внести одно небольшое уточнение, — продолжил Ретиф. — Дело в том, что вы поменялись не планетами, а названиями.

— А?

— Что вы сказали?

— Это истинная правда, — серьезно заявил Ретиф, — Генерал, вы и ваши войска являетесь прямыми потомками глоев. А ваш народ, господин премьер, является достойным наследником великого духа блуртства.

VII

— Но это же ужасно! — простонал генерал Блевняк. — Половину жизни я потратил на то, чтобы привить своим парням правильное отношение к глоям. Как я смогу теперь смотреть им в глаза?!

— Я — блурт?! — содрогнулся Либ Глип. — И все же, — добавил он негромко, — мы были охранниками, а не заключенными. Думаю, нас сильно утешит мысль, что мы не являемся потомками и типичными представителями преступных элементов...

— Преступные элементы! — презрительно расхохотался Блевняк. — Клянусь Пудом, сэр, я охотнее отнесу себя к

потомкам благородных жертв продажных лакеев тоталитарного режима, чем признаюсь в родстве с кучкой наймитов надзирателей!

— Лакеев, да? Думаю, именно так свора растяпистых воров—карманников должна относиться к потомственным слугам закона и порядка.

— Спокойно, джентльмены. Я уверен, что эти мелкие разногласия можно уладить и мирным...

— Ага, так вот где развесистая клюква зарыта! — прокаркал Блевняк. — Вы вынесли этот древний сор из нашей избы в беспочвенной надежде, что тем самым заставите нас прекратить вражду!

— Ну что вы, генерал. Ни в коем случае! — вежливо отверг Ретиф столь чудовищное обвинение. — Конечно, вы захотите поменять текст своих листовок и продолжить крестовый поход. Но, боюсь, одними листовками вам не обойтись. Придется обменяться планетами.

— Что такое?

— Никуда не денешься, генерал. ДКЗ, конечно же, не останется равнодушным к тому, что все население двух миров обречено влачить жалкое существование, будучи изгнанниками со своих планет. Я уверен, что смогу договориться, и ДКЗ выделит транспортные корабли для переселения...

— Погодите, — вмешался Либ Глип. — Вы что, собираетесь репатриировать нас... э—э... блуртов на Плюшник I и отдать Плюшник II этим подлым... э—э... глоям?

— Если исключить ваше необъективное определение глоев, вы совершенно точно обрисовали ситуацию.

— Стоите—стойте! — влез теперь Блевняк. — Неужели вы думаете, что я соглашусь остаться на этом сгустке пыли? С моим—то синуситом?

— А мне жить в таком болоте? — Либ Глип ткнул в сторону уже полностью взошедшего на небо диска планеты, где в лучах отдаленного светила гостеприимно блестели реки и горы, моря и континенты. — Пуд вас побери, да моя же астма

убьет меня за три недели! Именно из—за нее я всегда предпочитал молниеносные рейды длительным, затяжным операциям!

— Джентльмены, спокойствие, только спокойствие. Я не думаю, что в ДКЗ захотят стать причиной гибели двух столь тесно и плодотворно сотрудничающих государственных деятелей...

— Э... как вы сказали, сотрудничающих? — осторожно поинтересовался Блевняк.

— Генерал, ну вы же прекрасно понимаете, согласие — есть продукт при полном непротивлении сторон,— красиво изложил Ретиф.— А если у вас начальник, который нетерпеливо дышит вам в затылок, то, как бы доброжелательно ни были настроены его подчиненные, согласия им не видать, как своих ушей. Однако если утром посол Злокусни сможет показать инспекторам вашу мирную планету, то это заметно повлияет на его настроение, и, скорее всего, он отложит эвакуацию жителей для более подробного изучения проблемы.

— Но... но как быть с моим танковым ударом сразу на двух флангах? — запинаясь, запротестовал генерал. — Высочайшее достижение всей моей военной карьеры!..

— А мой замечательно скоординированный — раз—два и в дамки! — контрудар?! — запричитал Либ Глип. — Я на два месяца отказался от гольфа, лишь бы разработать такой логичный план!

— Я человек азартный, в запале могу зайти очень далеко, — продолжал давить Ретиф. — И охваченный горячкой объявления перемирий, способен даже забыть опубликовать свои исторические изыскания.

— Гм, — Блевняк покосился на оранжевого премьера. — И, кроме того, будет довольно сложно за столь короткий срок вбить антиблуртовские настроения в моих солдат.

— Согласен. Я без труда могу предсказать, что и у моих ребят еще достаточно долго будет сохраняться привязанность к глоянским обычаям, — поддержал коллегу иб Глип.

— Но я, конечно же, оставляю за собой право пользоваться броневиком, — пробормотал генерал. — А также персональной подводной лодкой, транспортником и всеми вертолетами, скакунами, моноциклами и паланкином для пересеченной местности.

— Думаю, буду просто обязан устраивать Ежегодные Военные Игры, поддерживая на высшем уровне форму войск, — высказался Либ Глип и взглянул на генерала. — Мы даже могли бы разработать нечто вроде плана совместных маневров, только чтобы дать новобранцам опыт боевых действий.

— А что, неплохая идея, Глип. Я мог бы даже побороться за кубок для одномоторных истребителей.

— Ха! С моей маленькой красоткой ничто не может сравниться, особенно когда она входит в ближний бой.

— Джентльмены, я думаю, детали мы можем отложить на потом, — сказал Ретиф. — Мне пора возвращаться в посольство. Да, кстати, надеюсь, что ваше совместное официальное заявление будет сделано до выхода газет.

— Ну...— Блевняк посмотрел на Либ Глипа. — Учитывая обстоятельства...

— Думаю, мы сможем что—нибудь написать, —хмуро согласился с ним Либ Глип.

— Я подкину вас в посольство на броневике, — предложил Блевняк,— Ретиф, мой мальчик, вы сейчас увидите, как он идет по ровной местности...

VIII

В розовом свете зари обдуваемые легким ветерком, Злокусни и сотрудники Посольства стояли на посадочном поле и ждали, когда из космолета ДКЗ снизойдет на землю Плюшника II группа дородных, осанистых чиновников.

— Ну что ж, Гектор, — сказал старший инспектор, окинув взором безукоризненно вылизанный космодром. — Похоже

на то, что, возможно, некоторые из тех слухов, которые нам довелось услышать касательно серьезных заминок в процессе переговоров по разоружению, были не совсем верны.

Злокусни вежливо усмехнулся.

— Совершенно обычное, я бы даже сказал, рутинное дело. От меня потребовалось просто уронить несколько слов в слуховые органы некоторых государственных мужей, а дальше все пошло само собой. Найдется не столь уж много местных полководцев, которые могут устоять перед тончайшими намеками Злокусни.

— В самом деле, Гектор, я думаю, настало время предложить твою кандидатуру на более ответственный пост. Я уже довольно давно положил на тебя глаз...

Старший инспектор, заботливо окруженный присными, направился к выходу. Стоявший рядом с Ретифом высохший древний глой в полосатой мантии печально покачал головой.

— Это было нечестно, Ретиф, выпросить помилование у юного Либ Глипа. У меня ведь там, в книгохранилище, бывает не так уж много волнительных моментов.

— Теперь все изменится к лучшему, — уверил старика Ретиф. — Думаю, вы можете надеяться, что в ближайшее время в вашей библиотеке появятся читатели.

— О, мальчик мой! — воскликнул хранитель древностей. — Я мечтал об этом долгие годы! Множество классных юных студентов обоих полов приходят ко мне и пытаются умаслить старика, чтобы он дал им надежные шпаргалки! О сладкие видения!.. Спасибо тебе, вьюнош, спасибо! Уже вижу приход новых, светлых времен!..

Старик торопливо заковылял прочь.

— Джейм, — Мэгнан дернул Ретифа за рукав. — До меня дошло множество самых разнообразных слухов о том, как было заключено перемирие. Надеюсь, ваше отсутствие вчера вечером в канцелярии никоим образом не было связано с различными похищениями заложников, кражами, незаконными вторжениями, оскорблениями действием,

нападениями, шантажом, отказами от данного обещания и прочими отступлениями от дипломатических норм, которые, как утверждает молва, произошли прошлым вечером?

— Мистер Мэгнан, что за нелепое предположение? — Ретиф. вытащил из кармана листок бумаги, сложенный в виде веера, и разорвал его на клочки.

— Извините, Ретиф. Я должен был убедиться. Между прочим, вы сейчас порвали, случаем, не староплюшниковский ли манускрипт?

— Это? Конечно же, нет. Старое меню из китайского ресторанчика, на которое наткнулся, копаясь в секретных архивах. — Он выбросил клочки в мусорный ящик.

— А—а. Кстати о меню — не хотите ли перед утренней встречей с инспекторами по—быстрому перекусить со мной? Посол собирается провести с ними стандартную пятичасовую вводную беседу, а потом устроить короткий осмотр бухгалтерских архивов...

— Спасибо, нет. Либ Глип пригласил меня испытать одну из новых моделей истребителей. Вон тот красный самолет, новенький, только что с завода.

— Ну что тут скажешь, он премьер—министр, и вы должны всячески ублажать его. — Мэгнан покосился на Ретифа. — Признаюсь честно, я кое—чего не понимаю. Как вам удается устанавливать столь дружеские отношения с этими большими шишками, хоть ваши служебные обязанности ограничены подготовкой докладов в пяти экземплярах?

— Думаю, это благодаря тому, что при встречах с ними я веду себя совершенно раскрепощенно, избегая всяческих протокольных условностей.

Ретиф помахал рукой и направился через взлетное поле туда, где, сверкая в лучах утреннего солнца, его ждал маленький самолет.

ПРЕДКИ ГЕРОЕВ

I

Вечерний ветерок, наполненный запахом цветущих двухтысячелетиях деревьев Гео, прошелестел над обеденной террасой посольства. Вдалеке нежно зазвучали трубы, выводя призрачную мелодию, похожую на поступь феи, возвращающейся по забытой тропинке зачарованного леса. Огромное солнце, красное и тусклое, разбрасывало малиновые тени.

— Как жалко, что этот мир умирает, — Мэгнан, первый секретарь посольства Земли на Салиноре, обвел рукой разрушающиеся башни. — Несмотря на то что Салинорской цивилизации уже миллион лет, и она получила репутацию бессмертной, салинорцы, похоже, вымирают. Думаю, меньше, чем через сотню лет, уже никого не останется.

— Когда девяносто девять процентов территории занято кладбищами, историческими святынями и памятниками прошлого, места для жизни не остается, — заметил второй секретарь Ре—тиф. — Можно похоронить много полезного в могиле величиной с целую планету.

— Полагаю, вы имеете в виду их веру в то, что мировые запасы Святых Миамов иссякли, — фыркнул Мэгнан. — Полная чепуха, конечно. Однако кто может быть заинтересован в том, чтобы истощились их природные ресурсы?.. Дипломатический Корпус посоветовал не лезть в местные религиозные доктрины. И в любом случае — салинорцы не разрешают проводить никаких изысканий, чтобы не потревожить «святых мертвецов» или, как их предпочитают называть, спящих героев.— Мэгнан покосился на стоящего в отдалении маленького официанта—гуманоида, якобы погруженного в раздумья,— Трудно отделаться от мысли, что современные салинорцы слишком далеки от своих легендарных

предков,— с опозданием произнес он.— Только сравни этого цивилизованного малыша с теми страшными статуями, которые стоят тут повсюду.

Абориген повернулся и с вежливым выражением на сказочно—милом лице приблизился к столу.

— Что желаете, господа?

— Что?.. а... скажите мне, что по этому поводу думают салинорцы? — Мэгнан прокашлялся. — Не хотели бы вы заняться добычей тех скудных полезных ископаемых, которые еще остались в коре планеты?

— Скудных, мой господин? Число, которое я слышал, составляло миллион метрических тонн в день на одну шахту, а только Великий Тассор знает, сколько тут будет шахт. — Туземец посмотрел на руины, протянувшиеся вдоль всей линии горизонта, и продолжал: — Лучше эрозия веков, чем ненасытная жадность промышленников. Во всяком случае, так сказал поэт Эулиндор несколько миллионов лет назад. Что до меня, так я не знаю...

— А что вы думаете об импорте? — настаивал Мэгнан. — Почему ваш Административный Совет категорически отказался от предложений ДКЗ, в соответствии с которыми мы ввезли бы несколько миллионов кубических миль полезных ископаемых, устроили бы тут свалки чистого сырья... и притом бесплатно!

— Мне кажется, все нужно воспринимать так, как оно есть, — ответил салинорец. — Кроме того, гнить на свалке — не наш стиль жизни. Вы понимаете, раса, ведущая род от героев...— он смахнул воображаемую крошку со стола. — Может, принести графин старого вина, господа? Например, что—нибудь из вин Иодроса урожая 574 635 года? Он сделал их примерно за 3600 лет до Рождества Христова по летоисчислению старой Земли.

— Нет, — прервал Мэгнан в тот момент, когда аппарат РА размером со стол сам включился и замигал. Пухлые черты посла Шиндлсуита появились на блестящем, как зеркало, одномерном экране.

— Господа! — поклонился напыщенный дипломат. — Мне доставит удовольствие проинформировать персонал, что делегации с Блага удалось добиться разрешения присутствовать на мирной конференции здесь, на Салиноре.

— Как, этим кровожадным убийцам с их оружием, непрозрачными шлемами и трусливыми повадками? — изумился Мэгнан,— Но почему, ведь всякому известно, что они протеже гроаков и несут ответственность за боевые действия, до сих пор ведущиеся в этом секторе?!

— В любом случае найдется, по крайней мере» около дюжины благов, которые не смогут удержаться от грабежей, пока будет проходить конференция, — заметил Ретиф.

— ...жест, который определяет их искреннее желание восстановить мир в секторе, — загромыхал Шиндлсуит. — И с подобающей мне скромностью, думаю, могу сказать...

Бледное лицо с пятью надменно взирающими на мир глазами вытеснило с экрана изображение посла Земли.

— Как вы, вероятно, знаете, — прошептал слабым голосом посол Гроа Снит, — мне, как одному из организаторов переговоров, было нелегко изыскать возможность...

— Послушайте, господин посол, — пробормотал Шиндлсуит, промелькнув на экране. — Я первый вышел в эфир...

— Как обычно, стремитесь быть в центре внимания, Джордж? — просвистел гроак. — Это одна из ваших нехороших привычек. Однако, как я говорил, мне удалось добиться присутствия делегации с Блага, ловко воспользовавшись некоторыми важными обстоятельствами...

— Одну минуточку, Снит, — землянин вновь прорвался в центр экрана. — Когда я согласился внести вклад в вашу пустую болтовню в виде весомого участия делегации Земли, я...

— Ха! В прошлый раз вы обманным путем уговорили меня действовать сообща, чтобы просто пролезть самим...

— Однако вы низкий...

— Но, но! — предостерег посол Снит. — Никаких эпитетов относительно физиологии моей расы, Джордж. Не забывайте, мы в открытом эфире.

Ретиф и Мэгнан увидели мелькнувшую на лице Шиндлсуита ярость, прежде чем экран погас.

— Итак, мирные переговоры, похоже, получат воодушевляющее начало, — заметил Ретиф.

Мэгнан с серьезным видом покачал головой.

— Это собрание не сулит ничего хорошего. — Он встал и посмотрел на часы. — Есть еще время, чтобы прогуляться перед обедом, Ретиф. Если нам предстоит обедать вместе с коллегами—гроаками вечером, у меня есть все основания постараться заранее нагулять аппетит.

II

В квартале от недавно отреставрированного дворца, где разместилась миссия Земли, Мэгнан дернул Ретифа за руку.

— Посмотрите туда. Вон еще одна группа гроакских миротворцев в полном вооружении. Создается впечатление, что они в любой момент ожидают вспышки политических беспорядков.

Еще через квартал землянам снова встретился быстро марширующий отряд полиции в гроакских сверкающих шлемах. Они носили короткие черные плащи, а на боку у каждого покачивалось оружие.

— Снит настойчиво добивался, чтобы на Гроа были возложены все функции по соблюдению мер безопасности во время конференции, — проворчал Мэгнан. — На всей планете только у нас, кроме гроаков, есть вооруженная охрана.

— Эти полицейские подозрительно похожи на регулярную армию, — сказал Ретиф.

— Боже правый, вы ведь не думаете, что они затевают какую—нибудь глупость? — изумленно выдохнул Магнан. —

Всем известно, что гроаки втайне домогаются Салинора. Они даже пытались официально провозгласить эту планету необитаемой, открытой для колонизации.

— Интересно было бы посмотреть, как бы они этого добились, принимая во внимание близость планет, буквально нашпигованных дивизионами ДКЗ? — поинтересовался Ретиф.

— Вы правы, все это — плод нашего воображения, — покачал головой Мэгнан, — С помощью ручных бластеров мир не завоюешь. И тем не менее мне бы хотелось оказаться подальше от этих храбрецов. С их высокомерием они могут попытаться устроить беспорядки, — Он повернул за угол на боковую улицу.

— Эта дорога в Запретный город, закрытый для посещения иностранцами, — заметил Ретиф, — Хотите неприятностей?

— Не настолько, — вздохнул Мэгнан и повернул в противоположную сторону, — Будь даже половина всех этих историй правдой, не найдут и обглоданных костей, если мы попадем туда.

Через пятнадцать минут люди очутились на узкой кривой улочке, где в ряд выстроились дома, чьи фасады были украшены изъеденными за века скульптурами грифонов, сатиров и нимф.

— Не слишком приятный маршрут для прогулки, — проговорил Мэгнан. — По крайней мере, сюда не следует заходить после захода солнца. — Он насторожился. — Может даже показаться, что слышатся чьи—то крадущиеся шаги.

— Ну не такие уж и крадущиеся, — ответил Ретиф, — Последние пять минут те, кто следит за нами, ведут себя крайне беспечно, словно не имеет значения, слышим мы их или нет.

— Вы думаете, кто—то действительно следит за нами? — Мэгнан повернулся и осмотрел темную улицу.

— Два каких—то типа, — сказал Ретиф, — Негуманоиды. Я бы сказал, в каждом не меньше ста фунтов, и они обуты в мягкие ботинки.

— На этой планете для участия в конференции собралось сорок шесть видов негуманоидов, и, мне кажется, по крайней мере, десяток из них вряд ли осмелились бы напасть на двух мирных дипломатов с Земли, преследуя гнусные цели.

— Или из—за того, что у них в зубах содержится много иридия, — усмехнулся Ретиф.

— Думаю, что узнаю эту улицу. Взгляните, — проворчал Мэгнан. — Продуктовый магазин Корпела, находится, сразу за углом. Я был здесь днем на прошлой неделе, делая закупки для Приема. Можем зайти и позвонить в посольство, чтобы за нами прислали транспорт.

Первый секретарь оборвал речь, когда они увидели высокий узкий фронтон магазина, украшенный черепом с перекрещенными костями — символом поставщиков продуктов на Салиноре. Окна магазина были зашторены, а массивная дверь из крепкого дуба плотно прикрыта.

— Закрыто! — Мэгнан прижался носом к стеклу. — Но внутри кто—то есть. Я слышу...

Ретиф подергал тяжелую бронзовую щеколду, выполненную в форме сцепленных клыков.

— Возможно... О небеса! Ретиф, что вы делаете?! — выпалил Мэгнан, когда Ретиф, ухватившись за ручку обеими руками, с силой повернул ее. Послышался хруст сломанного металла.

— Ретиф, остановитесь! — с трудом произнес дипломат. — Нельзя...

— Мне кажется, нам следует войти, — Ретиф затащил протестующего шефа в здание.

— Мы обнаружили, что дверь была не заперта, — коротко сказал он, осматриваясь, — и вошли посмотреть, все ли в порядке.

Мэгнан выглянул в окно и сдавленно охнул:

— Два салинорца в одежде ремесленников только что свернули за угол. Они нас тут не найдут?

— Давайте проверим заднюю комнату. — Ретиф прошел мимо столов, уставленных блюдами с салинорскими пирожками, фаршированной птицей, конфетами. Задняя комната была завалена пустыми картонными, коробками. Второй секретарь посольства Земли принюхался, вынул из кармана маленький фонарик и прочертил по полу узким лучом света.

— Что это? — прошептал Мэгнан. Из стенного шкафа торчала пара тонких ног. Ретиф подошел ближе и направил свет на маленькое съежившееся тело, лежавшее в шкафу. Яркая одежда была смята и разорвана. Из раны на груди сочилась кровь цвета охры.

— Салинорец, — вздохнул Мэгнан. — Его застрелили!

Губы жертвы задвигались, и инопланетянин что—то неслышно зашептал. Ретиф встал на колени и наклонился к раненому.

— Кто это сделал? — быстро спросил он. — Почему?

— Он был не тем... кем казался...— разобрал Ретиф. Потом глаза закрылись. Последние следы жизни исчезли с лица инопланетянина, и оно стало неприятного цвета зеленого воска.

— Он похож на продавца, работавшего у Корнела, — прохрипел Мэгнан. — Какой ужас!

— Послушайте! — Ретиф поднял руку. Из дальнего угла комнаты донесся какой—то шорох. Ретиф жестом приказал Мэгнану двигаться влево, а сам пошел справа, обходя пирамиду коробок. Кто—то метнулся к задней двери.

— Ну, вы здесь, Корнел! — воскликнул Мэгнан. — Мы зашли... э—э... чтобы увеличить наш заказ. Хотели бы двенадцать фасолевых пирогов и шесть дюжин цыплят в ежевичном желе, конечно, в стеклянной посуде...— Мэгнан стоял между маленьким аборигеном и телом в шкафу. Салинорец тревожно шарил взглядом по комнате.

— ...но если вы заняты, — продолжал Мэгнан, — мы просто уйдем...

— М—м—м... Вы земляне, не так ли? — прошептал инопланетянин неожиданно высоким голосом.

— Я, видите ли...— судорожно сглотнул Мэгнан. — Я был здесь на прошлой неделе. Разве вы не помните меня, господин Корнел?

— Да, что—то, похоже, припоминаю. — Салинорец направился к двери. — Шесть дюжин фасолевых пирогов в желе, и цыплята под грязью... Сейчас запишу. Итак, вы хотели уйти, не так ли? Будьте уверены, завтра заказ будет выполнен.

Мэгнан подошел к двери и с трудом открыл ее.

— Рад был увидеться с вами, господин Корнел. До свидания...— Он потянул за рукав Ретифа. — Пошли, — прошипел он. — Мы очень спешим, вы разве забыли?

— Я не уверен, что господин Корнел принял наш заказ. — Ретиф отодвинул Мэгнана в сторону и выглянул на улицу. Темная улица была пустынна. Свет синих стеклянных шаров — местной разновидности фонарей — едва рассеивал мрак.

— Не имеет значения. Я уверен, что он все сделает правильно...— потухшим голосом сказал Мэгнан, когда взглянул на салинорца, из ноздрей которого заструился коричневый дым. — Послушайте, это что за коричневый дым сочится из ваших ноздрей? — удивился Мэгнан.— Я и не знал, что вы, салинорцы, курите.

Корнел отступил в сторону, поглядывая на дверь.

— Новая дурная привычка, появившаяся только на этой неделе. А сейчас идите, пока.

Мэгнан нахмурился.

— Любопытно, — проговорил он. — Несколько дней назад вы говорили на прекрасном галактическом языке.

— Подсадная утка! — Ретиф выскочил вперед, когда инопланетянин сделал резкое движение. Что—то сверкнуло в руке салинорца. Тарелка с закусками рядом с Мэгнаном взорвалась и окатила дипломата градом толстых бутербродов. Мэгнан закричал, отскочил в сторону и столкнулся с

инопланетянином, когда тот повернулся, пытаясь ускользнуть от Ретифа. Потом Мэгнан упал. У него закружилась голова.

Салинорец попытался снова поднять оружие. Ретиф схватил со стола пирог и размазал его по лицу «торговца». Инопланетянин пронзительно завизжал. Дважды пролаял пистолет. Одна пуля оторвала блестящий эполет с плеча бордового блейзера Ретифа, вторая угодила в оловянную супницу. Из дырки хлынул розовый суп. И тут второй секретарь, сбив стрелка с ног, уселся на него верхом. Ретиф завернул одну руку инопланетянина, потянулся за другой, и тут все поплыло у него перед глазами. Ретиф фыркнул, задержал дыхание и отшвырнул тело противника. Ноги дрожали, как струны пианино. Дипломат ухватился за стол, чтобы не упасть. Мэгнан уселся на полу, что—то бормоча. Ретифа окатило зеленым пуншем.

— Да, да, я иду, — пробормотал он. Голос Мэгнана донесся до него отзвуками эха. Как во сне Ретиф видел начальника, встающего с пола.

— Ух! — Мэгнан пошатнулся. — Что произошло? — Его взгляд сфокусировался. Он уставился на беспорядок, перевернутую мебель, смущенную фигуру у стены. — Ретиф, он не...

Ретиф помотал головой, чтобы прийти в себя. Потом, качаясь, подошел к инопланетянину. Существо лежало на спине, выпучив глаза. Большой осколок кувшина из—под пунша торчал у него в груди. Лицо мертвеца приобрело легкий розовый оттенок.

— Корнел, — закашлялся Мэгнан. — Опять мертвец.

— Нам лучше по—быстрому убраться отсюда, — сказал Ретиф. — С Корнелом разберемся утром.

— Да. — Мэгнан бросился к двери, широко раскрыл ее... и попятился назад, уставившись на дуло тускло поблескивающего пистолета в руках гроака, одетого в форму миротворца.

— Не делайте никаких движений, дикие негодники, — прошипел гроак на родном языке, одновременно

внимательно изучая магазин. — Я поймал вас с поличным, мягкотелые.

— Вы совершаете ужасную ошибку, — сказал Мэгнан, в то время как еще полдюжины гроаков вошли в помещение, держа оружие наготове. — Это сделали не мы. Я имею в виду, что не я, а Ретиф.

— А, господин Мэгнан, не так ли? — прошептал капитан патруля. — Признание вашей полной невиновности, конечно, обеспечивается только собственным искренним свидетельством против настоящего преступника.

— Настоящего преступника? — заикаясь, проговорил Мэгнан. — Вы имеете в виду Ретифа? Но...

— А кого же еще? — спросил гроак.

— Но... но...

— Нет никакой необходимости давать показания прямо сейчас, — успокоил Мэгнана капитан. — Спокойно идите, а мы сами разберемся с убийцей.

Он отдал короткую команду остальным миротворцам, и те, сомкнув строй, выставили протестующего Мэгнана. После этого гроак повернулся к Ретифу.

— Может, помнишь меня, Ретиф? Шлуха, бывшего начальника Гроакской полиции? Ты однажды несправедливо обидел меня. Сегодня вечером в камере нашей тюрьмы мы сравняемся в счете.

III

Брильянтовые защитные щитки на лице Шлуха сверкали в назойливом белом свете специальной лампы для допросов, установленной в центре пыльной комнаты.

— Еще разок, мой дорогой Рётиф, — прошептал инопланетянин на чистом земном языке. — Чем вы руководствовались, совершая злостное преступление против мира и порядка в Гроа? Или тут, на Салиноре, если вам так угодно.

Возможно, вы планировали отравить корм, поставляемый делегатам? Или, может быть, ваши планы простираются еще дальше? Может, намеревались спрятать в пище записывающие устройства такого рода, что (я буду свидетельствовать) были найдены у вас при обыске?

— Несколько лет назад вы завоевали славу, занимаясь мордобоем, Шлух, — сказал Ретиф. — Но потеряли квалификацию. Однако слова ваши звучат, как и прежде.

— Ты, несчастный землянин, на удивление легкомыслен. Будет интересно услышать, как твои шутки превратятся в мольбу о пощаде, когда наше знакомство станет более тесным.

— Вы, гроаки, видимо, планируете что—то более грандиозное, чем обычные акции, — вслух подумал Ретиф. — Втравив в авантюры посла Шиндлсуита, вы обеспечили себе поддержку со стороны ДКЗ в дурацких мирных переговорах. Потратили много времени и сил, а вы такие ребята, что даром силы и время не тратите.

— Намекаешь, что наши мотивы небескорыстны? — беззаботно спросил Шлух. — Хотя какое значение имеют мысли мягкотелых? Можешь поделиться ими со своим палачом.

— Давайте посмотрим на проблему аналитически, — продолжал Ретиф. — Чего вы можете достичь своими усилиями, кроме возможности собрать представителей всех миров, контролируемых ДКЗ, вместе в одной комнате? Может быть, достаточно, а, Шлух? Если бы произошел какой—нибудь несчастный случай, а представители погибли, кто бы стал отвечать? Кто бы оказался в самом незавидном положении? Думаю, именно вы, гроаки, в таком случае получили бы портфель, а ДКЗ ушел бы в отставку. Как второй учредитель собрания...

— Достаточно, нахальный землянин! — глаза Шлуха выдавали его волнение.

— Если бы ДКЗ оказался дискредитирован, — продолжал Ретиф, — Гроа должна выступить, чтобы устранить беспорядки; ей было бы достаточно позвать кого—нибудь,

например своих друзей благов, для поддержания мира в период чрезвычайного положения. И, вероятно, прежде чем все вернулось бы в нормальное состояние, салинорцы просто оказались бы перебиты, оставив пустую планету для такой предприимчивой расы, как гроаки.

— Что за бред! — прошипел Шлух. — Всем известно, что это вы, земляне, всегда подозреваете других в нечестной игре. Вы установили в порту аппарат «Марк XXI». Теперь невозможно пронести никакое оружие, за исключением разрешенного, выдаваемого моему патрулю.

— Все правильно, Шлух. «Марк XXI» обыскивает любого присутствующего от носков до кончиков волос. Даже самую маленькую порцию яда в продуктах не пропустят детекторы. Более того, метаболические индикаторы будут осуществлять анализ поступающей пищи для того, чтобы мы были уверены, что она безопасна для потребления. Тем самым уловки Борджиа исключаются.

— Я устал от твоих теоретических упражнений, — Шлух поднялся. — Думай, что хочешь! Скажу по секрету: ваше представительство окружено моими войсками под невинным предлогом почетного караула, и никто не может ни войти, ни выйти. Завтра, к этому часу ни один землянин не осмелится показать свое голое лицо ни в одном официальном здании Управления Сектором, — сказал Шлух.

— Значит, завтра, — кивнул дипломат. — Спасибо за то, что ознакомили с вашим расписанием.

— Да, бесславный человек, сующий нос в дела Гроа. Однако, прежде чем ты умрешь, назови мне имя предателя, продавшего вам наши секреты, и я лично прослежу, как его посадят на кол.

— Продал секреты, да? Похоже, это подтверждает мой анализ ситуации, — сказал Ретиф. — Еще один вопрос: что получат за это благи?

— Молчать! — заорал Шлух. — Немногие оставшиеся тебе часы будут посвящены не беседам о политике, а детальным ответам на наши вопросы!

— Опять ошибочка, — заметил Ретиф и сделал шаг в направлении стола, над которым склонился полицейский. Шлух отскочил назад, жестом указал на Ретифа вооруженному охраннику, который сразу взял на изготовку оружие, нацелив в лицо Ретифу.

— Говорили ли вам, когда—нибудь, ребята, что нельзя стрелять из бластера в замкнутом пространстве, так как можно сжечь все живое, в том числе и стрелка? — спросил пленник гроаков и как бы между прочим сделал еще один шаг. Охранник опустил в нерешительности оружие.

— Он врет, кретин! Стреляй! — Шлух наклонился над открытым ящиком стола. Ретиф проворно схватил офицера за шею и швырнул его на охранника. Прогремел выстрел. Пока два гроака грудой барахтались на полу, Ретиф подобрал ружье.

— Что ж, погиб еще один миф, — произнес он. — Шлух, снимите ремень и свяжите часового.

Внимательно наблюдая за двумя гроаками, Ретиф уселся на стол, со щелчком повернул ключ полевого телефона и набрал номер. Мгновение спустя угрюмое лицо консула посольства Клатчплата появилось на экране. Он с изумлением обозревал открывшуюся перед ним сцену.

— Ретиф! Что вы?.. Как?.. Да вы отдаете себе отчет? Вы что?.. Как вы могли?..— он запнулся, когда заметил живописную группу на заднем плане. — Ведь это капитан Шлух. Что он там делает?

— Он недавно встретил старого знакомого, — ответил Ретиф, не обращая внимания на стук в дверь. — Господин Клатчплат, как далеко зашли переговоры об участии Блага в конференции?

— А что? Их делегация прибудет через час. Конвой только что запросил у управления порта разрешение на приземление. Но послушайте...

— Конвой? — Ретиф поднял взгляд на дверь, в которую продолжали стучать уже чем—то тяжелым.

— Всего лишь пятьдесят первоклассных крейсеров в качестве конвоя транспорта. Вы уже знаете, что благи никогда не путешествуют безоружными. Но...

— Не могли бы вы уговорить посла отказать им в участии в конференции? — воскликнул Ретиф, — А если не получится, то встретить вооружённой охраной и...

— Господин Ретиф, я не знаю, что за сумасшедшие мысли вас одолевают, — пролаял консул. — Известно ваше отношение к благам и гроакам. Однако брать на себя такую ответственность...

— У нас нет времени для длительных дискуссий, господин Клатчплат, — перебил Ретиф, когда от глухого удара двери затряслись. — Я бы попросил у вас взвод морских пехотинцев, если бы знал, где нахожусь, и...

— Сдавайтесь! — выпалил Клатчплат. — Это единственно правильный ход. Вас могут признать виновным в совершении преступления под воздействием временного психического расстройства, вызванного чрезмерными политическими амбициями, и в этом случае вы выйдете на свободу через один—два года, просидев этот срок на спутнике—тюрьме.

— Интересное предложение. — Ретиф уклонился от пролетевших над ним дверных петель.— И в чем же меня обвиняют?

— Кажется, в убийстве двух салинорцев. Вы ведь это сделали? — поинтересовался Клатчплат.

— Совсем выскочило из головы,— ответил дипломат.— Однако если бы вы придержали свое обвинение, мне бы удалось прибавить к этому счету еще нескольких гроаков.— Он отключил связь, когда дверь содрогнулась, и в ней образовался выпирающий внутрь горб.— А теперь, Шлух, быстро говорите, где выход,— приказал Ретиф.— Я решил ускользнуть через один из трех черных ходов, чтобы избежать необходимости оставлять автографы. Укажите лучший маршрут.

— Никогда.

Ретиф выстрелил с бедра, так что заряд пролетел над левым ухом инопланетянина.

— Вон там, с другой стороны,— быстро прошипел Шлух.— Даже если ты избежишь встречи с моими людьми, наши планы осуществятся, и что бы ты ни сделал, не сможешь нас остановить.— Он подошел к боковой двери и открыл ее.— Убирайся, Ретиф! Но знай, что какой бы путь ни выбрал, тебя ждет ужасный конец!

— В таком случае, первым пойдете вы.

Шлух попытался отскочить, но дипломат схватил его и пинком отправил в темный проход, а сам нырнул следом. И едва успел закрыть за собой потайную дверь, как дверь в кабинет Шлуха с грохотом упала.

IV

Они пробирались по тусклым пыльным коридорам, поднимались по лестницам, тихо брели темными залами, уставленными старинным оружием и доспехами. С потолков свисали рваные знамена. Раз шесть Ретифу едва удалось предотвратить побег гроака. Наконец они оказались в широкой комнате, стены которой были расписаны изображениями скачущих по розовой траве кентавроидов. Шлух указал на широкий проход, через который в помещение проникал бледный лунный свет.

— Твой выход, Ретиф! — насмешливо произнес Шлух. — Иди, если хочешь. Путь свободен.

Ретиф пересек комнату и вышел на узкий балкон, где собралось полным—полно существ, похожих на летучих мышей. При появлении землянина они с карканьем разлетелись. Виноград обвивал низкую балюстраду, а дальше — только темнота... Ретиф посмотрел вниз. Стена отвесно уходила в чернильную темноту. Тротуара видно не было.

— Спасибо за все, Шлух. — Ретиф встал на выступающий из стены шатающийся камень, — Увидимся в суде, если вам позволят прожить достаточно долго, после того как столь бездарно загубили всю работу.

— Хватит нести чепуху! — заорал Шлух, услышав топот гроакских солдат, бегущих по их следам. — Даже если и удастся благополучно спуститься, ты же не знаешь, что делать, и не представляешь, что ждет внизу, в темноте!

— Вы имеете в виду гроакский патруль?

— Не патруль и не морских пехотинцев вашего посольства, которые до сих пор ищут тебя с ордером на арест, но не найдут после того, как окажешься в логове дьяволов.

— Так вот где вы спрятали свою тюрьму? — Ретиф задумался. — И тем не менее я предпочитаю якшаться с привидениями, чем возвращаться в ваш кабинет. Оставайтесь столь же любезны, Шлух.

Ретиф поднял ружье и выпалил в сторону приближающихся гроаков, потом перебросил оружие через плечо и начал спускаться на темные улицы Запретного города.

V

Это был долгий спуск. Несколько раз головы гроаков высовывались с балкона, но быстро исчезали. Стена оказалась покрыта выбоинами, а виноградная лоза давала необходимую опору для рук и ног. Десять минут понадобилось Ретифу на путешествие. Потом он очутился в кустах и, пройдя чуть дальше, выбрался на улицу с мраморными домами, похожими на заброшенные могильные склепы. Две салинорские луны выглянули из—за туч. Улицу залил призрачный свет. Что—то маленькое и темное пролетело над головой Ретифа. Вдали слышались чьи—то причитания. Ретиф поспешил по странной улице. Шаги отдавались гулким эхом.

Впереди возвышался обелиск. Надписи на нем, почти стертые временем, указывали, что он установлен в честь битвы с гигантами. На другом углу маленькой площадки в камне были высечены головы великанов—людоедов. Дипломат прошел мимо фонтана, который, по—видимому, давно не работал. У фонтана сидели мраморные русалки. Сырой ветер гнал по улице сухие листья. Остановившись, Ретиф услышал шаги чьих—то маленьких ног. Но шаги почти сразу стихли.

— Выходите, — позвал Ретиф. — Есть новость, которую вам следует знать.

Послышался чей—то приглушенный смех... или это был ветер, ищущий что—то среди колонн замка. Ретиф пошел дальше. Завернув за угол, землянин заметил какое—то движение. Что—то быстрое, как молния, юркнуло в раскрытую дверь одной из гробниц. Ретиф пошел следом и очутился в зале без потолка. Вдоль стен выстроились огромные каменные фигуры с пустыми глазницами.

— Мне нужен проводник, есть добровольцы? — позвал Ретиф.

— ...цы... цы... цы, — ответило эхо со всех сторон.

— Существует опасность вторжения. С этим надо разобраться сейчас же.

— ...же... же... же, — отозвалось эхо. Звук стих, но он словно бы послужил сигналом. Заскрипели высокие двери, а потом захлопнулись с громким стуком. Ретиф подошел к одной, подергал за ручку и понял, что та крепко заперта. Тогда беглец вернулся в центр зала и тут заметил в дальнем углу открытый проход. Обогнув небольшой бассейн, в котором отражалась сверкающая луна, Ретиф вошел в коридор и, сделав шагов двадцать, очутился на террасе с уходящими вниз ступенями. Внизу раскинулся неухоженный парк — кусты и растущие в полном беспорядке деревца с черными листочками.

Ретиф спустился по лестнице с высокими ступенями. Тени заметались вдоль тропинки среди стволов древних

деревьев. Лица статуй смотрели на землянина из темноты. Жуткие очертания каменных чудовищ угадывались чуть подальше. Дипломат вышел на широкую поляну, вдоль которой шла стена, уходящая в темноту. На стене в два ряда стояли скульптуры огромных размеров. Чуть дальше Ретиф обнаружил маленькую, украшенную колоннами гробницу. Она пряталась между сухими ветками громадного хвойного дерева. Землянин тихо подошел к сооружению. Через зарешеченное окошко слабый лунный свет падал на оплетенное виноградом изображение огромного салинорца в доспехах древнего воина. В темноте за похороненным героем что—то задвигалось. Ретиф бросил камешек в окно и прижался к стене у входа. Через мгновение в проходе появилась голова, и рука Ретифа сжалась на тонкой шее салинорца.

— Извините, что пришлось прервать игру, — проговорил дипломат. — Но нам, похоже, самое время поговорить.

VI

— Цена за вход в святой могильник героев — смерть, землянин, — слабым голосом прошептал инопланетянин.

— Понимаю, — ответил Ретиф, держа салинорца на вытянутой руке, чтобы избежать ударов бешено молотящих по воздуху ног. — Однако мое маленькое вторжение не может идти ни в какое сравнение с тем, что затеяли гроаки. Может, вы все—таки выслушаете меня, прежде чем вынести приговор.

— Завтра — ничто. Прошлое — вот самое главное. Зачем бороться с Судьбой, пришелец?

— Мы можем позволить Судьбе вершить свои дела, если вам удастся понять, что мне необходимо несколько сотен ловких салинорцев. Надо отвлечь гроаков... их патрули на какое—то время. Мне необходимо попасть в посольство Земли...

— Молись своим богам, землянин, — перебил его салинорец. — Твоя судьба предопределена.

— Вы настойчивы, — сказал Ретиф. — Похоже, что я несколько переоценил гражданскую верность салинорцев.— Он отпустил аборигена, который, поправив одежды, решительно посмотрел на Ретифа.

— Ты не прав, — заговорил абориген. — Тебе никогда не удастся покинуть этот священный предел.

За спиной Ретифа послышались свистки. Дипломат обернулся и увидел, как отовсюду выскакивают салинорцы. Огромные кинжалы засверкали в лунном свете. Неожиданно круг аборигенов распался. Ретиф оперся о гробницу, снял с предохранителя бластер и повел им из стороны в сторону, предупреждая нападающих. Туземцы остановились.

— Добро пожаловать на праздник, — сказал дипломат. — Теперь, когда можно собрать кворум, наверное, удастся договориться.

— Ты вторгся в наше славное прошлое, землянин, — с дрожью в голосе произнес сморщенный салинорец. — Ты совершил самое ужасное святотатство.

— Святотатство, которое готовят гроаки, волнует меня намного больше, — ответил Ретиф. — Вы, ребята, похоже, не очень этим озабочены, но с точки зрения Земли гроаки могут создать опасный прецедент. Могут возникнуть новые диктатуры.

— Землянин, прошли те времена, когда салинорцы были могущественными воинами. Если теперь нам предстоит умереть, мы с достоинством встретим такую судьбу.

— Нет ничего достойного в том, чтобы быть задушенными гроаками или раздавленными под пятой благов,— прервал его Ретиф.— Я слышал, у них очень странное чувство юмора по отношению к тем, кто был ими доволен и тем самым доказал, что хуже их.

— Убить этого инопланетянина сразу же, не так ли? — спросил скрипучим голосом один из аборигенов, стоящий в

первом ряду. — Потом мы все славно умрем, как и предсказано.

— Достаточно разговоров, — заявил старый салинорец. — Пусть тот, кто потревожил покой героев, будет наказан!

Салинорцы посмотрели на оружие в руках Ретифа, зашаркали ногами, но ни один из них не сдвинулся с места.

— Может быть, вы все—таки отмените казнь и обратите свой гнев против истинных виновников? — спросил Ретиф.

— Хм...— старый салинорец, который говорил раньше, обратился к своим соратникам. Салинорцы склонили головы, перешептываясь.

— Мы решили, — начал старик после того, как совещание закончилось, — что это дело должны рассмотреть старейшины. — Он поднял дрожащую руку. — Не потому, что мы боимся пасть от твоего убийственного оружия, землянин, а из—за того, что хотим принять элегантную и приятную смерть.

Оратор взмахнул рукой, и в плотных рядах вооруженных туземцев образовался проход.

— Землянин, я предоставлю тебе честь предстать перед судом Старых Богов Салинора, которые сами примут решение по этому делу. Пойдем, если ты не боишься.

— Вполне разумно, — согласился Ретиф. — Если существует необходимость быстро действовать, лучше всего обращаться сразу к самым главным. Где они?

— Созерцай Богов Салинора! — слабым голосом провозгласил старец. Аборигены склонились в поклоне перед каменными фигурами. Ретиф с уважением склонил голову.

— Впечатляющие фигуры, — сказал он, — тем интересней будет посмотреть, как они справятся с нашей проблемой.

— Святая простота, — вздохнул старец. — Одно дуновение Священного Миама, и тень их исчезнувшей жизни возродится. Потом они выслушают нас и совершат правосудие старым способом, голыми руками.

Ретиф медленно прошелся вдоль ряда статуй, заметив изношенную одежду, реалистично вырубленные конечности, свирепые лица, тускло поблескивающее оружие древних воинов. Несмотря на большие размеры, они имели

разительное сходство с морщинистым собеседником человека. Аборигены следовали за старцем и Ретифом в тишине и почтении.

— Когда—то население Салинора было многочисленно, — объяснил старик, заметив вопросительный взгляд Ретифа. — Отважные и могучие воины,— он вздохнул.— Вот стоит Збориаль Сильный — Мститель Всем Обидчикам; Дальше гордый Валингрэйв — Победитель Харра и Джунгулона. Здесь, — указал на скромную гробницу, — лежит Зверский Бузун, известный как Бузун Неистовый, оставивший после себя кровавую память. А тут, —старец взглянул на четырехногое, напоминающее богомола создание с типичными для салинорцев торсом и головой, — покоятся бренные останки Тассара Великого, того, кто одной рукой покарал орды Досса в мирах столь отдаленных, что свет того великого дня еще не достиг лика Салинора.

— Выглядит крутым парнем, — согласился Ретиф. — Жаль, что он сейчас не с нами. Очень бы удивился тому, что происходит.

— Разве я не сказал тебе, что могущественный Тассар сам вынесет окончательный приговор? Всегда решает он вместе с Августом Черепом и Маглодором Быстрым, реже с Белджеском, Ларом, Проантиппо Высоким — Королями из Королей...

— Самое августейшее собрание, — согласился Ретиф. — Но, похоже, они довольно неразговорчивы.

— Ты насмехаешься над Богами Салинора, землянин? — Старейшина изогнулся и сделал величественный жест. Пара аборигенов примерно такого же возраста, как и он, вынесли и положили на траву большой ящик, открыв крышку. Внутри находился цилиндр, от которого во все стороны отходили клапаны и змееподобные пучки пластиковых трубок. Трясущийся старик дунул в одну из них и поднес ящик к пьедесталу, на котором стояла скульптура кентавроида.

— Просыпайся, Великий Тассар! — закричал он на щелкающем языке. — Восстань от долгого сна, чтобы свершить

правосудие над тем, кто без разрешения пришел во Дворец Героев!

Абориген шагнул вперед и поднес кончик шланга к ноздрям статуи. Ретиф услышал слабое шипение газа.

— Дай нам крупицу своей мудрости, как в те давние дни, о Тассар! — продолжал старик. Он еще ближе поднес кончик шланга.

— Почти все Святые Миамы выдохлись. Видно кто—то из еретиков откачал их тайком.

Неожиданно кончик одного уха статуи шевельнулся. Вздрогнули веки, разжались губы.

— Глоп! — сказала величественная фигура и замолчала.

— Провались все пропадом. В такую минуту баллон оказался пустым! — проворчал кто—то рядом с Ретифом.

— Что старик делает? — тихо спросил Ретиф, наблюдая, как Хранитель Святых Миамов интенсивно вращал кончиком шланга, тщетно пытаясь разбудить неподвижного бога.

Тассар вновь зашевелился.

— Черт раздери всех мерзавцев! — неожиданно раздался голос. Статуя заговорила.

— Где мои наколенники? Где моя пудра для бабок? Где моя булава? Черт побери этого проклятого оруженосца...

— Великий Тассар, проснись, — старик удвоил усилия. — Услышь меня! Сейчас здесь стоит иноземец, который осквернил останки Богов Салинора своим присутствием.

— Ох... это ты, Теорион, — промямлил Тассар. Его глаза открылись пошире. — Ты выглядишь ужасно. Я думаю, прошло много времени. Это не чужеземец потревожил мой покой, а ты своей дурацкой болтовней. — Он наклонился, выхватил шланг из рук старика, поднес его к ноздрям и глубоко вдохнул.

— Ах... Именно это нужно ветерану!

— Даже если так, Великий Тассар! — Тут старик снова начал рассказывать о гнусности Ретифа. На середине рассказа ресницы Тассара задрожали, он выронил шланг и захрапел.

— Итак, проблема состоит в том, как осуществить предписанный ритуал, чтобы избежать нарушения приличий, не пасть под выстрелами пришельца, словно спелая кукуруза? — промолвил старейшина. — Великий Тассар? О, могущественный?! — Он еще раз с воодушевлением потряс кончиком шланга, но на этот раз его попытки были тщетны. Статуя стояла неподвижно, как сфинкс.

— Так много внимания уделяется мудрости веков, — сказал Ретиф. — Похвальное рвение, Теорион. Однако, похоже, этот оракул не заинтересовался нашими проблемами. Я предлагаю начать действовать...

— Давайте быстро заставим его замолчать! — снова закричал маленький салинорец. «Тот же, кто и раньше говорил», — подумал Ретиф.

— Хватит добиваться решений у древних богов. Отрубите землянину голову, и пусть Судьба делает свой выбор.

— Молчать, нахальный уродец! — Теорион повернулся к говорившему. — Твои слова оскорбляют величие Салинора. Как твое имя? Мы должны будем наказать тебя!

Тот, к кому обратился старец, отступил, засуетился, словно почувствовал, что чересчур обращает на себя внимание. Ретиф посмотрел ему в лицо.

— Черт меня подери, если это не старый приятель Корнел, — сказал он. — Похоже, большой специалист по части смертей. Кажется, ты уже дважды испустил дух.

Инопланетянин с лицом Корнела внезапно завертелся и метнулся в задние ряды.

— Держите его! — приказал Теорион. «Корнел» резко наклонил голову, увернулся и нырнул между салинорцами, заметался из стороны в сторону, потом стремительно бросился бежать. Охота продолжалась среди кустов. Ретиф удобно уселся на каменный пьедестал и зажег наркотическую палочку. Прошло пять минут, прежде чем аборигены вновь появились в поле зрения. Преследуемый салинорец бросился к гробнице и нырнул внутрь.

— Его кощунство переходит всякие границы, — выдохнул Теорион, подходя к Ретифу, — Теперь сумасшедшее существо нашло убежище в гробнице Бузуна!

— Пусть он только покажется, и мы разберемся с ним, — сказал кто—то.

— Остановитесь! — провозгласил Теорион, после того как кольцо преследователей сомкнулось вокруг гробницы. — Мы не можем обесчестить героя возней у его ног. Идите сюда! Пусть бешеный маньяк выйдет сам. Он придет в себя в тени деревьев, среди великих останков своих предков.

Ретиф достал из кармана фонарик и направил луч света между колоннами, туда, где скрывался беглец. Между могучими, одетыми в сталь ботфортами Бузуна виднелась пара ног поменьше.

— Поправочка, — заметил Ретиф. — Это не его предки. Он не салинорец, посмотрите.

Луч света натолкнулся на клубы дыма, окутывающие благородные черты героя.

— На ваше собрание проник переодетый инопланетянин—чужак, который испускает коричневый газ, когда возбужден.

— Что это? Коричневый газ? — поток вопросов Теориона был прерван громким криком, который испустил салинорец, стоявший у входа в храм.

— Он пошевелился! Бузун оживает!

Неожиданно салинорцы стали разбегаться в разные стороны. Ретиф ухватил Теориона за руку, прежде чем тот скрылся.

— Отпусти мою руку, пришелец, — проскрежетал старик. Из гробницы послышался рык. — Смерть я встречу с улыбкой на лице, но было бы глупо быть разодранным на куски собственным предком.

— И из таких парней вы делали героев? — поинтересовался Ретиф, в то время как из могилы донесся чудовищный грохот. Потом по воздуху пролетело тело псевдо—Корнела и, упав у ног землянина, стало корчится в конвульсиях.

— К сожалению, Бузун потерял рассудок после того, как в течение трех месяцев его пытали щекоткой. Он находился в руках бесславных криппов, — поспешно объяснил Теорион. — Он подвержен ужасным вспышкам гнева, когда его будят, и лучше нам скрыться.

Старик выдернул руку и умчался со скоростью, завидной для его возраста. Ретиф повернулся, услышав грохот падающих камней. Могучая фигура появилась среди колонн. Бузун стоял, держась за колонны руками. Веревки мышц натянулись у него на шее, бицепсы вздулись. Колонны пошатнулись и обрушились в разные стороны. Бузун зарычал, когда в спину ему ударил кусок мраморной плиты. Он сделал шаг вперед, в то время как гробница обрушилась у него за спиной. Восемь футов высотой, массивный как древний дуб, герой стоял в лунном свете и рычал. Наконец его дикий взор остановился на Ретифе.

— Крипп! — взвыл он. — Теперь ты попался! — и бросился на одинокого землянина.

VII

Ретиф остался стоять на месте.

— Ты, герой, вероятно, спутал меня с кем—то, — заявил человек. — Я всего лишь инопланетянин, спасатель планет.

Воин с ревом пролетел то место, где всего мгновение назад стоял Ретиф. Великану потребовалось много времени, чтобы выбраться из кустов, куда он попал в погоне за неуловимой жертвой.

— И, в связи с этим я бы хотел попросить тебя о небольшом одолжении, — продолжал Ретиф. — Враги, называемые гроаками, запланировали кровавое избиение иностранных дипломатов, попавших в ловко расставленную ловушку.

— Р—р—р! — ревел в ответ Бузун, нанося по воздуху удары, способные свалить лошадь. Ретиф уклонился от

одного бешеного свинга, нырнул под другой и нанес правой и левой руками одновременно два удара в живот гиганта, но результата это не дало. Землянин отскочил в сторону, увернувшись от Бузуна, попытавшегося схватить противника. При этом гигант умудрился ударить сам себя в диафрагму и согнулся, задыхаясь.

— Сейчас гроаки патрулируют улицы, — продолжал Ретиф. — Крайне важно пробраться в посольство Земли с новостями. Именно поэтому я прошу вас протянуть руку помощи.

Ретиф отступил, когда Бузун вытащил из ножен шестифутовый клинок и занес его над головой. Дипломат отбросил бластер в сторону и вырвал у ближайшего каменного воина копье толщиной в руку. Бузун прыгнул, меч просвистел в дюйме от едва отскочившего в сторону Ретифа.

— Если бы вы только сказали слово своим потомкам, я думаю, они бы согласились помочь мне. — Ретиф с силой упер копье в нагрудный панцирь Бузуна. — Ну, так как?

Бузун отбросил меч, схватил копье обеими руками и с силой потянул, а когда Ретиф резко отпустил древко, гигант полетел назад, споткнулся об обломки колонны и упал. Дипломат услышал тупой звук, когда голова великана стукнулась о ступени его прежнего убежища. Ретиф подскочил к упавшему герою и, использовав перевязь великана, связал ему запястья, а потом лодыжки. Тут кусты раздвинулись. Из них высунулся Теорнон.

— Что происходит? — спросил он. Его глаза округлились, когда увидел плененного великана. — Что это? Зверский Бузун пал от руки обыкновенного инопланетянина?

— Вряд ли мне принадлежит эта слава, — ответил Ретиф. — Закончилось действие газа. — Землянин взглянул на то место, где минуту назад упал «Корнел». — Но, если вы найдете двойника Корнела, я смогу снова разбудить Бузуна.

— Вот этот несчастный ублюдок, — ответил салинорец и вытащил невезучего лазутчика из кустов. Ретиф схватил пойманного за шиворот и сунул под нос Бузуну.

— Подыши на Великого Героя, коротышка, — приказал Ретиф.

Облако коричневого газа вырвалось из уст несчастного.

— Еще!

Пленник несколько раз дыхнул в ноздри великому воину. Через мгновение Бузун дернулся, зашевелился и открыл глаза.

— Ты все еще здесь, а? — спросил он Ретифа. — Я думал, что ты мне приснился. — Воин хихикнул. — Первый раз за последние пару сотен лет вдохнул я такого свежего воздуха. Давай еще! — закричал он, когда Ретиф попробовал отодвинуть пленника.

— Нет, не дам, пока вы не согласитесь помочь мне, — возразил Ретиф. — После этого обещаю вам море Священных Миамов!

— Не шутишь? Дай только добраться до этих груклей или как ты их там называешь? Пусть не думают, что им удастся уничтожить дипломатов и навлечь беду на мою родную планету. Я их в порошок сотру!

— Договорились. — Ретиф повернулся к Теориону.— А, вот и вы. С нами вы или нет?

— Если Бузун одобряет это предприятие, то кто мы такие, чтобы возражать? — удивился старик. — Поднимайтесь, послушные сыны Салинора! По крайней мере, в эту ночь древняя слава воскреснет вновь.

Ретиф дал Бузуну вдохнуть еще одну порцию газа и передал пленного Теориону.

— Не давите на него слишком сильно, — предупредил землянин. — Мы должны использовать его как можно дольше. Если этой экспедиции суждено завершиться успешно...

VIII

Из затененной арки в полуквартале от резных ворот посольства Земли Ретиф, сидя верхом на широкой спине кентавроида Тассара, наблюдал за полусотней солдат Гроа, охраняющих вход. Инопланетяне внимательно следили за всей улицей, держа бластеры наготове. За спиной Ретифа зазвучали неотвратимо приближающие шаги, это шел еще один патруль гроаков.

— Будьте готовы, — сказал Ретиф. — Еще десять секунд...

Издалека послышались слабые крики. Зашлепали сапогами солдаты, загремели ружья. Потом появилась пара отстреливающихся гроаков, а за ними гналась могучая фигура в старинных доспехах. В нескольких шагах от Ретифа преследователь догнал патрульных, схватил их и швырнул в разные стороны. За древним воином, задрав тоги и размахивая ритуальными ножами, к воротам посольства метнулась толпа священников—салинорцев. Через мгновение Бузун оказался в толпе гроакских «миротворцев» у ворот посольства. Рассвирепев не на шутку, Бузун молотил всех подряд булавой.

— Пошли! — Ретиф пришпорил Тассара, и могучий кентавроид метнулся вперед. Они оказались в самой гуще схватки. Ретиф размахивал метровой дубиной, в то время как Тассар молотил врагов железными копытами.

— Пробивайся через толпу, — приказал Ретиф своему «коню». — Мы расправимся с ними попозже, после того как позаботимся о главном!

— Ай—яй—яй! Какой приятный хлюпающий звук издают эти грукеры под моими копытами, — пропел старый воин, пробиваясь сквозь толпу к открытым воротам. Позади Ретиф. заметил Бузуна. Тот расшвыривал гроакских солдат, как соломинки. А из темноты появлялись все новые и новые толпы салинорцев. Гроак в сторожке за воротами выхватил бластер и выстрелил, но заряд прошел над головой Ретифа.

Необычный конь со всадником галопом ворвались во двор и пересекли лужайку перед освещенным входом. Ошарашенный морской пехотинец издал странный звук и опустил руку на рычаг, который мог закрыть решетку перед самым

носом ворвавшихся, однако Тассар одним взмахом руки уложил часового. Оказавшись в здании, Ретиф спешился и помчался наверх по лестнице, одним прыжком одолевая по пять ступенек. Неожиданно на верхней площадке лестницы появился консул Клатчплат.

— Ретиф! — глаза консула остановились на огромном кентавроиде Тассаре, на шлеме и доспехах древних воинов салинора и на разношерстной толпе, карабкающейся следом за дипломатом.

— Боже правый! Измена! Предательство! Галлюцинация! — Консул бросился бежать, однако Ретиф успел схватить его и развернуть к себе.

— Банкет уже начался?

— Т—т—только начинается, — промямлил консул, — Я просто не люблю запаха гроакской похлебки, потому и вышел на пять минут подышать свежим воздухом.

У высоких дверей в банкетный зал стоял морской пехотинец в парадной синей форме и полированном шлеме. На поясе у него висел церемониальный пистолет сорок пятого калибра. Увидев приближающуюся толпу, он потянулся к кобуре. Ретиф шлепнул его по руке.

— Извини, сынок, — сказал секретарь посольства и ударом ноги растворил двери. С обеих сторон П—образного стола всевозможные существа с разных планет уставились на Ретифа. Дипломат указал на салинорских слуг, стоящих за спиной каждого гостя.— Схватить их,— скомандовал он и поймал ближайшего, в то время как священники бросились выполнять его приказ.

IX

— Вы с ума сошли, Ретиф, — произнес бледный, трясущийся консул Клатчплат, вошедший вслед за священниками через разбитые двери. — Что это значит? Почему вы

оказались во главе этой шайки бандитов? Я должен заявить протест, несмотря на угрозу физической расправы, из—за жестокости, с которой вы относитесь к нашим милым слугам. Они же находятся под протекторатом ДКЗ!

— Некоторые из них выживут, — ответил Ретиф. Он взял со стола мясной нож, подошел к одному из схваченных официантов и одним ударом распорол его тело от подбородка до пупка. Клатчплат издал хлюпающий звук. Посол Шиндлсуит побледнел и тихо опустился под стол до того, как Ретиф наклонился и достал из искусственной оболочки мягкотелое двухфутовое создание, похожее на омара.

— Это не салинорец, это благ! — Ретиф снова наклонился и вытащил небольшой баллон. — А это их жидкий воздух — азот.

— Благи? — Клатчплат с изумлением посмотрел на покорное существо, из дыхательного отверстия которого исходил коричневый газ. — Но зачем? Как? Послушайте, Ретиф, даже если это благи, какой ущерб они, невооруженные, могли нам причинить? Чем можно оправдать ваше ужасное поведение?

— Благи питаются камнями, — объяснил Ретиф. — И они хорошо контролируют свой обмен веществ. Обычно выделяют безвредный газ, однако, испугавшись, начинают выделять окись азота. Здесь, в закрытом помещении, для того чтобы убить всех гостей, каждому из них понадобилось бы только один раз выдохнуть — и все готово. Чисто сработано.

— Но зачем? — настаивал Клатчплат.

— У меня есть идея. Посол Снит может объяснить, почему благи оказались здесь вместо обычных официантов, — предложил Ретиф.

Снит, борясь с Тассором, издал слабое мычание.

— Злорадствуйте, господин Ретиф, — прошипел он. — Каждое слово — правда! Ценю вашу мудрость! Но пока пытались разоблачить этот маскарад... да, именно маскарад, эскадра кораблей благов, которой вы, земляне, так наивно позволили пройти через блокаду, выгружает пятьдесят

тысяч отборных солдат — сливки благского флота! Уже сейчас эти маленькие, но отважные ребята занимают город, выдыхая свои смертоносные пары на всякое живое существо, попадающееся на дороге. К утру в живых не останется ни одного салинорца, чтобы оспаривать требования Гроа на мировое господство...

— Снит, вы сошли с ума! — испуганно произнес Шиндлсуит, уже достаточно придя в себя. — Когда об этом станет известно, вас поставят перед галактическим трибуналом, с вами станут обращаться таким образом, что имя Гроа станет нарицательным!

— Позвольте возразить вам, уважаемый Джордж! Никто не услышит ни одного слова о заговоре. Мы уже оборвали вашу связь с флотом ДКЗ. Через несколько минут мои миротворцы прибудут сюда, чтобы развеять иллюзию вашего успеха. Однако не сердитесь. Я обещаю вам быструю и безболезненную кончину. — Он замолчал, уставившись на Ретифа. — Ну, что вы качаете головой? Мой план безупречен! Наше вторжение — свершившийся факт!

— Действительно, но вы упустили одну маленькую деталь, — заметил Ретиф.

— Я ничего не упустил, — прошипел Снит. — Прислушайтесь, оккупационные войска уже приближаются к посольству.

Послышались тяжелые шаги, и в дверях появилась могучая фигура Зверского Бузуна. Он сорвал двери с петель и отшвырнул их.

— Все идет отлично, Ретиф! — прокричал он, — Не знаю, как ты все это придумал, но всюду появилось полным—полно этих милых парней, которых ты называешь благами. Все наши хватают их. Я тут тоже поймал одного и теперь ношу в кармане. Он снабжает меня Миамами! — Глаза великана остановились на столе, заваленном едой. — Хо! — пробасил он. — Я не ел, уже веков восемь.

— Так вот почему провалилось наше вторжение? — пролепетал Снит. — Так тщательно спланированное, оно

провалилось уже через одиннадцать часов из—за тривиального недосмотра?

— Да, ваше вторжение завершилось бы полным успехом, — заметил Ретиф. — Но в этот раз победители оказались в плену.

X

— Я в самом деле протестую. Это вмешательство во внутренние дела суверенного мира, Джордж, — прошептал посол Снит со своего места на трибуне, где стоял среди группы почетных зрителей: местных жителей и иностранцев в ожидании парада, организованного салинорцами в честь вторжения.

— Я требую немедленно возвратить конфискованный благский флот и репатриировать всех благов...

— Избавьте меня от погребальных песен, дорогой Снит, — поднял руку посол Шиндлсуит. — Нам пришлось бы здорово потрудиться и потерять много времени, если бы попытались выгнать благов. Уверен, вы понимаете, что как только их дыхательные баки истощатся, они сбегут, начнут пробивать шахты, где на глубине в несколько миль расположены азотсодержащие пласты. Поедая камни, они будут освобождать другие полезные элементы

и размножаться. Думаю, следует сказать, что вы счастливо отделались и сейчас находитесь среди почетных гостей на трибуне, как один из создателей Плана эмиграции благов, а не занимаете одну из кают для почетных пленников на корабле ДКЗ, ожидая межпланетного трибунала.

— Пфи! — гроак затрясся, бормоча возмущенным голосом. — В таком случае, — он сменил тему, — я не вижу причин, по которым Гроа должна предоставлять кредит для программ, в соответствии с которыми эти неблагодарные

аборигены даром получают восстановленную азотную атмосферу.

— Вы так думаете, Снит? — спросил Руководитель миссии Земли тихим голосом.— Полное раскрытие событий, которые привели к восстановлению дружественных отношений, могло бы привести некоторых критиков в Секторе к ошибочному заключению, что я утаил от общественности ряд событий и заявление, сделанное вами и записанное на магнитофон, приготовленный для записи торжественных речей.

Тут наконец послышались отдаленные звуки марша.

— Господа, я слышу, они приближаются.

Вдоль улицы двигалась процессия с поднятыми стягами. Возглавляли колонну величественные Тассар и Бузун. Азотные емкости, предоставленные им компанией ДКЗ, висели на боку у каждого героя. Доспехи сверкали в лучах заходящего солнца. За ними, ряд за рядом, маршировали ожившие Боги Салинора. Хвост колонны терялся в конце улицы.

— Эти ребята захватили эскадру благов в качестве трофея, а теперь хотят организовать военную экспедицию, поход. Это трудно будет обосновать, в докладе, — сказал Шиндлсуит. — Но для широкой публики, — добавил он, — мне удастся сочинить правдоподобную историю, если их экспедиции, как мы заранее договорились, будут проходить только на территории гроаков, господин Теорион.

— Конечно. Я надеюсь, вы не станете чинить препятствий этим головорезам, если они покинут Салинор, — громко прошептал в ответ старик. —Хорошо, если мы избавимся от этих воинственных хамов. Они понятия не имеют о достоинстве, присущем легендарным героям.

Тассар, заметив Ретифа, покинул строй и легким галопом направился к группе наблюдателей, которая пускала дым, раскуривая сигары.

— Мы скоро улетим, — сердечно сказал он. — Но я рад, что уезжаю. Наша родина теперь уже не та. Даже не могу спокойно поваляться на траве без того, чтобы какой—нибудь дворник не выскочил и не устроил мне скандал. А еще это

умирающее солнце! Фи! Я впадаю в глубокую депрессию. — Он выдохнул большой клуб дыма и внимательно посмотрел на Ретифа.

— Слушай, а почему бы тебе не изменить решение и не поехать с нами, а, Ретиф? — спросил он. — Мы неплохо развлечемся. Пересечем Вселенную... Чего тебе делать с этими уродами?

— Заманчивое предложение, — ответил Ретиф. — Может быть, когда—нибудь я и присоединюсь к вам. Думаю, вашу тропу во Вселенной будет легко найти.

— Договорились! — Кентавроид хмыкнул, отдал салют и помчался догонять колонну, марширующую под музыку с развернутыми знаменами. Колонна исчезала, растворяясь в ярком свете заходящего солнца Салинора.

ЛЕС НА НЕБЕСИ

1

Космический бот приземлился на планету Цун, доставив сюда дипломатическую миссию с Земли. Первым в люке показался второй секретарь посольства Джеймс Ретиф. Он спрыгнул на лазоревого цвета высокий газон и сразу же увидел одного из обитателей этой планеты. Это было существо размером с кролика с длинной ангорской шерстью темно—синего и фиолетового оттенков. Оно показалось из—за большой плиты красного гранита. Зверек уселся на свои странно устроенные задние лапы в нескольких ярдах от пришельцев. Ретиф заметил, что при появлении из люка каждого нового представителя миссии голова зверька как—то мелко подергивается. Когда на землю ступил первый секретарь посольства Маньян, его узкое лицо тут же отразило какие—то

опасения. Ретиф взглянул в ту сторону, куда он смотрел, и увидел, как из—за носовой части космического бота показалось второе существо. Оно было такое же мохнатое, как и первое, только шерсть на этот раз была цвета индиго. По форме это был идеальный шар, но настолько заросший шерстью, что не представлялось возможным определить, где у зверька мордочка, а где задняя часть тела. Передвигался он высокими прыжками.

— Как вы полагаете, они кусаются?

— Они, очевидно, травоядные, — уверенно сказал военный атташе посольства полковник Смартфингер. — Может, стоит приручить одного? Ну—ка, кис, кис, кис.

Он щелкнул пальцами и свистнул. Тут же из—за гранитной плиты показалось еще несколько кроликов.

— Послушайте, полковник, — тронул Смартфингера за рукав кителя атташе по сельскому хозяйству. — Если я не ошибаюсь, это молодые представители доминирующей на этой планете формы жизни?

— Что? — насторожился полковник. — Это зверьки?! Невозможно!

— Это ведь их снимали на фотопленку исследовательские группы. О, Господи, как их стало много!

— Вероятно, это для них что—то вроде игровой площадки. Нет, а мне нравятся эти сообразительные ребятишки... — С этими словами полковник пнул одного кролика, который за секунду до этого, открыв пасть, — у них были удивительно большие зубы, — намеревался укусить его за лодыжку.

— Чертова профессия! — ругнулся сотрудник экономического отдела, когда один из мохнатых зверьков размером с терьера молнией метнулся в его сторону и вцепился зубами в блестящую пластиковую пуговицу на розово—лиловом манжете его полуофициального костюма. — Никто заранее не знаешь, какой новый ад тебя ожидает в следующем месте работы.

— О, смотрите! — ткнул Ретифа в плечо Маньян, показывая на тяжело нагруженного чем—то техника, вылезавшего из люка последним. — Это секретные устройства, на которых посол сидел, ни разу не встав с того момента, когда мы вылетели из Центрального Сектора.

— Итак! — провозгласил выступивший вперед посол Олдтрик. Он приближался к технику и потирал довольно свои руки с аккуратно наманикюренными ногтями. Он нагнулся к груде предметов, сваленных у ног техника, взял один из них, напоминающий надувную спасательную куртку летчиков, и поднял ее так, чтобы было видно всем. — Итак, джентльмены, вы изволите видеть так сказать... мой личный вклад в дипломатические переговоры на... очень и очень высоком уровне! — Он горделиво улыбался и ласково гладил куртку пальцами. — Предназначена для эксплуатации одним человеком, автономна, оснащена устройствами для подъема человека в воздух, — громогласно объявлял он. — С этим приспособлением, господа, мы сумеем отыскать неуловимых цунеров и провести с ними переговоры так сказать на их территории!

— Но... по сообщению службы информации, цунеры — это что—то вроде одушевленных маленьких дирижаблей! — возразил сотрудник службы информации.

— Визуально зафиксировать удалось лишь несколько особей, да и то на огромной высоте! Уверяю вас, нам до них не добраться!

— Вот тут—то вы и ошибаетесь, — подмигнул довольно Олдтрик, продолжая смирно стоять в куртке и ждать, пока техник крепко затянет все ремни на его узкой груди. — Прогресс — вещь неизбежная. И познание нового — тоже вещь неизбежная. Рано или поздно, но человек, все равно встретился бы с разумом, не ходящим по твердой земле, а летающим в небе, меж облаков. И теперь, когда время этой встречи отсчитывает последние минуты ожидания, мы, сотрудники Земного Дипломатического Корпуса, готовы к ней!

— Но, Ваше Превосходительство, — заговорил первый секретарь Маньян. — Не могли бы мы лучше устроить переговоры с этими... э—э... газообразными существами, так сказать, в традиционной для нас обстановке? На твердой земле?

— Это чепуха, Маньян! Упускать столь счастливо предоставленную возможность доказать способности тренированного земного дипломата адаптироваться к любой обстановке?! Ну раз уж эти существа предпочитают парить в небесах, меж облаков, чем еще мы могли бы доказать свою добрую волю, как не демонстрацией того, что мы можем подняться к ним и вести переговоры в удобных для них условиях?!

— Однако, — веско сказал тучный сотрудник политического отдела, — мы не можем поручиться за то, что найдем кого—нибудь на той верхотуре.

Он бросил прищуренный взгляд вверх, на кружевные массы коралловых облаков, плывших спокойно по цунианскому небу на высоте около семи тысяч футов.

— Вот туда—то мы и поднимемся с вами, обогнав тем самым хорошо вам всем известных увальней, — невозмутимо сказал посол Олдтрик. — Вон видите гору? Фотографии группы исследователей с неопровержимостью доказывают наличие на ее вершине чудного воздушного города. Представьте себе картину, джентльмены: земная миссия спустится на город с высоких синих эмпиреев и откроется эра цуно—земных отношений!

— Да... Потрясающая мизансцена. Ваше Превосходительство, — нервически поведя шеей, произнес экономист. — Но, что, если что—нибудь не заладится, с этим аппаратом? Скажем, рулевой механизм кажется мне несколько ненадежным...

— Эти устройства были разработаны и собраны под моим личным руководством и наблюдением. Честер, — холодно прервал экономиста посол Олдтрик. — С другой стороны, ты

прав: никогда нельзя упускать возможность сказать о недостатке, если ты его заметил.

— О, это настоящее чудо техники, творение, бесспорно, большого таланта, если не гения, — торопливо заговорил экономист. — Я только хотел сказать...

— Честер хотел сказать, что, может, кому—то из нас следует подождать здесь, господин посол, — перебил экономиста военный атташе. — На случай поступления из Сектора каких—нибудь новых распоряжений. Несмотря на то, что я ненавижу отделяться от компании, на этот раз могу пожертвовать удовольствием и добровольно остать...

— Ничего, полковник, застегните обратно ваши ремни, — сказал Олдтрик, почти не разжимая своих тонких губ. — Я не прощу себе потом, что позволил вам принести такую жертву.

— Боже правый, Ретиф, — прерывающимся и хриплым шепотом заговорил Маньян, дергая своего коллегу за рукав. — Вы полагаете, что эти крохотные приспособления действительно сработают? И неужели он всерьез насчет... — Маньян стал медленно поднимать глаза к бездонной небесной чаше. Зрелище показалось ему настолько пугающим, что он даже не смог договорить фразу.

— Всерьез, — уверенно подтвердил Ретиф. — Что же касается изобретения Его Превосходительства, то в условиях планеты с большим диаметром, малым удельным весом, со стандартной массой 4,8 и ускорением силы тяжести у поверхности равным 0,72, плюс атмосферное давление 27,5 градусов ртутного столба и суперлегкий газ, — все возможно.

— Я этого и боюсь, — пробормотал Маньян. — Изобретение—то, положим, господина посла, но раз уж мы все вместе им воспользуемся и вдруг что—то не сработает...

— Правильно, — рассудительно заметил Ретиф. — Суду военного трибунала будут преданы все члены нашей миссии и еще неизвестно, кого назовут руководителем нашей преступной шайки.

— ...а теперь, — донесся до них пронзительный голос посла Олдтрика, который глубже насадил на затылок свой берет. — Если вы готовы, джентльмены, — надуйте ваши газовые мешки.

Десятки клапанов открылись, как по команде, и тут же по округе разнеслось громкое шипенье. Ярко раскрашенные пластиковые пузыри со свистящим звуком расправлялись, наполняясь газом, за плечами дипломатов с Земли. Господин посол выполнил прыжок на месте и взмыл в воздух высоко над головами своих коллег. На землю он уже не опустился, а остался висеть, поддерживаемый надувшимся за его спиной баллоном. Небольшие батарее реактивного движка, закрепленного на поясе, весело запыхтели. Полковник Смартфингер, широкий в кости человек, подскочил вверх вполсилы, стал падать обратно, но едва носки его ботинок коснулись травы, как его захлестнул порыв ветра и потащил по земле, как перекати—поле. Маньян, который был легче всех остальных по весу, несмело подпрыгнул и тут же оказался в воздухе рядом с руководителем миссии. Ретиф предусмотрительно ознакомился с выданным ему аппаратом, установил главный рычаг в среднем положении и легко взмыл в воздух, пока некоторые дипломаты еще возились с надуванием своих баллонов. Ретиф не хотел быть последним.

— Великолепно, джентльмены! — воскликнул Олдтрик, победно вскинув руки, когда увидел, что все члены миссии с Земли висят в воздухе на высоте пяти футов, привязанные друг к другу веревками, словно альпинисты. — Полагаю, все вы уже чувствуете то особое ощущение восторга, которое возникает, когда перед человеком открываются новые просторы для освоения!

— Лишь бы старые не закрылись, — пробормотал тихо Маньян, с ностальгией глядя вниз, на лужайку с выходящими то тут то там на поверхность скальными породами.

Их сносило ветром все дальше. Зеленый газон, на котором их высадил космический бот, резко уплывал к горизонту. Этот дымчато—зеленый ковер разрывался в некоторых местах скальными породами, будто водная гладь коралловыми рифами, будто Дэлиэскианская пустыня одинокими замками—крепостями.

— А теперь — вперед! К тому, что, как я надеюсь, скоро назовут «новым подъемом дипломатии»! — радостно вскрикнул Олдтрик.

Он передвинул контрольный рычаг своего движка на несколько делений и понесся ввысь, сопровождаемый нестройной стайкой своих подчиненных.

2

На высоте пятисот футов Маньяну наконец—то удалось схватить Ретифа за руку и занять свое место рядом с ним.

— Бот улетает! — Он указал в направлении противоположном тому, в котором они летели, и Ретиф увидел взбирающуюся к дальним облакам, искрящуюся на солнце стрекозу — космический корабль Корпуса, на котором они прибыли на эту планету. — Он покидает нас здесь!

— Это знак уверенности господина посла в том, что мы найдем здесь теплый прием и дружеское расположение со стороны цунеров, — высказал предположение Ретиф.

— Если честно, то мне до сих пор не совсем понятно, к чему Сектору понадобилось посылать в этот пустынный мир дипломатическую миссию, — крикнул Маньян, стараясь перекрыть своим голосом свистящий ветер, резко бьющий в грудь быстро летящим дипломатам. — Ретиф, у вас всегда имеется дополнительная информация по любому вопросу. Скажите, что может стоять за этим решением нашего начальства?

— Если верить нашим источникам информации, — ответил тот. — То на Цун покушаются пятиглазые гроасцы. Уже хотя бы поэтому. Корпус должен срочно заинтересоваться планетой и обойти гроасцев на первом же удобном повороте!

— Ага! — Маньян хитро прищурился. — Они знают, что—то такое, чего мы не знаем об этой планете. Кстати, — он не

мог понизить голос, потому что тогда Ретиф его не услышал бы, но подвинулся к нему ближе, — кто сказал вам об этом? Господин посол? Господин заместитель министра?

— Берите выше! Бармен в кафе нашего департамента.

— Ну что ж, полагаю, наших пятиглазых друзей постигнет большое удивление, когда они, заявившись на эту планету, найдут на ней нас, уже стоящих на короткой ноге с местными разумными. Какой бы чудаковатой не казалась нам техника господина посла Олдтрика, я считаю, что у нас не было другого способа добраться до цунеров, — сказал Маньян и, вытянув вперед шею, стал вглядываться в причудливую формацию скал, мимо которых они поднимались во все новые высоты. — Странно, что никто из них не выходит нас встречать.

Ретиф тоже туда посмотрел.

— Нам еще нужно пролететь шесть тысяч футов, — сказал он. — Надеюсь, на вершине горы нас уже ожидают с оркестром и местными экзотическими фруктами.

Спустя полчаса вся группа дипломатов с послом Олдтриком во главе поднялась над последним препятствием и получила возможность взглянуть вниз, на страну чудес из розового и фиолетового кораллов, на лабиринты улиц, шпили зданий, туннели, мосты, гроты, башни, пещеры. Все было так сложно и одновременно так хрупко, что походило на причудливый стеклянный узор.

— Теперь осторожнее, джентльмены, — распорядился Олдтрик, повернул контрольный рычаг и совершил плавную посадку на восхитительную арку, перекрывавшую расселину, наполненную живым мерцанием от света, проникавшего сквозь полупрозрачные коралловые скалы. Приземлились рядом с послом и остальные дипломаты. Все застыли в восторженном молчании и с восхищением оглядывались вокруг.

Посол первым пришел в себя. Он открыл клапан, чтобы выпустить газ из баллона, расстегнул ремни крепления,

стягивавшие грудь, и все больше хмурился, видя окружающую их всех мертвую тишину.

— Интересно, куда запропастились жители города? — спросил он и тут же все взгляды обернулись на него.

— Очевидно, джентльмены, аборигены немного пугливы, — заявил он. — Походите, погуляйте вокруг. Выражение на лицах — дружеское, приветливое. Постарайтесь избегать заходить в какие—либо священные или запрещенные места. Например, в храмы, усыпальницы и прочее.

Скинув сдутые газовые мешки в кучу рядом с местом своего приземления, земляне разбрелись по пещерам, кто—то пошел гулять по аллеям, стелющимся между коралловыми дворцами, которые были погружены в тишину. Ретиф проследовал узкой тропинкой, взбиравшейся на гребень горы, изгибающийся выше всех остальных точек. Маньян заспешил ему вслед, утирая лицо надушенным носовым платком.

— Очевидно, никого нет дома, — выдохнул он, добравшись до небольшой площадки, на которой стоял и обозревал раскинувшиеся внизу просторы Ретиф.

— Это даже как—то смущает. Интересно, какие меры были ими приняты для того, чтобы накормить и приютить нас?

— Еще одна интересная вещь, — не отвечая на риторический вопрос Маньяна, проговорил Ретиф. Он был задумчив. — Ни тебе пустых пивных бутылок, ни консервных банок, ни фруктовой кожуры. Словом, вообще никаких признаков жилья.

— Да уж, подвели нас ребята, — раздраженно поговорил подошедший сзади сотрудник экономического отдела. — Какая наглость! И, главное, со стороны кого?! Со стороны одушевленных и маленьких дирижаблей—невидимок!

— Я так думаю, что город эвакуировался! — крикнул издали сотрудник политического отдела тоном аналитика, серьезно изучающего важную проблему.

— Мы также можем уйти.

— Чепуха! — рявкнул Олдтрик. — Вы что же, предлагаете мне взять обратный курс на Сектор и заявить там, что не смог отыскать правительство, при котором я был аккредитован?!

— Батюшки! — воскликнул Маньян, заметив одинокую темную тучу, угрожающе быстро приближавшуюся к городу. Эта туча плыла гораздо ниже облачного слоя. — У меня какие—то нехорошие предчувствия! О, господин посол... — вскрикнул он вдруг и быстро побежал вниз по тропинке.

В ту же секунду из ближайшей пещеры до всех донесся дикий вопль. Все повернули туда головы и увидели появившегося у выхода из пещеры военного атташе, в руках которого находился какой—то небольшой предмет, походивший издали на кусочек просмоленного каната, обугленного на одном конце.

— Признаки жизни, Ваше Превосходительство! — объявил радостно полковник. — Я нашел окурок дурманной палочки! — Он на миг поднес свою находку к лицу и тут же добавил: — Курили совсем недавно!

— Дурманные палочки?! Невозможная чепуха! — воскликнул и отшатнулся от полковника, который совал свою находку ему прямо в лицо. — Я уверен, что цунеры слишком утонченны, чтобы предаваться таким примитивным порокам!

— Эй, господин посол, — окликнул Олдтрика Маньян. — Предлагаю всем сейчас же подыскать для нас сухую пещеру и укрыться там от непогоды...

— Пещеру?! Укрыться?! От непогоды?! Какой непогоды?! — возмущенно выговорил посол подошедшему к нему Маньяну. — Я прибыл сюда для того, чтобы устанавливать дипломатические отношения с открытой нами цивилизацией, а вовсе не для воскресного пикника!

— Вот, что я имел в виду, — упрямо сказал Маньян, указывая всем на гигантскую тучу, которая подплывала к ним все ближе и находилась на такой высоте, что через

несколько минут могла поглотить своим нижним краем всю земную миссию до последнего человека.

— Да? О... — Олдтрик с изумлением, широко раскрыв глаза, глядел на приближающуюся угрозу. — Да, я и сам хотел предложить всем поискать подходящее убежище...

— А как же быть с окурком? — попробовал возобновить прерванную тему полковник. — Мы еще не разобрались с моим окурком, как тут же подскочил этот неугомонный Маньян с какой—то там тучей!

— «Какая—то там туча» — вещь неизмеримо более важная для нас в данную минуту, чем ваш, простите за выражение, окурок! — надменно отозвался первый секретарь. — Особенно в свете того, что господин посол уже выразил догадку о том, что подобные вещицы не могут принадлежать цунерам.

— Ха! Отлично! Если они не принадлежат цунерам, то кому же они тогда принадлежат?! — воскликнул офицер радостно, но улыбка тут же померкла на его лице, он внимательнее вгляделся в окурок, пожал плечами и дал его остальным по кругу.

3

Ретиф взял окурок, понюхал его и, немного подумав, сказал:

— Похоже, полковник, в данном конкретном случае мы имеем дело с гроасским товаром.

— Что?! — вскричал Олдтрик и треснул себя по лбу. — Немыслимо! Невозможно! Они не могут... Не могли попасть сюда, так как местоположение города держится в строжайшей тайне! Я сам едва смог узнать!

— Гм! — кашлянул Маньяк, поглядывая на свою тучу, которая теперь приблизилась настолько, что становилось не по себе. По форме она напоминала военный корабль и до

землян ее разделяло расстояние всего в пару—тройку сотню футов. — И все же, господа. Не лучше ли было бы нам поторопиться с убежищем? Серьезно промокнем!

— Батюшки! — вскричал потрясенно сотрудник политического отдела, не отрывавший глаз от серо—черной массы, которая в ту секунду затмила бледное солнце. На планету свалились неурочные сумерки, и ветер внезапно резко усилился и похолодал. Туча была уже у дальней кромки вершины горы. Теперь все дипломаты, затаив дыхание, смотрели на нее.

Вдруг она резко снизилась, причем задела при этом невысокий каменный выступ. Раздался громкий скрежет и вниз по склону посыпался град из крохотных каменных обломков. Маньян отскочил назад, растерянно моргая.

— Вы видели... Вы видели... — шептал он потрясенно.

Туча снизилась еще и проплыла между двумя минаретами города, коснувшись одной узорчатой, со множеством архитектурных украшений башни. Послышался скрежещущий звук, где что—то тяжелое рухнуло на землю и тут же до дипломатов донесся какой—то истошный свист, который бывает, когда откуда—то резко выпускают воздух. Ветер усилился и донес до землян отчетливый запах какой—то прорезиненной ткани.

— О, боги! — вскричал военный атташе. — Это не туча! Это Троянский Конь! Закамуфлированный дирижабль! Обман!.. — Полковник запнулся и опрометью бросился прочь от надвигающейся беды.

Проколотый четырехакровый гигантский шар закачался, накренился под острым углом и с грохотом обрушился на город, обрушивая своды арок, валя на землю узорные решетки садов, кроша мосты, сметая тонкие изящные башни, накрывая ландшафт, будто обвалившийся купол цирка. На вершине этой темной тучи показалась маленькая подвижная фигурка в ярком шлеме и коротком плаще с лучевым автоматом в руках. Существо скатилось вниз по дряблым складкам гигантского шара на землю. За ним

показались другие. Они быстро спускались на землю и занимали позиции с целью окружения опешивших землян.

— Гроасские штурмовики! — крикнул военный атташе. — Спасайтесь, кто может!

Он со всех ног бросился в поисках укрытия в глубокий овраг. Луч, посланный из гроасскго автомата, поднял облако коралловой пыли позади него. Ретиф, находясь на своем наблюдательном пункте с подветренной стороны скалы, увидел, как с полдюжины землян были остановлены выстрелами еще до их попытки скрыться. Все они покорно подняли руки и ждали подбегавших к ним налетчиков, которые переговаривались между собой на шипящем гроасском наречии. Трое других землян попытались было улететь, но были пойманы почти сразу же и пинками, и тычками сопровождены к своим ранее плененным товарищам. Спустя минуту из оврага донеслись какие—то хлесткие сочные звуки и раздалась отчаянная брань — это могло означать только одно: пленение полковника Смартфингера. Ретиф обошел кругом скалу, у которой стоял, чтобы оценить обстановку. Она не внушала оптимизма. Одним из последних землян был взят в плен сам господин посол Олдтрик. Ретиф своими собственными глазами видел, как его вытаскивали из—под кактусового куста, где он нашел было себе убежище.

— О, было забавно встретить вас здесь, Хуберт, — сказал вышедший вперед гроасец. Он был заметно уже в плечах своих соотечественников, зато лучше одет и держал в серебряных щипчиках дымившуюся дурманную палочку. — Очень сожалею, что вас пришлось повязать, как поросенка, которого везут продавать. Со стороны это, конечно, выглядело грубовато, но что поделаешь, если нарушают границы твоих владений?

— Нарушают границы?! Ваших владений?! Я нахожусь здесь в качестве земного посланника к цунерам! — вскричал возмущенный Олдтрик. — Слушайте меня, посол Шиш, это

возмутительно! Я требую, чтобы вы приказали этим бандитам сию же минуту освободить меня и моих подчиненных!

— Зовите меня лучше фельдмаршалом Шишем, Хуберт, — прошипел гроасец. — А это вовсе не бандиты, как вы неосторожно изволили выразиться, а полиция, законные силы правопорядка. Если вы будете докучать мне, я просто распоряжусь, чтобы они применили по отношению к вам полную силу закона. Того самого, который вы столь нагло преступили.

— Какой закон?! Эти озверевшие койоты напали на мирных дипломатов, находящихся при исполнении своих обязанностей!

— Межпланетный закон, мой дорогой сэр, — прошипел Шиш. — Тот его раздел, в котором поднимаются проблемы территориальных притязаний на необитаемые миры.

— Но... Но ведь Цун населена цунерами!

— Разве? Тщательный поиск по всей поверхности планеты, проведенный нашей разведывательной службой, не дал никаких положительных результатов относительно нахождения здесь каких—либо признаков разумной жизни.

— При чем здесь поверхность планеты?! Цунеры живут не на поверхности...

— Совершенно правильно. Поэтому—то мы и оформили право на владение ею на себя. Ну, ладно, поговорим теперь об ущербе, нанесенном вами в результате вашего преступления, и репарациях, связанных с вашим освобождением. Мне думается, что миллиона будет как раз достаточно. Платить будете непосредственно мне, как общепланетному военному коменданту...

— Миллион?! — Олдтрик с трудом сглотнул. — Но... Но... Но послушайте! — Он вперил в Шиша отчаянный взгляд. — Зачем вам эта планета?! Вы же, гроасцы, предпочитаете сухую, песочную землю! Здесь вы ее не найдете. Кроме того, Цун не представляет собой ни большой экономической, ни стратегической ценности...

— Ммм… — Шиш на минуту задумался, отведя в сторону свой окурок дурманной палочки. — Ладно, вреда не будет, если я скажу вам. Мы собираемся собирать здесь урожай.

— Урожай? Здесь ничего не растет, кроме синей травы и кораллов!

— Вот тут—то вы и заблуждаетесь, Хуберт. Вот, что нас интересует… — С этими словами он показал на свой ворсистый плащ—накидку фиолетового цвета.

— Роскошный мех, легкий, яркий, противоаллергический… — Он понизил голос и подмигнул тремя глазами. — Кроме всего прочего, говорят, будто он оказывает заметное возбуждающее воздействие. На поверхности Цуна сейчас прыгают и резвятся сотни миллионов живого дохода, вы сами, наверно, видели. Мы будем снимать урожаи мехом.

— Да вы шутите, что ли?! Сэр, это ведь…

Внезапно в том месте, где находились охраняемые гроасцами пленники, случилась какая—то маленькая заварушка. Из толпы выскочил один из землян и со всех ног бросился к ближайшим пещерам. Гроасские полицейские помчались вдогонку. Шиш издал какой—то сдавленный звук и побежал вслед за своими подчиненными для того, чтобы лично наблюдать за тем, как беглеца вновь возьмут в плен. Олдтрик, оставшийся без присмотра, скосил глаза на лежавшую в десяти футах от него кучу с летным снаряжением. Он тяжело вздохнул и кинулся искать свою куртку—самолет, нашел, стал надевать ее и застегивать ремни. Когда он обернулся, чтобы высмотреть подходящее убежище, издали раздался дикий вскрик: его попытка к побегу была разоблачена! Чувствуя отчаяние, руководитель земной миссии кинулся прочь от своих врагов, на бегу открыв клапан, расправив надувавшийся газовый баллон и включив реактивный движок на поясе. Он взмыл в воздух прямо перед носом у двух гроасцев, которые уже было догнали его. Они хотели в последнюю секунду схватить посла за ноги, но и это им не удалось. Олдтрик проплыл над головой Ретифа на высоте около двадцати футов, быстро сносимый в сторону

посвежевшим ветром. Ретиф обернулся и увидел все тех же двух гроасцев, которые бежали по земле вслед за послом, очевидно, все еще надеясь поймать его. Ветер уже перетаскивал летящего дипломата через край горы, когда Ретиф увидел, что пятеро гроасцев целятся в Олдтрика из своих автоматов. Раздались выстрелы. До Ретифа донесся характерный свистящий звук, который бывает тогда, когда гвоздем протыкают воздушный шар: значит, луч попал в оболочку газового баллона! С отчаянным воплем господин посол скрылся из поля зрения Ретифа за гребнем горы.

Тогда молодой земной дипломат вскочил на ноги, выпрыгнул из своего укрытия, бросился к куче летного снаряжения, схватил две куртки, повернул в обратную сторону и помчался к гребню горы, за которым скрылся посол Олдтрик. Два гроасца, которые перестали преследовать земного посла, попытались было воспрепятствовать еще одному побегу, но были сметены Ретифом с пути в одну секунду. Откуда—то сбоку появился еще гроасец с автоматом в руках, пытавшийся перехватить Ретифа на полдороге. Землянину без особого труда удалось ухватиться за дуло, и он сильно встряхнул автомат вместе с его владельцем, с испугу не отпустившего теперь уже бесполезного оружия. Затем Ретиф подхватил «наевшегося кексов» автоматчика и бросил его под ноги двум его соотечественникам, которые бежали за землянином. Смертоносные лучи сверкали совсем рядом с головой Ретифа, но он, не замедляя бега, достиг наконец гребня горы и прыгнул без колебаний в семитысячефутовую пропасть.

4

Дикий ветер хлестал Ретифа по лицу и уносился вверх, как настоящий ураган. Сунув одну летную куртку в зубы, он быстро надел другую на себя, — точно так же, как сделал бы

это в нормальной обстановке у зеркала, — и стал затягивать нужные ремни на груди. Он глянул вниз, отчаянно морщась от неистово бьющего в лицо ветра. Господин посол с болтавшимся за его спиной сдутым газовым баллоном падал так же свободно, как и Ретиф, только двадцатью футами ниже. Ретиф резко выбросил вниз руки и сделал лягушачье движение ногами, совсем так, как делают ныряльщики, стремясь глубже погрузиться. Расстояние между двумя мужчинами сократилось. В опасной близости вверх пронесся пик тонкой скалы. Ретиф сделал еще несколько отчаянных телодвижений для того, чтобы сблизиться с послом, и наконец его рука смогла дотянуться до начальника и Ретиф схватил Олдтрика за ногу. Посол конвульсивно дернулся и устремил на подчиненного исполненный дикого ужаса взгляд. Все его лицо было в слезах — из выжал то ли ветер, то ли страх. Ретиф подтянулся совсем близко к послу, поймал его руку и сунул туда исправную летную куртку. Несколько секунд посол ничего не мог сообразить, но потом с помощью Ретифа избавился от своего сдутого баллона и надел новую куртку. Он повернул клапан, баллон стал быстро надуваться, падение Олдтрика резко замедлилось, и он унесся вверх. В следующую секунду Ретиф и сам открыл клапан и через минуту уже мягко плыл в воздухе в сотне футов ниже посла Олдтрика.

— У вас оперативное мышление, мой мальчик... — слабо донесся до Ретифа голос Олдтрика. — Как только я вернусь на наш транспорт, я вышлю срочную депешу с требованием прислать усиленный контингент сил поддержания мира для того, чтобы они разобрались с этими негодяями! Мы сорвем их дикие планы вырезать несчастных и по—детски наивных цунеров, тем самым заслужим горячую любовь их! — Он стал опускаться быстрее для того, чтобы сравняться с Ретифом, а сделав это, продолжил: — Вы пойдете со мной. Я хочу, чтобы вы подкрепили мой запрос относительно необходимости прислать войска своими собственными наблюдениями за злодеяниями гроасцев. Кроме того...

— Прошу прощения, господин посол, — сказал Ретиф. — Боюсь, мне будет трудно последовать за вами. У меня случилось что—то со снаряжением. Как будто клапан заклинило...

— Вернитесь! — прокричал отчаянно Олдтрик, проскакивая вниз мимо Ретифа, который незаметно переставил контрольный рычаг в нужное ему положение. — Я настаиваю на том, чтобы вы сопровождали меня!..

— Боюсь, теперь это от меня уже не зависит, сэр, — откликнулся Ретиф сверху. — Советую вам держаться подальше от колонистов, которых вы можете обнаружить внизу. Боюсь, они уже получили сообщение о том, как надули на горе их полицейских и могут осерчать. Медленно спускающийся с неба дипломат будет представлять для них отличную мишень.

5

Через минуту налетел юго—западный ветер, подхватил Ретифа и понес с собой со скоростью двадцати миль в час. Он покрутил контрольный рычаг — бесполезно. Ландшафт — широкие просторы холмов цвета мягкого аквамарина — плыл внизу. С той высоты Ретиф мог рассмотреть огромные стада тех существ, покрытых красивым мехом — от голубого до темно—виноградного оттенков, — на которых намекал Шиш. Ретиф заметил, что все они направляются к одному месту, которое находилось невдалеке от подножия горы. Там было несколько черных точек — вероятно, пещеры или норы.

Через две—три минуты вид внизу затуманился, так как Ретиф вошел в полосу облаков. Поначалу мимо него пролетали лишь полупрозрачные струйки нижнего облачного слоя, но вскоре его окружила и обняла непроницаемая и влажная мгла. Было такое ощущение, что он попал в холодные турецкие бани.

В продолжение десяти минут он ничего не мог увидеть в футе от себя и плыл в неизвестном направлении, но, как он понял, вверх. Наконец сквозь густую облачную пелену проникло бледное солнце: сначала это был мягкий, отфильтрованный облачной массой, свет, затем он стал ярче, еще ярче и вдруг в глаза Ретифу брызнул такой яркий блеск, что он вынужден был зажмуриться. Он вылетел из облачного покрова в чистое голубое небо и быстро плыл между солнцем, бившим в глаза, и ослепительно белой твердью облаков.

Немного попривыкнув к яркому свету, но продолжая жмуриться, он осмотрелся вокруг. На расстоянии примерно в пять миль он заметил какой—то неопределенной формы туманность светло—зеленого цвета. Настроив соответствующим образом контрольный рычаг, он поплыл в ту сторону.

Прошло пятнадцать минут, и он подлетел уже настолько близко, что смог различить толстые, глянцево—желтые опоры, поддерживающие массы листвы оттенка шартрез. Подлетев еще ближе, Ретиф смог различить уже детали: огромные кусты с листьями размером с обеденную скатерть и большими цветами алых и розовых тонов. Солнце, стоявшее в зените, с трудом пробивалось сквозь плотную лиственную массу и его лучи меняли здесь цвет с ослепительно белого до мягкого зеленого. Ретиф направил себя к одной ветви, которая была толстой и производила впечатление крепкой. В самый последний момент он увидел острые шипы, торчащие из кустов. Каждый из шипов имел длину не меньше ярда. Ретиф дернулся в воздухе и попытался уклониться от этих угрожающе больших игл, но ему это сделать не удалось: раздался хруст прорываемой ткани, свист выходящего из баллона газа и сам баллон в несколько секунд обмяк и растерял всю свою подъемную силу. Ретифа, внезапно вновь обретшего вес, с силой бросило грудью на толстую, — в ногу человека, — шершавую ветвь. Он ухватился за нее руками и ногами и только тогда увидел, что дерево—то рогатое и что всего в нескольких дюймах от его

лица из ветви торчал один из таких роговых отростков с острием как у кинжала.

6

Вокруг кипела жизнь!

Уши Ретифа улавливали невероятное число разных звуков: и жужжание, и гудение, и шипение, и треск ветвей, и шелест густой листвы. Над головой и, как ни странно, под ногами носились мохнатые шарики самых ярких расцветок

— местные птицы; с ветки на ветку резво прыгали маленькие зверьки, похожие на земных хорьков; шелестели крыльями золотистые четырехкрылые бабочки. Вдали раздался какой—то крик, на секунду хор лесных голосов смолк, но тут же возобновился.

Ретиф глянул вниз, но он мог увидеть лишь нескончаемые уровни листвы и ветвей. Где—то в двухстах футах внизу лес затмевался облачным покровом. До земли, по условным подсчетам Ретифа, было не меньше мили—полутора. М—да, нелегкий отсюда спуск. С другой стороны, похоже было, что другого выбора у него нет. Ретиф избавился от порванного баллона вместе с ненужной уже летной курткой и стал осторожно, переступая с ветки на ветку, спускаться вниз.

Он преодолел не более пятидесяти футов вниз, как вдруг уловил боковым зрением какое—то странное движение в листве. Он остановился и стал смотреть в ту сторону. Прошла минута и налетевшим порывом ветра откинуло в сторону листву, и Ретиф увидел перед собой грузное и бледное, как привидение, существо с телом, покрытым короткой белесой щетиной и головой в форме ровного сфероида. Существо отчаянно молотило своими членистыми черно—блестящими конечностями по паутине шелковых и алых нитей, причудливо сплетающихся между собой в спиральном рисунке. Рядом с попавшимся в ловушку существом

покачивалась плоская сумка на ремне. Паутина, как заметил Ретиф, была сплетена на концах двух длинных сучьев и изогнулась дугой под тяжестью жертвы...

Заглянув в тень листвы, Ретиф увидел лапу длиной в фут, которая будто ножницы садовника зависла в двух футах от плененного существа. Эта лапа резко переходила в шестифутовую гладкую, словно труба, конечность, которая в свою очередь исходила из тела, заключенного в серебристые пластины—латы и почти полностью скрытого в тени листвы.

Пока Ретиф с любопытством наблюдал за этой картиной, признаки жизни подавала только жертва, не перестававшая предпринимать попытки к своему освобождению. Но вдруг зашевелился и агрессор. Его лапа внезапно сделала выпад в сторону жертвы, пробила лиственный тент и вырвала из шкуры несчастного существа клок белесой шерсти. Неизвестно еще, чем закончилась бы эта атака, если бы в самое последнее мгновенье жертва не сделала спасительного нырка в сторону. Агрессор сам не мог дальше продвигаться к своей цели, так как это грозило обрывом паутины. Но все равно пленник уже никуда не мог деться и его жестокое убийство было лишь вопросом времени.

Ретиф порылся к себя в карманах и достал оттуда перочинный нож с лезвием длиной в два дюйма: им удобно было обрезать горгенсенские сигары. Этим ножом он перерезал виноградную лозу, которая нависала над его головой. Полученную таким образом веревку он смотрел в жиденькую бухту и вновь начал подниматься наверх.

Забравшись на ветку несколько выше того места, где была паутина, Ретиф глянул вниз и увидел двадцатифутовое чудовище, прильнувшее головой вниз к стволу толщиной в шесть—семь дюймов. Хищник вытягивался изо всех сил во всю длину своего огромного тела в попытках все—таки достать запутавшуюся в клейких нитях паутины жертву.

Ретиф, выгнув спину, бесшумно заскользил вниз, чтобы быть как можно ближе к задней ноге монстра. В следующую

минуту он бросил свой аркан, наскоро сделанный из куска гибкой виноградной лозы, и когда тот зацепился за голеностопный сустав монстра, землянин ловким рывком затянул петлю, которая от последующего натяжения должна была превратиться в настоящий тугой узел. Другой конец аркана он привязал к крепкому стволу за своей спиной, да так, что веревка была почти натянута. Чудовище даже не заметило, как его связали. Впрочем, Ретиф заранее знал о пониженной чувствительности задних конечностей у больших животных.

Затем Ретиф скользнул вниз по стволу на свое прежнее место наблюдения. В руке он держал вторую сделанную им веревку, один которой был привязан к крепкому суку.

Попавшая в ловушку жертва все больше запутывалась в клейкие нити паутины и все меньше имела свободы двигаться. Она вдруг увидела Ретифа и инстинктивно дернулась, что вызвало еще одну атаку со стороны чудовища, которая, однако, и на этот раз оказалась неудачной.

— Так держать, — тихо проговорил Ретиф. — Я попытаюсь отвлечь его внимание.

С этими словами он выступил на тонкую ветвь, которая прогнулась под его тяжестью, но выдержала. Держа в свободной руке конец веревки, он медленно пошел по этой ветви и наконец остановился в каких—то десяти футах от паутины.

Сверху послышался шорох: чудовище с клешневидной лапой заметило постороннее движение, насторожилось и, скосив блестящий глаз, стало изучать Ретифа с дистанции в пять ярдов. Ретиф увидел, что лапа несколько отклонилась от прежнего направления и теперь нерешительно пошатывалась из стороны в сторону, как бы еще не знаю, куда ударить сначала.

В нескольких дюймах от лица Ретифа с какой—то ветки свешивался плод величиной примерно с бейсбольный мяч. Ретиф сорвал его, тщательно прицелился и запустил прямо чудовищу в глаз. Цель была поражена, — благо, глаз был

гигантский, — а сам плод треснул и забрызгал листву вокруг какой—то клейкой ярко—желтой мякотью, обладавшей запахом перезревшей дыни. Лапа с клешней будто молния ударила в то место, где стоял Ретиф, но поздно... его там уже не было. В последнее мгновенье он ухватился за конец веревки и спрыгнул с ветки, на которой стоял. Совершив длинный прыжок—перелет в стиле Тарзана, он приземлился на небольшой площадке в тридцати футах от паутины. Разозленный неудачей хищник прыгнул вслед за Ретифом... Раздался ужасный треск молодой виноградной лозы, которая скрепляла лапу хищника с деревом. Ствол накренился, но он был слишком мощен для того, чтобы его можно было вот так просто сломать. Лоза также выдержала. И блистающее серебристыми пластинами на своем гладком, будто ствол орудия, теле чудовище вдруг на какой—то почти неуловимый миг повисло неподвижно в воздухе в начале своего прыжка. Ретиф, стоявший в безопасности на своей площадке, успел поймать как в мгновенном фотоснимке оскаленную несколькими рядами острых здоровенных зубов пасть чудовища... Затем хищник полетел назад, виноградная лоза, зацепившись за какой—то шип, порвалась и чудовище всей своей массой рухнуло вниз. Некоторое время еще были слышны хруст ломающихся ветвей, сыплющейся листвы, ударов о стволы, но потом все звуки потонули в бездонных глубинах пропасти.

7

Ощетинившийся цунер тяжело раскачивался в сети, глядя настороженно на Ретифа, — глаза у этого существа располагались в ряд и напоминали блестящие розовые пуговки на рубашке, — прорубавшегося через крепкие нити паутины с помощью своего перочинного ножа. Получив свободу, цунер тут же потянулся к своей сумке своей

четырехпалой рукой в перчатке, украшенной декоративными когтями в дюйм длиной, достал из нее маленький цилиндр и насадил его на свой средний глаз.

— Хрр—и—кк, — сказал он с легким придыханием.

Рот его скривился в каком—то диком несоответствии с произнесенным звуком. Средний глаз цунера осветился ярким зеленым цветом, от которого Ретифу пришлось почти зажмуриться. Чужак снял цилиндр и кинул его обратно в сумку, но через мгновенье его рука появилась оттуда уже с другим предметом, напоминающим небольшую в фут длиной губную гармонику. Цунер приладил этот предмет куда—то к своей шее. Тут же из него донесся какой—то хрип, свист, шипенье. Цунер молчал. Выждав паузу, Ретиф сказал:

— Если я не ошибаюсь, это гроасский электронный транслятор. Полезная вещь, тут уж не поспоришь.

— Правильно, — перевело маленькое устройство слова цунера, сказанные тоненьким голоском. — А что, работает! Ей—богу, работает!

— Гроасцы не имеют себе равных, когда речь заходит о микроэлектронике и приобретении недвижимого имущества, — подтвердил Ретиф.

— Недвижимое имущество? — спросил цунер с изменившимся тембром голоса.

— Я имею в виду сейчас поверхность вашей планеты, — объяснил Ретиф.

— Ах, это! Да. Я слышал, они решили поселиться под нами. Идиоты. Чтобы принять такое решение, надо в детстве с коляски свалиться. Но, впрочем, всяк по—своему накладывает на себя руки, как очень тонко подметил Церд, прежде чем покончил с собой, надышавшись азотной кислоты, — сказал цунер и вдруг как—то оценивающе посмотрел на Ретифа. — А ты, как я погляжу, к своей смерти подходишь изобретательно.

— В каком смысле?

— Я имею в виду твою тарзанку из виноградной лозы, — пояснил цунер. — Это опасно, знаешь ли. Клешня могла перерезать эти твои качели, как травинку. И полет мог закончиться в самой середине, а это... Ты понимаешь, чем это тебе грозило.

— Да, но у меня создалось впечатление, что хищник был занят в основном вами, — возразил Ретиф.

— О, да, он был занят мной. Почти поймал. Но его труд все равно не окупился бы: у меня невкусное мясо. — Цунер проверил работу транслятора, внимательно взглянул на землянина и спросил: — Должен ли я понимать твои действия так, что ты намеренно спасал меня?

Ретиф кивнул в знак подтверждения этой мысли цунера.

— Чего ради?

— По идее разумный всегда должен приходить на помощь разумному, особенно когда его хотят съесть живьем. Такова традиция.

— Ммм… Интересная концепция… Ага, а теперь ты, стало быть, рассчитываешь на то, что я верну тебе этот свой долг, да?

— Если это вас не затруднит, — невозмутимо ответил Ретиф.

— Но ты выглядишь таким съедобным, таким аппетитным… — вдруг заговорил цунер. Без всякого предупреждения одна из черных — будто ствол эбенового дерева — конечностей цунера взметнулась в сторону землянина, а когти на ней вытянулись на полную длину. Это был быстрый удар, но Ретиф оказался быстрее. Молниеносным выпадом он ударил носком своего ботинка в голень другой ноги цунера изо всех сил. Цунер завопил от боли и повалился вниз. Он успел подставить руки, чтобы не удариться лицом, но Ретиф не проявил милости: он врезал сначала по одной руке, потом по другой. В следующую секунду дуло маленького пистолета уперлось в щетинистый живот цунера.

— Эта штучка называется пистолетом. Мы, земляне, также умеем делать хорошие вещи, — сказал он спокойно. — Вы поймете это, когда я выстрелю.

— …но внешний вид может быть таким обманчивым, — закончил прерванную фразу цунер, потирая отбитые конечности.

— Ничего, это традиционная ошибка, — сказал Ретиф мирно. — Надеюсь, вы больше не будете рассматривать меня как кусок съедобного мяса? Кстати, именно так рассматривал вас тот хищник. Я тоже невкусен, поверьте: так, нестройный набор химических элементов.

— Да. Ну, хорошо, в таком случае, я, пожалуй, пойду, — сказал цунер и тут же повернулся от Ретифа в сторону.

— Прежде чем вы уйдете, — остановил его голос землянина, — необходимо, на мой взгляд, обсудить кое—какие вопросы. К нашей общей выгоде.

— О? Какие, например?

— Вторжение на Цун, это во—первых. И способы возвращения вашего племени на цунианскую твердыню, это во—вторых.

— Ты способен заставить. Знаешь, что я тебе скажу? Это своего рода невроз. Ни у того хищника, ни у моей скромной персоны нет дела до других, мы можем жить себе спокойно. Вмешиваться в чужие дела — тяжкий путь.

— Боюсь, в вашем трансляторе надо подрегулировать настройку, — сказал Ретиф. — Вы стали неясно излагать свои мысли.

— А мне вот тоже сдается, что ты что—то крутишь—вертишь, но прямо не говоришь, — признался цунер. — Я вижу, что ты пытаешься мне что—то объяснить, но, клянусь своей жизнью, не могу понять: что именно? Давай—ка прогуляемся ко мне домой. Примем аперитив и попробуем просветить друг друга. Кстати, меня зовут Кой Готовый Укусить.

— А меня Ретиф Иногда Уходящий в Запои, — ответил с улыбкой землянин. — Показывайте дорогу, Кой, а я сделаю все, чтобы от вас не отстать.

8

Это было захватывающее дух путешествие почти по верхушкам деревьев, длившееся около получаса. Цунер передвигался красивыми и удивительно длинными прыжками, после каждого из которых он несколько секунд отдыхал там, где приземлялся. Ретиф отчаянно пытался не потерять цунера из своего поля зрения. Он использовал для своего движения толстые ветви деревьев, виноградные лозы и старался не думать о той дикой пропасти, которая ожидает его, если он сделает хоть одно неверное движение.

Эта гонка закончилась у стофутового сферического пространства, которое было очищено от растительности и представляло собой что—то вроде тенистой, освещенной мягким

зеленым светом пещеры. По ее окружности тянулись заросшие зеленью беседки и балкончики; маленькие, хрупкие на вид террасы были подвешены в тени ветвей и листьев гигантских местных папоротников. В поле зрения находилось несколько десятков цунеров, одни из которых отдыхали на удобно устроенных площадках, а другие развалились в креслах, сплетенных из крепких стеблей и мягко раскачивающихся под легким ветерком. Некоторые, казалось, бесцельно слонялись из одного насеста в другой. Наконец две—три особи висели, зацепившись конечностями за ветви винограда, и, видимо, спали.

— Придется тебя представить, — сказал Ретифу цунер. — Иначе ребята попробуют взять тебя на зуб, как я, и пострадают также, как пострадал я. Я против этого, потому что раненый цунер — не такая уж приятная компания. — Он выключил на минуту транслятор и издал резкий тонкий крик. Головы цунеров повернулись в сторону своего собрата и землянина. Кой произнес короткую речь, все время показывая рукой на Ретифа, который вежливо, но с достоинством кланялся. Цунеры очень быстро потеряли всякий интерес к землянину и вернулись к своим прерванным делам.

Кой указал Ретифу на маленький стол, поставленный на высоком брусе, вокруг которого симметрично располагались три сиденья. Ретиф занял свое место, Кой сел напротив него. Было немного непривычно, так как креслица качались и сильно прогибались под тяжестью Ретифа. Кой коротко и пронзительно свистнул, и тут же к столу прыжками приблизилось серое в черных крапинах существо. Кой отдал какое—то распоряжение, существо ускакало и через минуту вернулось с двумя флягами, из горлышек которых исходил приятный аромат.

— Аxx! — с наслаждением выдохнул Кой и откинулся на спинку своего кресла, скрестив под столом ноги. — Удобное кресло, фляга с аперитивом — это ли не Нирвана?! — Он поднял свою фляжку и, сунув горлышко в раскрытый рот меж

рядами зубов, которые по своей остроте могли поспорить с зубами того хищника, и сделал большой глоток.

— Интересное местечко у вас тут, — сказал Ретиф, осторожно принюхиваясь к напитку. Затем он попробовал немного. Жидкость мгновенно растаяла у него на языке, оставив во рту мягкий и удивительно приятный аромат.

— Да, здесь неплохо, — согласился Кой. — Но было бы еще лучше, если бы не обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

— Недостаточно пищи. Слишком много хищников. Таких, как тот, которого ты отправил на землю. Ограниченность жилого пространства — некуда пойти прогуляться. И, конечно, необходимо учитывать еще тот факт, что мы отрезаны от минерального сырья, полезных ископаемых. Это лишает нас перспектив технологического развития. Давай смотреть правде в глаза, Ретиф: мы сидим на дереве и этим все сказано.

Ретиф скосил глаза на одного грузного цунера, который на его глазах совершил один из тех удивительно длинных и легких прыжков, которые были характерны для этого племени.

— Кстати, о технологии, — сказал землянин. — Как вам удается этот номер?

— Какой?

— Вы весите, должно быть, не меньше трех сотен фунтов, но когда захотите, можете плыть в воздухе не хуже пылинок одуванчика.

— Ах, это. Вы называете это, видимо, чем—нибудь вроде врожденного умения. Это свойство присуще даже нашим стручкам со спорами, иначе они погибали бы при соприкосновении с землей. — Органическая антигравитация, — восхищенно проговорил Ретиф. — А, впрочем... Лучше бы это назвать телепортацией.

— Железы воспринимают мысленные импульсы, — сказал Кой. — К счастью, у нашего потомства вообще не приходится говорить о каком бы то ни было мышлении, поэтому

они не могут подняться с земли. Иначе, боюсь, мы бы не имели возможности жить так спокойно, как ты видишь.

Он вновь опрокинул горлышком вниз свою фляжку и сделал еще один большой глоток, откинувшись на спинку кресла. Вдруг оно поплыло мягко в воздухе вокруг стола, а кресло, в котором сидел Ретиф, также сдвинулось с места и поползло в противоположную сторону. Наконец, Кой остановился на прежнем месте Ретифа, а Ретиф — на прежнем месте Коя. Цунер даже не изменился в лице от этого внезапного перемещения, зато Ретифу пришлось на секунду зажмурить глаза и смахнуть капли пота, выступившего на лбу.

— Странно, но я не могу понять, почему у вас тут не видно детей? — спросил Ретиф, приходя постепенно в себя.

— Что?! — Кой резко вскинулся в своем кресле, от чего оно заходило под ним ходуном и кинул встревоженный взгляд в сторону входа в свою беседку. — О, проклятье! Не надо со мной так шутить, Ретиф! Маленькие монстры живут на поверхности планеты, которая им принадлежит!

— Без всякого присмотра?!

Кой передернул плечами.

— Я думаю, что нам следует что—то предпринять в этом смысле, но... очень опасно.

Ретиф очень удивился, но ничего не спросил, ожидая, что цунер расскажет сам.

— Эти маленькие демоны сдерут почвенный слой со всей планеты, если им не будет позволено утолять свой голод и свою жестокость...

— Каким способом они это делают?

— Да поедают друг друга!

— Значит, по этой причине вы и не живете на поверхности планеты?

— Да. Если бы наши предки не забрались на деревья, сейчас бы нашей расы вообще не было. Нас бы сожрал наш собственный молодняк.

— И, похоже, ваше равнодушие к вторжению гроасцев имеет под собой те же корни.

— Сезон активного питания на поверхности только—только начинается, — тут же сказал цунер. — Когда он наберет силу, эти ребята не продержатся и суток. Правда, в них мало мяса и соку... По крайней мере в том, которого я встретил...

— Вы имеете в виду бывшего владельца этой кожаной сумки и транслятора?

— Именно. Интересный попался парнишка. Он крутился на каком—то странном небольшом приспособлении с винтом на верхушке. Да вот зацепился за виноградную лозу, которую я протянул... — проговорил цунер, отпивая из фляжки.

— Да, гроасцы не производят впечатление отважных существ, — согласился Ретиф. — Но в их распоряжении имеется современное оружие, включая и субядерное. И, похоже, они всерьез хотят разобраться с вашим агрессивным потомством.

— Ну так что? Может, им и удастся очистить планету от этих маленьких дьяволов. Тогда даже лучше. Мы сможем вернуться на землю и зажить по—людски.

— А как же тогда быть с продолжением рода?

— А черт с ним, — беззаботно отозвался Кой. — Нас интересует только наша жизнь.

— И все же, — проговорил Ретиф задумчиво. — Вы сами когда—то были молодым...

— Если ты решил давить на меня, землянин, — раздраженно проговорил цунер, — можешь идти отсюда!

— Хорошо, — ответил невозмутимо Ретиф. — Но прежде не согласитесь ли вы описать мне ваших ужасных детишек?

— Внешне—то они не совсем похожи на взрослых. По размеру бывают вот от таких... — Кой сдвинул вместе два своих когтистых пальца в дюйм толщиной каждый, — до таких... — Он показал руками полтора ярда. — И, разумеется, детская шерстка. Длиной в фут, очень густая и бледно—голубого цвета.

— Вы сказали... голубая?!

— Голубая.

Ретиф задумчиво кивнул.

— Знаете что. Кой... Я думаю, у нас есть база для сотрудничества в одном дельце. Если вы уделите мне еще пяток минут, я выложу вам все, что у меня на уме...

9

Находясь между Коем и другим цунером по имени Орнкс Жадно Поедающий, Ретиф просверлил своим телом толстый облачный покров. Тихо жужжал реактивный движок, снятый с проколотого летного снаряжения.

— Вон туда, прямо по курсу, — крикнул он, перекрывая шум свежего ветра и показывая на возвышающуюся гору, казавшуюся с такого расстояния бледно—розовой.

— Ух ты! — восторженно воскликнул Кой, не отставая от Ретифа. — Вот это идея, землянин! Знаешь, я никогда даже представить себе не мог, что от полета можно получать такое удовольствие! Постоянно вертишься меж ветвей, да ждешь пока тебя слопает какой—нибудь местный монстр... Смысла во всем этом ни капли... А с этими крохотными бродягами мы теперь живем! Ведь открываются совершенно новые перспективы! Ты знаешь, во мне уже чувствуется заметное уменьшение моей ненависти к детям!

— Не позволяйте своим необузданным эмоциям забираться к вам в голову и хозяйничать там. Кой, — предостерег цунера Ретиф. — Посмотрим, как себя чувствуют наши друзья—гроасцы. В этими ребятами надо вести себя осторожно. Вы повесите в сторонке, пока я разведаю обстановку.

Спустя несколько минут они подлетели к вершине коралловой горы и Ретиф пронесся над тем местом, где его коллег брали в плен. Поблизости не видно было ни одного гроасца, зато Ретиф заметил нескольких землян, бесцельно бродивших по своей открытой всем ветрам высокогорной

тюрьме. Едва завидев приземлявшегося Ретифа, они все как один издали вопль радости и со всех ног бросились к нему навстречу.

— Ах, мой мальчик, мой мальчик! — орал полковник Смартфингер, отчаянно тряся руку Ретифа. — Я знал, что вы не оставите нас прозябать здесь! Эти негодные гроасцы экспроприировали наши летные куртки и теперь...

— Но где же военное подкрепление?! — нетерпеливо и возмущенно возопил сотрудник политического отдела, заглядывая Ретифу за спину. — Где наш корабль? Где Его Превосходительство? И что это за существа?! — Он указал на цунеров, подыскивавших место для посадки. — Где вы были, Ретиф? — Вдруг он ошалело оглядел своего молодого коллегу с ног до головы, обошел его кругом и потрясение спросил: — А где же ваша летная куртка?

— Позже все объясню, — сказал Ретиф и указал дипломатам на сдутый гроасский газовый мешок, складками покрывавший скалы неподалеку. — Сейчас нет времени для пустой болтовни. Цепляйтесь все за этот воздушный шарик и побыстрее!

— Но ведь он проколотый! — запротестовал полковник Смартфингер. — Он не полетит!

— Полетит, когда наши новые союзники закончат свою работу, — заверил землянин Ретиф.

Цунеры уже вовсю суетились, набивая эрзац—облако полными пригоршнями стручков с летучими спорами. Угол гроасского Троанского Коня округлился и, лениво зашевелившись, поднялся в воздух. Прошло несколько минут и воздушный шар был готов. Земляне, затаив дыхание, смотрели на это чудо—превращение.

— Вы знаете, что нужно делать, — крикнул Ретиф Кою. — Не теряйте времени и нагоняйте меня внизу.

С этими словами Ретиф высоко подпрыгнул, врубил контрольный рычаг реактивного движка на полную и на приличной скорости перевалил через гребень коралловой горы.

10

Ретиф уже преодолел около двух третей всего пути вниз вдоль отвесной стены коралловой горы, как вдруг заметил маленькую фигурку, взгромоздившуюся на уступе одной скалы и размахивающую руками. Землянин подлетел поближе и вскоре смог уже различить журавлиные ноги и пятиглазое лицо гроасца. Одежда на бедняге, — красивая по покрою и, несомненно, очень дорогая, — была просто в плачевном состоянии.

— Так как же, фельдмаршал Шиш, — весело крикнул Ретиф. — Внизу, насколько я понял, вам не так чтобы уж очень понравилось, не так ли?

— Зовите меня лучше послом Шишем, — печально откликнулся несчастный со своего неудобного насеста. — Если вы решили лишний раз поиздеваться надо мной, то лучше летите себе с богом отсюда — я и так настрадался!

— Не совсем, — возразил Ретиф. — Но, впрочем, еще не все потеряно. Насколько я понял, ваши доблестные воины столкнулись на поверхности планеты с какими—то непредвиденными сложностями?

— Их была целая туча! Они набросились на нас, когда я вкушал отдохновение в своей ванне! — прерывающимся шепотом заговорил гроасец. — Они покончили с десятком моих солдат прежде, чем я успел выскочить из моей ванны с горячим песком, где я благодушествовал! До сих пор не могу понять, как это мне повезло унести оттуда ноги! А потом вдруг эта ваша земная халтурная летная куртка отказала и сбросила меня сюда. Увы! Прощай надежды на дальнейшую карьеру!

— Может, вам и рано с ними прощаться, — сказал Ретиф. Он совершил ловкий маневр и сблизился с гроасцем так, что смог протянуть ему руку. — Могу предложить вам свой хребет и объяснить обстановку. Возможно, вам еще удастся спасти что—нибудь из—под обломков.

— Хребет? — Все пять глаз гроасца едва не выкатились из орбит. — Вы в своем уме, Ретиф? Я и так—то не пойму, за счет чего вам удается держаться в воздухе, неужели вы думаете, что выдержите еще и меня?!

— Мое дело предложить — ваше дело отказаться, — безразличным тоном сказал Ретиф. — У меня очень загруженный график и я не собираюсь терять здесь с вами время на пустые разговоры. Короче, я полетел.

— Я согласен! — вскричал отчаянно Шиш.

Он ухватился руками за шею Ретифа, осторожно слез со своей скалы и взгромоздился землянину на спину. При этом четыре из его пяти глаз были плотно закрыты.

— Никогда еще не размышлял о самоубийстве и вот на тебе — дождался, когда уже и не требуется моих размышлений!

11

Прошло пять минут тяжкого полета и Ретиф вдруг услышал оклик. Он оглядел внимательно стену горы в этом месте, ухмыльнулся и через минуту уже приземлился на узком уступе рядом с послом Олдтриком. Высокопоставленный дипломат, где—то успел потерять свой роскошный берет, а на левой щеке у него была приличная ссадина. Его летная куртка со сдувшимся газовым мешком лежали тут же.

— Что это?! — вскричал потрясение Олдтрик. — Кто кого пленил?! Ретиф, вы... А он...

— Все нормально, Ваше Превосходительство, — успокоил начальника Ретиф.

— Я сейчас оставлю ненадолго с вами Его Гроасское Превосходительство, если не возражаете? Я имел с ним небольшой разговор и теперь, думаю, у него есть о чем побеседовать с вами. Остальные наши коллеги прибудут с минуты на минуту.

— Нет! Вы не можете... — закричал отчаянно Олдтрик, но вдруг оборвался на полуслове, увидев приближающуюся огромную черную тень. — Проклятье! Это замаскированное облако опять летит на нас!

— Ничего, все нормально, — успокоил его Ретиф, снова взлетая, — теперь оно на нашей стороне.

12

Маньян толкнул локтем Ретифа.

— Честно говоря, — пробормотал он, — я страшно удивился не столько перемене позиции посла Шиша, сколько самому его появлению на том скальном уступе, когда наше облако доставило нас туда.

Разговор происходил за длинным столом в главной столовой на борту тяжелого транспорта Корпуса, который был срочно выслан на Цун с целью репатриировать группу гроасцев, застрявших здесь из—за того, что местные детишки цунеров сожрали их корабль вместе со всем оборудованием, палаточным городком и продовольственными запасами.

— Полагаю, все дело в том, что он испытал неслабые душевные потрясения на поверхности планеты, — ответил Ретиф. — Это на многое раскрыло ему глаза.

— По—моему, наши послы согласились на вполне справедливом разделе сфер влияния, — продолжал Маньян. — По—моему, гроасцы с величайшим удовольствием согласились собственными силами огородить барьерами ту половину планеты, которая заселена этими бесчинствующими детьми цунеров, и осуществлять за ними надзор в ответ на сохранение им права собирать свою шерсть в сезоны линьки.

— Причем они стащили несколько шкурок уже сейчас, и я этому ни в малой степени не удивляюсь, — подключился к разговору полковник Смартфингер. — Впрочем, цунеры

вроде бы и не возражают особенно, а, Орнкс? — Он подмигнул своему соседу за столом.

— Нет проблем, — беззаботно отозвался цунер. — Мы готовы закрывать глаза на мелкие нарушения в благодарность за то, что нам вернули счастье ходить по твердой земле.

Во главе стола раздался какой—то дребезжащий звук. Все взоры обратились туда. Оказалось, что это посол Олдтрик постукивает по своему стакану вилкой с целью привлечения внимания присутствующих. Увидев, что он добился нужного результата, господин посол торжественно поднялся.

— Джентльмены и... — он немного смешался, скосив глаза на гроасцев и цунеров, сидевших за столом рядом с землянами, — словом, господа! Счастлив сообщить вам о подписании цуно—земного соглашения, в соответствии с которым нам, землянам, передаются все права на коралловую гору. Отныне мы имеем возможность распоряжаться ею по нашему усмотрению, и мы построим на ее вершине наше представительство и канцелярию. Тем самым мы обезопасим себя от тех отвратительных малявок... э—э... То есть я хотел сказать, от тех простодушных... э—э... игривых... — Голос посла потух, а сам он едва не задымился под яростными взглядами нескольких десятков розовых глаз.

— Если он хоть один еще раз употребит в своей речи подобные эпитеты в отношении наших детей, я ухожу! — во всеуслышание объявил Кой.

— Так, выходит, нас снова загонят на верхушку того мрачного небоскреба?! — простонал Маньян. — И каждое утро придется заново натягивать на себя эту чертову летную куртку?!

— Вот! — торжествующе воскликнул Олдтрик, радуясь перемене темы разговора. — Я не мог не слышать вашу реплику, любезнейший Маньян. И рад сообщить, что сегодня днем я в значительной степени... Да что там, в значительной степени!.. Коренным образом усовершенствовал мое летное снаряжение! Смотрите все!

Все взоры обратились на посла землян, который вдруг мягко оторвался ногами от пола и повис в воздухе на высоте шести футов, слегка побалтывая ногами.

— Не могу не вспомнить о том, что некоторую помощь в отдельных э—э... технических вопросах мне оказал господин Ретиф, — проговорил он, глядя, как под ним быстро собирается толпа дипломатов, оспаривающих право первого поздравления с удачным изобретением.

— Батюшки! Смотрите, у него нет за спиной баллона с газом! — воскликнул Маньян, присоединяясь к группе почитателей технического гения посла Олдтрика. — Как это у него получается?!

— Очень просто, — хмыкнул Кой. — У него полные карманы цунерских спор в стручках. Отличного качества!

Позади раздалось раздраженное шипение посла Шиша. — У меня такое впечатление, что нас, гроасцев, опять обскакали!

С этими словами Шиш покинул залу.

— Он получил то, чего хотел, не так ли? — хмыкнул довольно Маньян.

— Да, — подтвердил Ретиф. — Несчастный! Он принадлежит к той категории дипломатов, которые всегда хотят не то, что надо.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 7
ЗАМОРОЖЕННАЯ ПЛАНЕТА 40
ПРОТОКОЛ 78
ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 100
ПОЛИТИКА 128
КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН 166
ЗАПЕЧАТАННЫЙ ПРИКАЗ 194
ДВОЙНОЙ ТРЮК 217
ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК 242
ПЛЕТЕНАЯ СТРАНА ЧУДЕС 285
ГИГАНТСКИЙ УБИЙЦА 318
ФОКУС-ПОКУС, ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ДИПЛОМАТИЯ ... 345
БРОНЗОВОЕ БОЖЕСТВО 388
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ 435
ПРЕДКИ ГЕРОЕВ 471
ЛЕС НА НЕБЕСИ 506

Старая ФАНТАСТИКА, но воспринимается по-новому, благодаря оригинальным иллюстрациям.